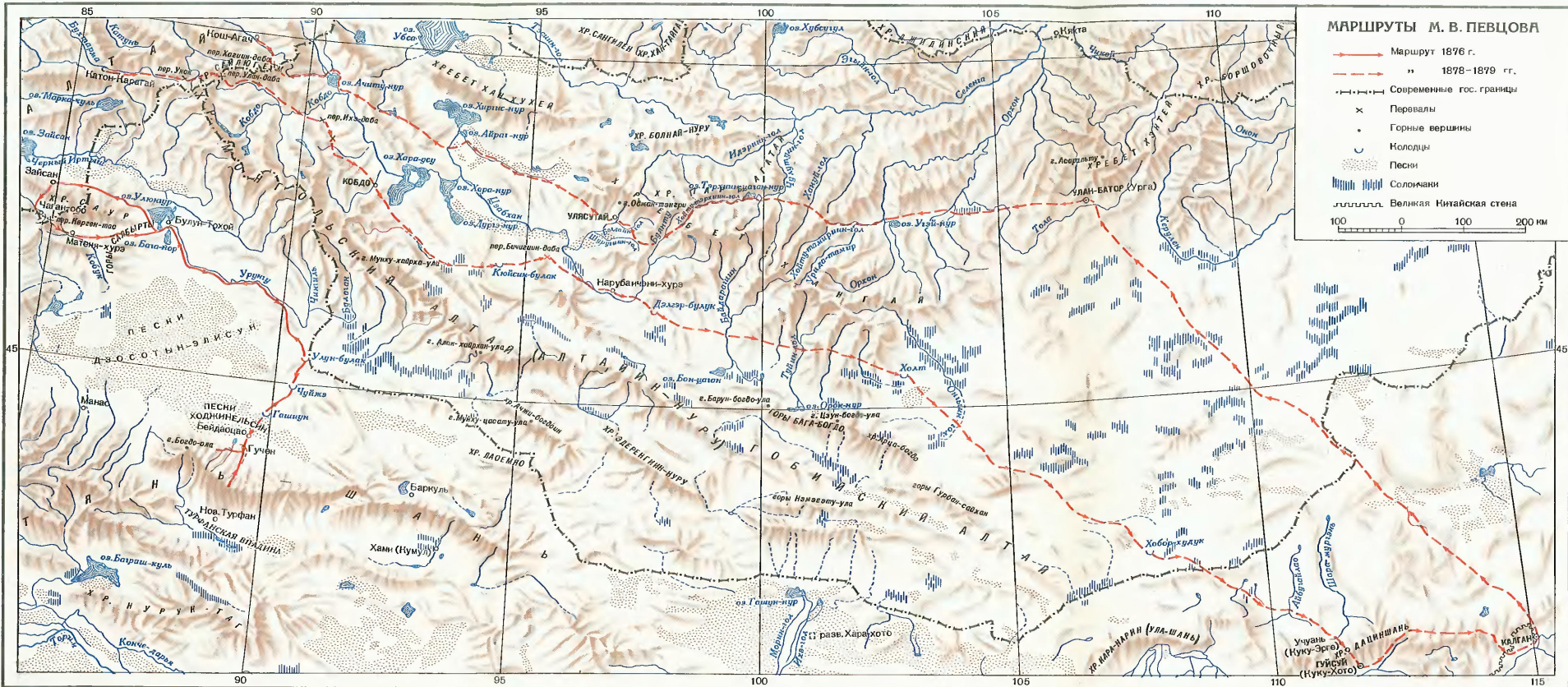

М. В. Февцов

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО
КИТАЮ и МОНГОЛИИ

М. В. Певцов

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО
КИТАЮ и МОНГОЛИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1951

*Под редакцией и с комментариями
Я. А. Марголина*

ОТ РЕДАКТОРА

В 1949 г. Государственное издательство географической литературы выпустило в свет отчетный труд М. В. Певцова о его наиболее крупной экспедиции в Центральную Азию¹. Тексту самого отчета Певцова в этой книге предпослана биографическая статья о путешественнике, к которой мы и отсылаем читателя, интересующегося более подробными сведениями о жизни и исследовательской деятельности этого замечательного русского исследователя Монголии и Китая.

В настоящем кратком предисловии мы приведем лишь немногие важнейшие сведения из биографии путешественника и укажем на основные итоги его научной деятельности.

«Путешествие в Кашгарию и Кун-лунь» содержит описание хода и научных результатов так называемой Тибетской экспедиции — третьей и последней экспедиции, совершенной М. В. Певцовым.

Эта экспедиция окончательно закрепила за ним славу одного из крупнейших исследователей природы Центральной Азии и прочно поставила его в первый ряд замечательных русских путешественников. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, М. В. Певцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, П. К. Козлов, В. И. Роборовский, В. А. Обручев — вот блестящая плеяда пионеров исследований в глубине Азиатского материка, чьими трудами были открыты для науки огромные пространства от Хингана на востоке до Тибета на юге, Памира и Тяньшаня на западе.

Результаты Тибетской экспедиции трудно переоценить. Достаточно привести хотя бы следующие цифры, чтобы охарактеризовать ее научную плодотворность. Маршрутной съемкой было положено на карту около 10 000 кв. км; точными измерениями, производившимися в большинстве случаев самим Певцовым — первоклассным геодезистом и астрономом,

¹ «Путешествие в Кашгарию и Кун-лунь». В первом издании, выпущенном в 1895 г., книга называлась: «Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1900-м годах».

было определено географическое положение 50 пунктов, а в 10 из них сделаны и магнитные наблюдения; была определена высота 350 вершин различных горных групп на маршруте экспедиции.

Участие в экспедиции П. К. Козлова, В. И. Роборовского и К. И. Богдановича, впоследствии известных благодаря самостоятельным исследованиям в Центральной Азии, новая методика полевых исследований, принятая М. В. Певцовым, а также правильная организация научных работ во время путешествия, дали возможность произвести обстоятельные специальные исследования по зоологии, ботанике, геологии и собрать обширные коллекции¹.

Однако приведенные выше цифры иллюстрируют только часть результатов этой экспедиции. Другая часть заключена в самих фундаментальных отчетах участников экспедиции, и в первую очередь в отчете М. В. Певцова, и состоит в чрезвычайно интересных, местами очень ярких, общегеографических и этнографических описаниях.

Труды всех участников Тибетской экспедиции были опубликованы в трех томах. Первый том содержит отчет начальника экспедиции — М. В. Певцова. О нем мы уже упоминали выше.

Том второй был написан К. И. Богдановичем и излагал результаты его геологических исследований. Он вышел в свет в 1892 г. под названием: «Геологические исследования в Восточном Туркестане».

Третий том — «Экспедиции в сторону от путей Тибетской экспедиции», написанный В. И. Роборовским и П. К. Козловым, содержит описание и научные итоги многокилометровых боковых маршрутов, в которых помощники М. В. Певцова проводили весь комплекс географических наблюдений самостоятельно.

Своим маршрутом Тибетская экспедиция пересекла Кашгарию от Тянь-шаня через Яркенд, обследовала западную часть хребта Кунь-луня и посетила северные пределы Тибетского нагорья. На обратном пути экспедиция обогнула с востока пустыню Такла-макан и пересекла Восточный Тянь-шань и Джунгарию по дороге от Урумчи к Зайсану.

История организации Тибетской экспедиции возвращает нас к 1888 г.; в августе этого года замечательный первоисследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский выехал из Петербурга в исходный пункт своей пятой центральноазиатской экспедиции — в город Каракол.

1 ноября, после недолгой, но тяжелой болезни, Н. М. Пржевальский скончался. Экспедиция, совершенно готовая к путешествию, уком-

¹ Зоологические сборы экспедиции были представлены 60 видами млекопитающих, 220 видами птиц, 20 видами рыб, 40 видами земноводных и пресмыкающихся и около 200 видов насекомых. Гербарий заключал в себе до 700 видов растений. К. И. Богданович собрал весьма интересную и богатую коллекцию горных пород.

плектованная личным составом и необходимым снаряжением, осталась без руководителя.

Удаленность и труднодоступность территорий предполагаемых исследований, сложность задач по изучению почти неизвестных районов требовали в качестве начальника этой экспедиции опытного путешественника и образованного естествоиспытателя.

Русская географическая наука и в частности Русское Географическое общество, которое организовывало эту экспедицию, располагали тогда рядом опытных и знающих исследователей Центральной Азии. К таким исследователям принадлежал и М. В. Певцов, которому, по ходатайству Географического общества, и поручили руководство реорганизованной экспедицией Пржевальского.

В то время заслуги М. В. Певцова перед русской географией, определившие его назначение начальником большой и ответственной экспедиции, выражались в блестящих результатах двух первых его путешествий в Центральную Азию, отчеты о которых составляют содержание настоящего тома.

* * *

Маршрут первой, Джунгарской, экспедиции М. В. Певцова, с которым читатель подробно познакомится в этой книге, можно разделить на две части.

Из них первая — от Зайсана и до китайского города Булун-тохоя — проходила ранее Певцова другими русскими путешественниками: об этой части уже имелись некоторые сведения в литературе, и она относительно неплохо была изобразжена на картах.

Вторая часть маршрута — от Булун-тохоя до расположенного в предгорьях Тянь-шаня на юге Джунгарии города Гучена — была совершенно неизвестна науке и впервые обследовалась М. В. Певцовым.

О значении отдельных результатов этой экспедиции и о их месте в ряду других русских исследований в Китае читатель, по мере ознакомления с этой книгой, узнает из наших комментариев, помещенных в конце книги.

Здесь мы остановимся лишь на главнейших общих итогах джунгарского путешествия.

Прежде всего, оценивая путешествие в Джунгарию, так же как и следующее — через Монголию в Китай, — следует помнить, что они совершались Певцовым не в составе специальной научной экспедиции, не со специально научной целью. В обоих случаях М. В. Певцов мог заниматься географическими и этнографическими наблюдениями и исследованиями не там, где они представляли наибольший интерес, а лишь по маршруту движения торгового каравана, который он сопровождал как

начальник конвоя. Это обстоятельство, конечно, ограничивало исследовательские возможности М. В. Певцова.

Однако, несмотря на это, а также и на то, что, отправляясь в Джунгарское путешествие, Певцов не имел никакого опыта в проведении экспедиционных географических исследований, он все же сумел собрать обширные и разносторонние материалы о природе и населении Джунгарии и хорошо описать эту страну по пути движения каравана.

Маршрутной съемкой во время этой экспедиции было положено на карту 900 км пути, из которых, как мы уже говорили, большая часть вообще не была известна науке; весьма точными астрономическими наблюдениями были определены географические координаты 6 пунктов; для 17 пунктов с помощью барометра была определена их высота над уровнем моря, для 4 пунктов были вычислены величины магнитного склонения.

Кроме этих сведений по топографии значительной части Джунгарии, экспедиция собрала многочисленные материалы о животном мире, растительности и геологии страны.

Джунгарская экспедиция отличалась от последующих путешествий М. В. Певцова обилием геологических и минералогических наблюдений и сборов. Материалы Певцова по геологии явились в то время для ряда районов Джунгарии наиболее полными.

Из сведений о животном мире, собранных Певцовым, особый интерес представляют записи путешественника о диких верблюдах, обитавших в пустыне к северу от Гучена, и о больших стадах диких лошадей в степях между р. Урунгу и Гученом.

Большую научную ценность представляли и зоологические коллекции М. В. Певцова, насчитывавшие 18 видов млекопитающих и 62 вида птиц.

Обращаясь к ботаническим наблюдениям М. В. Певцова в Джунгарском путешествии, следует особо отметить его характеристику растительности на северном склоне Тянь-шаня и описание распространения различных древесных пород в зависимости от высоты над уровнем моря.

Оценивая результаты Джунгарской экспедиции М. В. Певцова, вице-президент Русского Географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Этим замечательным путешествием М. В. Певцова достигалось в значительной мере то, к чему так стремилось Географическое общество еще в прошедшем периоде, а именно, обстоятельное исследование озера Улюнгур, или Кызыл-баша, а также юго-восточной оконечности Алтая и промежутка, отделяющего его от Тянь-шаня, наконец, первое знакомство с наиболее прославленной туземными географическими источниками, из тяньшанских вершин, горой Богдо-ола, не говоря уже об определении высоты снежной линии в виду снежной вершины Богдо-ола.

В превосходной своей статье «Путевые очерки Джунгарии», служащей лучшим украшением первой книжки «Записок» Западно-Сибирского

отдела Русского Географического общества, вышедшей в Омске в 1879 году, М. В. Певцов обнаружил мастерское умение описывать и характеризовать виденные им местности и сразу стал в ряды выдающихся деятелей Общества»¹.

Широта географических исследований, охвативших многие стороны своеобразной природы Джунгарии и жизни ее населения, высокая точность этих исследований и их обстоятельность, — все это нашло свое отражение на страницах отчета путешественника и привлекло внимание многих географов и геодезистов того времени. За этот труд Русское Географическое общество наградило М. В. Певцова Малой золотой медалью и еще задолго до выхода отчета в свет уже ходатайствовало о посылке его в следующую экспедицию в Монголию и Китай.

Поводом к снаряжению экспедиции в Монголию и северные провинции Китая послужило сообщение, полученное Географическим обществом о том, что летом 1878 г. бийские купцы отправляют большой караван с маральими рогами (пантами) из города Кобдо (Западная Монголия) в город Гуй-хуа-чен, или, как его называют монголы, Куку-хото — Голубой город (ныне Гуйсуй, главный город провинции Суйюань).

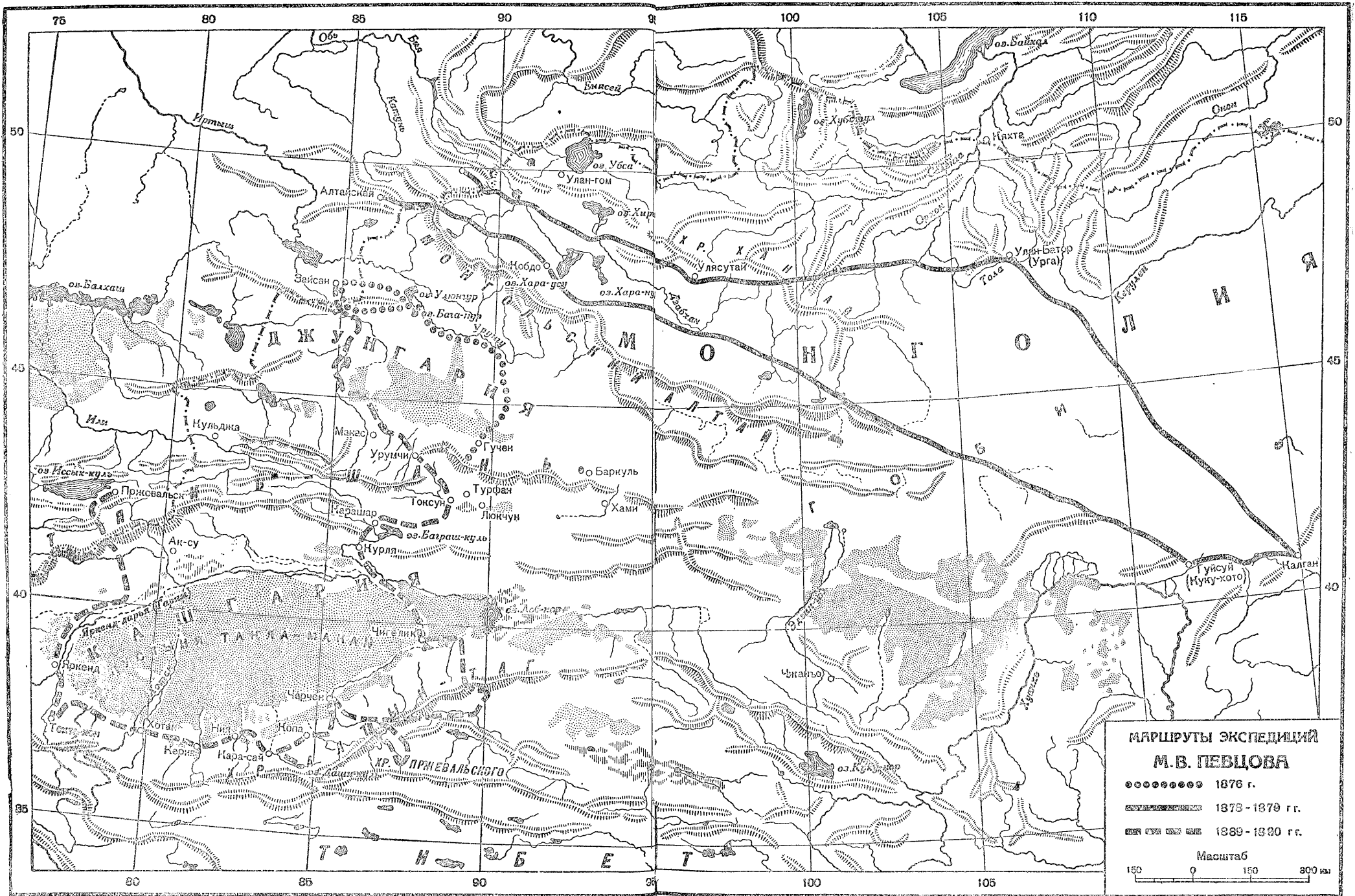
Маршрут каравана должен был пройти по местам еще совершенно неисследованным, а частично даже и не посещавшимся европейцами. В связи с этим Географическое общество решило направить с ним опытного исследователя — географа и геодезиста для проведения топографической съемки, астрономических определений долгот и широт и других естественно-исторических изысканий на пути следования каравана.

Сведения об истории организации экспедиции в Монголию и Китай и об основных ее научных итогах читатель найдет в предисловии самого М. В. Певцова (стр. 69—70).

Анализ и характеристика отдельных частей описания маршрута и приводимых там фактических материалов даны в наших комментариях, приложенных в конце книги; там же мы сообщаем дополнительные сведения о главнейших или типичнейших географических объектах, которых касается в своем отчете путешественник.

За участие в Монгольской экспедиции, в которой М. В. Певцов проявил уже более высокое мастерство исследователя, он проделал маршрут, более чем в четыре раза превышающий маршрут Джунгарской экспедиции, и дал превосходное его описание, Русское Географическое общество наградило путешественника одной из своих высших наград — медалью Литке.

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Русского Географического общества, ч. II, 1895 г.

МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ
М. В. ПЕВЦОВА

..... 1876 г.
 ————— 1878-1879 гг.
 - - - - - 1889-1890 гг.

Масштаб

150 0 150 300 км

* * *

М. В. Певцов рос и формировался как естествоиспытатель и путешественник в эпоху, знаменательную для развития русской географии.

Родился он в 1843 г., а в 1845 г., как известно, было основано Русское Географическое общество, деятельность которого прежде всего характеризовалась крупными научными экспедициями для изучения природы и населения отдаленных и тогда еще мало известных частей России и сопредельных ей стран: Китая и Монголии, Афганистана и Персии, Турции и стран Балканского полуострова. Интересные и богатые научным материалом отчеты этих экспедиций с увлечением прочитывались и юношей Певцовым, в бытность его в юнкерском училище, и, позже, Певцовым, молодым офицером — слушателем Академии Генерального штаба.

По окончании юнкерского училища, в 1862 г., прапорщик М. В. Певцов был направлен служить в полк. Об интересах будущего путешественника в тот период свидетельствует вступление его в 1867 г. в члены Русского Географического общества.

В 1868 г. М. В. Певцов оставляет полк и поступает в Академию Генерального штаба. Одновременно с занятиями в Академии М. В. Певцов серьезно изучал в библиотеке и музее Петербургского университета естественные науки. Тогда же он научился отлично препарировать различных животных, набивать чучела, хранить энтомологические коллекции и гербарии.

К этому же времени относятся и усиленные занятия Певцова геодезией и астрономией.

Прослушав по собственному желанию курс геодезического отделения Академии, систематически посещая Пулковскую обсерваторию, Певцов в совершенстве изучил новейшие астрономические приборы и применявшиеся тогда способы и приемы астрономических наблюдений и вычислений.

Окончив в 1872 г. Академию Генерального штаба, М. В. Певцов в течение трех лет находился на военной службе в Семипалатинской области, а в 1875 г. был переведен в Омск, где служил до 1887 г.

В этом городе окончательно сложились основные направления деятельности М. В. Певцова.

Участие в двух экспедициях — 1876 г. и 1878—1879 гг., энергичная деятельность по учреждению (в 1877 г.) Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества, а затем в течение ряда лет самое активное участие в работах этого отделения — вот главнейшее в двенадцатилетней жизни Певцова в Омске.

Биография М. В. Певцова была бы не полной, если бы мы не остановились на одном весьма кратком, но и весьма показательном для характеристики путешественника периоде его жизни.

В 1875 г. М. В. Певцова пригласили преподавать географию в Омскую военную гимназию. Его преподавательская деятельность продолжалась недолго: в 1876 г., как известно, он уже отправился в свое первое путешествие в Джунгарию и, по имеющимся сведениям, к преподаванию более не возвращался.

Однако и за этот короткий период М. В. Певцов проявил в новой для него педагогической деятельности много самобытного и талантливого, что оставило след не только в воспоминаниях его товарищей-педагогов, но и в учебной географической литературе.

М. В. Певцов быстро сумел завоевать доверие и любовь гимназистов. Он так преподавал свой предмет, что ученики не только с охотой и интересом готовили заданный по учебнику урок, но и читали специальные книги о явлениях природы, о путешествиях, по географии различных стран, астрономии и т. д.

Следует отметить что элемент творчества, который побуждал Певцова как преподавателя выходить за формальные рамки официального курса, ярко проявлялся во всей его деятельности, каких бы областей она ни касалась.

Можно с достаточной уверенностью предполагать, что именно в этот период у Певцова зародилась мысль о создании нового учебника по физической географии. Когда его писал путешественник — неизвестно, но в 1881 г., будучи в Петербурге, он напечатал эту работу в небольшом количестве экземпляров под названием «Начальные основания математической и физической географии».

В этом учебнике, рассчитанном и на самообразование и построенном методически по-новому, строгий и интересно подобранный научный материал излагается простым и ясным языком. Учебник-самоучитель Певцова, по неизвестным причинам не увидевший света, сохраняет и ныне интерес как для характеристики Певцова-педагога, так и для истории русской учебной географической литературы.

В 1887 г. М. В. Певцова, уже известного исследователя природы и населения Джунгарии и Монголии, вновь переводят в Петербург.

Петербургский, последний, период жизни М. В. Певцова ознаменовался не только проведенной им в эти годы Тибетской экспедицией и отчетом о ней, вошедшим в фонд классической литературы по географии Центральной Азии, но и рядом прекрасных научных статей¹.

В этих статьях М. В. Певцов — географ-исследователь, геодезист и астроном, высокообразованный теоретик и искусный практик—приводит новые фактические материалы, делает интересные выводы и научные обобщения.

¹ Полный список печатных трудов М. В. Певцова прилагается в конце книги.

В частности, в этот период, в 1887 г., Певцов опубликовал статью «Об определении географической широты по соответственным высотам двух звезд». В статье излагалось основное содержание найденного Певцовым нового способа определения широты. Ныне способ Певцова широко известен астрономам и геодезистам, и его описание имеется в каждом учебнике по практической астрономии.

Из других статей Певцова большой интерес для географов представляла статья «Климат Кашгарии», где приведены обстоятельные сведения о климате этой малоизвестной тогда страны.

М. В. Певцов, страстно любивший науку и обладавший большими знаниями, почерпнутыми при изучении литературы и во время длительных путешествий, еще много бы сумел дать для познания стран Центральной Азии, если бы его плодотворную жизнь преждевременно не оборвала тяжелая болезнь. Умер М. В. Певцов 25 февраля (ст. ст.) 1902 г. в возрасте 59 лет.

После ближайшего знакомства с научной деятельностью М. В. Певцова, он представляется нам замечательным географом-путешественником прошлого века, обогатившим науку новыми исследованиями в труднодоступных областях Центральной Азии; в лице Певцова наука имела талантливого астронома и первоклассного геодезиста, искусством которого весьма точно вычислено географическое положение многих пунктов, определена высота ряда горных вершин и измерено магнитное склонение для многих точек Монголии и Китая.

Но Певцов был не только блестящим натуралистом-исследователем, он был и энтузиастом-общественником в науке, усилия которого способствовали учреждению и развитию Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества; он был также способным и оригинальным педагогом, создавшим учебник, методически по-новому для своего времени решавший вопросы преподавания физической географии.

* * *

Труды М. В. Певцова, вошедшие в настоящее издание, расположены в хронологическом порядке. Первую часть книги составляют «Путевые очерки Джунгарии» — отчет об экспедиции 1876 г., — публикуемые без всяких сокращений.

Вторая часть книги — «Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая» — является отчетом об экспедиции 1878—1879 гг.; этот труд был редакцией несколько сокращен за счет главы о русской торговле в Монголии. Материалы этой главы, интересные для весьма узкого круга специалистов, в наше время оказались чрезвычайно устаревшими, а выводы, сделанные на их основании Певцовым, — в значительной части неверными.

Остальные главы «Очерка...» переиздаются почти полностью, за исключением незначительных сокращений мест, не представляющих интереса для современного читателя. В большинстве случаев изъятые места содержали такие описания народов Центральной Азии, для которых Певцов использовал не результаты своих личных наблюдений, а некритически воспринятые рассказы третьих лиц.

В связи с этим следует сказать несколько слов вообще о Певцове-этнографе, так как читатель на страницах его книги неоднократно встретится с описаниями быта, нравов и хозяйства населения стран, посещенных путешественником. Этнографические описания Певцова — в большинстве случаев результаты его личных наблюдений — характеризуют путешественника как тонкого и разностороннего исследователя и в известной мере сохраняют научную ценность до настоящего времени. Однако, когда М. В. Певцов, делая на основании этих наблюдений обобщения и выводы, вдается в область исторических и социально-политических вопросов, он неизменно впадает в грубые ошибки. И это естественно — здесь сказываются теоретическая неподготовленность М. В. Певцова к такого рода исследованиям и присущая его идеологии буржуазная ограниченность.

Тем не менее, повторяем, фактические материалы Певцова по этнографии интересны и дают представление о жизни народов Китая и Монголии второй половины прошлого столетия.

Читателю следует помнить также, что в настоящем издании транскрипция китайских и монгольских географических названий сохранена такой, какой она была принята М. В. Певцовым. Исключение сделано для названий: «Джунгария» и «Лхаса» (вместо «Чжунгария» и «Хласса» у Певцова), так как такое написание их принято на всех современных отечественных картах и в советской географической литературе. В комментариях, дополняющих на основании новых научных данных описания Певцова, приводится и современная транскрипция названия географического объекта, которому посвящен комментарий. Некоторые краткие пояснения, касающиеся в частности и транскрипции, даются нами непосредственно в тексте М. В. Певцова в квадратных, редакторских, скобках.

В конце этой книги прилагается карта территорий, пересеченных маршрутами М. В. Певцова во время Джунгарской и Монгольской экспедиций. Карта составлена на современной топографической основе, так как картографические материалы, использованные в первом издании, сильно устарели и во многом оказались уже неверными.

В обоих отчетах, составляющих настоящую книгу, М. В. Певцов приводит уже не употребляющиеся латинские названия животных и растений; поэтому в конце книги помещены списки старых и новых латинских и соответствующих им русских названий животных и растений.

В этом издании остались без изменений и вышедшие ныне из употребления системы мер. Для удобства читателя в конце книги помещена табличка перевода мер, употреблявшихся Певцовым, в метрические.

Заканчивая это краткое предисловие, пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Э. М. Мурзаеву за ценные советы по подготовке к печати публикуемых трудов М. В. Певцова и А. Г. Банникову, которому принадлежит редакция зоологической части настоящего издания, составление и проверка списка названий животных и некоторые комментарии¹.

* * *

Более 70 лет отделяют нас от того времени, когда М. В. Певцов совершал свои первые путешествия. После него в тех же местах побывали многие русские ученые-исследователи, были добыты новые и обширные научные сведения о природе Монголии и Китая, новые материалы о хозяйственной деятельности и быте населяющих их народов.

За эти 70 лет произошли величайшие изменения в судьбах русского народа, в судьбах русской науки. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла неограниченные возможности для творческого развития научной мысли.

В этот же период совершились замечательные события и в Монголии, которая ныне при дружеской помощи советского народа идет по пути к социализму, успешно развивая свое народное хозяйство, развивая свою национальную науку и культуру.

В 1949 г. образовалась Китайская Народная Республика. Китайский народ, возглавляемый китайской коммунистической партией, в борьбе с феодализмом строит новую свободную и счастливую жизнь. Освобожденные от ярма империализма народы Китая по-новому, по-хозяйски приступили к изучению природы своей родины, к исследованию ее колоссальных природных богатств.

Однако и в наши дни в трудах М. В. Певцова читатель найдет много интересного, а ученый почерпнет и поныне ценные научные сведения о людях и природе мест, по которым прошли маршруты путешественника.

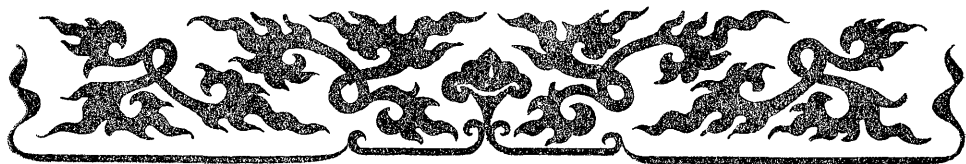
Я. Марголин.

¹ А. Г. Банниковым составлены следующие комментарии: 8, 9, 23, 24, 31, 43, 54, 79, 104, 115, 120, 128, 129, 135.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ
ДЖУНГАРИИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ДЖУНГАРИИ

Для прикрытия хлебного каравана, отправляющегося в мае 1876 г. из Зайсанского поста в китайский город Гучен, от появившихся в то время близ нашей границы дунганских шаек⁽¹⁾ был назначен конвой в составе казачьей сотни, одна полусотня которой должна была сопровождать караван до самого Гучена, а другую велено было оставить в лежащем на пути к Гучену г. Булун-Тохое для конвоирования следующих хлебных транспортов. Начальство над сотнею возложено было на меня, причем мне поручено было также собрать по возможности подробные сведения о стране, по которой должен был следовать караван, в особенности на пространстве между Булун-Тохоем и Гученом, где до того времени не случилось еще бывать никому из путешественников.

Напутствуемые пожеланиями счастливого пути и благополучного возвращения, мы выступили из Зайсанского поста 16 мая и, сделав небольшой переход, остановились на ночлег в проходе Джан-Тиль горного хребта Манрака, через который пролегает дорога на высокоую Чиликтинскую равнину, лежащую к югу от этого хребта. Вершины Манрака, далеко не достигающие снежной линии, уже были покрыты свежей зеленью и перед солнечным закатом блестели мягким, золотистым светом, отражавшимся приятным колоритом и на соседних обнаженных утесах и скалах. Мы раскинули наши юрты на берегу живописного горного ручейка, струившегося среди ущелья; казаки развели костры и вскоре принялись за ужин; между тем сопровождавшие караван киргизы совершали свою вечернюю молитву: разостлав широкий войлок на земле, они выстроились в шеренгу, лицом к западу и начали взывать монотонно и уныло к аллаху, сопровождая эти взывания своими оригинальными знаменьями, коленопреклонением и частыми земными поклонами.

На следующий день мы продолжали подниматься тем же проходом. Вскоре на нас повеяло холодом, несмотря на то, что день был тихий и такой же солнечный, как накануне, когда на соседней северной равнине уже порядочно пекло. На пути мы часто встречали каменных куропаток (*Pedix shukar*), которые водятся здесь во множестве. Эти красивые куропатки, называемые киргизами кикиликами, больше бегают, чем летают, скрываясь поспешно от своих преследователей между камнями. Поэтому и держатся они преимущественно около каменистых ущелий, а также поблизости полуразрушенных скал и гольцов, подходящих по своей окраске к цвету их оперения. Коль скоро кикилики завидят хищника, быстро

спешат к камням и скрываются в промежутки между ними. Киргизы-охотники часто пользуются такими случаями, добывая их оттуда живьем.

Поднимаясь все тем же проходом, мы, наконец, достигли высшей точки перевала и по весьма отлогому спуску сошли на высокую Чиликтинскую равнину, где и остановились на ручье Ащи-булаке на ночлег. Окрайний хребет Манрак возвышается над этой равниной, повидимому, не более 500 футов, тогда как относительная высота его гребня над соседней северной равниной простирается по крайней мере до 2 400 футов.

С ручья Ащи-булака мы направились к юго-востоку по ровной каменистой поверхности Чиликтинской нагорной равнины. Дорога, по которой мы шли, представляет прекрасное естественное шоссе, но местность по сторонам весьма непривлекательна: повсюду щебень, галька, гравий и дресва, лишь кое-где пробиваются из почвы тощие колючки и низкорослый вереск; вокруг не видно ни деревца, ни единого возвышения среди этой необъятной равнины. Только присутствие дроф (*Otis tarda*) оживляет ее несколько. Длинными вереницами переносятся они с места на место тяжелым, неуклюжим полетом и, спустившись на землю, преважно расхаживают, поклевывая и озираясь по временам. Дрофы очень любят эту равнину и не покидают ее в течение всего времени, которое проводят в тех местах: сюда слетаются они многочисленными стаями еще в конце апреля, тут же гнездятся и только в октябре покидают Чиликтинскую равнину, отлетая на юг. Вероятно, открытая на обширном пространстве местность, а отчасти, быть может, и дресвяная почва Чиликтинского плоскогорья привлекают их сюда.

Высота местности, по которой мы следовали, дала себя почувствовать: несмотря на 18 мая, погода стояла такая холодная, как в глубокую осень. Впрочем, на этой нагорной равнине, высоту которой наши казаки определили весьма оригинально, сказав, что отсюда «небо можно достать пикой», не только весна, но даже и лето бывает прохладное, при облачном небе и порывистых С.-В. ветрах, дующих со стороны снежных гор, становится уже совсем холодно. Недели за две до нашего прихода, следовательно в первых числах мая, здесь выпал снег в пол-аршина и лежал несколько суток, между тем как на нижележащей северной равнине его не стало уже с 10 марта.

После 28-верстного перехода по однообразной, монотонной местности мы достигли юго-восточного угла плоскогорья и тут на урочище Чоган-обо, месте летней стоянки одного из наших пограничных отрядов, расположились на ночлег.

Здесь мы должны прервать на время наш рассказ, для пояснения которого необходимо сделать краткий орографический очерк описываемой горной страны и сообщить кстати отрывочные сведения о геогностическом [геологическом] устройстве обследованных в восточной ее части мест.

* *

В пространстве между озерами: Нор-Зайсаном, Улюнгуром, Алакулем и Балхашем, начиная почти от г. Сергиополя на западе, простирается в восточном направлении вплоть до оз. Улюнгур в китайских пределах горная страна, состоящая из нескольких сочленяющихся и обособленных краяхей и горных групп с тремя обширными плоскогорьями. На крайнем западе эта страна начинается невысоким, но ветвистым и скалистым хребтом с отдельными на севере высотами, который по мере

простирая на восток постепенно возвышается и получает название Тарбагатай. На меридиане западной оконечности оз. Нор-Зайсан этот хребет достигает наибольшей высоты и отделяет тут от себя на С.-В. короткую, но широкую и плоскую ветвь — Терс-айрык. Далее к востоку Тарбагатай понижается, но, образовав Бургасутайский проход, начинает снова постепенно возвышаться и вскоре примыкает к другому самостоятельному члену той же системы.

К северу от Тарбагатай и почти параллельно ему идет с С.-З. на Ю.-В.-В. другой горный кряж — Манрак, уступающий несколько Тарбагатаю в высоте, а между ним, Тарбагатаем и Терс-айрыком лежит высокая Чиликтинская равнина, поднимающаяся средним числом на 4 200 футов над уровнем моря и представляющая в западной своей части плоское, болотистое углубление Кызыл-Чиликты, из которого берет начало речка Канды-су. На востоке Чиликтинская нагорная равнина замыкается обширную горной группой, состоящую из многих тесно сплоченных между собой масс (Мумсук-тау, Джюрэ-тау, Майли-кара, Куль-тау, Мункёджурга с озером на вершине, Кергентас, Корбун-куль, Крё-ундыр и др.), представляющих в целом весьма высокое вспучение в виде удлиненного по направлению с С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. горба, от которого отходят к Ю.-В. и Ю.-З. два резко очерченные горные хребта Семис-тау и Уркашар, оканчивающиеся в соседней пустынной равнине⁽²⁾.

В северо-восточном углу Чиликтинского плоскогорья хребет Манрак и горная группа, окаймляющая это плоскогорье с востока, не сочленяются непосредственно, а как бы упираются в самый высокий хребет всей системы Саур, который получает тут начало. Поднявшись быстро в этом месте, Саур идет оттуда сначала на С.-С.-В., но потом поворачивает прямо к востоку и близ государственной границы, уже в китайских пределах, достигает наибольшей высоты. Высшая точка Саура — вершина главной горы в обширной снежной горной группе Мус-тау (ледяные горы), по определению Мирошниченко в 1873 г., поднимается на 12 290 футов над уровнем моря, а самая группа Мус-тау — единственная во всей системе снежная. По определению того же наблюдателя, линия вечно снега лежит здесь на высоте 11 539 футов¹. Далее на восток Саур постепенно понижается и в 30 верстах от оз. Улунгура рассыпается на отдельные плоские возвышения, которыми и оканчивается близ Ю.-З. берегов озера.

Место, где этот массивный хребет достигает наибольшей высоты, т. е. область снежной группы Мус-тау, отличается обилием горных ручьев, ниспадающих отсюда преимущественно по северному склону хребта и сливающихся в многоводные речки, из которых, впрочем, ни одна не достигает Черного Иртыша и оз. Нор-Зайсан.

Оба склона Саура почти одинаковы по крутизне, но в очертании их есть некоторая разница, именно южный склон беднее северного поперечными ущельями и вообще менее зазубрен, чем северный. В расчленении Саура на севере и юге существует также различие: на юге он не отделяет от себя ни одной отрасли, между тем как на севере его сопровождают многие горные массы, состоящие с ним в связи (Сайкан, Кызыл-Туксум, Май-Капчагай, Арчалы, Кызыл-адыр, Джаман-адыр, Джаралган, Кишкинэ, Кызыл-адыр, Май-Чилик, Ургур-кара, Даргайчи и Джуван-кара) и группирующиеся у северных подножий центральной и западной части хребта.

¹ Рукопись Мирошниченко, хранящаяся в топографическом отделе штаба Зап. Сибирского военного округа.

Горных проходов в Сауре считается до 10, но все они совершенно неудобны для колесной езды и распределены неравномерно по длине хребта: в восточной части их гораздо больше, чем в западной, где можно указать только два перевала Карагайты и Салбурты, лежащие восточнее снежной группы Мус-тау.

В тупом углу (под которым хребты Саур и Манрак сходятся), обращенном отверстием к северу, возвышается в виде общего к ним предгорья холмисто-скалистое плоскогорье Кишкинэ-тау (маленькие горы), прорезанное многими поперечными ущельями.

Таким образом, высокая Чиликтинская равнина со всех сторон замкнута горами: на севере—хребтом Манраком, на востоке — помянутою горною группой и отчасти Сауром, на юге — Тарбагатаем и на западе — отрогом последнего Терс-айрыком. Склоны этих крайних хребтов и горной группы, обращенные внутрь, к плоскогорью, гораздо отложе наружных, или внешних склонов, а потому во всех горных проходах, ведущих извне в эту замкнутую землю, подъемы на пути туда несравненно круче спусков, в особенности в южных [проходах].

Чиликтинское плоскогорье сообщается с соседними равнинами шестью горными проходами: Джан-Тилем на севере, Чоган-обинским и Кергентасом на востоке, Баймурзинским и Бургасутайским на юге и Иссыкскими воротами на западе. Из всех этих проходов один только Чоган-обинский совершенно неудобен для колесной езды, а остальные представляют весьма порядочные колесные пути, в особенности Иссыкские ворота, через которые пролегает прямая дорога из г. Кокпекты на уроч. Чоган-обо и далее в китайские пределы.

Южнее Саура и параллельно ему тянется горная цепь, известная на большей части своего протяжения под названием Салбуртинских гор и только в западной части называемая сначала горами Адрык-кара, а потом Аргалты. Уступая в высоте Сауру, эта цепь на западе не сочленяется с горною группой, окаймляющею Чиликтинскую равнину с востока. Между ними образуются широкие ворота, через которые течет на Ю.-В. многоводная речка Кобук. На восток же эта цепь простирается весьма далеко и с небольшими перерывами достигает отрогов Южного [Монгольского] Алтая на левом берегу р. Урунгу. Между этой цепью и Сауром заключается высокая равнина Кобу, поднимающаяся средним числом на 4 890 футов над уровнем моря и постепенно склоняющаяся в восточном направлении.

К северу от Саура, в параллельном почти с ним направлении, простирается ряд коротких, сочленяющихся между собой, но не связанных с Сауром, кряжей, из которых наиболее значительные носят названия: Нохой, Джалды-кара, Коксун, Уш-кара и Нарын-кара. Последний простирается близ С.-З. нагорного берега оз. Улюнгур. Между этими кряжами и Сауром лежит нагорная равнина, достигающая 2 730 футов средней абсолютной высоты и склоняющаяся, подобно равнине Кобу, постепенно к востоку⁽³⁾.

В геогностическом отношении описываемая горная страна, исключая хребет Тарбагатай, почти совершенно неизвестна, хотя в восточной ее половине нами и были произведены местами беглые исследования, но они, по весьма ограниченному числу мест наблюдений, совершенно недостаточны для того, чтобы служить прочными точками опоры для обобщений и выводов как о геогностическом строении целых членов этой части поднятия, так равно и о взаимодействии сил, участвовавших в их образовании.

Поэтому мы должны ограничиться лишь краткими, отрывочными очерками только тех местностей, в которых сделано было достаточное количество наблюдений, для того чтобы дать хотя слабое представление об их геогностическом устройстве.

В окрестностях Зайсанского поста, в холмисто-скалистом плоскогорье Кишкинэ-тау и в восточной части хребта Манрака нами было осмотрено довольно значительное число обнажений в здешних многочисленных ущельях и на больших высотах в скалах и гольцах. Преобладающие породы этой части поднятия суть порфириды и темнобурые кремнистые глинистые сланцы. Порфириды в особенности распространены в западной части гор Кишкинэ-тау и в восточной части хребта Манрака, где встречается несколько разновидностей этой породы, образующей высокие обнаженные пики, а также несколько разновидностей ортоклазового бескварцевого порфира, имеющего тоже значительное тут распространение. В восточной части Кишкинэ-тау преобладают кремнистые глинистые сланцы, а к подчиненным породам принадлежат мелкозернистый гранит и отчасти мелафир, прорвавшие, по видимому, эти сланцы, подобно тому, как в западной части они были прорваны порфиром и порфиритом, местами почти их вытеснившими. Впрочем, указать в точности взаимные отношения всех этих пород и определить степень метаморфизации возможно только тщательными и многочисленными наблюдениями.

В ущельях, в глубоких междугорных котловинах и вообще в низких местах этой части поднятия нам неоднократно приходилось наблюдать сиенитовые выходы, встреченные также в двух местах на довольно значительной высоте в проходе Джан-Тиле хребта Манрака. Сиенит выходит в указанных местах на поверхность в виде плит или небольших плоских сферических бугров. Из нескольких встреченных нами тут разновидностей этой кристаллической породы чаще попадались две: крупнозернистый с черною, блестящею роговою обманкою и другой с резко очерченными, округлыми в изломе зернами тусклого амфиболя. Сиенитовых гор в этой части поднятия нам не приходилось видеть нигде, но, судя по значительному числу выходов и притом в разных, удаленных одно от другого местах, можно полагать, что этой породе принадлежат мощные месторождения в недрах описываемой части поднятия, на что указывает также присутствие множества сиенитовых галек в руслах горных ручьев, получающих начало в этих горах и текущих все время в ущельях, бока которых образуют горы, состоящие из других совершенно пород.

Известняков в этой части поднятия мы не встречали вовсе. Однако, по словам местного врача Пандера, вода в речке Джемини, на которой стоит Зайсанский пост, содержит в себе значительное количество извести, открытое им не анализом самой воды, а влияниями ее на организм, обнаруженными при вскрытиях человеческих трупов. Действительно, мы нашли в ущелье, из которого вытекает эта речка, на лугу два куса известкового туфа и гальку крупнозернистого мрамора, неизвестно откуда занесенные. То же самое можно сказать и относительно соли, которой еще до сего времени во всей окрестной местности не найдено. Между тем на южном склоне Манрака, по словам киргизов, есть несколько ручьев с солоноватой водой, получающих начало в горах. На одном из таких ручьев, называемом Ачи-булак, мы стояли на ночлеге. Вода в нем оказалась действительно солоноватой. Кроме того, при окончаниях многих здешних горных ручьев и речек на равнинах образуются солончаки, более или менее значительные, смотря по количеству испаряющейся жидкой массы. Эти пропитанные

солю пространства являются также неразлучными спутниками большинства здешних сазов, т. е. болот, образующихся из ключей, начало которых кроется все-таки в горах, а отнюдь не в пустынных, каменистых подгорных равнинах, получающих ничтожное количество атмосферических осадков. Все эти явления говорят много в пользу выщелачивания скрытых в системе соляных залежей и, быть может, вполне подтверждают справедливость выражения: *Aqua talis, qualis terra, per quam fluit*¹.

У подножия гор описываемой части поднятия и ближайших частях сопредельных с ними равнин развиты преимущественно (по крайней мере на тех глубинах, которые были доступны наблюдениям) наземные образования, состоящие из наносов с окрестных высот и отчасти продуктов тут же на месте выветрившихся горных масс. Только в одном месте, близ Зайсанского поста, мы видели штоки землистого гипса, смешанного с светлосерою глиною, в которой, однако, не найдено было никаких окаменелостей. Сверху эта глина покрыта стланыю аллювия от 3 до 5 футов толщины.

Наносы вообще состоят из обломчатых пород, извлеченных из соседних гор, с примесью мягких продуктов выветривания и перетирания. Обломчатые породы мельчают с удивительной правильностью по мере удаления от гор, что весьма хорошо заметно в крутых береговых обрывах некоторых горных речек по выходе их из ущелий на равнины. Близ подошв гор эти породы состоят из гольшей с весьма незначительным содержанием суглинка, глины или песка, далее из крупной гальки уже с большею примесью мягких пород и угловатого мелкого щебня и, наконец, почти из одного только гравия, содержащегося в небольшом количестве в неслоистых глинах и суглинке, образующих почву соседних равнин, покрытую местами растительным слоем.

Среди наземного аллювия, состоящего из галек и угловатого щебня с гравием, пересыпанных суглинком, песком или глиною, рассеяны местами, подобно небольшим островкам, отложения неслоистых глин, или вовсе не заключающих в себе этих обломков, или же содержащих только один гравий. Эти островные образования, представляющие, так сказать, включения остальной, часто чуждой им по составу массы аллювия, обязаны своим происхождением, повидимому, тут же на месте выветрившимся полевошпатовым кристаллическим массивам, подтверждением чему может служить сферическая, выпуклая в центральных частях поверхность таких островков.

Близ северных подножий Манрака и Кишкинэ-тау подобными островками отложились, между прочим, весьма посредственный каолин и прервосходного малинового цвета глина с желваками бурого глинистого железняка. К югу же от Манрака, верстах в двух от его подножия, мы встретили несколько таких островных отложений неслоистой светложелтой глины.

Чиликтинскую нагорную равнину мы пересекли только в восточной ее части. Здесь также близ дневной поверхности залегают наземные наносы с соседних гор. Обломчатые породы как на поверхности, так и в глубине мельчают по мере удаления от гор, и вместе с тем в общей массе наносов возрастает содержание мягких пород — глины и суглинка. Наносы извлечены преимущественно из Тарбагатай и обширной горной группы, замыкающей плоскогорье с востока, со стороны которых равнина имеет

¹ Т. е. вода такова, какова почва, через которую она протекает.

значительный наклон. Наши раскопки от 3 до 4 футов глубины были недостаточны для определения мощности этих наносов. Очень может быть, что описываемая местность представляла некогда более углубленную междугорную впадину, постепенно выполненную до теперешнего ее состояния нивелирующим действием воды. Любопытно было бы знать, не скрываются ли здесь под толщами аллювия озерные осадки? Но открытие их, вероятно, представит немало трудностей⁽⁴⁾.

Горная группа, окаймляющая Чиликтинское плато с востока, представляет очень мало обнажений, по крайней мере в проходе Кергентасе, по которому мы ее пересекали. В западной части этого прохода мы встречали преимущественно порфир и порфирит и изредка кремнистый глинистый сланец, но в восточной части эта последняя порода является преобладающей, перемежаясь тут местами с порфиристыми высотами.

Геогностическое строение высокой равнины Кобу, лежащей к востоку от помянутой горной группы, аналогично со строением Чиликтинского плоскогорья. Тут также распространены наземные напосы, только в западной части, близ кумирни Матэня, есть отдельные высоты из темносинего, весьма сухого, глинистого сланца. Этот сланец приподнят, должно быть, порфиром, обнажения которого мы тут встретили, и образует антиклинальные складки с падениями боков около 30° и простираением NNO—SSW. Тот же сланец встречается и у западного подножия гор Адрык-кара, образуя тут передовые уступы, но самые горы состоят из темного кремнистого сланца. Далее к востоку на всем пространстве до оз. Улюнгур, как на поверхности, так и на глубине от 4 до 5 футов, до которой простирались наши раскопки, мы не встречали ни твердых пород, ни осадочных, а одни только наносы.

Равнина Кобу имеет значительное падение к востоку и в то же время заметно склоняется с севера на юг, со стороны Саура, откуда направляются многие сухие русла временных потоков, бороздящие равнину в этом направлении, с крутыми, обрывистыми местами берегами, затрудняющими колесное движение. Поверхность равнины почти повсюду покрыта обломчатыми породами, возрастающими по величине по мере приближения к Сауру. Это отражается и на качестве самой дороги: там, где она ближе подходит к хребту, гольши и острый щебень затрудняют движение, но с удалением от него дорога становится ровнее и лучше. Наносы же здешние, как и на Чиликтинской равнине, состоят из обломчатых пород, отторженных, без сомнения, от Саура, с примесью серой и желтой тощих глин и суглинка. Однако в тех местах, где образуются источники, подпочва состоит из иловатых, довольно жирных глин. Отложением подобных глин, вероятно, и следует объяснить существование на равнине источников и едва ли залеганием в глубине твердых, непроницаемых пород, которых наши раскопки, обнаруживавшие эти глины, нигде не открывали. Начало здешних источников должно быть непременно в Сауре, потому что сама равнина получает ничтожное количество атмосферных осадков, да и, кроме того, с понижением хребта к востоку количество и многоводие родников уменьшаются, что прямо указывает на их горное происхождение. Воды, скатывающиеся с южного склона хребта, продолжают, по всей вероятности, дальнейшее движение подземным путем по непроницаемой глине и затем выходят в тех местах, где глина приближается к поверхности, на дневной свет, чтобы оживить несколько эту мертвую, однообразную равнину. Около источников часто встречаются солончаки, покрытые мясистыми и сочными галофитами, преимущественно из родов *Salsola* и *Statice*.

Южный склон Саура беден поперечными ущельями: свесы его оканчиваются здесь мягкими, округлыми очертаниями. В западной части хребта, где нами было осмотрено весьма ограниченное пространство, мы встретили исключительно порфир и только в одном месте, в довольно широкой, но короткой поперечной долине нашли выход сиенита в виде плоского бугра. В средней части нами было обследовано тоже незначительное пространство, представлявшее невысокое предгорье хребта с обнажениями кремнистого сланца, прорванного кое-где невысокими куполообразными массами красного сиенитового гранита. Еще менее известна нам восточная часть хребта, где мы в коротком ущелье видели обнажения черного кремнистого глинистого сланца, а на дне его нашли гальки лидита и железистой яшмы. Хотя осмотренные нами в южном склоне Саура пространства ничтожны по отношению к длине и ширине этого могучего хребта, но, судя по огромному количеству обломков порфира и кремнистого сланца на поверхности равнины Кобу, можно полагать, что этим породам принадлежат мощные в нем месторождения, по крайней мере в южном склоне.

* * *

С урочища Чоган-обо мы должны были следовать в китайские пределы горами, окаймляющими Чиликтинское плоскогорье с востока, чтобы выйти на высокую равнину Кобу, вдоль которой идет дорога в г. Булун-Тохой. Избрав для нашего пути проход Кергентас, как наиболее удобный, мы выступили рано утром 19 мая. Проход вначале представляет широкую поперечную долину с крутыми горными склонами по бокам, покрытыми местами изрядною травянистой растительностью, а дно его, орошаемое ручьем Кергентасом, по богатству своей флоры далеко оставляет за собой соседнюю, бедную в этом отношении Чиликтинскую равнину. На окрестных горах весьма редко встречались обнажения, да и то исключительно твердых пород, в виде небольших, уединенных гольцов или тонких гребней, венчающих некоторые горные вершины, а на соседних горных склонах поминутно появлялись сурки (*Arctomys baibacina*), боязливо поглядывавшие на нас и быстро прятавшиеся при нашем приближении в свои глубокие норы, которых тут везде было такое множество, что какому-нибудь смельчаку, далеко отошедшему от собственной норы, нетрудно было в случае опасности найти временный приют у соседей.

Сделав 25-верстный переход, мы остановились на ночлег на берегу того же ручья Кергентаса. Едва успели поставить юрты, как партия наших казаков с ведрами в руках отправилась на ближайшую отлогость отливать сурков из нор водой, но, несмотря на все усилия, им не удалось выгнать ни одного зверька, хотя воды для этой цели было израсходовано по крайней мере ведер около ста.

Флора окрестных горных вершин отличалась уже альпийским характером, несмотря на то, что мы еще не достигли высшей точки перевала. В лощинах кое-где росла редкими рощами сибирская лиственница (*Larix sibirica*) — единственная хвойная порода по всей горной стране, растущая только в высоких областях Саура и в горной группе, которую мы пересекали ¹

¹ Лиственные же породы, растущие почти исключительно в ущельях, орошаемых горными речками, нам известны следующие: тополь (*Populus alba*), осина (*Populus tremula*), тал (*Salix pentandra*), тальник (*Salix fragilis*), рябина (*Sorbus aucuparia*), черемуха (*Prunus radus*) и дикая яблоня (*Pyrus acerba*), в южных ущельях, а также

На следующий день, поднимаясь постепенно, мы достигли высшей точки перевала, высоту которой, к сожалению, не пришлось измерить по случаю сильного ветра. Но, судя по характеру флоры, абсолютная высота этой точки во всяком случае не должна быть менее 9 500 футов и лишь весьма немного уступает высоте наиболее выдающихся вершин поднятия. Температура здесь была так низка, что мы порядочно презябли, а на окрестных горных вершинах виднелись кое-где снежные пятна.

От высшей точки перевала, отмеченной весьма удачно пограничным знаком, местность начинается сначала постепенно, а потом быстро падать к востоку, так что нам часто приходилось тут спускаться по крутым склонам, и мы очень скоро достигли плоского восточного предгорья группы, с которого потом и сошли на равнину Кобу.

Местность, на которой мы раскинули наш бивуак, представляла обширную зеленеющую равнину, сбитую орошенную мисими источниками, наспливающимися ее почву до того, что она местами становится болотистой. Среди этой равнины, прорезанной несколькими рукавами бурной речки Джеменкула, стоит ламайская кумирня⁽⁶⁾, воздвигнутая торгоутским князем Матэнем, ставка которого находится верстах в двух к С.-З. от этой кумирни. По имени своего создателя она и называется кумирней Матэня. Тут же около храма стоит несколько маленьких домиков, в которых постоянно живут монахи в числе от 6 до 10 человек. В этот монастырь стекаются в известные праздники толпы пилигримов из окрестных стран и приносят немало даров, на счет которых и проживают преимущественно монахи. Самая кумирня состоит из квадратного склона 25 сажень в стороне здания, сложенного из превосходного китайского кирпича. Здание имеет два этажа, из которых нижний служит собственно храмом, а верхний деревянный, надстроенный уступом в виде мезонина, составляет особое помещение, дополняющее храм. Большие створчатые с затейливой резьбой ворота ведут во внутренность кумирни, куда через единственное окно едва проникает дневной свет. Потолок этого сумрачного святилища поддерживается множеством деревянных четырехугольных колонн, выкрашенных желтой краской. Вдоль стен везде устроены возвышения вроде широких лавок, уставленные сплошь кумирами, деревянными и металлическими различной величины и в разных позах, начиная с человеческого роста и даже более и кончая маленькими вроде кукол бурханчиками, как их называют у нас. На некоторых надеты шелковые одежды, принесенные, по словам сопровождавшего нас монаха, в дар поклонниками. У стены, напротив дверей, на особом возвышении помещается главный бог — медный бюст в поясную величину, изображающий женщину с правильными, красивыми чертами лица. Перед этим бюстом устроен небольшой жертвенник, на котором горит несколько неугасимых лампад и помещаются медные чашечки с хлебными зёрнами, а перед жертвенником на полу — жаровня для курения фимиама.

В верхнем этаже, состоящем из одной только комнаты с перегородкой, развешены по стенам картины религиозного содержания. Все эти картины печатаны частью на бумаге, частью на тонких шелковых тканях с соответствующими содержанию надписями. На одной из них с заглавием «дорога в рай» изображен аллегорически трудный путь, которым должен

кустарники: смородина (*Ribes nigrum* et *R. rubrum*), малина (*Rosa idaeus*), шиповник (*Rosa cinnamomae* et *R. leucantha*), жимолость (*Lonicera tatarica*), таволга (*Spiraea hypericifolia*), шомпольник (*Cotoneaster vulgaris*) и караган (*Caragana frutescens*). Замечательно, что во всей горной стране вовсе нет березы.

следовать человек в своей земной жизни, чтобы приблизиться к божеству и достигнуть вечного блаженства за гробом.

Поблизости кумирни устроен особый притвор, предназначенный, по словам проводника-монаха, для больных женщин. Это небольшая комната, внутри которой приспособлено к вращению нечто вроде витрины с картинами религиозного содержания, приводимой в движение самими молящимися, которые, взявшись за рукояти, ходят вокруг, читают молитвы и расппевают гимны.

Вечернее богослужение, на котором нам удалось присутствовать, не представляло ничего особенно замечательного. Трое лам, сопровождаемые 5 или 6 молодыми монахами, войдя вместе с нами в храм, приблизились к жертвеннику и пали ниц. Потом один из них, уже старик, зажег еще несколько лампад, кроме горевших на жертвеннике, достал откуда-то книгу и, разогнув, начал читать, стоя перед жертвенником, своим старческим, дребезжащим голосом, как-то болезненно отзывавшимся в ушах. По временам он останавливался, чтобы дать хору из 3 молодых монахов, стоявших с правой стороны и несколько позади, исполнить подобающее песнопение, сопровождавшееся каждый раз мерными ударами двух больших железных тарелок — так называемых «цям-цям», которыми бряцал четвертый монах. Потом он снова начинал читать, и в этом заключалось все богослужение, продолжавшееся не более получаса.

Кумирня, или, точнее, монастырь Матэня, кроме своего религиозного значения, служит средоточием путей и потому представляет самый оживленный пункт в этой части китайских владений. Через этот пункт проходит пикетная дорога из Булун-Тохоя в Чугучак, направляющаяся от кумирни на запад горами в Баймурзинский проход, а также дорога в Зайсанский пост через проход Кергентас и, наконец, кратчайший путь в г. Гучен, до которого считается отсюда около 20 дней ходу. Этот последний направляется сначала по долине р. Кобука, а потом идет по пустынной маловодной местности, пересекая, в 100 верстах не доходя Гучена, широкую, верст в 60, полосу зыбучих песков. Караваны могут следовать по этой дороге только зимой, да и то не беспрепятственно, а в летнее время она по недостатку подножного корма и в особенности воды считается не только неудобною, но положительно опасною для караванного движения. Даже одиночные всадники, хорошо знакомые с этой местностью, редко отваживаются в летние жары пересекать ее. Колодцы и родники с хорошей водой встречаются на этом пути в весьма ограниченном числе и отстоят друг от друга на 50—80 верст¹. Притом, вследствие однообразия местности, их может отыскать только опытный проводник, без которого очень легко заблудиться и погибнуть в такой пустыне⁽⁶⁾.

В этой-то пустынной местности и преимущественно в песках, по единоголосному свидетельству туземцев-торгоутов⁽⁷⁾, живут дикие верблюды. Их видали неоднократно и наши киргизы, ходившие зимой 1875/76 г. с хлебными караванами прямой дорогой в г. Гучен. Они ходят там стадами от 10 до 50 особей. Весной самцы, по словам очевидцев, бывают очень свирепы: завидев вблизи человека, они бросаются на него и, если тот безоружен и не успеет во-время скрыться, то подвергается опасности быть убитым. Вообще же дикие верблюды крайне осторожны и пугливы: едва заметят на горизонте приближающихся к ним людей, сейчас же обращаются в бегство и идут, не останавливаясь, несколько десятков верст,

¹ В одном месте нет воды на пространстве 100 верст.

а если их станут преследовать, то бегут безостановочно целые сутки и более. Величиной дикие верблюды несколько меньше домашних, цвет шерсти у них красновато-каштановый, точно «опаленный», как определяли его торгоуты, а горбы значительно меньше, чем у верблюдов домашних⁽⁸⁾.

Действительно ли эти верблюды настоящие дикие, или же просто одичалые домашние, утратившие на свободе при иных жизненных условиях свои прежние качества? Этот вопрос заслуживает внимания натуралистов, интересующихся метаморфозами в животном мире. Но что подобные верблюды действительно существуют в указанной местности — в этом нет сомнения. Интересуясь этими редкими животными, мы расспрашивали о них в разных местах на пути и везде получали утвердительные и согласные показания об их существовании. На вопрос же, с которым мы часто обращались к туземцам: почему они называют этих верблюдов дикими и не правильнее ли будет считать их одичалыми домашними, торгоуты отзывались, что они причисляют таких верблюдов к диким по причине большой разницы в нравах и образе жизни их сравнительно с домашними, а отчасти и наружном виде. «Может быть, — добавляли они, — эти верблюды много лет тому назад действительно были потеряны своими хозяевами; но как это узнать? Наши старики ничего о том не помнят и не могут дать ответа на такой мудреный вопрос». На другой вопрос: не известно ли им по крайней мере ныне таких случаев, чтобы их домашние верблюды, отлучившиеся по каким-нибудь причинам надолго от людей, потом дичали и, избегая человека, удалялись бы впоследствии в безлюдные пустыни, — торгоуты отвечали, что всякий хозяин, дорожа своими животными, в случае потери старается тотчас же разыскать их, и что они не знают таких примеров, чтобы домашние верблюды, отлучившись от людей, становились потом дикими⁽⁹⁾.

Вот все те скудные сведения, которые мы могли получить об этих поистине интересных животных.

От кумирни Матэня мы следовали в г. Булун-Тохой по большой пикетной дороге. Местность, по которой пролегает эта дорога, представляет нагорную равнину, возвышающуюся средним числом около 4 890 футов над уровнем моря и окаймленную на западе горною группой, отделяющей ее от Чиликтинского плоскогорья, на севере Сауром, а на юге сначала горами Адрык-кара, а потом Аргалты и далее на восток Салбурты. Поверхность этой равнины, постепенно склоняющейся к востоку, почти повсюду покрыта щебнем, галькою и гравием — продуктами разрушения твердых масс Саура, со стороны которого идет слабый наклон с севера на юг и простираются сухие русла временных потоков. Но местами однообразный характер этой равнины нарушается: там, где образуются источники, она из пустынной, усеянной щебнем и галькою земли, благодаря живительной влаге, переходит в плодородные оазы, покрытые свежей зеленью и представляющие отрадное явление среди пустынных окрестностей. В западной части равнины такие оазы встречаются чаще, чем на крайнем востоке, где горный хребет Саур, соседству которого они обязаны своим существованием, уже понижается в значительной степени. Эти острова плодородной земли, от 1 до 2 верст в поперечнике, в центральных частях обильно орошены источниками, образующими маленькие ручейки, которые в свою очередь питают небольшие, преимущественно солончаковые болотца. По окраинам же оазов простираются в виде опушки густые насаждения злака чия (*Lasiagrostis* sp.), служащие приютом зайцам (*Lepus tolai*) и диким голубям (*Columba livia*), между тем как в болотцах и на влажных

лугах оазов встречались в большом числе турухтаны (*Machetes pugnae*) и ржанки (*Charadrius xanthocheilus*). В жаркие дни часто залетали сюда из соседней пустыни и песчаные куропатки (*Pterocles arenarius*). Небольшими стайками появлялись они близ источников, но, встретив тут наш отдыхающий караван, долго кружились в воздухе, испуская жалобные крики, вызываемые, очевидно, томившей их жаждой. Наконец, преодолев боязнь, быстро спускались к воде и, вобрав в себя с жадностью несколько глотков, отлетали вдаль.

В таких оазах, представляющих весьма хорошие караванные станции, устроены китайцами через каждые, средним числом, 30 верст почтовые пикеты, состоящие из небольших домиков, сложенных из сырцового кирпича. На всяком таком пикете живет несколько торгоутов, отбывающих пикетную службу, и содержится положенное число лошадей и верблюдов. Этот почтовый путь служит для сообщения Булун-Тохоя с Чугучаком, куда по нему доставляется из внутреннего Китая через Кобдо и Булун-Тохой почтовая корреспонденция, а также некоторые предметы довольствия для квартирующих в Чугучаке войск.

Многие из этих оазов служат местами летних кочевков туземцам торгоутам. Торгоуты, как известно, принадлежат к монгольскому племени, составляя, по всей вероятности, отрасль монгольского народа халха, с которым у них много общего. Это те самые торгоуты, которые в конце XVII столетия, следовательно еще в цветущую эпоху Джунгарского царства, откочевали оттуда с своим ханом Хо-Урлуком в пределы России и поселились в степях между Волгой и Уралом. Они приняли в то время русское подданство и даже сражались вместе с нашими войсками против крымских татар. Но в 1771 г. большая часть их с ханом Убаши во главе уковчала к оз. Балхаш и, потерпев на берегах его жестокое поражение от враждебных киргизов, достигла, наконец, своей прежней родины Джунгарии и поступила в подданство Китая, успевшего уже покорить Джунгарское царство и упрочить свою власть в этой стране.

О пребывании в нашем отечестве торгоутов сохранились еще предания, хотя и не вполне ясные и определенные, а у князей их имеются даже письменные о том свидетельства, как-то: жалованные грамоты, дарственные записи, а также печати с нашим государственным гербом, монеты и многие старинные русские вещи, вывезенные, по их словам, предками из России.

В настоящее время область распространения торгоутов в Северо-западном Китае весьма обширна, хотя число их не должно быть очень велико. Они живут в прострaнстве, ограниченном с севера Сауром и р. Урунгу, распространяясь по верхним притокам этой реки, в особенности по Булугуну; с востока приблизительно чертою от верховьев Булугуна к городу Гучену; с юга плодородною полосой, тянущейся вдоль северного подножия Тянь-шаня и занятою ныне оседлым китайским и отчасти мусульманским населением, а на западе распространены до наших границ¹. Только центральная часть очерченного четырехугольника, представляющая голые, безжизненные пустыни, совершенно необитаема ими.

¹ Исключая участка между границей и чертою от оконечности хребта Уркашар через восточную оконечность гор Барлык и оттуда до оз. Каратала, занятого по преимуществу киргизами. Кроме того, торгоуты кочуют в небольшом числе в западной части китайского Тянь-шаня.

По наружному виду торгоуты не вполне строго подходят под известные внешние признаки, отличающие монгольскую расу: скулы у них выдаются немного, нос скорее можно назвать толстым, мясистым, нежели вздернутым и приплюснутым; лоб у торгоутов далеко не такой покатый, как, например, у китайцев, уши тоже нельзя признать отвислыми или торчащими. Наиболее характеристическими внешними признаками их, как нам кажется, служат крупные, грубые черты лица и сильно сдвоенный между височными костями череп.

Торгоуты говорят на особом монгольском наречии, столь мало отличающемся от языка монголов халха, что они понимают их свободно, равно как и урянхаев, вероятно их соплеменников, живущих к северу от верховьев р. Урунгу, по восточным склонам Южного Алтая⁽¹⁰⁾. Татарского же языка и его киргизского наречия они не понимают совершенно, исключая тех, которые находятся в частом общении с нашими пограничными или китайскими киргизами, занимающими область Черного Иртыша.

Верхняя одежда у мужчин состоит из халата с талией, напоминающего своим покроем подрясник наших церковнослужителей и сшитого из светлосиней нанки с небольшим стоячим воротничком и круглыми металлическими пуговицами по бортам. Халат опоясывается ремнем, на котором висят в кожаных чехлах массивное огниво и короткий нож—неразлучные спутники торгоута. Обуваются торгоуты в черные или желтые кожаные сапоги с короткими, но широкими голенищами. Волосы мужчины заплетают в одну косу, выбривая слегка переднюю часть головы, а бороду и усы, должно быть, просто выщипывают. Головной убор у мужчин состоит из низенькой, усеченно-конической войлочной шляпы с небольшим обшлагом.

Верхнюю одежду женщин составляет синий нанковый халат, похожий несколько покроем на наши прежние дамские пальто. Свои черные и жесткие волосы торгоутки мажут каким-то клейким веществом, придающим им лоск и устойчивость их затейливой прическе, с пробором посредине и как-то особенно вычурно приподнятыми и слегка изогнутыми волосными прядями на висках. В ушах они носят серебряные или медные кольцеобразные серьги, достигающие у иных вершка в диаметре.

По характеру торгоуты — добрый, простодушный пастушеский народ. Их радушие и гостеприимство, которые они оказывали нам в пути, ставили у нас приятные воспоминания об этом патриархальном народе. Когда мы останавливались в виду их аулов, они почти всякий раз привозили нам молоко и айран¹. Если мы отказывались принимать эти приношения, то торгоуты начинали упрашивать, так как святой для них обычай гостеприимства, говорили они, налагает обязанность заботиться о нуждах посещающих их кочевья путников и оказывать им посильное пособие.

Чиновники недобросовестно относятся к этому бедному народу. Хотя торгоуты никаких податей не платят, но зато разные случайные поборы и вымогательства обходятся им дороже правильных налогов. Они отбывают пикетную службу, кормят проезжих китайских чиновников и проходящих солдат, которые обращаются с ними самым бесцеремонным образом. Иногда китайские власти делают на них настоящие разбойничьи наезды, забирая лучший скот будто бы в казну, по требованию высшего начальства, а между тем сами продают его потом на стороне в свою пользу заезжим купцам. Мы были свидетелями, как один китайский офицер, посланный из Гучена с отрядом, собрал в Ю. Алтае с тамошних торгоутов

¹ Кислый, спиртуозный напиток, приготовляемый из молока.

около 1 000 верблюдов, не заплатив за них ни гроша, но обещая возвращение. Однако торгоуты не увидели более своих верблюдов, и им оставалось только оплакивать потерю столь дорогих для них животных.

Торгоуты исповедуют веру ламайскую, но она едва ли отличается у них первобытною своей чистотой. По дороге мы часто встречали, в особенности на р. Урунгу, торгоутские капища, состоящие из больших конической формы шалашей, крытых хворостом. Внутри этих капищ, воздвигаемых всегда на местах открытых и возвышенных, устроены из камней жертвенники, на которых мы находили остатки сожженных костров, а на одном нашли перегоревшие бараньи кости.

По образу жизни торгоуты кочевой, пастушеский народ. Все их достояние заключается в скоте, в особенности в баранах, но у них водятся также в достаточном количестве коровы, лошади, козы и верблюды. Хлебопашеством занимаются далеко не все, да и то в ограниченных размерах, как бы в подспорье своему главному занятию — скотоводству. Пашни распахивают сошниками, похожими на лопаты, всегда близ источников, орошая по временам свои посевы пшеницы, проса и табаку искусно проведенными арыками.

Кровом торгоутам служит войлочная юрта, несколько отличная от нашей киргизской по устройству деревянного остова, на который натягивается войлок. Среди этого жилища, прокоптевшего от дыма, поддерживается огонек, над которым стоит таган с котлом. По сторонам валяются лохмотья, служащие постелями, седла и сбруя, стоят сундуки и разная домашняя утварь, а перед входом у стены помещается божница с кумирами. Юрты более зажиточных отличаются некоторым убранством: коврами, деревянными складными кроватями и множеством посуды исключительно китайского изделия. Вообще же торгоуты, угнетаемые китайцами и отчасти своими народными правителями, живут большею частью в бедности, влача, так сказать, свое жалкое существование.

* * *

Чем далее подвигались мы по равнине Кобу к востоку, тем реже и реже встречались на пути источники и оазы, притом последние в восточной части равнины, по причине маловодья самих источников, далеко не имеют таких больших размеров, как в западной. Но все-таки и восточные оазы представляют весьма порядочные караванные станции.

За пикетом Букты после незначительного поперечного вспучения местность начинает довольно быстро склоняться к оз. Улюнгур. 26 мая, пройдя утомительную 40-верстную станцию, мы достигли берегов этого величественного озера. Оно имеет около 50 верст длины, до 25 верст ширины, а по окружности простирается почти на 150 верст. Восточные и южные берега Улюнгура, покрытые почти повсюду камышом, пологи, и глубина от них растет постепенно, хотя и не очень медленно, так как в 50 сажнях от береговой черты она достигает уже 5—7 футов. Северо-западные же берега очень круты и высоки. Судя по падению местности к озеру с юга и юго-запада, а также близости к южным берегам его восточной оконечности Салбуртинских гор, глубина Улюнгура посередине должна быть велика, но особенно озеро должно отличаться глубиной близ северо-западных нагорных берегов своих.

Вода в Улюнгуре на вкус слегка солоновата, но содержание в ней соли так незначительно, что ее можно пить свободно. Столь малая соленость воды (которую мы пробовали в разных местах) не препятствует еще

пока водиться в озере поистине изумительному множеству пресноводных рыб, а именно: окуней, карасей, линей, язей и чебаков. Эти последние в тихую и ясную погоду плавают в таком количестве близ берегов, что беспрестанно мелькают в воде перед глазами наблюдателя. Кроме названных рыб, в озере живет несметное множество пресноводных же моллюсков: *Anodonta anatina*, *Limnaeus stagnalis* и *Limnaeus ovatus*. Орнитологическая фауна этого озера также замечательна многочисленностью своих особей. На нем водится множество гусей, уток, гагар и лысух. Чайки, орланы и другие хищники постоянно носятся взад и вперед над его водами, высматривая с высоты добычу, между тем как цапли и пеликаны караулят ее на берегах и мелях⁽¹¹⁾.

Производя на южном берегу, против восточной оконечности Салбуртинских гор, в нескольких местах раскопки, мы находили раковины и кости рыб на высоте от 14 до 20 футов над теперешним уровнем озера и в расстоянии 120 сажен от берега. Они принадлежат тем же формам, которые и ныне живут в его водах. Наружных же признаков понижения озерного уровня не было заметно, да и трудно было бы сохранить их тут под наносами с Салбуртинских гор, покрывающими всю окрестную местность⁽¹²⁾. Во всяком случае найденные на такой большой высоте обломки раковин и кости рыб не могли быть туда занесены ни ветрами, ни птицами. Если бы это было действительно так, то почему же их нет теперь на всей прибрежной местности, исключая узкой береговой полосы, покрытой обломками и целыми раковинами и почти вовсе лишенной остатков рыб, или, другими словами, отчего ныне птицы и ветры не заносят так далеко этих остатков от береговой черты? По нашему мнению, несравненно правдоподобнее приписать нахождение их на такой высоте и в таком большом расстоянии от нынешней береговой черты более высокому тогдашнему уровню озера, нежели участию ветров и птиц.

Простояв на берегу оз. Улюнгур двое суток, мы направились в г. Булун-Тохой. Около 5 верст шли мы берегом озера, а потом спустились в обширную впадину, усеянную многими маленькими озерами и болотами, поросшими камышом, местами же покрытую песчаными буграми. Такой характер эта впадина сохраняет на всем пространстве от оз. Улюнгура до самого Булун-Тохоя, которого мы с большим трудом достигли в тот день, переправляясь несколько раз через временные, между озерами и болотами, протоки, образовавшиеся после сильных дождей.

Город Булун-Тохой, или Булун-Тохай⁽¹³⁾, как называют его китайцы, возник лишь в 1872 г., а до того времени был простым поселением, в котором проживали беглецы, ссыльные и разные выходцы в числе около 1 000 человек. Тут жили солоны, сибо, эллюты и настоящие китайцы. Сначала поселение это было расположено в 400 саженях к западу от нынешнего города, но потом с увеличением числа жителей стали строить дома на месте теперешнего города и обнесли их стеной, а как в это время начали появляться в окрестностях дунганские шайки, то жители прежнего поселения, не имевшего ограды, в видах безопасности, перешли на жительство в новое. В 1872 г. это последнее возведено было китайским правительством на степень города, и южнее его построена небольшая цитадель, в которой теперь помещается около 100 человек гарнизона и хранятся разные военные запасы¹.

¹ В 2¹/₂ верстах к С.-С.-З. от Булун-Тохоя мы нашли развалины старинного городка, или крепости с земляным валом по окружности, следы которого, равно как и построек внутри ограды, еще не успели сгладиться.

Городская стена, сложенная из сырцового кирпича, имеет прямоугольное начертание, около 200 сажен длины и 70 ширины, а высота ее простирается до 3 сажен. Двое ворот ведут во внутренность этой ограды, заключающей в себе до 200 маленьких, тесно сплоченных домиков из сырцового же кирпича с миниатюрными двориками. На узеньких улицах этого городка лежали вороха всякого сора, местами валялись трупы собак и стояли целые лужи помоев, которые китайцы имеют обыкновение выливать прямо на улицу. Две или три лавки, да и то самые жалкие, несколько кузниц и ручных мельниц — вот и все торговые и ремесленные заведения города, в котором в то время считалось до 1 200 жителей.

Булун-Тохой неоднократно подвергался нападениям дунган, которые, однако, не причинили ему особенного вреда, разорив только дотла старое поселение, находившееся к западу от города. Месяца за два до нашего прихода, дунганская шайка в числе около 30 человек подъезжала к городу и, сделав по нем с окрестных высот несколько ружейных выстрелов, схватила и увезла четырех китайских женщин, вышедших за водою на арык, протекающий под стенами города.

К югу от города в расстоянии около 120 сажен расположена цитадель, состоящая из такой же кирпичной ограды, как и городская стена, но квадратной формы, около 40 сажен в стороне. Впереди стены, имеющей не более 13 фугов высоты, находится ров, из которого земля присыпана прямо к стене, отчего образовалась довольно отлогая насыпь, дозволяющая свободно восходить на ограду. В стене сделаны бойницы, как в наших кремлях, а с внутренней стороны присыпан земляной банкет. Внутри цитадели находится несколько зданий, занимаемых гарнизоном и военными запасами.

В 150 саженях к северу от города стоит китайская кумирня, состоящая из трех небольших кирпичных зданий, обнесенных низенькой оградой. Одно из этих зданий и служило собственно храмом, но богослужение в нем совершалось очень редко. Внутри этого здания против дверей устроено из кирпича возвышение в виде лежанки, на котором помещались кумиры, а на дворе против тех же дверей сложен небольшой кирпичный четырехугольный столб со многими маленькими нишами, расположенными в шахматном порядке. Этот столб служил для сжигания благовонных веществ, остатки которых мы нашли в его нишах.

По прибытии в Булун-Тохой нам отвели квартиру в этой самой кумирне, чему мы, признаться, немало изумились. Наша полусотня, стоявшая в Булун-Тохое целых два месяца, оставалась все время в той же кумирне, и китайцы нисколько не тяготились этим, даже не показывали вида, что им не нравится пребывание иноземцев в их святилище. Уже впоследствии в г. Гучене мы имели случай убедиться, что сыны небесной империи не оказывают своим храмам должного уважения: они там не только едят, пьют и курят, но даже свободно играют в карты или кости и обращаются бесцеремонно с предметами, по нашим понятиям, сокровенными.

Во время нашего пребывания в городе было большое движение: китайское правительство предписало местным властям переселить большую часть жителей Булун-Тохоя в гг. Гучен и Чугучак, чтобы усилить в окрестностях этих городов земледелие, необходимое для довольствия расположенных в них войск. Поэтому ежедневно по утрам отправлялись из Булун-Тохоя преимущественно в Гучен партии переселенцев. Тяжелые двухколесные китайские телеги, нагруженные разным домашним скарбом,

поверх которого помещались женщины с детьми, вытягивались вереницами, издавая оглушительный скрип; мужчины и взрослые мальчики верхами на лошадях и мулах подгоняли скот. Вскоре город опустел окончательно: из 1 200 человек жителей едва ли осталось 200, не считая гарнизона.

Сильный разлив р. Урунгу, вдоль которой мы должны были следовать далее к Гучену, задержал нас 10 дней в Булун-Тохое, и это обстоятельство дало возможность познакомиться с окрестностями города, представляющими весьма много любопытного в геологическом отношении.

К востоку от хребтов Нарын-кара, Саура и Салбурты простирается обширная ложбина, по северной части которой протекает р. Урунгу, изливающая свои воды в оз. Улюнгур несколькими рукавами⁽¹⁵⁾. С восточной, южной и западной стороны эта впадина замкнута высокими землями, а на севере — незначительным увалом, отделяющим ее, по словам очевидцев, от долины р. Черного Иртыша. Дно описываемой впадины, возвышающееся средним числом около 1 750 футов над уровнем моря, имеет заметное падение с севера на юг, на что указывает быстрота течения арыков, выведенных из Урунгу прямо к югу и стремящихся в этом направлении со скоростью около 5 ф. в секунду⁽¹⁶⁾. Из них главный, протекающий под стенами города Булун-Тохоя, имеет по крайней мере верст 8 длины.

Эта низменная местность покрыта многими солеными, солоноватыми и пресными озерками, солончаками и болотами, поросшими камышом, в которых гнездятся миллионы плавающих и болотных птиц, а также живут в большом количестве кабаны (*Sus scrofa azeri*). Между озерами и болотами воздымаются местами песчаные бугры, напоминающие приморские дюны, и небольшие площадки с растительной землей, занятые посевами городских жителей и насаждениями чия.

С востока, юга и запада Булунтохойская впадина, как выше сказано, замкнута высокими землями, представляющими в целом нагорную равнину, поднимающуюся около 500 футов над дном ложбины и покрытую на юге и западе горами: Нарын-кара, Восточным Салбурты и невысокими скалистыми кряжами, простирающимися с запада на восток и служащими как бы продолжением Салбуртинской цепи гор. На востоке, юге и юго-западе описываемая нагорная равнина ниспадает к Булунтохойской ложбине крутым и высоким обрывом, к южным же берегам оз. Улюнгур то пологими, то террасообразными склонами, а на западе и северо-западе обрывается к этому озеру высоким нагорным берегом.

Поверхность этого плоскогорья сплошь усеяна щебнем, галькою и гравием. Щебень, за немногими исключениями, состоит из пород, родственных с породами насажденных на нем гор, а именно: кремнистых сланцев, фельзита, мелкозернистого гранита и изредка порфирита. Гальки же по преимуществу кварцевые: молочного цвета, превосходные матовые, рафинадовидные и халцедоновые. Встречаются также угловатые гальки авгита и амфиболя.

При шурфовании плоскогорья в шести различных местах к востоку и юго-востоку от Булун-Тохоя до глубины от 4 до 5 футов везде открываются те же, как и на поверхности, обломки: щебень, галька и гравий с дресвою, пересыпанные то суглинком, то песком и тощею глиной. Никаких заметных органических остатков в этих отложениях, исключая корней тут же на поверхности растущих колючих кустарников, нами не найдено. Как велика мощность этих, по всем признакам наземных, образований — неизвестно, так как они не открываются в обрыве, замыкающем

впадину с востока. Обрыв этот в северной части состоит из однородной песчанистой, светлобурой, отверделой глины, в которой вовсе незаметно слоистого сложения. Многочисленные извилистые, лоткообразные лощины прорезают его в окрестностях Булун-Тохоя и придают ему в этом месте вид гладкозазубренного горного склона, как бы облитого светлобурым, отвердевшим потом песчано-глинистым раствором. В южной же части, начиная с 6-й версты к Ю.-Ю.-В. от Булун-Тохоя, этот обрыв несравненно менее зазубрен и состоит из красновато-желтой, тоже отверделой и неслоистой глины. Здесь в нем можно наблюдать местами горизонтальные борозды, напоминающие черты береговых размывов, во многих местах уже совершенно сглаженные. Тут же в расстоянии 30 или 40 сажен от увала стоят невдалеке одна от другой две любопытные пирамиды из отверделой же светложелтой глины, в которых гнезятся стрижи и голуби. На этих пирамидах, имеющих около 25 футов высоты и футов до 300 в основании, горизонтальные черты размыва сохранились еще с большей ясностью.

Что касается строения самого дна Булунтохойской впадины поблизости р. Урунгу, в промежутках между озерами, солончаками и болотами, то оно близ дневной поверхности так изменчиво и запутанно, что нет возможности выразить его даже схематически. Тут речные наносы чередуются с наземными как в горизонтальном, так местами и в вертикальном направлении. Только на 14 футов от поверхности в двух глубоких шурфах, пробитых к С.-З. от города, в 1 версте от р. Урунгу, нам удалось проследить пласты иловатой глины, отложившиеся, по всем признакам, в тихой воде и представлявшие резкую противоположность с верхними хаотичными образованиями. Но раковин в этих осадках, равно как и в речных наносах, не найдено. Куски же корней кустарника из рода *Salix* мы находили тут даже на глубине 10 и более футов, а в одном из шурфов нашли полу-сгнившие обломки дерева, должно быть, *Populus nigra*.

Кроме множества малых озер, Булунтохойская впадина вмещает в себе два больших озера — Улюнгур и Бага-нор. Озеро Бага-нор лежит верстах в 15 к Ю.-В. от Улюнгура и не имеет с ним никакого сообщения⁽¹⁷⁾. Форма его эллипсоидальная, длина наибольшей оси около 12 верст, а наименьшей — около 4. Песчаные берега Бага-нора, совершенно лишенные растительности, плоски, а окрестности его однообразны и печальны. По причине чрезмерной солёности воды в нем не должно быть никакой животной жизни, что, между прочим, подтверждается совершенным отсутствием на озере плавающих и голенастых птиц. Только одни турпаны (*Casarca guttata*), навещающие изредка пролетом это пустынное озеро, оглашают его окрестности своими жалобными криками, напоминающими стоны больного дитяти. При нашем посещении несколько уже летавших молодых выводков плавало взад и вперед около берегов, между тем как их родители, сидевшие на берегу и внимательно следившие за ними, как бы поощряли их своими жалобными возгласами.

На дне озера, глубина которого от берегов возрастает очень медленно, лежало множество раковин, принадлежавших пресноводным безголовым моллюскам *Anodonta anatina*, но между ними не встречалось ни одной, содержащей живое существо. Те же самые раковины покрывают в большом количестве и плоские берега озер, причем лежащие близ береговой черты сохранились так хорошо, как будто только недавно освободились от своих мягкотелых обитателей. Далее от берега встречались лишь обломки этих раковин, постепенно мельчавшие по мере удаления от него. Но еще в двух верстах к северу от озера, на высоте около 50 футов над теперешним

его уровнем, мы нашли в отверделой глине под увалом две полные створки беззубика и превосходно сохранившуюся лобную кость щуки, имевшей, вероятно, не менее 5 или 6 фунтов веса. Следуя под увалом к востоку, мы продолжали делать по временам раскопки и каждый раз находили обломки раковин и изредка встречали кости рыб: щуки, окуня и линя. Окончив осмотр, мы снова подъехали к озеру, чтобы выкупаться, так как в это время стоял невыносимый жар. Отойдя сажен на 70 по прибрежной песчаной мели и затем, отплыв сажен на 50, мы стали опускаться на дно на глубине примерно 7 футов и нашли там иловатый, пепельно-синий, довольно вязкий грунт. Добытые отсюда раковины *Anodonta anatina* точно так же были все до одной мертвые, несмотря на то, что вода в этом месте близ дна была очень холодная, очевидно от ключей, которые тут били с глубины и опресняли, следовательно, несколько рассол. На плоской береговой полосе, шириной футов до ста двадцати, состоящей из полуотверделого песка, с удивительной отчетливостью сохранились черты размыва и следы бурунов, совершенно сходные с теми неровностями, которые теперь можно видеть на прибрежной песчаной мели озера.

К востоку от Бага-нора лежит обширный солончак, отделенный от него высокою песчаною грядой и занимающий замкнутую со всех сторон котловину, площадь которой простирается до 2 верст. Соляная кора, осевшая в юго-восточной, наиболее низменной части котловины, блестела издали, подобно водной поверхности, за которую мы, томимые в то время сильною жаждой, ошибочно ее приняли и поспешно направились к этому мнимому озеру, надеясь найти в нем пресную воду. Но, подъехав ближе, с горьким разочарованием убедились, что это было не что иное, как голая самосадочная соль, так обманчиво блестящая на солнце.

Несмотря на мучительную жажду, иссушившую наши губы и языки до того, что трудно было даже говорить, мы направились вдоль северного берега котловины, совершенно сходного с увалом около Булун-Тохоя, к востоку и стали снова делать раскопки. И здесь мы находили обломки тех же самых раковин и встречали кое-где остатки рыб. Однако на поверхности тут незаметно было таких больших обломков раковин, какие мы встречали к северу от Бага-нора даже под самым увалом: здесь они были так малы, что их с трудом можно было отыскивать.

Нестерпимая жажда заставила нас, наконец, покинуть эту любопытную котловину. Взобравшись кое-как по извилистым долинам на плоскогорье, покрытое в этом месте полуразрушенными, обнаженными высотами, мы направились молчаливые и угрюмые к городу, до которого оставалось еще около 25 верст. Это было до крайности утомительное шествие. Под конец мы с трудом держались на лошадях, покачиваясь из стороны в сторону, и едва-едва дотащились до города, сохранив надолго в памяти впечатление этого тяжелого дня.

Судя по всем описанным признакам, можно утвердительно сказать, что оз. Бага-нор в эпоху ныне живущих пресноводных моллюсков и рыб имело более обширные размеры, оставив на окрестной местности столь явственные следы своего пребывания, что в нем не может быть сомнения. Не подлежит также сомнению, что оно содержало в себе сначала воду пресную и было колыбелью тех живых существ, остатки которых рассеяны теперь на его пустынных берегах. Если прибавим к этому сходство пресноводных форм, уже вымерших в Бага-норе, но еще и поныне живущих в оз. Улюнгур и других малых пресных озерах впадины, несомненные признаки прежних, более величественных размеров оз. Улюнгур, массу

озер, болот и солончаков, рассеянных по поверхности Булунтохойской впадины, то едва ли останется какое-либо сомнение относительно существования в этой впадине в потретичную эпоху одного общего, обширного пресного водохранилища, пределы которого ныне невозможно указать с точностью.

Но тут рождается вопрос: какими источниками питалось это обширное водохранилище и по какой причине уменьшились его прежние размеры? Количества воды, доставляемого ныне оз. Улюнгур единственною изливающейся в него р. Урунгу, очевидно, было совершенно недостаточно для поддержания столь обширного бассейна. Солоноватость воды в Улюнгуре свидетельствует, что это количество в совокупности с жидкой массой, получаемое озером непосредственно из атмосферы и подземных ключей, не вознаграждает даже его утрат через испарение, а потому никак нельзя допустить, чтобы эта река со всеми скрытыми теперешними источниками впадины могла питать водоем, поверхность которого была, вероятно, в несколько раз больше нынешней поверхности оз. Улюнгур.

Следовательно, существование этого обширного водоема обуславливалось существованием в ту эпоху более могучих, хотя, по всей вероятности, и аналогичных с нынешними физических деятелей, поддерживающих водохранилища суши. Есть основания полагать, что рельеф окрестной страны был в то время иной, еще более, чем ныне, разнообразный и выдающийся в атмосферу. Действительно, мощные местные наземные образования окрестного плоскогорья, полуразрушенные скалистые кряжи, насажденные на нем на юге от впадины, а также по краю обрыва к С.-В. от оз. Бага-нор и явственные признаки горных масс, возвышавшихся прежде к Ю.-Ю.-В. от этого озера¹, ныне почти уже совершенно сглаженных, так сказать, рукою времени, не лишают это предположение некоторого вероятия. Если же окрестные горы поднимались прежде выше в атмосферу, то очевидно, что они воспринимали в то время более атмосферных осадков и, следовательно, могли служить причиною существования в то время большого количества источников, изливавших свои воды в эту впадину. С уменьшением высоты окрестных гор, само собой разумеется, должен был уменьшиться соответственно и общий итог жидкой массы, поступавшей через их посредство из атмосферы в углубление. Наконец, неизбежным последствием их дальнейшего понижения было распадение обширного водоема на отдельные, обособившиеся бассейны, из которых в одних, по причине чрезмерного испарения, не вознаграждаемого прибылью, началось сгущение рассола, убившее мало-помалу их животную жизнь; в других, поддерживаемых более многоводными источниками, она продолжала существовать и существует еще и поныне, но, по всей вероятности, угаснет точно таким же образом, как у их предшественников, ибо во многих уже заметны признаки увеличивающейся солености.

Впрочем, наши поверхностные наблюдения не дают прочных, непреложных основ для объяснения всех фазисов этого поистине любопытного геологического процесса. Поспешное же наше заключение, основанное на этих наблюдениях, мы решились привести в той надежде, что когда эта местность откроется проницательному взору геолога, то он не осудит нас по крайней мере в искажении действительности и предвзятых умозаключениях⁽¹⁸⁾.

¹ Об этих признаках будет упомянуто ниже.

* * *

Дальнейший наш путь от Булун-Тохоя до Гучена пролегал по совершенно неизвестной местности, о которой мы в Булун-Тохое не могли получить обстоятельных сведений и не нашли даже туда проводника. Впрочем, в последнем не представлялось крайней надобности, так как за несколько дней до нашего выступления отправились из Булун-Тохоя же в Гучен переселенцы, по следам которых нетрудно было отыскать дорогу.

Оставив одну полусотню в Булун-Тохое, мы с другой полусотней и караваном в 600 с лишком верблюдов при 120 лаучах¹ выступили в путь 9 июня. Путешествие с таким огромным караваном было не совсем приятно: с раннего утра обыкновенно начинается выючка верблюдов, сопровождаемая оглушительным их ревом, который непривычному тяжело переносить; затем медленно вытягиваются корабли пустыни по дороге, мерно покачиваясь на своих высокоих, неуклюжих ногах, как на рессорах, и начинается утомительное шествие версты по 3, много по 3¹/₂ в час, притом с частыми остановками, продолжающимися от 10 до 20 минут, чтобы дать время подойти отсталым. По прибытии на ночлег снова поднимается верблюжий рев при развьючке, и так повторяется каждый день.

В полуверсте от города мы поднялись на плоскую возвышенность, по которой и следовали далее в юго-восточном направлении. С этой высокой равнины можно видеть всю окрестную местность на далеком расстоянии. На юг от Булунтохойской впадины отчетливо заметны отсюда невысокие скалистые кряжи, служащие как бы продолжением Салбуртинской цепи гор, то прерывающиеся, то снова возвышающиеся на плоскогорье, замыкающим впадину с юга. Самый значительный из этих кряжей лежит к югу от оз. Бага-нора почти на самом краю плоскогорья. Далее к Ю.-Ю.-В. от этого озера на всем пространстве, какое мог видеть глаз, расстилалась необозримая равнина. Но на обратном пути, благодаря миражу, мы заметили в этом месте обратное изображение небольшого горного кряжа, висевшего, как нам казалось, на высоте примерно около 3° над горизонтом и слегка покачивавшегося в атмосфере. На С.-В. видна была на горизонте неширокая, темноватая кайма, подернутая как бы туманом, — это Южный Алтай², юго-восточное продолжение которого постепенно терлось вдали.

Пройдя около 18 верст по плоской возвышенности, мы спустились в широкую долину р. Урунгу и следовали по ней далее уже в Ю.-Ю.-В. направлении. Эта углубленная долина, окаймленная справа и слева высокими, футов в 350, обрывами, имеет в том месте, где мы в нее спустились, около 25 верст ширины. В ней течет р. Урунгу, берега которой повсюду покрыты лиственным лесом: высокоствольными осинами (*Populus tremula*), осокорью (*Populus nigra*), топодем (*Populus alba*), талом (*Salix pentandra*), тальником (*Salix fragilis*) и множеством разнообразных кустарников. Далее от берегов, примыкая к лесной полосе, имеющей от ¹/₂ до 1 версты ширины, тянутся по обе стороны полосы высокого и густого чия (*Lasiagrostis*), перемежающегося с зарослями кустарников и с песчаными буграми, совершенно сходными с булунтохойскими. В нижней части

¹ Лаучами называются люди, занимающиеся выючкой и развьючкой верблюдов, а также уходом и наблюдением за ними в пути.

² Местным жителям совершенно неизвестно название Эктаг-Алтай, данное этому хребту Риттером. Они называют его просто Алтай, обозначая некоторые части особыми местными названиями (¹⁰).

долины нередко встречаются небольшие солончаковые пространства с соленоватыми озерами.

Урунгу, когда мы на нее прибыли, только что успела войти в берега после сильного разлива от дождей и потому несла свои воды необыкновенно быстро: в 75 верстах от Булун-Тохоя скорость ее течения была 5,8 футов в секунду. В это время по ней несло множество плавника: не проходило и 10 минут, как деревья и карчи, точно в погоню друг за другом, пронеслись мимо наших стоянок на берегу. Средняя глубина реки была в то время по крайней мере футов около двадцати, а ширина колебалась от 40 до 60 сажен. Острова на реке встречаются довольно часто, в особенности в нижних частях, но вообще весьма незначительны по величине.

В Урунгу водится множество рыбы, а именно: окуней, чебаков, карасей (в заводях и озерах) и пескарей. Других видов, несмотря на все усердие наших казаков, преследовавших на каждом ночлеге всевозможными самодельными снастями водных обитателей Урунгу, не было поймано ни одного, и даже не случилось никому и видеть, а потому весьма вероятно, что их вовсе нет. Моллюсков в самой реке тоже не встречалось, но в заводях и прибрежных пресных озерах живут: *Anodonta anatina*, *Limnaeus stagnalis* et *L. ovatus*⁽²⁰⁾.

Следуя первые пять станций по самой долине Урунгу, мы избирали ночлежные пункты всегда на берегах реки, где повсеместно находили превосходный подножный корм и множество сухого валежника и плавника для топлива. Единственным неудобством этих стоянок были комары, тучами осыпавшие нас в тихую погоду перед солнечным закатом, но и те часов около 10 вечера исчезали от ночной прохлады, и мы могли с этого времени предаваться на досуге созерцанию здешней дикой, но преисполненной прелести и новизны природы, при шумном ропоте реки, веселых трелях соловья и унылых мотивах, напеваемых какой-то пташкой почти целые ночи в соседних лесах.

Широкая вначале, в нижних частях реки долина Урунгу в юго-восточном направлении, т. е. вверх по течению, вообще суживается, но неравномерно: окаймляющие ее высокие обрывы то сближаются верст на 6—5, то снова расходятся верст на 15 и даже на 20. Только в 160 верстах от Булун-Тохоя начинается решительное сужение долины, но и здесь река в иных местах течет ущельем верст 10 или 20, потом долина опять расширяется от 5 до 8 верст, а ограничивающие ее обрывы переходят часто в таких местах в пологие скаты; по которым легко спускаться к реке. Сообразно с шириной долины и дорога первые пять станций, т. е. около 160 верст, пролегает по самой долине, а потом, когда река входит в ущелье, поворачивает в сторону, на плоскогорье, но на ночлежные пункты выходит снова к реке в тех местах, где долина ее расширяется и представляет удобные караванные станции.

Местность по обоим сторонам долины Урунгу представляет сначала нагорную равнину, возвышающуюся от 300 до 400 футов над уровнем реки и усеянную сплошь острым и угловатым щебнем, галькой и гравием. Верстах в 80 от Булун-Тохоя на этой равнине начинают показываться кое-где низенькие, удлиненные скалистые хребтики, торчащие в виде гребней, с продольным направлением от С.-З.-З. к Ю.-В.-В. Чем далее к востоку, тем чаще и чаще встречаются такие хребтики, увеличиваясь и по высоте своей в этом направлении. В 160 верстах от Булун-Тохоя описываемая нагорная равнина переходит в холмисто-скалистое плоскогорье, а близ Южного

Алтая она представляет уже гористую страну, в которой часто встречаются гольцы и даже целые обнаженные скалы.

На всем пространстве от Булун-Тохоя до подножия Южного Алтая эта высокая земля представляет безводную пустыню, покрытую самую скудную растительностью, состоящую из двух или трех видов тощего вереска и стольких же видов колючих кустарников. Лишь кое-где в плоских котловинах с блестящей светложелтой суглинистой почвой можно встретить небольшие насаждения редкого и низкорослого чия, этого верного признака скрытой в подпочве влаги, и жалкие кустики карагана (*Saragana frutescens*). Если бы аэропланту случилось когда-нибудь пролетать над этой страной, следуя вверх по р. Урунгу, то взорам его представилась бы внизу земля сначала ровная, потом постепенно всхолмляющаяся и близ Южного Алтая переходящая уже в настоящую гористую страну, усеянную гольцами и скалами. Среди этой пустынной земли он увидел бы глубокую корытообразную ложбину, сначала очень широкую, потом суживающуюся и местами переходящую в дикое ущелье, а на дне ее, если бы это было летом, он усмотрел бы разноцветную ленту с зеленой серединой и бледножелтыми каймами, извивающуюся подобно гигантской змее. Зеленая полоса — это лиственные леса, осеняющие берега Урунгу, а бледножелтые каймы — насаждения чия, примыкающие к лесной полосе. Он заметил бы также, что в среднем и верхнем течении реки, где она местами несется с страшной скоростью в ущельях, зеленая полоса значительно суживается, а бледножелтые ее каймы исчезают совершенно и появляются снова в тех местах, где ущелье расширяется в долину.

Река Урунгу, как показали наблюдения, совершала лишь незначительные перемещения, или качания, в своей широкой долине, по крайней мере в современную эпоху. Совершенное отсутствие вдали от реки ее древних русел или стариц, которые лежат только вблизи теперешнего живого русла, — лучшее тому свидетельство. Геогностическое строение самого дна долины подтверждает то же самое. При шурфовании его, начиная в 75 верстах от Булун-Тохоя, до глубины 3 сажен и в расстоянии около 200 сажен от реки, везде открыты только одни наземные наносы с окрестных высот и никаких следов речных наносов. Напротив, во всех шурфах были найдены даже на глубине 7 футов корни карагана в естественном положении, свидетельствующем, что этот кустарник тут рос и тут же на месте своего роста был погребен под наносами с окрестного плоскогорья. Речные же наносы встречаются только вблизи реки, в области, подвергавшейся ее качаниям и периодическим разлитиям.

Что же касается до окрестного плоскогорья, то на поверхности его, начиная почти от меридиана оз. Бага-нора, местами заметны плоские сферические вспучения, в центральных частях которых покоятся массивные остроугольные обломки твердых пород: мелафира, фельзита и кремнистого сланца, постепенно мельшающие по радиальным направлениям и переходящие далее в острый, а потом в угловатый щебень. На каждой из вершин этих плоских выпуклостей лежат обломки, принадлежащие одной и той же породе, т. е. порознь тождественные друг другу. Уже при первом взгляде на эти вспучения с столь характерными признаками рождается мысль о существовании тут прежде гор, от которых ныне остались едва заметные следы. Щебень, покрывающий всю окрестную местность, незакаменный и непрокатанный, что свидетельствует острота его углов, а принадлежит, без сомнения, горным массам, тут же распавшимся. Гальки же, рассеянные на поверхности, по преимуществу белые кварцевые и образо-

вались, по всей вероятности, из включений пород, составлявших местные горные массивы. Однако справедливость требует сказать, что ближе 80 верст от Булун-Тохоя нам не случилось видеть обнажений твердых пород ни на поверхности плоскогорья, ни в обрыве, которым оно ниспадает в долину и который на всем пространстве от Булун-Тохоя состоит из желтой, местами красновато-желтой неслоистой песчанистой глины. В 80 верстах от Булун-Тохоя появляются на поверхность плоскогорья длинные, низенькие, совершенно обнаженные хребтики мелафировые, фельзитовые и кремнистого сланца. Те же самые породы обнажаются здесь и в глубоких оврагах, выходящих в долину. Таким образом, не подлежит сомнению, что аллювиальная стлань из щебня, гальки, дресвы и гравия, смешанных с суглинком и глиной, представляющая поверхностное наземное образование плоскогорья, покоится, по крайней мере, начиная в 80 верстах от устья Урунгу, на твердых породах, продолжающихся, вероятно, и на дне долины, но на глубинах, недоступных непосредственным наблюдениям. На поверхности же плоскогорья, независимо от хребтов, продолжают еще чаще повторяться уже описанные признаки распавшихся на месте гор.

Во многих оврагах плоскогорья, выходящих в долину, лежат сухие русла временных потоков, достигающие значительных размеров и, судя по величине передвигаемых ими галек, которыми усеяны эти русла, должно быть, весьма бурных, хотя и непродолжительных. Образование этих потоков, без сомнения весенних, следует приписать быстрому таянию снежных запасов, скопившихся зимой в оврагах. Выпавший в зимнее время на плоскогорье снег сдувается ветрами в овраги, в которых скопляются, таким образом, за зиму большие толщи снега. Весеннее солнце быстро расплавляет эти снежные массы, отчего образуются могучие потоки, бушующие подобно горным речкам после проливных дождей. Далее к востоку встречались нам иногда в широких оврагах, или, точнее, в небольших ущельях, как следовало бы их назвать, сухие русла потоков столь обширных размеров, что их смело можно было принять за иссохшие ложа значительных речек. При исследовании этих русел оказалось, что они получают начало в обширных котловинах, в которых зимой также должны скопляться огромные снежные массы. Следовательно, здесь в условиях образования подобных временных речек есть нечто общее с образованием глетчеров, хотя одинаковые причины производят совершенно различные явления⁽²¹⁾.

В 160 верстах от Булун-Тохоя дорога, шедшая все время по самой долине, оставляет ее и направляется по холмисто-скалистому плоскогорью, выходя на реку только в тех местах, где долина ее расширяется и представляет удобные караванные станции. Такие станции встречаются здесь после каждого, иногда даже небольшого, перехода. На них везде превосходный корм и множество сухого топлива. Кроме упомянутых лиственных пород, сопровождающих берега Урунгу на всем ее протяжении, на этих берегах и в долине растет множество кустарников, из которых нам известны следующие: шиповник (*Rosa leucantha*), боярышник (*Crataegus pinnatifida*), жимолость (*Lonicera tatarica*), таволга (*Spiraea hypericifolia*), малина (*Rubus idaeus*), шомпольник (*Cotoneaster vulgaris*), терновник (*Prunus spinosa*), а на более возвышенных местах долины на песчано-глинистой почве растет караган (*Caragana frutescens*) и песчаная полынь (*Artemisia agenaria*)⁽²²⁾.

Животная жизнь описываемой страны также не бедна видами, отличаясь при этом многочисленностью самих особей. Из крупных млекопи-

тающих на окрестном пустынном плоскогорье пасутся стада джигетаев (*Equus hemionus* ⁽²³⁾), которые встречались нам почти ежедневно. При виде их некоторые из наших лаучей-киргизов, имевшие хороших скакунов, пу-скались за ними в погоню, и, после часовой или двухчасовой ужасной скачки, им удавалось иногда поймать одного или двух. Для ловли они употребляли арканы и копые, железный наконечник которого загибался в виде багра, чтобы зацеплять на скаку животное. Совершенно здорового и взрослого джигетая чрезвычайно трудно догнать, даже на отличной лошади, а отстают, обыкновенно, и становятся добычей только больные: в числе 20—50 штук, составляющих табун, часто встречается один или два с наколотой, например, острым щепнем ногой или страдающий какою-либо другою болезнью, препятствующей быстрому бегу. Эти несчастные только и делаются жертвами гонцов. Однажды мы захватили маленького жеребенка. Он пасся с матерью в пустыне, в стороне от табуна. Когда киргизы погнались за этим табуном, она оставила свое дитя и пустилась тоже в бегство, а жеребенок, постояв несколько времени на месте, заметил наших лошадей и прибежал к нам сам. Он скоро стал совершенно ручным: позволял себя гладить, не боялся ни верблюдов, ни собак и охотно пил верблюжье молоко, которым мы его кормили. Но киргизы тайно закололи и съели это бедное создание, уверяя, что он будто бы захворал по дороге и не в состоянии был далее идти, между тем, как оказалось потом, ими руководило в этом случае страстное желание полакомиться его вкусным мясом.

Джигетаи живут преимущественно в окрестной пустыне, а на реке появляются только временно на водопой и мимоходом попасться на тучных ее береговых лугах. Тропинки, протоптанные ими по направлению к долине, встречаются в иных местах по несколько десятков на одной версте. Там, где увалы, ниспадающие в долину, очень круты, они пробираются в нее по выходящим туда ущельям, в которых все дно истоптано их копытами и покрыто кучами экскрементов. Следовательно, уже по одним этим признакам можно судить о громадном количестве джигетаев, привольно живущих в здешней пустынной местности.

В топких камышовых болотах самой долины водятся в огромном количестве кабаны (*Sus scrofa azeri*), следами которых покрыты все грязи поблизости густых камышей, служащих им приютом, а по вечерам и по утрам нередко можно слышать хрюканье, раздающееся в таких местах. В песчаных же буграх долины живут во множестве суслики (*Spermophilus mugodjaricus*), песчанки (*Rhombomys opimus*), тушканчики (*Dipus jaculus*) и барсуки (*Meles taxus*); в обрывах ее встречаются корсаки (*Canis corsac*), а в зарослях чия водятся в большом количестве маленькие серые длиннохвостые зайцы (*Lepus tolai?*).

Из пернатых обитателей долины реки Урунгу мы встречали: луня (*Circus cyaneus*), сокола пустельгу (*Falco tinnunculus*), зимородка (*Alcedo bengalensis*), саксаульную сойку, впрочем очень редкую (*Podoces hendersoni*), ласточку (*Hirundo riparia*), синицу-ремеза (*Parus pendulinus*), белоспинного дятла (*Picus leucopnotus*), обыкновенную сороку (*Pica caudata*), каменного голубя (*Columba livia*), горлицу (*Columba turtur*), копытчатого рябка (*Syrhaptes paradoxus*), серую куропатку (*Perdix cinerea*), две породы улиты (*Totanus calidris* et *T. ochropus*), болотную курочку (*Ortometra porzana*), лысуху (*Fulica atra*), гуся (*Anser cinereus*), три породы уток (*Anas bochas*, et *querquedula* et *A. strepera*) и баклана (*Phalacrocorax carbo*). Но чаек мы не видели тут ни одной ⁽²⁴⁾.

Пройдя около 200 верст вверх по реке, мы с высокого левого берега ее долины стали уже ясно различать Южный Алтай. Он простирается с С.-З. к Ю.-В. и в северной части, как нам казалось отсюда, состоит из трех параллельных цепей, из которых в средней, вероятно самой высокой, мы отчетливо видели снежную группу, состоявшую из нескольких массивных гор, примерно под $48^{\circ} 20'$ с. ш. и $58^{\circ} 30'$ от Пулкова долготы. Далее к Ю.-В., к верховьям Урунгу, видна была нам только передняя ближайшая цепь Южного Алтая, покрытая лишь кое-где спорадически малыми снежными пятнами. Местами эта передняя цепь понижается, образуя седловины, через которые были заметны вершины средней, или главной цепи, но снежных между ними не было. Подходя к р. Урунгу, передняя цепь Южного Алтая значительно понижается, но на левом берегу реки высота ее быстро увеличивается, и она опять достигает здесь почти такой же высоты, как и на севере от Урунгу⁽²⁵⁾.

Геогностическое строение холмисто-скалистого плоскогорья, как на севере, так и на юге от Урунгу, начиная с того места, где широкая долина реки суживается, т. е. в 160 верстах от Булун-Тохой, и до самого Южного Алтая, мы в состоянии выразить лишь в общих чертах, схематически. Преобладающие породы этой части, из которых состоят большей частью насажденные на плоскогорье скалы и гольцы, суть мелафир и фельзит, а к подчиненным породам относятся кремнистые сланцы и ортоклазовый порфир, развитые лишь местно. Из мелафира и фельзита не только состоят главным образом здешние высоты, но породы эти служат, вероятно, остовом всей высокой земле, как показывают многочисленные обнажения их в ущельях. Подчиненные же породы, т. е. кремнистые сланцы и ортоклазовый порфир, залегают более или менее обширными островами среди главных, преобладающих пород, обнажаясь, подобно им, в скалах, гольцах и ущельях. Кроме кремнистых сланцев и порфира, к подчиненным породам относятся здесь еще глинистые сланцы, переходящие иногда в тальковатые. Они залегают тоже отдельными островами и, будучи изогнуты и надломлены напором из недр поднятия какой-то породы, не имеющей обнажений, образуют антиклинальные морщины с преобладающими простирающимися NNO и SSO и углами падения от 20 до 50° . Поверхность высокой земли здесь, точно так же как и на западе, состоит из стлани аллювия, мощность которой колеблется в пределах от 1 до 3 и, много, до 4 футов. Осадочных мягких отложений и окаменелостей мы в этой местности не встретили нигде. Признаки же горных масс, распавшихся на месте своего существования, тут, на ровных местах, еще более явственны, чем в западной части плоскогорья.

Сопоставляя все сказанное о строении высокой земли, прорезаемой углубленной долиной реки Урунгу, можно с уверенностью полагать, что теперешние плоские в западной ее части бугры и еще сохранившиеся далее к востоку скалистые высоты были некогда посредствующими звеньями, соединявшими Тарбагатайскую горную систему с горами Южного Алтая. Хотя орографическое единство этих двух поднятий ныне и нарушается на пространстве около 60 верст, по крайней мере близ реки Урунгу, но несомненные признаки горных масс, возвышавшихся прежде в этом промежутке и тут же на месте своего происхождения и распавшихся, ясно показывают, что оба помянутые поднятия соединились некогда в одно орографическое целое непрерывно и весьма широкою цепью гор, огибавшею с юга многоводное горное озеро, наполнявшее в ту эпоху всю Булунтохайскую впадину. Может быть, даже и ныне Салбуртинские горы, посредством

ряда прерывающихся на небольшом пространстве низких и длинных кряжей, соединяются в местности к Ю.-Ю.-В. от озера Бага-нора, но южнее мест наших наблюдений на левом берегу долины р. Урунгу, с последними отпрысками Южного Алтая. По крайней мере, мы видели над этим самым местом обратное изображение в воздухе горного кряжа, хотя простым глазом и в бинокль не могли усмотреть там никаких гор, скрывавшихся от наших взоров на далеком расстоянии только, быть может, вследствие сферической фигуры поверхности и своей малой относительной высоты ⁽²⁶⁾.

По словам южноалтайских торгоутов, р. Урунгу составляется главным образом из двух горных речек — Булугуна и Чингиля. Булугун течет сначала с северо-востока на юго-запад, а потом прямо на запад, собирая в себя множество ручьев и речек, из которых торгоуты чаще упоминали: Ельтон, Тулатты, Гурбу-Джиргаланты, Чоган-гол и Баин-гол. Приняв в себя с правой стороны самый большой приток Чингиль, Булугун получает отсюда название Урунгу и вскоре после того оставляет Южный Алтай ⁽²⁷⁾. По выходе из гор, река на пространстве первых 25 верст течет с С.-В.-В. на Ю.-З.-З., потом круто поворачивает к С.-З., удерживая это направление на протяжении слишком 100 верст; далее, в средних частях, она направляется с востока на запад около 150 верст, описывая на этом пространстве большие излучины, затем поворачивает на С.-С.-З. и, наконец, в окрестностях г. Булун-Тохоя снова принимает западное направление и изливается в оз. Улюнгур несколькими рукавами. На всем пространстве от Южного Алтая до самого устья Урунгу не принимает ни одного притока. В нижних частях эта река носит еще другое название — Булун-Тохоя или Бурлу-Тохоя, но в среднем и в верхнем течении ее называют Урунгу, и только говоря о нижнем течении, употребляют безразлично названия: Урунгу, Булун-Тохой или Бурлу-Тохой.

Как водный путь Урунгу даже в полноводие совершенно неудобна для судоходства. Хотя в это время (в июне и июле) она бывает очень глубока, но течение ее тогда, даже в нижних частях, так быстро, что взводное плавание становится затруднительным, не говоря уже о верхнем течении, где она в ущельях несется с ужасною скоростью, едва ли допускающею какое бы то ни было плавание. Но и в нижних частях оно, кроме быстрых течений, встретит в период полноводия серьезное препятствие в массе плавника, который нескончаемую вереницей несется в это время всюду по реке ⁽²⁸⁾.

По спадению воды, в первых числах августа, на Урунгу во многих местах образуются мели, по которым ее можно свободно переходить вброд, хотя в плесах или омутах она и в это время бывает еще очень глубока. Кроме того, после каждого разлития в реку сваливается с подмытых берегов множество деревьев, держащихся своими корнями в берегах и загораживающих таким образом фарватер до следующего наводнения, а в ущельях в это время не редки водовороты и быстрины. На обратном пути, желая подробнее ознакомиться с геогностическим строением местности верстах в 45 от Южного Алтая на Урунгу, мы отправились 20 августа впятером на плоту вниз по реке. Несколько раз садились мы на мель, но все было благополучно, пока не въехали в теснину, имевшую около 20 верст длины, в которой далее протекала река. Лишь только мы показались в ней, нас понесло с такой силой, что не оставалось никакой возможности справиться с плотом, и он сделался игралищем бурной реки, стремившейся тут по крайней мере со скоростью 7 футов в секунду. Прежде всего мы

попали близ левого берега в водоворот, где наш плот вертелся около 10 минут, потом нас нанесло на прибрежную скалу, о которую с шумом и пеною разбивалась вода, оттуда на толстое дерево, торчащее с берега, потом раза три или четыре ударялись мы о прибрежные камни и, наконец, к благополучию нашему, были выброшены на широкий и плоский каменный мыс. Все эти страшные толчки наш плот выдержал и избавил нас, таким образом, от неизбежного крушения только благодаря толстой настилке из ветвей тальника, выдававшейся за его края и смягчавшей значительно удары.

В летнее время р. Урунгу совершенно необитаема кочевниками: на всем пройденном нами по ней пространстве мы не встретили ни одного человека. Только у подножия Южного Алтая увидели мы торгоутов, работавших на своих пашнях близ источника. От них, между прочим, мы узнали, что летом на р. Урунгу неудобно кочевать, так как появляющиеся там по временам комары и, в особенности, оводы сильно беспокоят скот, а потому кочевники предпочитают проводить это время года в Южном Алтае. К зиме же собираются на р. Урунгу многие аулы урянхаев⁽²⁹⁾, кочующих летом в горах Южного Алтая к северу от реки, а отчасти и южно-алтайских торгоутов, летние стойбища которых находятся в тех же горах, но только к югу от Урунгу.

Пройдя 312 верст от Булун-Тохоя вверх по р. Урунгу, мы достигли почти самой подошвы передовой цепи Южного Алтая, которая тут носит местное название гор *Кутус*. Долина реки, верстах в 20 от гор, имеет еще около 5 верст ширины и довольно отлогие увалы, но по мере приближения к горам увалы эти становятся круче, долина же суживается и переходит, наконец, в дикое ущелье, откуда вытекает река, осеняемая и здесь высокими лиственными деревьями, верхушки которых видны были нам с высоты.

23 июня мы оставили р. Урунгу, так долго сопутствовавшую нам, с которою мы как бы сроднились, и, повернув на юг, направились по гористой местности близ передовой цепи Южного Алтая — *Кутус*. Несмотря на гористый характер страны, по дороге нигде не встречается крутых подъемов и спусков, так как здешние горы, на скатах и вершинах которых часто торчат гольцы, имеют большей частью пологие склоны. Окрестная же местность отличается таким же пустынным характером, как и страна по обе стороны р. Урунгу, и караванное движение здесь становится возможным только потому, что у подножий встречающихся тут изредка высоких гор есть источники, расположенные верстах в 25—30 друг от друга. Около этих источников всегда лежат небольшие оазисы, представляющие единственные караванные станции. Впрочем, эта местность служит лишь преддверием той настоящей пустыни, которая лежит отсюда на юг и которую нам предстояло пересечь на пути в г. Гучен.

По мере движения к югу от р. Урунгу, мы поднимались постепенно все выше и выше, потом, перейдя плоский перевал, спустились немного по весьма отлогому спуску к роднику Кайче — первой караванной станции от Урунгу. Отсюда мы в первый раз перед солнечным закатом увидели самые высокие, снежные вершины Тянь-шаня, едва заметные простым глазом. Среди них резко выделялась, однако, могучая конусообразная гора Богдо-ола. Освещенная последними лучами дневного светила, она ярче других белела на отдаленном горизонте и, несмотря на огромное расстояние, отделявшее ее от нас, была ясно видима в бинокль.

Передовая цепь Южного Алтая, близ подошвы которой находится родник Кайче, сохраняет здесь сначала то же направление, как и на се-

вереве от Урунгу, т. е. с С.-З. на Ю.-В., но верстах в 45 или 50 от реки поворачивает к Ю.-В.-В. и идет в этом направлении на всем видимом пространстве.

Поднявшись на одну из выдающихся вершин этой цепи, мы могли обозревать оттуда обширное горное пространство: на севере от Урунгу мы снова увидели горную группу, самые высокие вершины которой были покрыты вечным снегом, и заметили опять, что в северной части Южный Алтай состоит из трех параллельных цепей и что эта снежная группа, как мы еще и ранее предполагали, принадлежала действительно средней, самой высокой и могучей, цепи. По мере приближения к истокам Урунгу, эти три цепи расчленяются на несколько ветвей, которых мы могли отличить ясно только 4, и вместе с тем, как нам казалось, уменьшается немного к стороне верховьев реки и средняя абсолютная высота этих раздробившихся членов. К югу от верховьев Урунгу такому дроблению системы отвечало подобное же ее расчленение. И тут мы насчитали 4 цепи, точно так же понижавшиеся к стороне верховьев реки, но к Ю.-В.-В. высота их заметно росла, и верстах в 200 в этом направлении от того места, с которого мы наблюдали, отчетливо видна была, опять-таки в центральной, самой высокой цепи, обширная группа снежных гор.

По словам торгоутов, Южный Алтай простирается в этом направлении весьма далеко, уходя в страну, где кочуют монголы ведомства Сойн-Нойн, до которой отсюда по крайней мере 40 дней пути, но и там еще эти горы не кончаются, добавляли они, а уходят неизвестно как далеко на восток. Система Южного Алтая, по всем признакам, в северной части должна быть уже, чем в верховьях р. Урунгу, где она сильно расчленяется и вместе с тем, как нам кажется, полнее развивается в горизонтальном направлении, но далее на Ю.-Ю.-В. с возрастанием высоты главных членов ее должна, казалось бы, уменьшиться и ширина всего поднятия. Впрочем, об этой части Южного Алтая мы не могли получить ясных и определенных сведений от здешних торгоутов, да и о ближайших к Урунгу частях его показания их были темны и сбивчивы, а чертежи, которые мы предлагали им делать на песке, у разных лиц отличались разногласием; поэтому мы остановились лишь на тех, у которых было больше общего и которые при этом согласовались несколько с нашими собственными наблюдениями и догадками.

Южный Алтай, как сообщали нам местные торгоуты, весьма богат пастбищами и представляет все удобства для кочевников, в особенности в летнее время. В высоких областях его растут густые леса сибирской лиственницы и ели, в которых живут в большом количестве медведи, маралы, косули, соболи, куницы, лисицы и белки, а в реках водятся выдры. Кочевники очень любят Южный Алтай и, как видно, сильно привязаны к своим родным горам, которые всегда расхваливают, перечисляя при этом все удобства их для жизни номада. Кроме скотоводства, южноалтайские торгоуты занимаются, отчасти, в небольших размерах, и хлебопашеством в горных долинах и у подошв гор около источников, из которых проводят на свои пашни арыки. Сеют они преимущественно пшеницу, совершенно сходную с китайской, а также просо и немного табаку.

От родника Кайче местность по направлению к югу становится несколько ровнее, горы Кутус уклоняются все более и более влево, а близ дороги, как и на предыдущей станции от Урунгу, часто встречаются обнажения темнубурого кремнистого глинистого сланца и фельзита, имеющих тут, повидимому, обширные месторождения. Далее к югу, в расстоянии

около 23 верст от родника Қайче, возвышается обширная, совершенно голая и весьма высокая гора Ушкэ из желтого гранита, от которой, как от узла, отходят к востоку и югу второстепенной высоты гранитные же гряды. Осматривая западный склон ее, мы нашли в одном месте в горе трещину, почти сплошь усаженную внутри друзами горного хрусталя. У западной части подножия Ушкэ лежит небольшое, около версты в окружности, соленое озеро, поросшее по берегам камышом, на котором мы встретили множество турпанов, уток, улитов и турухтанов. К югу от этого озера в 1 версте находится прекрасный родник *Джаксын* с небольшим оазисом, где мы и расположились на ночлег.

Продолжая движение к югу, мы на следующий день встретили близ дороги несколько желтых гранитных высот почти правильной конической формы, выступающих тут среди залежей кремнистых сланцев. Гранит этих высот совершенно сходен с гранитом горы Ушкэ и отходящих от нее на восток и юг кряжей. На 27-й версте от родника Джаксын лежит глубокая поперечная лощина, в которой протекает маленький ручеек Улун-Булак, образующийся из родников у подошв соседних высоких гор *Байтык-богдо*. Переночевав на этом ручейке, мы на следующий день поднялись из лощины и направились сначала по пересеченной несколькими неглубокими ложбинами местности, а потом стали постепенно подниматься по едва заметному склону на поперечную горную цепь. Эта невысокая, но широкая цепь гор, простирающаяся с С.-З.-З. на Ю.-В.-В, окаймляет холмисто-скалистое плоскогорье, по которому мы шли, с юга, служа ему окраиной. Над плоскогорьем гребень ее возвышается не более как футов на 400, но зато относительная высота его над соседнею, южнее лежащею равниной, должна быть не менее 2 000 футов. На С.-З.-З. эта цепь тянется так далеко, как только мог видеть глаз, и везде, повидимому, сохраняет в этом направлении почти одну и ту же высоту, но на Ю.-В.-В. от дороги высота ее быстро возрастает, и верстах в 20 от того места, где мы ее пересекли, она образует уже весьма высокое вспучение, футов 8000 абсолютной высоты, называемое горами *Байтык-богдо*, но далее к Ю.-В.-В. эта крайняя цепь понижается и идет, тоже на всем видимом пространстве, в Ю.-В.-В. направлении, следовательно параллельно передовой цепи Кутус Южного Алтая.

Достигнув подножия помянутой окраинной цепи, мы встретили близ него несколько выходов двух разновидностей серого гранита и одной разновидности серого же сланцеватого гнейса, но самая цепь состоит из темнубурого кремнистого глинистого сланца, прорванного местами кварцевым порфиром и фельзитом. Вступив по весьма отлогому, едва заметному подъему в эту крайнюю цепь, мы тотчас же должны были спускаться по страшной крутизне в глубокое ущелье. Хорошо еще, что спуск этот извивается зигзагами, уменьшающими несколько падение, но все-таки без поддержки верблюды в этом месте не могут безопасно сходить, а из двух телег, бывших в караване, пришлось выпрягать лошадей и поддерживать их веревками. Это был, впрочем, единственный на всем пути до Гучена страшно крутой спуск.

Спустившись в ущелье, среди которого течет небольшой ручеек *Кюн* и расстилается неширокой, но длинной зеленой лентой мягкая и сочная травяная растительность, мы остановились для ночлега, пройдя всего в этот день 12 верст. Такой роскошный оазис, представляющий прекрасную во всех отношениях караванную станцию, приходится как нельзя лучше кстати: впереди лежащая местность представляет совершенно

пустыню на пространстве 150 верст, и, чтобы перейти ее благополучно, необходимо предварительно откормить здесь хорошенько верблюдов и, в особенности, лошадей.

Простояв на ручье Кюп целые сутки, мы, сопровождаемые проводником-торгоутом, отлично знавшим, как это и подтвердилось после, окрестную местность, тронулись в путь. Около 5 верст шли мы горами тем же самым ущельем, в котором стояли, спускаясь все ниже и ниже, и, наконец, вышли на обширную равнину, называемую *Ламан-Крюм-гоби* и представляющую, как нам кажется, не что иное, как западное продолжение Великой среднеазиатской пустыни⁽³⁰⁾. Действительно, отсюда начинается уже настоящая унылая, мертвая пустыня со всеми явлениями, свойственными этим печальным землям. Горячее дыхание ее мы почувствовали тотчас же, как только спустились на нее из гор. Но опасения мало тревожили нас это время, так как собранные нами о ней от торгоутов и встречных китайцев сведения показывали, что она вовсе не так страшна, как нам рисовали ее в Булун-Тохое, да к тому же мы имели еще хорошего проводника. Без последнего в жаркое время года крайне рискованно пускаться в эту местность, потому что две станции нужно проходить ночью, когда очень легко сбиться с здешней неторной дороги и погибнуть окончательно от жары и жажды.

По выходе из гор, мы направились по ровной, твердой поверхности пустыни, почти сплошь усеянной щебнем, галькою и гравием, сквозь которые пробивался низкорослый, тощий вереск, колочки и низенькие кустики карагана, но последние по мере удаления от гор исчезли и встречались далее только в неглубоких рывтинах, образуемых, вероятно, весенними потоками. Здесь сохранились местами те же признаки распавшихся гор, как на плоскогорье в нижних частях р. Урунгу, свидетельствующие о существовании в этой местности некогда разнообразного рельефа, с утратой которого она лишилась несравненно более интенсивной органической жизни, развивавшейся на ее поверхности, и стала мертвою пустыней. Мы имели возможность проследить подобные признаки изменения рельефа на плоскогорье левого берега р. Урунгу во всех фазах их проявления, начиная от едва заметных, или, так сказать, антизачаточных, до таких, которые не оставляли ни малейшего сомнения и, вместе с тем, казались нам совершенно аналогичными с первыми. Поэтому, встретив тут точно такие же следы распавшихся гор, мы не сомневаемся в существовании их прежде на нынешней равнине Ламан-Крюм-гоби.

Равнина, по которой мы шли, сначала на протяжении первых 25 верст имеет легкий склон на юг, потом начинается слабый, едва заметный подъем к стороне протянувшейся по пустыне с С.-З. на Ю.-В. невысокой цепи гор *Намейчу*, сочленяющейся с помянутой окрайною цепью верстах в 40 к С.-З.-З. от дороги увалами, покрытыми мелкосопочником, среди которого резко выделяется высокая гранитная гора *Бабагай*. Протяжение же этой поперечной цепи незначительно: пройдя верст 40 от дороги к Ю.-В., она оканчивается в пустыне мелкосопочником. Поднимаясь к ней по отлогому склону, мы неоднократно встречали на поверхности совершенно ровные, в виде огромных плит, обнажения желтого гранита, совершенно сходного с гранитом горы Ушкэ, о которые копыта наших лошадей звучали, как по каменной мостовой. Наконец, отойдя верст около 30 от предыдущей станции, мы вступили в широкую поперечную долину цепи Намейчу. Обнаженные горы этой цепи, состоящие из черного кремнистого глинистого сланца, имеют траурный, печальный вид и производят такое грустное.

настроение в наблюдателе, что так и хочется скорее их покинуть. Среди пологих, куполообразных черных высот воздымаются изредка такие же куполы желтого гранита, совершенно сходного с виденным нами на пути. Этот последний, очевидно, прорвал наиболее древние кремнистые глинистые сланцы, но не оставил никаких заметных следов метаморфизации. Желтый гранит здешних высот легко выветривается, и образовавшийся из него песок разносится ветрами, так что поблизости этих высот всегда встречаются песочные наносы, остановленные в своем движении неровностями местности, а около самых высот лежат мощные отложения дресвы, еще не успевшей перейти в песок.

Пройдя около 3 верст горами, мы остановились в той же поперечной долине у маленького источника *Чюйже*, вытекающего из скалы, около которого есть небольшой оазис с весьма скудной травянистой растительностью. Но и этот жалкий оазис с своим источником представляет тут щедрый дар природы, и без него едва ли возможно было бы движение поперек пустыни, так как до следующего оазиса считается отсюда 72 версты и на всем этом пространстве нет ни капли воды, ни одной былинки. Если же отнять от нее оба эти смежные оазиса, то наверное можно сказать, что ни один человек не осмелится летом пересекать ее в этом направлении.

Несмотря на крайне бедную природу описываемой пустыни, в ней живут, однако, некоторые млекопитающие. Подходя к роднику *Чюйже*, мы встретили около него стадо волков, приходивших сюда, очевидно, на водопой, а присутствие этих плотоядных указывало, что тут должны водиться и некоторые травоядные. Действительно, во время нашей стоянки у источника *Чюйже*, сайги (*Antilope saiga*), томимые жаждой, неоднократно показывались на соседних высотах и стояли подолгу, не осмеливаясь в нашем присутствии приблизиться к воде, но едва только наш караван успел отойти с $1\frac{1}{2}$ версты от родника, как их сбежалось туда штук около двадцати⁽³¹⁾.

У ключа *Чюйже* мы простояли целые сутки: нужно было дать отдохнуть хорошенько лошадям и верблюдам для предстоящего трудного перехода в 72 версты по совершенно безводной местности. Эту длинную станцию, по крайней мере в летнее время, проходят всегда ночью, так как при дневном зное, достигающем здесь 40° по Р, движение становится крайне затруднительным даже для верблюдов, не говоря уже о лошадях, из которых только разве самые сильные и выносливые способны выдержать такой длинный переход в страшную жару. Поэтому и мы порешили сделать этот переход непременно ночью, дав кратковременный роздых на полпути. Запасшись на всякий случай водой и напоив вдоволь верблюдов и лошадей, мы выступили в путь около 5 часов пополудни; жар уже спал, но термометр Реомюра показывал еще $+28^\circ$ на солнце. Сначала версты 3 мы шли горами *Намейчу* по широкой и ровной поперечной долине, а потом вышли на обширную равнину *Бартэнь-гоби*. Эта равнина показалась нам, сравнительно с *Ламан-Крюм-гоби*, еще более пустынной: там по крайней мере почва везде покрыта тощим вереском и колючками, между тем как здесь встречаются местами глинистые пространства, совершенно лишенные и этих жалких кустарников. В остальных местах поверхность равнины, в особенности на севере, покрыта щебнем, галькою и гравием и вообще отличается таким же характером, как и поверхность *Ламан-Крюм-гоби*, с тою лишь разницей, что здесь, в северной части, следы расплавленных на месте гор сохранились с еще большей ясностью. Тут на некоторых бугроватых возвышениях, усеянных острым щебнем и галькою,

торчат гольцы темного кремнистого глинистого сланца с осыпями по сторонам, а еще ближе к горам Намейчу возвышается несколько совершенно голых из той же породы скал.

Пройдя около 35 верст, мы в час пополудни остановились на привал и, поспешно по команде развьючив верблюдов, уложили их на землю, а лошадям после получасового отдыха задали по горнцу овса. Окончив уборку лошадей, наши казаки не забыли и себя: быстро развели они из сухих карагановых корней костры и, наполнив котелки запасной водой, стали варить чай. А мы любовались в это время редким зрелищем, которое не увидишь в наших местах никогда, — восхождением и захождением малой величины звезд, которые здесь, благодаря необыкновенной прозрачности атмосферы, ясно видны были близ самого горизонта до 4-й величины включительно, не говоря уже о крупных, появившихся последовательно блестящими, алмазными точками на восточной окраине небосклона⁽³²⁾.

С рассветом караван так же быстро по команде навьючился, и мы, пользуясь утреннюю прохладой, тотчас же направились вперед. Характер равнины несколько изменился: она стала волнистее и мягче, щебень и галька встречались уже реже, появились плоские хребтообразные увалы, тянувшиеся от востока к западу и представлявшие собой, по всей вероятности, остатки измельченных в муку горных кражей. Около 9 часов утра, когда термометр поднялся до $+ 20^{\circ}$ P, мы стали понемногу замечать явления миража: сначала мы видели обратные изображения невысоких плоских кражей, появившиеся в юго-восточной части пустыни, потом нам представлялись вдали небольшие озера, окаймленные по берегам деревьями. По мере приближения к этим мнимым озерам, видимым близ дороги, они исчезали поочередно, и в тех местах, где заметны были эти оптические метеоры, мы, подъехав ближе, увидели лоснящиеся, совершенно голые глинистые площади, окаймленные по краям низкорослым караганом.

На 55-й версте этой утомительной станции мы встретили около самой дороги ламайскую кумирню, стоящую одиноко среди пустыни. Она состоит из маленькой деревянной постройки, внутри которой против входа стоят на особом возвышении несколько деревянных, грубой работы кумиров, а перед ними медные чашечки с хлебными зёрнами и кучки китайской монеты — чохов. По стенам развешено несколько картин, снаружи же под навесом — небольшой чугунный колокол с зубчатыми краями. Эта кумирня, по всей вероятности, посещается только на перепутье, потому что окрестная местность совершенно безлюдна.

К востоку от кумирни простирается плоская возвышенность, поднимающаяся над равниной футов на 150 и ниспадающая к ней крутым обрывом. Она имеет около 15 верст ширины по направлению с севера на юг, а на восток от дороги простирается на неопределенное расстояние. Эта возвышенность представляет редкое и вместе с тем загадочное явление: она состоит из слоистой, желтовато-розовой глины, подвергавшейся действию весьма высокой температуры, раскалившей ее до такой степени, что она стала необыкновенно твердой и звонкой. Пласты разделены тонкими, не везде ясными прослойками другой разности глины, пепельно-голубой, желваки которой заметны местами и в пластах основной массы. Около обрыва лежат во множестве шлаковидные, пузырчатые куски прокаленной глины, образующие у его подошвы на всем протяжении как бы россыпь, но ни следов каменноугольного пожара, никаких других признаков, которые указывали бы на причины этого любопытного феномена, мы

не заметили⁽¹³⁾. Впрочем, нами осмотрен был этот увал только в двух местах, отстоявших одно от другого верст на пять, и в каждом месте мы наблюдали пространство не более 50 сажен. Невыносимый жар, около 40° Р, во время которого мы производили тут наблюдения, не позволил окончательно заняться подробным изучением этой интересной высоты, а на обратном пути мы, к сожалению, проходили здесь уже поздно вечером.

В 12 верстах от кумирни характер местности совершенно изменяется: тут начинаются высокие песчаные холмы, покрытые саксаулom (*Haloxylon ammodendron*)⁽³⁴⁾. Пройдя версты 3 этими холмами, мы увидели впереди зеленеющую поляну, которую наши верблюды тотчас же начали приветствовать радостным, но невыносимым ревом.

Оазис, которого мы достигли после трудного 72-верстного перехода по безводной местности, простирается по обоим берегам маленького ручейка, состоящегося тут же из нескольких родников, и имеет около версты длины и с 1/2 версты ширины. Ручеек образует два миниатюрных, солончатых озерка, поросших по берегам камышом, на которых мы встретили несколько штук турухтанов (*Machetes rufas*), а на самых источниках неоднократно замечали песчаных куropаток (*Pterocles arenarius*), прилетавших сюда пить. Оазис этот известен под названием *Гашунь* и лежит в трех верстах к северу от китайского пикета того же имени, расположенного тоже у источника, но с весьма скудным оазисом.

Флора оазиса Гашунь отличается страннопримным характером: к немногим видам, повсеместно встречавшимся нам в предыдущих оазисах, здесь примешивается значительное количество таких видов и даже родов и семейств, которых в тех оазисах мы вовсе не встречали. Это, с первого взгляда странное, явление объясняется солонцеватой почвой оазиса Гашунь и значительным понижением этой местности, сравнительно с соседним оазисом Чюйже и в особенности с оазисами предгорий Южного Алтая.

В оазисе Гашунь мы догнали партию китайских переселенцев, в числе около 200 человек, шедшую впереди нас из Булун-Тохоя же в Гучен. Китайцы откармливали тут свой исхудалый скот и вытравили почти весь корм. Они стояли лагерем в палатках, напомиравшим большой цыганский табор, поблизости которого пасся скот, а около палаток играли нагие, загорелые ребяташки, дымилась костры и сидели группами китайцы, потягивая свои оригинальные металлические трубочки.

В этом оазисе мы должны были также простоять слишком сутки, чтобы перейти ночью еще одну утомительную станцию в 53 версты по совершенно безводной местности и притом по сыпучим пескам. На следующий день, в 4 часа пополудни, караван стал выючиться, к 5-ти мы были уже совершенно готовы и тронулись в путь, запасшись на всякий случай 4-мя большими бочонками воды. Пройдя около версты, мы вышли на совершенно ровное, горизонтальное плато, простиравшееся верст на шесть от востока к западу в длину и около двух верст в ширину. Местами оно было покрыто низеньким, редким камышом, и кое-где на поверхности обнажались залежи чистой самосадочной соли. Очевидно, что эта местность была некогда дном соленого озера с весьма плоскими берегами, от которых остались едва заметные признаки. В трех верстах к югу от оазиса Гашунь стоит маленькое из сырцового кирпича здание — это китайский пикет того же имени, расположенный у источника среди небольшого крайне бедного оазиса. За этим пикетом тотчас же начинается песчаная пустыня, имеющая около 50 верст ширины и состоящая из высоких песчаных сугро-

бов, поросших саксаулум (*Haloxylon ammodendron*). Трудно представить себе местность печальнее и однообразнее этой безжизненной пустыни: куда ни построишь — везде возвышаются песчаные бугры, повсюду царствует мертвая тишина, не нарушаемая ни щебетанием птички, ни звуками насекомых. Но в действительности и эта скудная земля не лишена животной жизни, даже высшей: тут в песчаных барханах живут в большом количестве какие-то грызуны, вероятно песчанки, норки которых встречаются во множестве, а к западу от того места, где мы шли, по словам нашего проводника, водятся дикие верблюды, следы которых поперек дороги он нам показывал⁽³⁵⁾.

Эта песчаная пустыня, называемая китайцами *Хан-Жинель-син*, а торгоутами *Гурбун-Тунгут*, простирается верст на 50 к востоку от дороги, по которой мы шли, а на северо-запад она отходит весьма далеко, оканчиваясь где-то в пространстве между озером Аяр-нор и южною оконечностью хребта Семис-тау. Ширина же ее колеблется от 50 до 70 верст, а в тех местах, где она отделяет от себя рукава, достигает даже 80 верст. Пустыню эту, однако, нельзя назвать абсолютно безводною: так, в ней встречаются, хотя и очень редко, углубленные котловины, поросшие на дне редким, тощим камышом, с ямами солоноватой или горько-солоноватой воды и редко совершенно пресной. Но и эти водохранилища в состоянии спасти от мучительной смерти несчастного путника, заблудившегося здесь во время летних жаров, и служат, как нам сообщали торгоуты, местами водопоев диким верблюдам, углубляющим своими копытами засорившиеся ямы.

Песчаные продолговатые бугры пустыни Гурбун-Тунгут, среди которых мы шли, имеют вид кряжей, направляющихся преимущественно с С.-З. на Ю.-В. и часто сочленяющихся между собой второстепенными ветвями, образуя, таким образом, почти везде по дороге полуэллипсоидальной формы котловины, обращенные своими вершинами к северо-западу. Происхождение этих песчаных кряжей следует, по нашему мнению, приписать выветрившимся тут же на месте невысоким гранитным кряжам, так как в котловинах изредка встречаются плитообразные обнажения желтого гранита, сходного с тем, который мы видели, подходя к роднику Чюйже. Эти обнажения в некоторых местах простираются до 10 кв. сажень, представляя собой плоские каменные твердыни, о которые звонко ударялись подковы лошадей, производя ночью искры. Весьма вероятно, что остовом наиболее возвышенных здешних кряжей с столь правильными простираниями служат остатки выветрившихся гранитных хребтов, покрытых прежде всего хрящом, потом дресвою и, наконец, сыпучим чистым кварцевым песком, от них же происшедшим и послужившим впоследствии могилою этим уже отжившим свое время остаткам⁽³⁶⁾.

Дорога, по которой мы пересекали песчаные кряжи, аккуратно на каждой версте имеет один, а иногда и два подъема с столькими же спусками. Подъемы, несмотря на их незначительную крутизну и протяжение, крайне затруднительны для телег по таким сыпучим пескам. О колесном движении даже с легко нагруженными повозками тут не может быть и речи: две сильные лошади едва в состоянии были протащить пустую легонькую тележку, которую на обыкновенной дороге один человек совершенно свободно передвигал с места на место. В другую нашу телегу, в которой помещался большой казак, пришлось запречь тройку лошадей да подсоблять еще им посредством лямок на подъемах. Китайские переселенцы, шедшие вслед за нами с своими тяжелыми двухколесными по-

возками, погубили тут много лошадей и быков. Впрочем, не одни только эти переселенцы отдали дань пустыне Гурбун-Тунгут: по сторонам дороги часто встречались скелеты и кости лошадей, быков, верблюдов и мулов, сделавшихся жертвою пустыни, которые ясно свидетельствовали, с какими трудностями и лишениями сопряжено движение по этому ужасному пространству. Но мы счастливо обошлись, не потеряв тут ни одной лошади, ни одного верблюда. Даже бараны, которых мы в числе 150 штук гнали за собой, все до одного благополучно перешли пески.

Около полуночи мы остановились на ночлег и так же быстро, по команде, как и среди предыдущей станции, развьючили верблюдов и уложили их на покой, а лошадям после получасовой выдержки задали по гарнцу овса. Управившись с лошадьми, казаки и здесь не преминули развести костры и сварить себе свой любимый кирпичный чай, составляющий для них первостепенный жизненный продукт и отраду их в походе.

С рассветом караван навьючился и тронулся вперед. Верстах в пятнадцать от ночлега при солнечном восходе перед нами предстал во всей своей утренней прелести хребет Тянь-шань, тянувшийся подобно гигантскому валу, со множеством снежных вершин, освещенных великолепным матовым светом. Но наиболее приковывала наши взоры величественная Богдо-ола, самая высокая гора этой части хребта, рядом с которой торчала также весьма высокая вершина, названная нами потом в шутку младшей сестрой Богдо-ола. К Ю.-В.-В. от последней, верстах примерно в двадцати, видна была третьей уже величины массивная куполообразная снежная гора. Затем весь гребень хребта к востоку от Богдо-ола был усажен снежными вершинами, сливавшимися в иных местах в один общий снеговой покров. Вскоре за последними песчаными буграми пустыни показалась обширная зеленеющая равнина. Завидев ее, наши лошади подняли уши и, видимо, ободрившись, прибавили шагу и потом стали ржать, а за ними верблюды, шедшие позади, тоже мало-помалу начали приветствовать эту равнину своим невыносимым ревом. И вот под звуки этого концерта мы вступили в обетованную землю, показавшуюся нам в то время, без преувеличения, земным раем сравнительно с оставшеюся позади пустынею, на которую природа, как бы в наказание, наложила печать омертвения.

Вступив на эту роскошную равнину, покрытую густой, высокой и разнообразной травянистой растительностью, мы встретили на ней множество китайских фанз (домов), разбросанных наподобие стдельных ферм, обнесенных вместе с надворными строениями кирпичными оградами. Поблизости фанз везде виднелись засеянные поля с струившимися среди них арыками, берега которых, как и самые фанзы, обсажены тенистыми ильмовыми деревьями (*Ulmus pumila*)⁽³⁷⁾. Словом, все дышало здесь жизнью и довольствием. Во многих фанзах жили китайские семейства, остальные же были необитаемы. До дунганского восстания эта местность была густо заселена китайцами, но во время мятежа население частью уничтожено дунганцами, частью спаслось бегством на восток. Следы опустошения, произведенного здесь инсургентами, заметны почти на каждом шагу: полуразрушенные и сожженные фанзы, иссохшие арыки и осенявшие их деревья служат неоспоримыми свидетелями тому, что страна подверглась неприятельскому нашествию. Только в последнее время, именно с 1874 г., когда стали прибывать сюда в большом числе китайские войска, вслед за ними начали появляться и поселенцы в эту местность.

Пройдя верст пять по равнине, мы остановились на берегу небольшого ручейка среди тучного луга, на котором свободно могли бы пастись

целое лето сотни три лошадей. Местность эта называется китайцами [монголами] *Битун-цоджи*, или, иначе [китайцами], *Бей-дао-цао* и составляет лишь ничтожную часть широкой плодородной полосы, тянувшейся вдоль северного подножия Тянь-шаня. Едва успели мы расположиться, как к нам сбегалась с окрестных фанз большая толпа китайцев, с любопытством рассматривавшая нас сначала издали, но потом, видя, что мы люди мирные, стала постепенно приближаться к нам и разбрелась по лагерю.

Спустя часа два, наши казаки уже дружелюбно беседовали на каком-то неведомом языке с сынами Небесной империи, мирно покуривая с ними трубочки. Но, к сожалению, им не удалось добыть от китайцев ничего съестного, потому что последние сами недавно прибыли сюда и не успели еще обзавестись.

От Бей-дао-цао до Гучена оставалось всего верст двадцать. На следующий день мы направились к городу по широкой и торной дороге, по сторонам которой везде виднелись фанзы, засеянные поля и арыки. Миновав большой красивый буддийский храм, стоящий близ дороги, увидели мы, наконец, после 47-дневного пути желанный г. Гучен — конечную цель нашего путешествия. Через час мы находились уже под стенами города, расположась на правом берегу маленькой речки Хаба, окаймляющей своей излучиной город с востока и севера.

* *
*

Весть о нашем прибытии очень скоро разнеслась по городу, так что не прошло и часа, как мы были окружены китайцами, из которых большинство пришло просто из любопытства поглазеть на нас; остальные, должно быть купцы, расспрашивали, с какими товарами пришел караван и надолго ли останется в городе. Но, получив ответ, что наш караван привез только хлеб для войск, купцы вскоре разошлись, а остальная публика, состоявшая преимущественно из солдат, продолжала осаждать нас до позднего вечера. В это время в Гучене стоял целый корпус китайских войск, расположенный частью в самом городе, частью под его стенами лагерем, и пребывал сам корпусный командир — генерал Шаутун-Лин.

На другой день по приезде я должен был представиться этому генералу как старшему начальнику в городе и еще кое-каким местным властям. Запасшись визитной карточкой, наскоро сфабрикованною каким-то услужливым китайцем, я отправился около 11 часов утра в сопровождении переводчика и 10 казаков в город. Подъехав к квартире корпусного командира, мы, следуя китайскому этикету, послали к нему с нашим чичероне китайцем визитную карточку, а сами должны были ожидать несколько минут ответа на дворе. Вокруг нас собралась в это время густая толпа народа, рассматривавшая с большим любопытством иноземцев и делавшая различные замечания на наш счет. Некоторые, наиболее любопытные, прсбовали даже ощупывать наши седла, стремяна и кстати уже и ноги. Вскоре, однако, от корпусного командира вышел офицер и передал мне приглашение войти. Сопровождаемые им, мы с переводчиком отправились пешком на второй, чистый, двор и там были любезно встречены самим Шаутун-Лином, тотчас же пригласившим нас в свою приемную. Корпусный командир на вид казался еще молодым, лет 33, много 35, и имел симпатичную наружность, средний рост и коренастое сложение. По происхождению он был, как мы узнали после, маньчжур и пришел с своим корпусом в Гучен незадолго до нас, а прежде постоянно находился в Су-чжоу и во время усмирения в той мест-

ности дунганского восстания явил редкий между китайскими военачальниками пример великодушия, не казнив ни одного мятежника, за что и пользовался популярностью в среде тамошнего магометанского населения.

Приемная корпусного командира состояла из большой светлой комнаты, просто, но прилично мебелированной. У стены, против входных дверей, стоял небольшой письменный стол, заваленный книгами и бумагами, на котором, между прочим, было разбросано несколько европейских безделушек. На стене близ стола висела в рамке интересная карта Западного Китая с перспективным изображением гор и широчайшими реками. Вдоль чисто выбеленных стен стояли мягкие четырехугольные табуретки, обитые красным сукном, а налево от дверей помещались нары, покрытые таким же сукном и занимавшие почти четверть комнаты.

Во время приема, продолжавшегося более часа, генерал угощал нас прекрасным чаем и манильскими сигарами. Кроме меня и переводчика, в комнате находилось еще несколько офицеров и три мальчика. Двое из них, вооруженные деревянными палочками, усаженными короткими перьями, постоянно смахивали с генерала мух, а третий приготовлял ему кальян, поминутно вычищая и снова накладывая миниатюрную металлическую трубочку и поджигая ее тлевшим фитилем.

Шаутун-Ли расспрашивал меня о дороге, по которой мы шли, о России, о том, как у нас живут, чем преимущественно занимаются и каковы наши войска. В особенности его интересовали железные дороги и телеграф, о которых он кое-что слышал. Сведения же китайского генерала о нашем отечестве были крайне ограничены, или, лучше сказать, он имел весьма смутное понятие только о соседних с Небесною империей наших землях, но больше ничего не знал.

Побеседовав с ним около часа и испросив разрешение осмотреть вооружение войск его корпуса, я простился и отправился странствовать по городу.

Город Гучен стоит на равнине, на левом берегу речки Хаба и имеет в окружности около 5 верст. В нем находятся три цитадели, или, точнее, кремля, в одном из которых помещались в то время военные управления и хранились запасы для войск, а в двух других сосредоточивались преимущественно торговые и промышленные заведения.

Лучшая и наиболее оживленная улица города находится в большом кремле и представляет вместе с тем и базар.

По обе стороны ее на протяжении почти полуверсты тянутся ряды лавочек, устроенных в самых домах, с широкими разборчатыми дверьми на улицу. Проезжая по этой улице, мы на каждом шагу встречали разнообразные предметы и сцены, сменявшиеся здесь, как в калейдоскопе. Чего только не творилось тут! Вот цырюльник в небольшой комнатке с открытой на улицу дверью бреет спокойно сидящего китайца и, окончив эту операцию, раскладывает своего пациента на скамью или просто на пол и начинает ему растирать живот, спину, грудь. Далее, на той же улице, над самым тротуаром, мясник снимает с барана шкуру, а вокруг него лежит целая стая собак, умильно созерцающих эту сцену в ожидании подачи. Тут же на улице устроены небольшие печи, в которых готовится для желающих разное кушанье и пекутся на пару в особых, вмазанных в эти печи, котлах пирожки, начиненные донельзя луком. Кухмистерские и чайные, которых здесь считалось до десяти, постоянно были наполнены посетителями; иные за недостатком места усаживались при входе под навесами и тут же пили чай или закусывали. Рядом помещаются лавки, и

в них целый день толпятся покупатели. Внутри во многих домах действовали ручные мельницы, и шум их жерновов слышался снаружи. По улице беспрестанно двигались взад и вперед китайские двухколесные повозки, запряженные мулами или лошадьми, тянулись вереницами верблюды и шнырял туда и сюда народ. Повсюду шум и гам неумолкаемый. Противный запах кунжутного масла, на котором готовилось в иных местах кушанье, заставлял по временам зажимать нос. Грязь и зловоние царствуют везде. На одной из окраинных улиц валялись скелеты павших верблюдов, тут же на месте и разложившихся. Когда в городе падет где-нибудь на видном месте верблюд или корова, то сейчас же сбегается целая толпа народа и вырезает из несчастного животного еще живо лучшие куски мяса, а остальное оставляют гнить, если не съедят во-время собаки. Только с главной улицы убирают падаль и бросают ее в речку Хаба несколько ниже города.

Население г. Гучена во время нашего пребывания состояло из 8 000 человек, в том числе 6 000 китайцев и 2 000 мусульман. Войск же в нем было тогда 22 000, из которых 20 000 вскоре ушли под Манас, а на место их прибыли новые из Баркуля в числе около 5 000 человек. Торговля в городе, по случаю пребывания большой массы войск, была весьма оживленная. В нем насчитывалось тогда около 200 лавок и до 20 оптовых складов. Продавались даже немногие английские металлические изделия и мануфактуры, в особенности шертинг⁽³⁸⁾, но по весьма высоким ценам. На некоторые из наших произведений был также сильный спрос, и цены на них стояли очень высокие.

В особенности же здешнее население крайне нуждается в железе разных видов и металлических изделиях вообще, которые всегда найдут себе тут выгодный для наших купцов сбыт, так как доставка из внутреннего Китая железа и тяжеловесных из него изделий, как-то: котлов, лопат, топоров, ломов, гвоздей, проволоки, обходится очень дорого.

Под стенами города мы простояли трое суток, потом перешли на другое место на той же речке Хаба, подальше от него [города], чтобы избавиться от нашествия непрошенных зевак, ежедневно с утра до ночи осаждавших наш лагерь, и отчасти за недостатком под городом хорошего подножного корма. Поблизости вновь избранного нами лагерного места было разбросано множество жилых фанз, обсаженных ильмовником, вокруг которых простирались засеянные поля. Все фанзы обнесены кирпичными стенами, и внутри такой ограды помещается от одного до трех жилых строений из сырцового кирпича с надворными постройками. В каждой из этих ферм живет, смотря по ее обширности, одна или несколько родственных семей. Жилые помещения состоят из одной или двух и много трех комнат без печей, которые заменяет так называемый кан. Это невысокая во всю ширину комнаты лежанка, занимающая целую треть, а иногда и половину ее, с маленькою топкою и несколькими боковыми коллодцами, нагревающими всю горизонтальную поверхность кана, служащую китайцам общему кроватю. Комнаты же эта печь почти вовсе не в состоянии нагревать, тем более что у китайцев оконные стекла заменяются просвечивающею бумагой, сквозь которую, однако, ровно ничего не видно на дворе. Стол, несколько табуреток, сундуков и шкафиков для домашней посуды составляют мебель, а развешенные по стенам дешевенькие картины с весьма разнообразными сюжетами, начиная с мифических и кончая самыми обыденными житейскими сценами, довершают убранство комнаты. У зажиточных нередко встречаются небольшие зеркала в

рамках с пьедесталом, имеющим выдвигной ящик, деревянные кровати и оружие на стенах, наши русские медные тазы и подносы, разукрашенные цветами, и некоторые китайские национальные безделушки.

Жилища свои китайцы любят обсаживать деревьями, так что очень редко можно встретить фанзу, около которой их нет. По берегам арыков, точно так же очень часто встречаются ильмовые аллеи и заросли кустарников. Вокруг фанз расположены небольшие прямоугольные поля с струящимися по краям их арыками. Искусство ирригации у этого народа доведено, можно сказать, до совершенства. Китайцы без всяких инструментов, просто на-глаз, отлично нивелируют местность и не проведут напрасно арыка. В наиболее возвышенном углу поля помещается у них обыкновенно резервуар, или приемник, вроде большой ямы, обложенной внутри дерном, с дерновым же валом по окружности. Внутренность этого приемника пробивается слегка глиною. Чтобы оросить поле, запирают наскоро набросанную земляной плотиной ближайший к приемнику арык, немного выше приемника, и по отводной ветви с валиками по бокам наполняют из него резервуар водою, поверхность которой в приемнике будет, таким образом, стоять несколько выше поверхности поля. После этого спускают воду из приемника на поле, которое тотчас же превращается в мелкую лужу с припавшим к земле хлебом. Сеют китайцы преимущественно пшеницу, отчасти особый вид гороха, которым кормят преимущественно лошадей и мулов, потом просо, табак, а также разводят овощи: морковь, редиску и огурцы. Хлеб молотят сыромолотом в поле на плотно утрамбованной площадке. Вместо цепов употребляют каменную шестигранную призму с продольным по оси цилиндрическим отверстием, сквозь которое продевается тонкая деревянная жердь. К концам жерди привязываются веревки, с помощью которых катят эту призму по разостланному на площадке хлебу и разбивают, таким образом, ее гранями и углями колосья.

Кроме жилых фанз, в окрестностях г. Гучена повсюду встречается множество нежилых, но совершенно целых, а также многочисленных развалины сожженных или просто разрушенных дунганами китайских жилищ, кумирен и других сооружений. Иссохшие арыки бороздят по всем направлениям эту местность на всем пространстве от Тянь-шаня до песчаной пустыни Хан-Жинель-син. Эти остатки кипевшей тут некогда человеческой деятельности ясно свидетельствуют, что описываемая местность была прежде весьма густо заселена китайцами и, вероятно, в скором времени населенность ее достигнет прежних размеров. Уже во время нашего пребывания в 1876 г. плотность населения в окрестностях города Гучена была весьма значительна, а между тем постоянно прибывали новые поселенцы. Судя по плодородию страны, которым она обязана близкому соседству громадного снежного хребта, можно утвердительно сказать, что здесь в состоянии прожить безбедно по крайней мере тысячи две человек на квадратной миле, разумеется при том трудолюбии и искусстве орошения, которые, говоря по справедливости, нельзя не признать в китайцах. Весьма вероятно, что такова и была в действительности прежде, до дунганского восстания, густота местного населения, вынужденного покинуть на время эту привольную страну.

Спустя несколько дней по приезде мы с переводчиком в сопровождении 12 казаков отправились в местечко Чжемисса, лежащее в 40 верстах от Гучена к западу, на большой дороге в Манас. Эта дорога считается совершенно справедливо самую лучшую во всем Западном Китае и представ-

ляет старинный благоустроенный тракт. Она идет среди роскошной равнины, покрытой во многих местах тенистыми ильмовыми перелесками, и пересекает множество ручьев, через которые везде устроены прочные мосты. По сторонам дороги сохранились еще местами старинные столбы — высокие каменные усеченные пирамиды, отстоявшие одна от другой на 3 ли. По дороге двигалось множество обозов и шли по направлению к Манасу нестройными толпами китайские войска. В местечке Чжемисса, куда мы ехали, был расположен в это время другой корпус китайских войск, которым командовал генерал Цин-Цзянь-цзюнь, занимавший в то же время должность военного губернатора Илийской провинции, или Или-су, как называют ее китайцы. К этому генералу мы имели надобность и потому поспешили отъездом, чтобы застать его еще в Чжемисса, так как он собирался тоже вскоре со своим корпусом под Манас.

Не доезжая местечка, мы направили нашего чичероне-китайца с визитной карточкой вперед, а сами поехали шагом. Через полчаса прибыл наш посланный и передал приглашение корпусного командира, просившего нас прямо в свой дом. Он жил в большой цитадели и занимал обширное здание с садом, в котором для нас тотчас по прибытии нашего посланного были раскинута две юрты. Одна из них, весьма изящная, с постелью, стеклянными дверьми и мебелью, предназначалась для меня и переводчика, а в другой, попроще, поместили казаков. Когда мы расположились в отведенном помещении, генерал прислал своего адъютанта с извинением, что он не мог предложить квартиру в самом доме, так как в нем, по случаю скорого отъезда, производилась упаковка вещей. Вслед за тем нам подали превосходный чай и обед (уфан), состоящий по крайней мере из 20 блюд, из которых иные могли бы, по всей справедливости, служить украшением самого изысканного стола, если при этом отбросить мысль о той грязной обстановке, при которой эти блюда изготавливаются.

Около семи часов вечера нас посетил корпусный командир. Это был мужчина лет 45, высокого роста, стройный, с выразительной физиономией и важной осанкой. Говорил он как-то особенно, с сильной интонацией и жестами, сопровождая по временам свою плавную речь междометиями. По всему было заметно, что этот человек обладал недюжинным умом и проницательностью. Из разговора, продолжавшегося между нами около часа, я вынес убеждение, что он хорошо понимал положение дел в Западном Китае и обладал весьма солидными географическими сведениями об этой стране. Переговорив о чем следовало, генерал отправился к себе, обещаясь навестить нас утром, и просил не уезжать без завтрака.

По уходе корпусного командира к нам в юрту собралось несколько штабных его офицеров и чиновников. Все это были люди молодые, веселые и любезные. На досуге мы стали расспрашивать их о жите-бытье и кстати о корпусном командире. От них мы узнали, что Цин-Цзянь-цзюнь был человек весьма суровый, т. е., по-нашему, прсто деспот; он не спускал ни малейшего проступка своим подчиненным, а за тяжкие преступления, как, например, убийство, грабеж и т. п., всегда казнил, в силу данной ему власти, смертной казнию. Преступникам отрубали головы и выставляли их на воротах цитадели. В течение зимы 1875/76 г. Цин-Цзянь-цзюнь казнил таким образом 17 человек, преимущественно солдат. За месяц до нашего прибытия были казнены три солдата за убийство во рву цитадели с корыстной целью местного купца. За менее тяжкие преступления наказывают бамбуковыми палками, а при допросах нередко подвергают мучительным пыткам.

От этих же офицеров и чиновников мы, между прочим, вывели кое-что и об отношении китайцев к пленным дунганам. Так, они сообщили нам, что всех без исключения взятых в плен мужчин-дунган китайцы предадут смертной казни, отрубая головы или расстреливая, а иногда просто режут как попало. Малолетних же детей обоего пола, случайно захваченных, щадят и отдают на воспитание мирным мусульманам, проживающим в г. Гучене и еще кое-где у северного подножия Тянь-шаня. Женщин уводят в рабство и продают в наложницы офицерам и чиновникам. Часто эти несчастные, потерявшие уже все, что только могло их привязывать к земной жизни, перепродаются из рук в руки, даже проигрываются в карты и кости, или же просто отнимаются старшими от младших, сильными от слабых. Многие не выносили тяжелой и позорной неволи и умерщвляли себя, другие бежали в горы или в пустыню и там пропадали бесследно, немало сходило, как нам говорили, этих несчастных женщин от горести с ума. Поэтому владельцы держали их взаперти, под строгим надзором, и цена на этот живой предмет позорной торговли стояла, по китайским меркантильным соображениям, весьма высокая — от 100 до 200 лан. Но оставим лучше эти грустные воспоминания и будем продолжать рассказ о Цин-Цзянь-цзюне.

Командуя корпусом, Цин-Цзянь-цзюнь занимал, как выше сказано, в то же время должность военного губернатора. Содержания от казны по этим двум должностям он получал около 4 000 лан (8 000 р.) да на экстраординарные расходы 10 000 лан. Сверх того, к новому году присылались ему от императора в подарок чай и шелковые материи. Жил он, как подобает настоящему китайскому вельможе. У него было 40 человек прислуги да около 20 человек мелких чиновников, исполнявших разные домашние поручения. В конюшнях стояло до 50 лошадей и несколько десятков мулов. В обширной кухне, помещавшейся во дворе, 4 повара, которым помогали еще мальчики, готовили ежедневно утром и вечером кушанье для генеральского стола. К обеду подавалось не менее 20 блюд, а в особых, торжественных случаях — блюду 40. Цин-Цзянь-цзюнь был женат, но бездетен. Жена занимала отдельную половину дома, где помещалась и вся женская прислуга. Женщины высшего и среднего классов в Китае вообще ведут почти затворническую жизнь. Они никогда не показываются при мужчинах-гостях, даже близко знакомых, а если и появляются, то лишь мельком. У низших классов такой строгой замкнутости для женского пола не существует, но все-таки и там женщины редко появляются в обществе мужчин, хотя на улицах все вообще показываются нередко.

Около 9 часов вечера в цитадели, где мы помещались, раздались один за другим три пушечных выстрела. С последним караульчики и часовые, расставленные по крепостной стене, начали свой обычный обход с барабанами, бубнами, тарелками и трещотками. Позднее к этому грохоту присоединились еще ружейные выстрелы, раздававшиеся по временам в разных местах на стене. Мы, признаться, немало проклинали китайский гарнизонный устав и его сочинителей, лишивших нас на этот раз сна. У китайцев, кроме того, существует весьма странное обыкновение подавать сигнал пушечным выстрелом каждый раз, когда корпусный командир выезжает из своей квартиры, хотя бы на короткое время.

Утром нас угощали сначала чаем, а потом подали завтрак, или, лучше сказать, целый обед, блюду в двенадцать. После завтрака к нам пришел Цин-Цзянь-цзюнь и просидел у нас около получаса, ловко выпытывая о состоянии наших вооруженных сил близ китайской границы. Но поч-

тенный генерал ошибся в расчете и должен был переменить разговор. Поблагодарив за прием и прстившись с ним, мы отправились в сопровождении офицера, которому поручено было проводить нас обратно в Гучен.

В июле, не помню которого именно числа, мы с товарищем были приглашены на обед к главному интенданту китайской действующей армии, генералу Дао-Таю, оставшемуся с интендантством по выступлении войск под Урумци и Манас в Гучене. Около полудня мы отправились из нашего лагеря в город, в одной из цитаделей которого проживал этот генерал. Хозяин встретил нас на веранде своей квартиры, состоявшей из нескольких больших и светлых комнат, и пригласил в приемную, в которой нам тотчас же подали чай. Вслед за нами стали прибывать поодиночке и остальные гости, приглашенные на обед и состоявшие исключительно из подчиненных генералу чиновников. При входе в приемную они почтительно приседали перед своим начальником, делая как бы книксен, и при этом забавно жестикулировали. На их приветствия генерал отвечал легким поклоном и жестикуляцией, но далеко не такой вычурной или почтительной, как, вероятно, следует ее понимать. Каждому вновь прибывшему предлагался чай и кальян.

Когда все гости собрались, слуги поставили посреди комнаты большой квадратный стол и принесли множество тарелок и блюдец с различными сластями и закусками. Хозяин, по обычаю, подошел к столу, взял с него две костяные палочки, употребляемые вместо вилок, скрестил их и, приблизившись к нам с товарищем, игравшим на этом пиру роль почетных гостей, слегка поклонился, на что мы тоже отвечали общим поклоном. Потом он наполнил вином чашечку и, держа ее в руках, вторично поклонился нам. Затем, указав нам места направо и налево от себя, остальных гостей просил разместиться по усмотрению. Между последними началась церемония: старшие из вежливости предлагали свои места младшим, а те из почтения не хотели сесть выше старших. Эта церемония продолжалась по крайней мере минут десять. Сам хозяин занял целую сторону квадратного стола, не имея никого рядом с собой.

Обед начался сластями, потом пошли всевозможные закуски: грибы соленые и маринованные, маринованное мясо с огурцами, мясо тушеное, рыба и т. п. Затем следовал уже настоящий обед, когда стали подавать по одному блюду. Все ели из одной фарфоровой общей чашки. Обед состоял из 5 супов, 4 или 5 соусов и не менее 6 жарких с соями, пикулями, маринованными грибами и огурцами. Потом подали 3 или 4 пирожные и, наконец, последнее блюдо — разварной рис. За обедом слуги постоянно подливали гостям подогретое вино. Если кто-нибудь отпивал хотя глоток из своей чашечки, слуга тотчас же выливал остаток в чайник и из него же наполнял гостю чашечку. Два мальчика, поставленные у противоположных углов стола, сгоняли с него мух, поминутно помахая деревянными палками, усаженными короткими перьями. Перед каждым новым блюдом, поданным на стол, хозяин отпивал глоток вина из свей чарки и приглашал гостей последовать его примеру, произнося несколько раз «чива» (кушайте), потом просил кушать, указывая на поданное блюдо, и снова повторял несколько раз «чива». Жидкие кушанья китайцы едят тонкими, круглыми ложками, у богатых серебряными или же фарфоровыми, имеющими форму башмачка. Куски же мяса, рыбы и т. п. и рис — двумя костяными палочками, ловко сжимая их пальцами, но употребляют для этой цели также и вилки о двух рожках. Ножей к столу не подают, так как кушанье приносится уже разрезанным.

После обеда, конца которого мы, признаюсь, ожидали с нетерпением, подали мокрую салфетку, и гости поочередно вытерли ею рот и руки, а потом принесли чай и кальян.

Мы так плотно пообедали у почтенного генерала, что сочли не излишним проехаться домой в лагерь крупною рысью и дорогою немало изумлялись вместимости и крепости желудков китайских чиновников, обедавших с нами, из которых каждый съел по крайней мере вдвое больше того, что мы с большими усилиями, уступая просьбам хозяина, могли одолеть вдвоем.

Желая определить высоту снежной линии и пополнить свой гербарий представителями горной флоры, я с топографом и 10 казаками отправился рано утром 16 июля по направлению к Тянь-шаню, отстоящему от города Гучена в 40 верстах. Отъехав версты две в южном направлении от города, мы вступили в полосу высокогорчя (*Lasiagrostis* sp?)⁽³⁹⁾, почти скрывавшего наших лошадей. Местами этот злак разросся так густо, что мы не без труда пробивали себе путь чрез его насаждения. Около 10 верст ехали мы этим чиём и, наконец, выбрались на равнину, усеянную щебнем и галькой и прорезанную во многих местах сухими руслами временных потоков, направлявшихся со стороны гор. На этой каменистой равнине паслось множество сайги (*Antilope saiga*), большею частью попарно, но встречались и стада штук до пятидесяти.

Верстах в пятнадцать от подножия Тянь-шаня нам стали встречаться полуразрушенные фанзы, и чем ближе мы подвигались к горам, тем чаще попадались они на пути. На некоторых развалинах заметны были следы огня. Около них стояли иссохшие деревья, на которых уныло ворковали голуби и горлицы. Сухие арыки бороздили бывшие поля, обратившиеся теперь в бесплодные пустыни. На дворах и внутри этих покинутых жилищ валялись обломки посуды, клочки одежды и обуви, свидетельствовавшие, что еще не так давно они были обитаемы. Ближе к горам картина видоизменилась: здесь многие фанзы были уже восстановлены и в них жили поселяне, везде струились арыки и виднелись засеянные поля и тучные луга.

После 40-верстного перехода мы достигли подножия хребта и въехали в живописную поперечную долину, среди которой стремительно неслась горная речка, ссененная высоким ильмовником (*Ulmus pumila*) и топодем (*Populus laurifolia*?), а также множеством разнообразных кустарников, из которых мы можем назвать: *Rosa cinnamomea*, *Spiraea crenata*, *Rubus idaeus*, *Cotoneaster vulgaris* et *Lonicera tatarica*. Параллельно реке, но гораздо выше ее, шел по широкому карнизу крутого горного ската весьма большой арык, выведенный из верхних частей реки. Этот арык, повидимому, оставался некоторое время сухим, на что указывали иссохшие деревья, тянувшиеся мертвой аллеей по берегам его. Эти деревья были буквально унижены голубями (*Columba livia*) и горлицами (*Columba turtur*), которые водились тут в изумительном множестве. Травянистая растительность долины также отличалась разнообразием: в течение 2 часов мы собрали тут около 30 видов цветковых. На берегу речки под кущей высоких ильмовых деревьев мы расположились на ночлег и занялись охотой на голубей, доставившей нам сытный ужин.

Рано утром я с топографом и 5 казаками направился далее в надежде в тот же день достигнуть снежной линии. По мере движения вверх по речке долина суживалась, а лес и кустарники становились гуще. Верстах в пяти от ночлега мы встретили на левом берегу несколько необитаемых

фанз, сгруппированных на тесном пространстве в виде маленького поселения, против которого на противоположном берегу стояла пустая кумирня. На окрестных высотах также видны были кое-где фанзы, оставшиеся как бы во свидетельство того, что и в этих высоких областях жило не так давно трудолюбивое, неугомное китайское население.

Подвигаясь далее по долине, мы вступили в густые заросли деревьев и кустарников, перепутанных вьющимися растениями, через которые с трудом пробивались, переправляясь много раз то на тот, то на другой берег реки. На соседних горах показалась кое-где уже невысоко над нами тяньшанская пихта (*Picea Schrenkiana*), лентообразные насаждения которой тянулись по дну ложинок, ниспадавших к долине. Наконец, верстах в двенадцати от бивуака, почти у нижней предельной линии хвойных деревьев, долина сузилась в дикое ущелье, из которого с яростью стремилась речка, и мы должны были остановиться.

Дальнейший подъем нам предстояло совершать пешком, так как движение по крутым склонам на непривычных лошадях было невозможно. Поэтому, оставив 3 казаков при лошадях, мы вчетвером с палками в руках, имея с собой барометр и ружья, вскарабкались по крутому, но короткому подъему в отлогую ложину, склонявшуюся к долине, и пошли по ней постепенно вверх, достигнув вскоре нижней границы пихты. Около часа шли мы по этой ложине, имевшей не более 15° падения, и вышли на широкую террасу, откуда, как нам казалось, недалеко оставалось уже до ближайших снежных вершин. Чтобы достигнуть их по прямому направлению, нужно было взбираться вверх по крутому, скалистому гребню хребта, склонявшемуся к террасе, на которую мы вышли. Отдохнув с четверть часа, мы начали второй, очень трудный подъем по этому гребню. Налево от нас скат хребта падал под углом градусов в пятьдесят, а направо противоположный склон его представлял почти отвесный обрыв, по которому лепились как бы одно над другим пихтовые деревья. Часто нам приходилось тут карабкаться по гольцам, выдававшимся на гребне, порою мы спускались осторожно несколько шагов под тени пихт, лепившихся по обрыву, и здесь, благодаря теплопрозрачности разреженного горного воздуха, находили полную прохладу. Более часа продолжалось это утомительное шествие, пока нам не удалось достигнуть расширения гребня в виде наклонной плоскости, по которой подъем был уже гораздо легче и притом в тени пихт, образующих тут густой темный лес. В этом лесу мы встретили множество грибов и кустарники барбариса (*Berberis heteropoda*), жимолости (*Lonicera tatarica*), альпийской смородины (*Ribes atropurpureum*) и можжевельника (*Juniperus* sp²), а потом вскоре появились альпийский мак (*Paraver alpinum*) и фиалки (*Viola biflora*). Пройдя около полуверсты лесом, который выше стал заметно редеть, мы вышли на небольшое холмистое плоскогорье, покрытое кое-где группами низкорослых иссохших пихт, как бы опаленных огнем, и, продолжая по нему движение, достигли через четыре часа подошвы массивной куполообразной горы. Здесь уже кончились верхние пихты, и перед нами раскрылась альпийская область. Остановившись на несколько минут, мы определили барометрически верхний предел пихт, оказавшийся здесь на высоте 9 487 футов над уровнем моря. Потом мы стали подниматься по отлогому склону на гору, принадлежащую уже к альпийской области, на склонах и вершине которой росли: *Paraver alpinum*, *Alchemilla vulgaris*, *Stellaria Glauca*, *Anemone narcissiflora* и *Ranunculus hyperboreus*. Но замеча-

тельно, что во всей этой области мы нигде не встретили альпийских рсз.

С вершины горы мы должны были спуститься несколько ниже по отлогому спуску, и затем нам предстоял последний, самый утомительный подъем по крутому и длинному скату хребта, одна из массивных вершин которого ярко белела перед нами. Отдохнув с четверть часа, мы сшли с горы и начали последний, самый трудный подъем, во силы, видимо, изменили нам: мы не могли подвинуться и на сто шагов вперед без отдыха. Более часа тащились мы по этому крутому скату, шатаясь на ногах и останавливаясь через каждые десять, а под конец и пять минут для отдыха. Наконец, собрав последние силы, достигли мы, почти уже ползком, небольшой вершины хребта, покрытой почти сплошь тонкой ледяной корой. Рядом с этой вершиной возвышалась массивная снежная гора, отстоявшая от нас шагах в ста. Снежная линия ее находилась на одной с нами высоте, а потому далее незачем было идти. Мы бросились на землю и пролежали до тех пор, пока не продрогли от холода, в тот самый час, когда мой товарищ, оставшийся в лагере под Гученом, не находил себе места от нестерпимой жары.

Совершая с большими усилиями последний подъем, мы стремились добраться только скорее до снежной линии и не обращали почти никакого внимания на окрестную местность. Но когда мы, пролежав с четверть часа на высоте, пришли в себя и окинули взором открывшееся отсюда необъятное пространство, пред нами предстало величественное, грандиозное зрелище: на С.-В. мы увидели Южный Алтай и его западное предгорье — высокую столовую землю на левом берегу р. Урунгу, стеною возвышавшуюся над пустыней Гоби. На Ю.-В.-В. этот хребет отходил на всем видимом отсюда пространстве, постепенно теряясь в серой дымке нижней части небосклона. Между Южным Алтаем и Тянь-шанем расстилалась широкая, необозримая равнина, которой, казалось, не было и конца на востоке. В пустыне между Гученом и Булун-Тохсем ясно были видны в бинокль какие-то желтые пятна, вероятно пески Гурбун-Тунгут, и несколько сопок. Но пограничных наших гор, даже высочайших точек их — снежных вершин Мус-тау, отсюда решительно не заметно было ни одной, равно как и вершин хребта Ала-тау. На западе, верстах в шестидесяти, белела царица гор этой части Тянь-шаня — исполинская красавица Богдо-ола, рядом с которой возвышалась другая, тоже весьма высокая, вершина, окрещенная нами младшею сестрой Богдо-ола. Ближе к нам, верстах в сорока, поднимался огромный снежный купол, верст, должно быть, до десяти по окружности основания, а на юге, верстах в пятнадцать, искрились многочисленные снежные вершины самого гребня хребта и белели обширные снежные поля. К юго-востоку же от нас, верстах в десяти, стояла массивная снежная гора с небольшим фирновым полем в углублении склона, из которого шла книзу трещина с едва заметной синеватой полосой, по всей вероятности, ледника, спускавшегося с этой горы и питавшего, должно быть, бурную горную речку, по берегу которой мы в этот день сначала шли. В восточной части хребта, постепенно понижающейся от меридиана г. Гучена, снежных вершин было очень мало, но верстах в ста двадцати видна была ясно огромная снежная, с широким основанием двойная пирамида. Гребень же Тянь-шаня, как нам казалось отсюда, тянулся здесь на всем видимом пространстве по плоской дуге, обращенной своей выпуклостью к югу, центром которой служила точка Гученского меридиана, взятая примерно верстах в ста пятидесяти к се-

веру от этого города. По тому же направлению следовала и подошва хребта, возвышавшегося в этом месте, следовательно, амфитеатром над соседнею северной равниной¹.

К сожалению, нам, легко одетым, невозможно было долго любоваться открывшимся отсюда величественным зрелищем, потому что термометр Реомюра показывал в тени только + 4 градуса. Установив палку для барометра, я открыл его. Ртуть хлынула и, наполнив весь резервуар, пролилась даже через край, но в шапку, которую догадались заранее подставить, а в трубке опустилась до 385,3 англ. полулиний. Впоследствии вычисления показали, что мы были на высоте 12 123 футов над урсовнем океана. Поэтому, по приблизительной оценке, вершина горы Богдо-ола не должна быть ниже 15 500 футов⁽⁴¹⁾.

Отсчитав показания барометра и термометров и сложив инструменты, мы начали спускаться и пошли очень быстро вниз, дойдя не более как в полчаса до верхней границы пихт. Так как передний путь отсюда был затруднителен по причине гольцов, через которые нужно было карабкаться ниже, то мы избрали другой, казавшийся нам более удобным, по ложине, склонявшейся к реке, немного выше того места, где мы оставили лошадей. Эта ложина была покрыта густым пихтовым лесом, которым мы и пошли быстро вниз. Остановившись в одном месте на привале около кустов спелой черной смородины, мы слышали впереди рев медведя. Осмотрев тщательно наши ружья, мы пошли втроем на зверя, сопровождаемые топографом, храбро наступавшим тоже с нами с револьвером. Но медведь, должно быть, заслышал нас издали и скрылся в соседней лесной чаще. Под конец падение лещины сделалось так круто, что мы должны были по временам хвататься за деревья, лепившиеся по дну ее. Пройдя с полчаса, мы достигли нижней предельной линии пихты, лежащей, по нашему приблизительному расчету, на высоте 5 500 футов, и очутились на краю ущелья, в котором бушевала речка. Осторожно цепляясь за камни, спустились мы по карнизу в ущелье к речке, которую должны были раз десять переходить в брод, прежде чем достигли до лошадей. Эта бешеная речка попеременно, то на одном, то на другом берегу яростно разбивалась о скалы, и мы с большими усилиями, взявшись за руки, должны были перебираться через нее для обхода этих скал по отлогостям противоположного берега, рискуя каждый раз потерпеть крушение. Наконец, кое-как добрались мы до лошадей и, напившись наскоро чаю, заботливо приготовленного оставшимися казаками, уже вечером при свете луны, рассчитав себе путь руками, отправились к нашему бивуаку, куда и прибыли часов в одиннадцать. Так окончилось в один день наше короткое, но многотрудное путешествие в область вечного холода.

О геогностическом строении этой части Тянь-шаня мы можем только заметить, что и в низких местах, а именно в ущелье, в котором мы перебирались через реку, и в немногих обнажениях самой долины залегает везде одна и та же порода—темнобурый фельзит, но гольцы в высших местах, которые мы видели, состояли из мелафира, темного порфирифта и ортоклазового бескварцевого порфира, проникающих, вероятно, через основную фельзитовую массу в высокие области атмосферы. В русле же горной речки мы заметили много галек фельзитового порфира и нашли также несколько гольшей пегматита.

¹ По словам жителей г. Гучена, в этой части хребта существует будто бы горный проход, через который можно проникнуть в Турфан и который китайцы имели намерение разработать, чтобы сделать удобным для колесной езды⁽⁴⁰⁾.

В г. Гучене мы простояли до 7 августа, выступив в этот день обратно по той же самой дороге в Зайсанский пост. Нам хотелось возвратиться по другому пути, именно через Манас и Олон-Булах, который во всех отношениях лучше и притом для нас был бы несравненно интереснее старого, но частые стычки, происходившие в это время между китайцами и дунганами в окрестностях Манаса, вынудили нас направиться по прежней дороге. Впрочем, и обратный путь по той же дороге был для нас не бесполезен, так как мы имели возможность проверить собранные нами сведения и исправить некоторые в них неточности. Но, достигнув Булун-Тохоя, мы направились отсюда другой дорогой в Зайсанский пост, по северную сторону Саура, что дало возможность ознакомиться почти со всей восточной половиной Тарбагатайской горной системы. 10 сентября мы благополучно прибыли в Зайсанский пост.

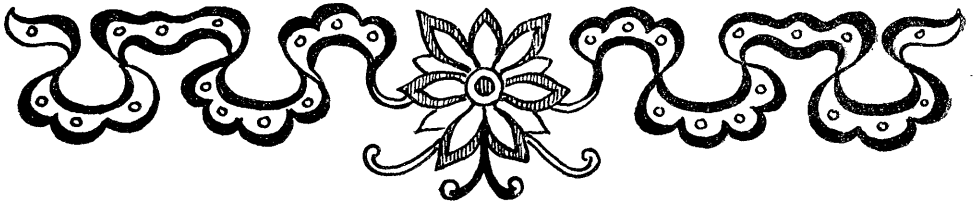
Омск, 20 апреля 1878 г.

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО МОНГОЛИИ
И
СЕВЕРНЫМ ПРОВИНЦИЯМ
ВНУТРЕННЕГО
КИТАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк представляет собою результат путешествия, совершенного мною в 1878 и 1879 гг. в Монголию и северные провинции Внутреннего Китая — Шаньси и Чжилейскую. Инициатива этой экспедиции принадлежит Русскому Географическому обществу. В начале 1878 г. оно получило от известного путешественника по Монголии Г. Н. Потанина сведение, что бийские купцы, торгующие в этой стране, намерены послать осенью того же года караван из г. Кобдо в г. Куку-хото (Гуй-хуа-чен), что в провинции Шаньси. Караван предполагалось направить прямым, коммерческим трактом, пролегающим близ северного подножья горной цепи Южного Алтая и еще не посещенным европейцами. Пользуясь таким случаем, Общество просило бывшего генерал-губернатора Западной Сибири, Н. Г. Казнакова, о командировании с этим караваном меня и двух топографов. Генерал-адъютант Казнаков, относившийся всегда сочувственно к научным предприятиям, исходатайствовал высочайшее повеление на командировку нашей экспедиции, для сопровождения которой назначено было 6 казаков Забайкальского войска, знакомых с монгольским языком.

Задача экспедиции заключалась главным образом в производстве маршрутной глазомерной съемки на пройденном пути, в определении на нем посредством астрономических наблюдений географических координат некоторых пунктов, описании дорог и в барометрических определениях высот. Но, кроме этих специальных работ, мы старались по мере возможности собирать и другие сведения о посещенных нами странах, а именно: этнографические, торговые и естественно-исторические. Эти последние заключались в составлении коллекций зоологической (около 200 видов млекопитающих, птиц, рыб и пресмыкающихся) и ботанической (около 180 видов цветковых растений). Мы составили также небольшую минералогическую коллекцию (около 100 образцов горных пород и минералов).

Путь экспедиции пролегал из Алтайской станицы (Котон-карагай) Устькаменогорского уезда к перевалу Улан-даба в пограничном хребте Сайлюгэме, а оттуда через урочища Эльдеге и Алтан-чечей в г. Кобдо.

Из этого последнего мы направились к юго-востоку по караванному пути через монастырь Нарбаньчжи на р. Дзапхыне и южные отроги Хангая, по которым следовали около 400 верст. Далее экспедиция спусти-

лась в пустыню Гоби и шла по ней через урочище Хор-мусу, Боро-тологой и страну Шанхай-Гоби слишком 600 верст. Затем мы вступили в юго-восточную Монголию с оседлым и кочевым населением, миновали в ней небольшой китайский городок Куку-эргэ и достигли, наконец, после долгого и утомительного странствования по горам, степям и пустыням, цветущего города Куку-хото, или Гуй-хуа-чена, в провинции Шаньси Внутреннего Китая, отстоящего от Алтайской станицы в 2 500 верстах. Из Куку-хото экспедиция частью по Монголии, частью по Внутреннему Китаю перешла в г. Калган и провела в этом последнем два зимних месяца. В конце февраля мы направились из Калгана по прямой караванной дороге в г. Ургу, где пробыли месяц. Из Урги выступили в начале мая и следовали по прямой дороге через Улясутай, долину р. Кунгуя, мимо озера Ачит к государственной границе, которую пересекли на перевале Хак, и вышли в Кош-Агач.

На пройденном пути классными топографами, Скопиным и Чуклиным, в которых я нашел ревностных помощников, снято около 4 000 верст маршрутной глазомерной съемки, а мною малым универсальным инструментом и двумя хронометрами определено географическое положение 28 пунктов и измерено барометром 44 высоты.

Обработку минералогической коллекции принял на себя профессор С.-Петербургского университета А. А. Иностранцев, взявший также на себя труд разработать минералогические коллекции двух других путешественников по Монголии, Н. М. Пржевальского и Г. Н. Потанина, и написать по всем трем петрографический очерк этой малоизвестной страны. Пользуясь определениями уважаемого профессора собранных мною пород, я счел не лишним в настоящем очерке указывать при удобных случаях на их месторождения и взаимное соотношение.

Ботаническая коллекция вместе с такими же коллекциями Пржевальского, Потанина и Пясецкого поступила к академику К. И. Максимовичу, намеревающемуся написать по ним сочинение «*Flora mongolica*». Наконец, обработку привезенных мною рыб принял на себя С. М. Герценштейн.

Мне остается только выразить глубокую признательность названным ученым, а вместе с ними профессору Николаевской Академии Генерального штаба, полковнику К. В. Шарнгорсту, за вычисление сделанных мною астрономических наблюдений; доктору зоологии Н. А. Северцову — за определение добытых птиц и профессору С.-Петербургского университета М. Н. Богданову, определившему остальных, мелких, птиц, доставленных мною в музей Академии наук.

15 апреля 1883 г., г. Омск.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОТ АЛТАЙСКОЙ СТАНИЦЫ ДО г. КОБДО

Приготовления к путешествию. — Алтайская станица и ее окрестности. — Выступление. — Долина р. Бухтармы. — Альпийская область ее верховий. — Горные массивы Канас и Табын-богдо. — Долина речки Ой-гора. — Урянхай. — Контраст во флоре. — Область р. Кобдо. — Геогностические заметки. — Г. Кобдо.

22 июля 1878 г. я со своими спутниками прибыл в Алтайскую станицу Устькаменогорского уезда — исходный пункт нашей экспедиции — и приступил к окончательному снаряжению в далекий путь. Для перевозки тяжестей куплено было у местных киргизов 18 верблюдов, 3 вьючные и 4 верховые лошади; две юрты, арканы, чомы (вьючные седла для верблюдов) и другие дорожные принадлежности. Мукой и сухарями мы запаслись только на четыре месяца, надеясь в течение их достигнуть Внутреннего Китая, где нет надобности возить с собою жизненные припасы. Все эти приготовления заняли 9 дней, так что только 3 августа мы могли выступить в путь.

Алтайская станица расположена в широкой междугорной долине, ограниченной с юга Нарымским хребтом, а с севера второстепенным кряжем внутреннего Алтая. Нарымский хребет представляет высокий, круто поднимающийся с севера луч Алтая и имеющий восточно-западное направление. В этом хребте, верстах в двадцати к юго-западу от станицы, находится небольшая снежная вершина Кус-гунды, а к востоку от нее, верстах в четырех — снежное поле, помещающееся в лощине, защищенной с юга скалами. Весь северный склон хребта покрыт густым лесом лиственницы и кедра, который занимает, сколько мы могли заметить, преимущественно высшие места в горных лесах, соседних альпийской зоне. Леса в этой части Алтая растут только на северных склонах гор, а южные покатости их безлесны: на них лишь кое-где можно видеть невысокие и тощие деревца лиственницы.

За Нарымским хребтом, верстах в шестидесяти к юго-западу от Алтайской станицы, лежит большое горное озеро Марка-куль, посещаемое ежегодно крестьянами деревень Медведки и Таловки, которые ездят туда весною недели на две ловить рыбу. Они устраивают в устьях впадающих в это озеро речек заколы тотчас, как только в эти речки зайдет из озера рыба для метания икры. Местные жители не совсем дружелюбно относятся

к нашим рыболовам, а потому последние должны задабривать их старшин, привозя им табак, хлеб, топоры и другие необходимые предметы. В самом озере живут только ускучи; но в горных речках, впадающих в Маркакуль, водятся и хариусы.

С севера долина Алтайской станицы окаймлена невысоким кряжем, отделяющим ее от долин р. Бухтармы. Южный склон этого кряжа безлесен; на нем лишь кое-где виднеются одинокие чахлые деревца лиственницы. Северный же склон, обращенный к Бухтарме, лесист и значительно круче южного; следовательно, долина р. Бухтармы должна лежать ниже долины Алтайской станицы. Последняя орошается горной речкой Сарымсакты, получающей начало на Нарымском хребте и впадающей слева в Бухтарму, верстах в двадцати ниже Алтайской станицы. В отрогах северного кряжа долины, на правом берегу помянутой речки, залегают гигантские толщи глинистого сланца, приподнятые серым крупнозернистым гранитом.

Из Алтайской станицы мы направились к востоку по долине, которая верстах в пяти от нее значительно суживается, но потом опять расширяется, и в ней местами встречаются киргизские пашни. Они в то время были покинуты своими хозяевами: в конце июля большая часть киргизов Алтайской и Чингизтайской волостей, кочующих в Нарымском хребте, ушла в китайские пределы с намерением поселиться там навсегда, но этому намерению, однако, не суждено было осуществиться: по недостатку за границей пастбищ и вследствие притеснения китайских властей, киргизы помянутых волостей осенью 1879 г. должны были возвратиться в свои места.

В 25 верстах к востоку от Алтайской станицы мы вышли в широкую долину р. Бухтармы, на урочище Чингизтай. В этой местности река часто разделяется на рукава, а берега ее покрыты талом и тальником. Далее от реки расстилаются обширные луга, покрытые высокой и густой травой. На урочище Чингизтай зимуют во множестве киргизы, заготовляя запасы сена, лето же проводят в горах. К северу от Бухтармы, против этого урочища, находится деревня Черновая, отстоящая в двух верстах от реки. Около нее есть теплые ключи. К югу от урочища Чингизтай тянется тот же Нарымский хребет, в котором в этом месте есть вершины со снежными пятнами.

При дальнейшем движении на восток по долине Бухтармы мы встретили в ней несколько живописных гранитных сопок, воздымающихся на равнинной местности. На склонах и у подножий их покоятся массивные отгорженцы серого крупнозернистого гранита, а между ними растут деревья лиственницы, сосны и изредка ели, придающие этим сопкам очаровательный вид. Леса на северном склоне Нарымского хребта в этом месте еще гуще, нежели против Алтайской станицы, а на южном склоне хребта, тянувшегося на севере от Бухтармы, их совсем не видно. В здешних лесах водится еще немало зверей: медведей, маралов, косуль; на скалистых горах и высоких безлесных плоскогорьях пасутся дикие бараны и козлы. Из мелких зверей в этих лесах живут соболи, куницы, бурундуки и белки, а в горных речках встречаются выдры. Во время стоянки на урочище Чингизтай к нам заходили крестьяне деревни Черновой, отправлявшиеся на Нарымский хребет осматривать капканы, поставленные на выдр. Эти крестьяне, называемые ясачными⁽⁴²⁾, замечательные стрелки, и от них мы получили некоторые сведения об охоте в юго-западной части Алтая. На маралов они охотятся в марте по насту, когда снег с поверхности оледе-

неет и по нему можно ходить без лыж. Маралов же он не держит; проваливаясь, они портят о ледяную кору ноги и очень скоро устают, становясь добычей охотников, преследующих их с собаками. Случается, что целое стадо измученных таким образом животных истребляется в несколько часов; некоторых приводят живьем в деревни на арканах и продают промышленникам, содержащим домашних маралов¹. Этот губительный способ охоты, по всей справедливости, следовало бы строго воспретить. Наиболее прибыльна добыча маралов в июне, когда у них не успели еще вполне окостенеть молодые рога, сбываемые, как известно, за высокую цену китайцам, употребляющим их в лекарства. В это время маралов бьют прямо с подхода или караулят на солончаках, посещаемых ими по утрам и вечерам⁽⁴³⁾.

Соболей ловят преимущественно капканами, в которые кладут приманку — рябчика, куропатку или кусок заячьего мяса. Соболи шкурки продают на месте от 6 до 20 рублей. Лучшими соболями считаются в здешнем крае курчумские.

Выдр, живущих в значительном количестве в горных речках, ловят всегда капканами и не только зимой, но и летом, так как шкурка выдры, по уверению охотников, и в летнее время немного хуже зимней. Капканы на выдру ставят в воде против той тропочки на берегу, по которой она постоянно выходит на сушу, причем стараются отнюдь не изменять положения камней, карчей, сучьев и других предметов в воде и на берегу близ тропы, иначе выдра, заметив какую-нибудь перемену, в этом месте ни за что не выйдет на берег, а изберет другое. Цена выдры на месте от 10 до 12 рублей.

В 56 верстах к востоку от Алтайской станицы мы миновали крайнее русское селение в этой части Алтая — Урыльский казачий поселок. Он расположен на левом берегу речки Урыла, впадающей в Бухтарму немного выше устья. К западу от поселка простирается волнообразная равнина, испещренная пашнями, но высокое положение ее над уровнем моря (3 350 футов) препятствует несколько успехам земледелия: весенние и осенние утренники нередко вредят посевам. К югу от Урыльского поселка тянется тот же Нарымский хребет, возвышающийся против него высоким и крутым валом, поросшим на северном склоне густым хвойным лесом. Восточнее этого поселка он носит название Большого Алтая, поднимается еще выше, и в нем нередко встречаются пики с покрытыми вечным снегом верхушками.

За Урыльским поселком дорога становится выючною. Нарымский хребет отделяет в этом месте на север высокую и широкую отрасль Кокедаба, заставляющую р. Бухтарму описать большую излучину к северу. По хорде этой излучины, имеющей около 20 верст, пролегает дорога, пересекающая помянутую ветвь. Горы ее очень круты, покрыты лесом и

¹ Мараловодством в этом крае занимаются в деревнях Фыкалке, Черновая, Язевой и Белой. Маралов содержат в обширных изгородах, называемых садами. Эти изгороди имеют от 2 до 5 верст в окружности и делаются из весьма толстых (вершка в 3) жердей, утверждаемых в столбах. Они обыкновенно охватывают лесистую местность с хорошими лугами, на которой могли бы правильно пастись маралы. На зиму им, впрочем, заготавливаются запасы сена. В большой изгороди делается другая — малая, клинообразной формы, в которую загоняют маралов для снятия с них рогов, спиливаемых ежегодно с самцов в июне. Спеленные рога варят в рассоле, потом вывешивают в тени для просушки. Рога домашних маралов ценятся ниже, чем диких, и китайцы умеют хорошо различать те и другие. В лекарство они употребляют собственно засохшую жидкость, содержащую молодыми рогами, и продают ее на вес.

обильно орошены многими ручьями и маленькими речками, по берегам которых раскинуты густые заросли кустарников: барбариса, жимолости, смородины и малины.

С гор Коке-даба мы спустились в долину Бухтармы, имеющую около версты ширины. На юге эта долина замыкается Большим Алтаем, носящим в этом месте название Тау-тэкэ (козьи горы), так как на нем водятся дикие козы. На урочище Табаты, отстоящем от ветви Коке-даба верстах в семи к востоку, Большой Алтай опускается к северу пологим скатом, который, близ берега Бухтармы, обрывается почти отвесною каменною стеною с нависшими на ней гранитными отторженцами. Непривычный путешественник, проходя этим местом по дороге, пролегающей у самого обрыва, не может оставаться совершенно спокойным, смотря на нависшие над ним глыбы и массивные отторженцы у ног своих, упавшие с высоты. Бухтарма, стесняемая с юга и севера горами, гремит в своем каменистом, усеянном валунами ложе, среди узкой долины, покрытой густым лесом. Кроме лиственницы, в этом лесу растут: пихта, ель, береза и кустарники — жимолость, шиповник, барбарис, крыжовник, малина и смородина.

В 42 верстах от Урыльского поселка мы перешли на правый берег Бухтармы по легкому мосту, покоящемуся на свинке⁽⁴⁴⁾. Быстрота течения этой реки в верховьях весьма значительна: наблюдатель, ставший лицом против течения, легко заметит уклон, по которому стремится река, вечно волнуемая от необыкновенной быстроты и массивных камней на дне. Невдалеке от переправы дорога пролегает по короткому, но очень трудному перевалу через косогор. От этого перевала начинаются каменные болота. Так называют топи в лощинах, усеянные гранитными валунами и гольшинами и тянущиеся на несколько сот сажен. Верблюды и лошади, проходя по таким местам, ступают с камня на камень, ноги их нередко скользят, и они вязнут чуть не до колен. Впрочем, в сухое лето многие из этих болот не представляют больших затруднений для движения, в особенности на верблюдах, ступни которых, как известно, отличаются значительной шириной. Во время нашего путешествия по этим болотам большая часть их подсохла, и мы почти беспрепятственно переходили через них.

В 12 верстах от переправы через Бухтарму мы пересекли ее правый приток Чиндагагуй, тоже по мосту. Эта река получает начало из Бухтарминского озера, отстоящего в 5 верстах к северу от р. Бухтармы, и имеет, следовательно, ничтожное протяжение, представляя собою проток из этого озера. С левой стороны она принимает приток и изливается в Бухтарму немного ниже моста. В Большом Алтае, верстах в двенадцати от устья Чиндагагуя, находится снежная группа Айгарык, а к востоку и западу от нее — ряд вершин, покрытых снежными пятнами.

По мере движения на восток, от самой Алтайской станции мы поднялись все выше и выше и в 20 верстах за Чиндагагуем достигли верхней границы хвойных деревьев, находящейся на высоте около 7 500 футов над морем. В этом месте дорога поднимается на высокий, но отлогий перевал Укок, на западном склоне которого растут низкорослые, но ветвистые кедры, выше их — можжевельник, уступающий еще выше свое место приземистой полярной березе (*Betula nana*). Близ вершины перевала, имеющего 7 920 футов высоты, исчезла и береза. Взойдя на плоскую вершину этого перевала, мы очутились в пустынной полярной земле, усеянной небольшими озерами. По сторонам дороги не видно было ни цветковых растений, ни птиц на соседних озерах и не слышалось ни одного звука.

К югу, верстах в пятнадцать от вершины перевала, возвышаются высокие альпы Канас с вершинами, покрытыми вечным снегом. Они дают начало Бухтарме, образующейся из нескольких широких горных потоков, сбегających с гор по крутым лощинам. С вершины перевала эти потоки казались серебристыми лентами, спускавшимися с высот по весьма значительным уклонам. На восточном весьма пологом склоне перевала виднелись также озера, из которых одно, лежащее поблизости дороги, имеет около 4 верст в окружности, а другое, верстах в 2 от нее к северу, — более шести. Из этого последнего вытекает маленькая речка Укок — левый приток быстрой и многоводной Алахи. Спустившись очень немного по восточному склону перевала, мы остановились на высоком плоскогорье на почлег, близ речки Алахи. Эта река образуется из двух горных потоков, называемых Терс-акканами: один берет начало в горах Канас, близ истоков Бухтармы, а другой — из снежных гор Табын-богдо, отстоящих верстах в двадцати к востоку от группы Канас. По берегам Алахи и в окрестностях рассеяно множество малых озер, частью замкнутых, частью соединенных между собою и с речкою протоками. На Алахе и прибрежных озерах мы встретили стаи плавающих и голенастых птиц, в числе которых было несколько полярных видов, находившихся там, судя по времени года, на летнем пребывании.

Утром мы не без труда переправились через многоводную Алаху, несмотря на высокую воду. Весною, в половодье, переправа через нее бывает очень затруднительна и даже опасна. Парома на ней нет, и переезд через речку совершается всегда вброд. К востоку от Алахи мы пересекли плоскую волнистую грядку, тянущуюся с юго-запада на северо-восток. Она усеяна многими малыми озерами, лежащими в чашеобразных впадинах и отличающимися, повидимому, необыкновенной глубиной. Все из встретившихся нам на этой грядке озер были замкнутые и имели от 200 до 400 сажен в окружности. В воде, около берегов, торчат массивные камни темного цвета, от которых невозможно было отбить образцов. На озерах видны были плавающие и голенастые птицы, но рыб и моллюсков мы не замечали в них. Глубина от берегов возрастает очень быстро, а местами у самого берега начинаются пучины. Эти озера напоминают маары и обязаны своим происхождением, по всей вероятности, провалам. В 1879 г. в горной стране Хангая, в Центральной Монголии, мы в двух соседних местностях встретили озера, подобные описанным, и на берегу одного из них нашли кусок лавового шлака, но валов вокруг них из туфа и других вулканических продуктов, характеризующих многие маары, нигде не замечали.

Помянутая грядка, усеянная малыми озерами, имеет около 8 верст ширины, и мы на ней насчитали на этом протяжении около 10 озер только поблизости дороги. Перейдя эту грядку, мы спустились немного на обширную болотисто-солонцеватую равнину Калгуты. В западной части ее находится группа пресных соединенных озер, называемая Джар-куль. На берегу наибольшего из них, около 4 верст в окружности, мы ночевали и ловили в вытекающей из него речке ускучей и хариусов — единственных почти пород рыб, живущих в горных речках Алтая. На озере и соседних ему малых озерах было много плавающих и голенастых птиц, в числе которых опять замечено было несколько полярных видов.

Урочище Калгуты, покрытое хорошей травой и богатое солончаками, представляет прекрасную пастбищную землю. Незадолго до нашего прибытия на ней стояло много киргизов, уючевавших в китайские пределы.

Несмотря на весьма значительную высоту этой местности и, вследствие того, сильные холода на ней зимою, киргизы кочуют на урочище Калгуты не только летом, но имеют там и зимние стойбища. Снега на этой открытой нагорной равнине выпадает немного, да и тот скоро разносится ветрами, так что киргизские стада и среди зимы легко находят на ней пищу. Перевал Укок, лежащий еще выше урочища Калгуты и открытый почти со всех сторон, зимою точно так же большею частью свободен от снега, и на нем могут свободно пастись в это время года стада.

Верстах в пятнадцать к юго-востоку от урочища Калгуты возвышаются снежные горы Табын-богдо (пять святых), образующие мощную группу, связанную с горами Канас промежуточными высотами. Высшие пики гор Канас поднимаются, по всей вероятности, не менее 10 500 футов над морем, Табын-богдо же—до 11 000. Высота же снежной линии на них, по приблизительной оценке, должна быть близка к 10 000 футов. Обе эти соединенные группы представляют горный узел, от которого расходятся первоклассные лучи Алтая: на запад Большой Алтай с крутым северным и отлогим южным склоном; его западное продолжение—Нарымский хребет—отличается таким же характером; на северо-восток—плоский пограничный хребет Сайлюгэм; на юго-восток—Южный Алтай, отделяющийся двумя хребтами, из которых один отходит от группы Канас, а другой—от Табын-богдо⁽⁴⁵⁾. Эта длинная горная цепь тянется на юго-восток на протяжении почти 2 000 верст. На северо-запад от того же узла отделяется плоское поднятие Укок, сочленяющееся, как нужно полагать, с Катунским хребтом Внутреннего Алтая, содержащим известную снежную гору Белуху и ряд второстепенных белков.

С ночлега на урочище Калгуты мы шли около 10 верст по болотисто-солонцеватой равнине, покрытой малыми озерами и прорезанной протоками, потом вступили на твердую, хрящеватую равнину, орошаемую маленькою речкою Калгуты, и направились вверх по ней к юго-востоку. Эта речка, вытекающая из пограничного хребта Сайлюгэма, изливается с правой стороны в Алаху верстах в десяти ниже озерной группы Джаркуль. В 22 верстах от ночлега дорога входит в неширокую горную долину, орошаемую верхней Калгуты, в которой мы остановились на ночлег на большой высоте. В ночь с 14 на 15 августа земля покрылась инеем, а вода в заливах речки—тонким слоем льда. В этом месте мы оставили реку Калгуты, текущую в верховьях с северо-востока на юго-запад в горах, и начали постепенно подниматься на плоский пограничный хребет Сайлюгэм по весьма пологому перевалу Улан-даба. Без всякого затруднения достигли мы вершины этого перевала, поднимающейся на 8 620 футов над морем. Флора высших мест перевала Улан-даба отличается, как и на Укоке, полярным характером. Спуск с этого перевала, подобно подъему, весьма пологий и пролегает по долине речки Ойгора, получающей начало близ водораздела. Тут встретили мы опять несколько малых озер и ручьев, обильно орошающих южный склон перевала. Долина Ойгора направляется с северо-запада на юго-восток, постепенно расширяясь, и ограничена высокими горами. На них живет много горных баранов, черепа которых часто встречались в долине. В предшествующие суровые и снежные зимы, по рассказам жителей, погибло от бескормицы множество этих животных, а оставшиеся в живых, но сильно изнуренные голодом, становились добычею волков.

Спустившись верст двадцать с хребта, мы остановились на берегу речки Ойгора дневать. Поблизости нашего лагеря стоял китайский пикет

под начальством офицера, который был у нас в гостях. Офицер жаловался на страшную скуку, томившую его в этом пустынном месте, и с восторгом вспоминал о кипучей жизни Внутреннего Китая. Он уроженец провинции Шаньси и провел на пикете слишком два года, отлучаясь изредка на несколько дней за необходимыми покупками в г. Кобдо. Солдаты же пикета — монголы из разных отдаленных местностей. Мы узнали после от местных жителей — урянхаев, что этот офицер занимался, между прочим, с ними торговлей: покупал в Кобдо чай, металлические изделия, табак и ткани, а потом променивал все это урянхаям на пушнину и маральи рога. Шедший вместе с нами из Алтайской станицы в Кобдо с товаром устькаменогорский купец Вильданов продал ему кое-что из своего каравана.

В той же долине верхнего Ойгора, но верст пять выше пикета, стоял лагерем приказчик бийского купца Васильева, торговавший с урянхаями. В течение пяти лет он ежегодно приезжает на это место из Бийска с товаром и торгует до наступления зимы.

Часть товара продает на месте, в лагере, где у него склад, а другую, наибольшую, развозит по кочевьям урянхаев, посещая каждое лето высокие горные области Южного Алтая, в которых кочует этот народ. Больше всего он продавал урянхаям капканов, или ловушек, как называют эти снаряды наши купцы, торгующие в Монголии, затем юфть, металлические изделия и ткани. Взамен этих предметов получал от урянхаев сурочки шкуры, лисиц, куниц, немного соболей и маральи рога. Китайцы из г. Кобдо, по свидетельству этого приказчика, имеют несколько торговых лагерей в глубине урянхайской земли и выменивают от туземцев на кирпичный чай железные изделия и ткани, лучшие меха и маральи рога.

От приказчика купца Васильева, бывавшего во многих местностях земли алтайских урянхаев, мы получили некоторые сведения об этой стране и населяющем ее народе. Урянхай занимают горную страну в Южном Алтае от альп Канас и Табын-богдо на северо-западе до р. Булгуна на юго-востоке. Они принадлежат к монгольскому племени и говорят наречием монгольского языка; кочуют рассеянно, скотом не богаты, но зато усердно охотятся за зверями, в особенности за сурками, мясо которых едят, а шкурки продают нашим купцам. В их стране водится наиболее ценный сурок, называемый нашими торговцами «черным», за шкурку которого платится на месте 25 коп., тогда как шкурка обыкновенного, или «белого», сурка ценится около 6 коп. Хлебопашеством урянхай не занимаются. Они разделяются на 6 волостей, управляемых зайсангами, а управление всеми волостями сосредоточено в руках урянхайского князя, утверждаемого в своей должности кобдинским амбанем. Урянхай занимаются барантою (захватом скота), а потому не пользуются доброй славой у соседних монгольских народностей, у которых ее не существует.

Долина Ойгора покрыта местами малыми озерами, из которых большинство сообщается с речкою протоками. В Ойгоре живет много рыбы: хариусов и ускучей. Плавающие и голенастые птицы на этой речке и соседних озерах водятся также в большом количестве, в особенности гуси и утки, которых мы встречали тут большими стадами. Окрестные горы, окаймляющие долину с северо-востока и юго-запада, почти безлесны: на них лишь кое-где разбросаны небольшие рощи лиственницы, растущие в закрытых с юга лощинах, да и то только в верхнем и среднем течении речки, а далее к юго-востоку на окраинных горах леса вовсе нет. В самой долине, кроме немногих кустарников, встречающихся кое-где, нет никакой древесной растительности. Травянистая растительность этой

страны, как в горах, так и в долинах, не отличается ни разнообразием видов, ни пышностью самих растений и сравнительно с роскошной флорой Внутреннего Алтая, не далее как в 100 верстах к северу от пограничного хребта Сайлюгэма, кажется скудной. Причину такого поразительного контраста во флоре этих смежных растительных областей нужно искать, без сомнения, в недостатке влаги, приносимой в северо-западный угол Монголии. С севера и запада эта страна защищена высокими горами Внутреннего Алтая, пограничного хребта Сайлюгэма и Южного Алтая, а потому водяные пары, гонимые в нее почти исключительно западными и северо-западными ветрами, задерживаются помянутыми горами; в северо-западный же угол Монголии достигает лишь незначительное количество осадков, расходуемых воздушными течениями большей частью на пути через высочайшие горные области Алтая. Вследствие того флора этой страны, несмотря на ее значительную абсолютную высоту, разнообразный рельеф и присутствие в ней местами весьма высоких гор, далеко не отличается таким богатством, как во Внутреннем Алтае.

Верстах в сорока от перевала Улан-даба долина Ойгора суживается на протяжении около 8 верст, потом значительно расширяется и принимает степной характер, а речка Ойгор получает ниже теснины название Суока и течет под этим названием среди степной долины в р. Кобдо. В 70 верстах от помянутого перевала дорога оставляет речку Суок вправо и направляется по восточной окраине ее долины, окаймленной с этой стороны волнистым плоскогорьем, которое обрывается к долине довольно крутым и высоким склоном. Левая окраина долины представляет сухую щелбеватую землю, на которой мы встречали стада антилоп, убежавших при нашем приближении на плоскогорье. Пройдя по этой сухой степи верст двадцать пять, мы приблизились к Суоку, подходящему в этом месте к восточному краю своей широкой долины, и остановились ночевать на солонцеватой местности с обширными зарослями злака, называемого монголами дэрису (*Lasiagrostis*). Тут в первый раз встретили мы монгольских зайцев (*Lepus tolai*) и пустынников (*Sirrhaptis paradoxus*). Далее дорога опять удаляется от речки, продолжая идти по левой окраине ее долины. Верстах в пяти от ночлежного пункта мы миновали солончатое озеро Белеу, около двух верст в окружности и 150 сажен ширины. На нем плавало множество уток, несколько стай гусей и лебеди. Плоские берега озера покрыты в восточной части узкой каймой тростника. Оно, сколько мы могли заметить, не имеет притоков и не сообщается с речкой Суок.

С озера Белеу прошли верст пять по той же степной долине, пересекли глубокий с весьма крутыми берегами овраг, потом свернули из долины в холмы из мергеля. Пройдя по этим холмам верст пятнадцать, спустились в широкую степную долину Эльдеге. Эта пустынная долина тянется с северо-востока на юго-запад до берегов р. Кобдо и имеет твердую хрящеватую почву, покрытую весьма скудной растительностью. С юго-востока и северо-запада она окаймлена невысокими пустынными горами и, по отсутствию воды, необитаема, по крайней мере в летнее время. Мы прошли по ней более 20 верст и, сделав в этот день утомительный 45-верстный переход, достигли р. Кобдо уже поздно вечером.

Кобдо, после Селенги и верхнего Енисея, — первая по величине река Монголии⁽⁴⁶⁾. В том месте, где мы через нее переправлялись, она имела около 40 сажен ширины и весьма значительную быстроту, несмотря на низкую воду. Эта река переходима вброд только в конце лета и осенью, а при высоком стоянии воды переправа через нее совершается на маленьком

пароме, состоящем из двух соединенных душегубок с помостом. На этом углу судне перевозят людей и тяжести, верблюдов же и лошадей пускают вплавь. Переправа производится очень медленно и нередко сопровождается гибелью гонимых вплавь животных, благодаря необыкновенной быстроте реки и увеличению в половодье ее ширины до версты¹.

Кобдо, по свидетельству приказчика Васильева и спрошенных нами урянхаев, получает начало из весьма высоких снежных гор Южного Алтая и составляется из многих речек, сбегающих от ледников. В верховьях река образует два озера, лежащие в одной версте одно от другого и имеющие по 6 верст длины и около 300 сажен ширины. Ниже этих горных озер Кобдо принимает в себя слева многоводный приток Чаган-гол, увеличивающий в значительной степени массу несомой ею воды; еще ниже в Кобдо с левой стороны изливается Суок, а с правой — многоводная речка Саксай, далее в нее с той же стороны текут речки: Хату, Уха, Хонур-улен и Хашату⁽⁴⁷⁾. От места переправы на урочище Эльдеге Кобдо течет несколько верст к юго-востоку, потом круто поворачивает на северо-восток и описывает большую излучину, в вершине которой в нее изливается с севера проток из оз. Ачит-нора, а в 50 верстах ниже его с той же стороны речка Шывыртай. От устья протока Кобдо поворачивает на юго-восток и впадает в обширное пресное озеро Хара-усу. Область верхней Кобдо отличается диким горным характером, весьма значительной абсолютной высотой и заключает в себе в верховьях р. Кобдо высочайшие горы этой части Южного Алтая, превосходящие, по словам очевидцев, высотой снежную группу Табын-богдо⁽⁴⁸⁾. В верховьях реки, ниже образуемых ею озер, растет лиственница, а в средней и нижней части берега ее покрыты тополем, талом, изредка березой, тальником и другими кустарниками.

Несмотря на невысокую воду, мы не без труда переправились вброд через р. Кобдо. В особенности затруднительна была переправа баранов, которых мы гнали с собой около 20 голов. Из них только несколько штук переплыли реку свободно, а остальных пришлось тянуть верховым на арканах.

Переправившись на правый берег, мы прошли верст пять по долине Кобдо, покрытой в этой местности хорошей травой, изредка малыми озерами и зарослями кустарников. Потом оставили долину в левой стороне и, пройдя около 12 верст по сухой каменистой степи, вышли на р. Хату, впадающую в Кобдо справа. Она течет в широкой горной долине, покрытой тополем, талом, тальником и другими кустарниками. По берегам речки и поблизости их лежат обширные стлани кругляков и гальки, нанесенных рекой во время разлития. Местами несколько десятков сажен приходилось идти по сплошным каменным мостам из гольшей и гальки. Несмотря на это, между камнями, благодаря присутствию влаги, растут деревья и густые заросли кустарников, в которых мы встречали множество выводков серых куропаток (*Perdix barbata*), а по близости скалистых утесов долины поминутно попадались тоже выводки каменных куропаток (*Sacabis chukar*). К верховьям речки долина Хату, как видно было с высоты, постепенно суживается и вдали на юге переходит в ущелье, но лиственный

¹ Бийские купцы, торгующие в г. Кобдо, затрудняясь этой переправой, на которой, помимо неудобств во время высокой воды, им приходится за перевозку тяжестей через реку на пароме платить еще деньги, хотели завести собственный паром на р. Кобдо. Лиственный лес для постройки парома они предполагали сплавить из верховьев этой реки, где он растет в изобилии. Но кобдинский амбань, несмотря на неоднократные просьбы купцов, не разрешил им содержания собственного парома.

лес сопровождает речку на всем видимом пространстве. По направлению к верховьям Хату верстах в шестидесяти виднелись высокие горы, покрытые снежными пятнами.

Пройдя по долине Хату версты три, мы остановились на правой ее окраине, у ручейка, на почлег. Близ соседних скал с мощными осыпями было так много каменных куропаток, что ловкий на них охотник мог бы в течение часа настрелять до полусотни. Выводки с заботливыми матерями во главе спускались один за другим из осыпей к ручейку и, напившись из него, возвращались обратно в камни.

Из долины речки Хату дорога поворачивает в пологие горы, на вершинах и склонах которых залегают глыбы серого крупнозернистого гранита, и, пройдя по ним около 20 верст, подымается постепенно на перевал Ухын-даба. С этого перевала видны на юго-востоке снежные горы Гурбан-цасату. Спуск с него, в противоположность подъему, крутой и ведет в долину речки Уха, на которой мы в тот день ночевали. В долине стояло много монголов — олёт⁽⁴⁹⁾, встретивших нас весьма дружелюбно. До позднего вечера юрты наши были полны гостями, приезжавшими и отъезжавшими верхами на лошадях, несмотря на то, что стойбища их отстояли от нашего лагеря не далее полуверсты. На некоторых лошадях помещалось для такого короткого переезда по два всадника.

Речка Уха впадает с правой стороны в Кобдо, верстах в тридцати к северо-востоку от места нашей стоянки на ней. Долина ее, имеющая от 5 до 8 верст ширины, кроме речки, орошена многими источниками и покрыта местами весьма хорошей травой. На другой день мы отправились вверх по этой долине. Верстах в двенадцати от ночлежного места она значительно суживается и переходит в болотистую землю, обильно орошенную ручьями, образующимися из родников. Речка Уха, вытекающая из гор влево от дороги, собирает в себя эти ручьи, и из ничтожного потока, несколько верст ниже этой болотистой местности, становится многоводной речкой. Из болотистой долины верхней Ухи, замыкаемой на юго-востоке холмами, мы вступили в эти последние и, пройдя по ним около 5 верст, достигли плоской междугорной котловины Алтан-чечей (золотая чаша). Она имеет около 8 верст длины, до 2 верст ширины и поднимается над уровнем моря на 7 570 футов. Среди котловины лежит в чашевидном углублении маленькое озерко, на берегу которого находится китайский почтовый пикет. К востоку от этого озерка, верстах в пяти, возвышается снежная группа Гурбан-цасату (три снежных), заключающаяся в высоком хребте, окаймляющем котловину с юго-восточной стороны. В ночь с 24 на 25 августа окрестные горы и котловина покрылись снегом, вершка в три толщиною, но к вечеру 25-го его не стало.

Передневав в котловине Алтан-чечей, мы направились к юго-востоку и, пройдя верст пять, поднялись постепенно на перевал Хонур-улен, при спуске с которого пересекли речку того же названия, впадающую с правой стороны в Кобдо. Потом вступили в невысокие холмы и шли по ним версты четыре. Из холмов спустились в широкую степную долину, покатую к юго-востоку. В ней паслись стада антилоп, за которыми охотились наши казаки и убили одну. В конце перехода долина значительно суживается и упирается почти под прямым углом в узкую же долину речки Хашату, на которой мы ночевали. Невысокие обрывы этой долины состоят из чрезвычайно мощных пластов глинистого сланца с прослойками сланцеватого гипса. Сланец смещен и прорван серым гнейсом. Речка Хашату получает начало из соседних гор и впадает с правой стороны в Кобдо. Мы прошли

вниз по ней около 10 верст и у россыпей скалистых берегов ее долины встречали множество выводков каменных куропадок.

Оставив речку, мы поднялись на плоскогорье, миновали небольшое (версты 2 в окружности) озеро, лежащее в весьма плоском углублении, потом шли около 5 верст по скалистым холмам. По выходе из них дорога пересекает ручей и направляется по широкой долине, в которой мы ночевали у источника. Следующий переход около 20 верст сделали по скалистым холмам. Эти холмы состоят из глинистого сланца, прорванного гранитом. В них нередко встречаются гольцы, состоящие частью из гранита, частью из смещенного им сланца, причем обе породы так плотно смыкаются, что с первого взгляда гольц представляет собою как бы однородное целое.

Последнюю ночь на пути в г. Кобдо мы провели на берегу озера, имеющего около 2 верст в окружности. Оно содержит солоноватую воду и посредине довольно глубоко. На западном берегу находятся родники, из которых проходящие караваны пользуются водой, так как озерная вода не совсем хороша. Прибыв на это место около полудня, мы много раз закидывали в нем неводок, но не поймали ничего, а потому и решили, что рыбы в нем нет. Между тем перед закатом солнца, при совершенно тихой погоде, на середине озера, около низменного острова с тростником, ясно заметна была игра живущих в нем рыб. Мы стали опять бросать неводок и так далеко, что лошадь верхового, тянувшего внешнее крыло, всплывала. Но, несмотря на все старания, не могли добыть из этого загадочного озера ни единой рыбки. Нужно полагать, что рыба в нем живет только посредине, а к берегам, у которых вода солоновата, вовсе не заходит.

Страна, на пространстве от государственной границы почти до самого г. Кобдо, отличается вполне горным характером. Эти горы, исключая отрогов Сайлюгэма, наполняющих местность к северо-востоку от Суока и к северу от средней Кобдо, принадлежат к системе Южного Алтая, который отделяет от себя в северо-восточном направлении мощные ветви. Одну из них мы пересекли по перевалу Ухын-даба между речками Хату и Уха, а другую, более высокую, по перевалу Хонур-улен. Эта последняя содержит в себе помянутую снежную группу Гурбан-цасагу, вершины которой поднимаются не менее 11 000 футов над морем⁽⁵⁰⁾. Затем все остальные кряжи на пути от р. Кобдо к городу того же названия представляют собою отрасли означенных ветвей.

Описываемые горы Южного Алтая состоят главным образом из глинистого сланца и гранитов, прорвавших этот сланец и образующих местами целые кряжи, как, например, между речками Хату и Уха, местами менее обширные массивы и, наконец, незначительные сопки и гольцы, встречающиеся в скалистых холмах, что между речкою Хашату и г. Кобдо. Ядро гор состоит, по всей вероятности, из гранитов, месторождения которых чуть не повсеместно обнаруживаются выходами этой кристаллической породы. На перевале Хонур-улен глинистый сланец прорезан кварцевыми жилами, равно как и в холмах к юго-востоку от него.

В долине речки Хашату обнажаются мощные пласты глинистого сланца, о которых уже было упомянуто; к юго-востоку от этой речки до долины р. Буянту почти повсюду развит глинистый сланец, прорванный гранитом, образующим среди сланца незначительные высоты и ничтожные гольцы¹.

¹ В горах, окаймляющих долину р. Суока, развит порфирит и фельзитовый туф, а в холмах на пространстве от оз. Белеу до р. Кобдо — мергель.

С озера мы направились по скалистым холмам, состоящим из сланца, приподнятого и прорванного гранитом. Вдали на юго-востоке виднелись высокие горы Южного Алтая — Теректы, со снежными пятнами на вершинах. Вскоре показалась на юго-востоке обширная долина р. Буянту с г. Кобдо. Спустившись в нее, мы миновали кумирню, потом переправились через мелкую, но быструю р. Буянту и прибыли около полудня в город.

* * *

Город Кобдо расположен среди широкой долины речки Буянту, в версте от ее правого берега⁽⁵¹⁾. По своей чистоте он составляет редкое исключение между китайскими городами, обыкновенно грязными и зловонными в летнее время. По главной улице, имеющей около полуверсты длины и 25 сажен ширины, тянется аллея из высоких, тенистых тополей, растущих по обеим ее сторонам, а под ними струятся арыки. Против концов этой улицы, на противоположных окраинах города, расположены две цитадели, из которых в одной (северной) помещаются: амбань, чиновники, присутственное место (ямынь) и пехота гарнизона, а другая (южная) занята конницею (из солон). Стены обеих цитаделей возведены из необожженного кирпича и имеют около 15 футов высоты. Толщина их у основания около 6 футов, а близ кроны, где бойницы, около 2 футов.

В городе считается не более 60 домов из необожженного кирпича с дворами, обнесенными кирпичными же оградами. Жителей в Кобдо в 1878 г. было около 1 000 человек, в том числе 400 солдат гарнизона. Главную массу собственно обывателей города составляют китайские торговцы, почти исключительно шансийцы, проживающие в нем без семейств. Они только по временам, да и то не все, ездят на родину по делам и для свидания с родными. Затем в Кобдо проживает десятка два китайских семейств, переселившихся из Джунгарии еще в начале дунганского восстания. Они занимаются мелочной торговлей, отчасти приготовлением простой деревянной посуды для монголов, огородничеством и кузнечным ремеслом.

Вокруг Кобдо разбросано несколько десятков жалких юрт бедных монголов, питающихся поденной работой в городе и подачками зажиточных китайцев за различные услуги им. Часть этих бедняков находится в постоянном служении, или, лучше сказать, в кабале у китайцев.

Наши купцы в 1878 г. торговали в г. Кобдо в 4 лавках. Сами они живут в нем только с мая по ноябрь, да и то не все, а на зиму оставляют вместо себя приказчиков. Нанимаемые ими у китайцев помещения довольно просторны, но плохо приспособлены к потребностям и привычкам русского человека. Жилые постройки зимою очень холодны, хотя и согреваются железными печами.

Хлебопашества поблизости города нет, а возделываются лишь маленькие огороды на окраинах его. На западном берегу озера Хара-усу существуют казенные пашни, обрабатываемые монголами и солдатами кобдинского гарнизона, но хлеба с них собирается очень немного: его недостает даже на продовольствие этого гарнизона. Во время дунганского восстания в Джунгарии хлеб в г. Кобдо привозили за 2 000 верст из Куку-хото, и потому цена на него в то время стояла очень высокая, от 4 до 6 рублей за пуд пшеничной муки и проса. По умиротворении этой страны, его стали привозить из Баркуля и Гучена, и цена на пуд муки и проса упала до 2 рублей.

Окрестности Кобдо совершенно безлесны. Топливом служит преимущественно кустарник, привозимый издалека и продающийся дорого. В последние годы стали доставлять в город каменный уголь, добываемый верстах в 100 к юго-востоку от него, в горах Цзун-хаирхан. Водой горожане пользуются частью из колодцев, частью из арыков, выведенных из реки Буянту, которыми орошаются и городские огороды.

Торговля в г. Кобдо не только у русских, но и у китайцев, имеющих в нем около 40 лавок, незначительна. Торговое значение этого города заключается главным образом в существовании в нем нескольких больших товарных складов, принадлежащих богатым китайским коммерческим компаниям. Часть товара из этих складов продается на месте приезжим монголам и мелким китайским торговцам, содержащим лавочки в городе, но главная масса его сбывается внутри страны. Компании отправляют товар в окрестности страны с приказчиками, из которых одни развозят его по кочевьям, другие продают в лавках, открытых этими компаниями в монастырях, княжеских ставках и вообще бойких местах северо-западной Монголии.

Как в самом городе, так и внутри страны торговля у китайцев и русских почти исключительно меновая: серебра (в кусках) в обращении мало, а единственные китайские мелкие монеты — чохи — в Монголии не ходят. В Кобдо вместо мелкой монеты употребляются бумажные кушаки, которыми опоясываются монголы, а крупная монета заменяется кирпичом чая, стоимостью около полутора наших кредитных рублей.

Осенью 1872 г. г. Кобдо был разорен дунганями, пришедшими с юга, из Баркуля. В то время гарнизон его состоял из 1 000 с лишком солдат, число же осаждавших дунган было не более 400 человек. Они подступили к городу с большим караваном захваченного на пути у монголов имущества. С ними было много женщин, оставшихся во время действия при обозе. Жители Кобдо, узнав о приближавшей опасности, частью бежали из города, частью перебрались в цитадель к войскам и только немногие не успели скрыться своевременно. Дунгане, по приближении к городу, были встречены ружейными выстрелами китайских солдат, отступивших затем поспешно в крепость. Инсургенты напали на город и стали грабить его, поджигая разграбленные дома. Китайцы, не успевшие во-время скрыться из него, были перебиты. Гарнизон, засевший в северной цитадели, в первое время бездействовал. Вдоль главной улицы, впрочем, стреляли оттуда из пушек, но эти выстрелы не нанесли никакого вреда дунганам, рассыпавшимся по домам, а на вылазку китайцы не отважились.

Ограбив город и истребив огнем большую часть домов, дунгане отошли от него версты на две и расположились лагерем. Тогда только амбань, уступая настояниям офицеров гарнизона, решил отрядить из него 500 человек на вылазку. Китайцы двинулись к лагерю, но дунгане, сев на лошадей, атаковали наступающих с фронта и флангов, обратили их в бегство и преследовали до самых крепостных ворот, причем ссаженные потеряли более 100 человек убитыми и ранеными. На другой день дунгане оставили Кобдо. Так окончился этот постыдный для китайских войск погром. Однако амбань, отрапортовавший в Пекин о мнимой победе над инсургентами, получил награду. Наши купцы успели во-время выбраться из Кобдо, но у братьев Гилевых осталось много шерсти, сгоревшей от пожара.

Во время нашего пребывания в г. Кобдо у китайцев 30 августа был большой праздник: 15-е число (полнолуние) VIII луны. Накануне во всех домах делались к нему приготовления: подбеливали стены, мыли и чистили

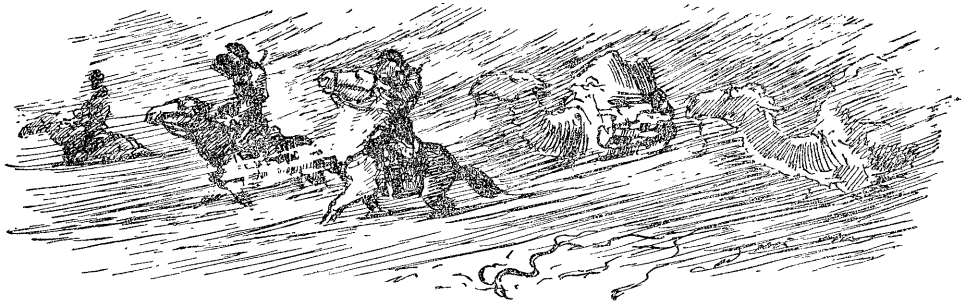
посуду, а на дворах пекли на пару маленькие круглые булочки, раскрашивая их потом красками. Утром, в день праздника, начался пускание ракет, бросание петард и сжигание бураков, мельниц и других произведений пиротехники, в которой китайцы очень сведущи. По улицам целый день расхаживали толпы с песнями, а перед трактиром на главной улице, устроенном наподобие буфета под навесом, постоянно теснился народ, напевая песни под аккомпанемент музыки, помещавшейся тут же, на тротуаре. Вечером китайцы ходили в соседние горы, верст за восемь, на поклонение восходящей луне, а по возвращении оттуда пировали за полночь в домах. В этот день мы не видели в городе ни единого пьяного и не замечали не только драк, но даже простых ссор между китайцами. На следующее утро занятия горожан пошли обычным порядком, как будто накануне не прерывались вовсе.

Через неделю после нашего прибытия в г. Кобдо караван бийских купцов, с которым нам предстояло идти в Куку-хото, был уже готов к выступлению, и мы, с свей стороны, спешили окончить последние приготовления к дальнейшему пути. Из 18 верблюдов четырех, оказавшихся слабыми, променяли в Кобдо на двух сильных и жирных, поправили юрты, запаслись бочонками для воды и наняли двух монголов в погонщики. В проводники общему каравану был приглашен молодой китаец, родом из Куку-хото, желавший побывать на родине.

Бийские купцы в 1878 г. отправляли еще в первый раз караван в Куку-хото и исключительно с маральими рогами. Они покупают рога на Алтае от тамошних кочевников, бьющих ежегодно довольно много диких маралов, а также у алтайских крестьян-охотников и мараловодов, отчасти и в Монголии у урянхаев и торгоутов. До 1878 г. купцы сбывали эти рога китайцам в Кобдо и Улясутае по весьма умеренным ценам, сравнительно с ценами во Внутреннем Китае. Поэтому они решились отправить их в Куку-хото, где, по собранным сведениям, надеялись продать несравненно дороже, чем в Кобдо и в Улясутае. Других товаров купцы с этим караваном не посылали, так как им неизвестно еще было, на какие из них существует спрос в г. Куку-хото.

5 сентября все приготовления были окончены, и 6-го, после полудня, мы оставили Кобдо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОТ г. КОБДО ДО МОНАСТЫРЯ ГЭГЭНА НАРБАНЬЧЖИ

Озеро Хара-усу и долина Дзерге. — Переход через пустыню Кысынта-ла. — Хребет Бичигин-нуру. — Каменистая степь. — Прибытие на р. Дзапхын и следование вверх по ней. — Монастырь Нарбаньчжи.

Первые 8 верст из г. Кобдо мы прошли по широкой долине речки Буянту, протекающей близ города, а потом вступили в низкие горы, представляющие северную широкую отрасль соседнего невысокого отрога Южного Алтая, Бар-чигир, простирающегося с северо-запада на юго-восток. За ним виднелись на юге более высокие отроги той же системы — Шывыр и Шуди. В этих невысоких горах, служащих ступенью к Южному Алтаю, мы ночевали у колодца Цакирин-худук и на другой день, взойдя на высшее место поднятия, увидели отсюда озеро Хара-усу, расстилавшееся обширною синеватою гладью на северо-востоке. На северо-западном берегу его, который едва можно было различить, возвышались небольшие горы, а на северо-восток водная поверхность простиралась так далеко, как только мог видеть глаз. С гор мы спустились на твердую пустынную равнину и прошли по ней около 18 верст до самого озера. На равнине встречались небольшие гольцы из гранита и глинистого сланца. Обе породы примыкают так плотно одна к другой, как будто спаяны. Такие же точно гольцы мы видели на последней станции, подходя к г. Кобдо с северо-запада.

На южной оконечности озера Хара-усу мы остановились на ночлег. Озеро вдается в этом месте в материк широкою губою, поросшею большей частью высоким тростником. Наши купцы, торгующие в г. Кобдо, говорили, что в этой губе есть острова, на которых зимуют монголы.

Озеро Хара-усу имеет приблизительно около 140 верст в окружности и содержит воду пресную. О другом его названии — Ихы-арал, под которым его прежде отмечали на картах, мы спрашивали местных монголов, но они показывали, что такое название им неизвестно и что во всей окрестной стране его называют Хара-усу. Название Ихы-арал, заимствованное из китайских источников, принадлежит, по всей вероятности, отдаленному времени. Из рыб в Хара-усу живут только, кажется, одни ускучи, а других пород нет; моллюсков же мы не находили в нем. Озеро выпускает из северо-восточной части несколько протоков, соединяющихся потом в один, называемый Чон-харих; между протоками лежат низменные, болотистые

острова, покрытые тростником. Чон-харих впадает в пресное озеро Харанор, принимающее с юго-востока, из озера Дурга-нора, мало уступающего Хара-усу по величине, другой проток, и выпускает в свою очередь проток Татхэ-тэмен в р. Дзапхын.

На озере Хара-усу живет масса водяных и болотных птиц. В южной части во время нашего пребывания гуси большими стаями паслись на солонцеватых берегах и плавали около них. При появлении людей на берегу они не улетали, а отходили в сторону, желая, так сказать, очистить дорогу, и, посмотрев некоторое время со вниманием на приближавшего человека, вскоре успокаивались. Монголы, не употребляя вовсе в пищу птиц, никогда их не трогают, а потому пернатые обитатели Монголии живут привольно в этой стране. К монголам они так привыкли, что путешественнику-европейцу стоит только переодеться в туземное платье, и он наверно может рассчитывать, что будет подпущен птицами гораздо ближе, чем в своем национальном костюме.

Озеро Хара-усу питается главным образом водами впадающей в него р. Кобдо, потом речками Буянту и Хара-усу. Последняя, текущая с юга, покрыта по берегам тростником и приносит весьма немного воды в озеро. О глубине его мы ничего не могли узнать от местных монголов, которые никогда по нему не плавают. Южная часть озера, представляющая обширную губу, должна быть мелка: осматривая эту губу с возвышенного места на западном берегу, мы заметили, что большая часть ее покрыта высоким тростником, среди которого лишь местами виднелись пространства чистой воды, так что вся губа имела оттого пятнистый вид, именно — желтые пятна островов и сплошных насаждений тростника чередовались с синевато-бурыми пятнами свободной от него воды. Над губой во всевозможных направлениях и на разных высотах постоянно носились птицы то целыми стаями, то поодиночке, и куда бы наблюдатель ни обратил свой взор, везде он увидел бы птиц, непрерывно снующих над озером⁽⁵²⁾.

После дневки на южном берегу Хара-усу мы свернули с почтовой Улясутайской дороги и направились на юго-восток по широкой долине Дзерге. Она ограничена с северо-востока высоким отдельным хребтом Цзун-хаирхан, достигающим наибольшей высоты на параллели южной оконечности озера и носящим в этом месте название Хобо. С юго-запада долину окаймляют ветви помянутого отрога Южного Алтая Бар-чигир. Северо-западная часть этой долины, соседняя озеру Хара-усу, представляет солонцеватую землю, покрытую большей частью злаком дэрсису (*Lasiagrostis*), а в низменных местах низкорослым и редким тростником. Между зарослями дэрсису встречаются небольшие полосы мелкого и чистого песка. По всем признакам, эта часть долины Дзерге была покрыта водами озера Хара-усу, отступившего к северу, но оставившего следы своего пребывания в ней⁽⁵³⁾.

На колодцах Байн-худук, в 22 верстах от озера, мы остановились на ночлег. Перед вечером мимо нашего лагеря прошел большой китайский караван из Куку-хото в Кобдо с кирпичным чаем, тканями и прочими товарами. Караван состоял из 50 с лишком верблюдов и не имел ни одной лошади: все погонщики и сам старшина ехали верхами на верблюдах. По их страшно загорелым лицам можно было судить о жарах и трудностях, испытанных путниками в Гоби, из которой они вышли около месяца назад. На передних и задних верблюдов вереницы китайцы имеют обыкновение навязывать колокольцы, по бряцанию которых их караван легко отличить ночью от монгольского. Это делается для того, чтобы при ночных

движениях можно было узнавать направление, принятое головою каравана, а также случай остановок задних верблюдов, отвязавшихся от вереницы.

К юго-востоку от колодцев Баин-худук характер долины изменяется: почва ее из мягкой солонцеватой переходит в твердую хрящеватую, покрытую редкими и низкорослыми кустиками караганы (*Saragana frutescens*), а самая долина суживается, но на коротком, впрочем, пространстве. Тут мы встретили в ней две весьма длинные оросительные каналы (арыки) Ошик-гол и Баин-гол, выведенные из речки Еши на северо-восток и юго-восток. Баин-гол впадает в речку Хара-усу (приток озера того же названия), протекающую по восточной окраине долины, а Ошик-гол течет на протяжении 30 верст к юго-востоку и теряется в болотистой местности Кытэин-шара-холусу. Обе каналы служили в прежнее время для орошения пашен, от которых ныне остались едва заметные следы. Канаву Ошик-гол мы приняли сначала за ручей, но потом, найдя на берегу ее еще уцелевшие валы вынутой земли, убедились в ее искусственном происхождении. Местность в верховьях этих канав представляет бесплодную равнину, и только по берегам их растет тщая травка. На этой равнине паслись, однако, табуны цзэренов (*Procapra gutturosa*)⁽⁶⁴⁾, за которыми долго гонялись двсе из наших казаков с монголом, но безуспешно.

Переночевав на Ошык-голе, мы прошли верст пятнадцать по пустынной равнине, пересекли несколько небольших пространств, а затем вышли на урочище Кытэин-шара-холусу. Оно представляет обширную плоскую впадину, в южной части которой находится соленое озеро Цаган-нор, имеющее окло 8 верст в окружности. В этой впадине много родников и небльших болотистых пространств, поросших тростником, а возвышенные места ее покрыты зарослями дэрсу. В центральной части впадины лежит обширный солончак, простирающийся до 12 верст в окружности и заключающий в себе несомненные признаки существовавшего на этом месте озера. Ровная, горизонтальная поверхность его, покрытая соляным налетом, блестит издали, подобно поверхности водной, от которой ее трудно отличить. Солончак ограничен пологими, но резко очерченными берегами, и на них сохранились следы разлива, а в одном месте в кочках найдены были раковины озерника (*Limnaeus stagnalis*). По обилию воды, травы и солончаковых растений эта местность принадлежит к лучшим пастбищам окрестной страны. На ней кочуют монголы-цзахачине, земля которых вдается с юга клином в долину Дзерге. Цзахачине жаловались на волков, которые живут во множестве в этой местности и причиняют им большие убытки. Они нападают целыми стаями на баранов и, несмотря на преследование, повторяют часто свои набеги из густых зарослей тростника и кустарников, откуда невозможно их выжить.

На меридиане урочища Кытэин-шара-холусу долина Дзерге имеет около 30 верст ширины. С северо-востока она ограничена попрежнему кряжем Цзун-хаирхан, а с юго-запада весьма высоким хребтом системы Южного Алтая — Батырин-шили. Этот хребет отделяет к северо-западу короткую ветвь Тугурик, оканчивающуюся в самой долине, а к западу другую — Тарбагатай, посредством которой связуется с главным хребтом Южного Алтая, отстоящим от долины Дзерге верстах в шестидесяти к юго-западу.

В хребте Батырин-шили, в 30 верстах к юго-востоку от урочища Кытэин-шара-холусу, находится снежная гора Батыр-хаирхан, дающая начало речке Сункык-гол, которую питается соленое озеро Цаган-нор этой

долины. К юго-западу от хребта Батырин-шилина тянется в одном с ним направлении главный хребет Южного Алтая, называемый Алтайн-нуру. Между хребтами лежит высокое плоскогорье с соленым озером Цицик-нором, принимающим с юго-запада из гор Алтайн-нуру речку Борджонгол. Хребет Алтайн-нуру в окрестностях оз. Цицик-нора и далее к юго-востоку не имеет снежных вершин, но верстах в восьмидесяти к северо-западу от этого озера в нем есть снежные горы, равно как и близ истоков р. Булгуна, получающей на нем начало в 100 верстах к юго-западу-югу от г. Кобдо⁽⁵⁵⁾.

В другом окраинном хребте долины Дзерге — Цзун-хаирхан — в окрестностях урочища Кытэин-шара-холусу находятся каменноугольные залежи. Из них монголы на своих первобытных, двухколесных телегах доставляют уголь в г. Кобдо. Копи стали разрабатывать недавно по ходатайству кобдинского амбана. Добывание всякого рода минеральных веществ в Монголии строго воспрещено законом, и потому на разработку каменноугольных залежей нужно было испросить разрешение китайского правительства. К такому ходатайству амбань был вынужден недостатком древесного топлива в городе и суровостью зимы.

С урочища Кытэин-шара-холусу мы вышли на пустынную, каменистую равнину и, пройдя по ней верст пятнадцать, ночевали в местности Ургуюн-ширик. Эта местность лежит в земле той же монгольской народности, цзахачин. Она прорезана арыками, орошающими пашни, с которых снят был ячмень. Цзахачине, как видно, довольно успешно занимаются земледелием и умеют искусно орошать свои поля, которых мы совсем не видели у их соседей, монголов-олёт. От последних цзахачине отличаются несколько своим наречием. Они носят особые шапки, каких мы не встречали во всей Монголии. Винокурение из хлеба и молока распространено между цзахачинами в значительных размерах, и водку они пьют не совсем умеренно. Тут нам пришлось опять выслушивать жалобы на волков, которых и на этом урочище, покрытом в южной части высоким тростником, водится очень много.

В 20 верстах к востоку от урочища Ургуюн-ширик оканчивается долина Дзерге, простирающаяся к юго-востоку от оз. Хара-усу на 120 верст. Северный крайний ее хребет, Изун-хаирхан, отделив на юго-восток невысокую ветвь Долотой, поворачивает почти на восток и теряется в соседней степи. Навстречу этой ветви от южной окраины хребта долины Батырин-шилина отходит в северо-западном направлении тоже невысокая отрасль Будун-удзур, а между оконечностями обеих этих ветвей заключаются ворота, верст в десять ширины, ведущие из долины в соседнюю котловину. Подходя к этим воротам, мы снова встретили пашни цзахачин, орошенные целою сетью арыков с запрудами. Через эти ворота, представляющие весьма пологий перевал Цзаилгын, проходит западная граница аймака Цзасаку-хана, так что, пройдя их, мы вступили в Халху.

К востоку от ворот лежит обширная котловина, окруженная горами и только в северной части сообщаемая посредством долины с соседними степями. В западной части этой котловины помещается в плоском углублении обширный солончак, называемый Цаган-нор, с ровною, блестящею от соляного налета поверхностью. Следы существовавшего в этом углублении озера так же явственны, как и на урочище Кытэин-шара-холусу. Но раковин, несмотря на многие раскопки, сделанные нами на дне солончака, не оказалось. Восточная часть котловины орошается маленькой речкой Хурын-гол, текущей из соседней снежной горы Мунку-цасату-

богдо и теряющейся в близлежащей северной степи. Берега этой речки покрыты высокими кустами чингиля.

Снежная гора Мунку-цасату-богдо заключается в восточной части хребта Батырин-шилин и отстоит от снежной горы того же хребта, Батыр-хаирхан, верстах в шестидесяти к юго-востоку. Мунку-цасату-богдо подымается над уровнем моря, по всей вероятности, не менее 12 000 футов, а абсолютная высота горы Батыр-хаирхан должна быть близка к 11 500 футам⁽⁵⁶⁾. Снежная же линия на этих горах находится приблизительно на высоте 11 000 футов.

Перейдя речку Хурын-гол, мы поднялись на невысокие горы Тохтохойн-нуру, окаймляющие котловину с востока. На юге эти горы сочленяются посредством слабого поднятия с массивом Мунку-цасату-богдо, а на севере примыкают к степному кряжу Баин-ундур, простирающемуся с юго-запада на северо-восток на всем виденном пространстве. С гор Тохтохойн-нуру перед нами открылась на востоке громадная равнина, за которой в туманной синеве виднелись высокие горы с несколькими вершинами, уже успешными покрытыя снегом. С тех же гор ясно был виден на юге высокий хребет Южного Алтая, отходящий от снежной горы Мунку-цасату-богдо на юго-восток и представляющий, следовательно, продолжение хребта Батырин-шилин. К северу от него тянулся в том же направлении и почти параллельно ему другой хребет, Дарибень-нуру, точно так же сочленяющийся с этой горой невысоким поднятием. Оба хребта простирались на юго-восток непрерывно и скрывались вдаль за горизонт.

По горам Тохтохойн-нуру мы прошли не более 8 верст и спустились на равнину к ручью Баин-булуку, на котором имели ночлег. Солонцеватая местность, орошаемая этим ручьем, покрыта обширными зарослями дэрсу, в которых было много зайцев (*Lepus tolai*) и пустынников (*Sirrhartes paradoxus*). Близ нашего лагеря стояло несколько монгольских юрт. В одной из них слышны были звуки бубна, не прекращавшиеся несколько часов подряд. Эти звуки производил лама (священник), призванный к труднобольному, которого он «отчитывал», как выражались монголы. Нелегко было этому больному выслушивать неистовое бубнение, надоевшее даже нам, несмотря на 100 сажен расстояния нашего лагеря от юрты больного.

К востоку от ручья Баин-булука лежит пустыня, называемая Кысынгала, по которой нам предстояло пройти около 80 верст. На другой же день утром мы вступили в эту пустыню, представляющую бесплодную равнину с твердою хрящевато-дресвяною почвою, покрытою весьма тощим кипцем (*Stipa orientalis*) и колючками. В иных местах не было и этих неприхотливых растений: взору представлялись голые, безжизненные площади с глинистым грунтом, совершенно лишенные растительного покрова. На востоке пустыня замыкалась высокими горами, а на юго-востоке видны были два хребта Южного Алтая, уходившие вдаль. При сильном порывистом ветре, свирепствовавшем весь день и обдававшем нас песком, дресвой и даже гравием, шли мы молча по этой пустыне. Порою ветер завывал с такою силою, что покачивал верблюдов, начинавших каждый раз балансировать на своих длинных ногах, а всадники с трудом держались на лошадях, предпочитая слезать с них при сильных порывах бури и следовать пешком. Наконец, после утомительного 40-верстного перехода дотащились мы кое-как до колодца, но провозились около двух часов над поставновкою юрт при сильном ветре. Буря свирепствовала до поздней ночи; деревянные части юрт скрипели, гнулись, и, несмотря на все скрепы, мы

ежминутно опасались крушения наших подвижных жилищ. Но, к счастью, ветер стал стихать, и остаток ночи мы провели спокойно.

Местность, на которой мы ночевали, называемая Кысь, лежит среди пустыни и представляет обширную впадину, ограниченную резко очерченными берегами. В ней находится небольшое соленое озеро Шабартунор, а на восточной окраине — источник Кысыин-булук. Большая часть впадины покрыта зарослями дэрису, среди которых разбросаны небольшие песчаные пространства, состоящие из маленьких песчаных бугров. Солонцеватая почва ее производит множество солянок. Присутствие солянок и сопок из чистого песка, следы береговых размывов и некоторые другие признаки указывают на существование в этой впадине водсема, от которого ныне остался только солончак сз. Шабартунор.

Благодаря обилию слонцаковых растений и злака дэрису, впадина Кысь служит привольным пастбищем для верблюдов, которых мы видели в ней более 100 штук, и все они были необыкновенно жирны. Верблюдов пас старик с несколькими мальчиками. Пастухи жили в ветхой юрте близ источника и проводили время в одиночестве среди этой пустыни: ни в самой впадине, ни в ее безводных окрестностях не видно было ни одной юрты. Монголы имеют обыкновение соединять на лето верблюдов многих владельцев в большие табуны и отсылать их на удалье, непременно солонцеватое пастбище, панимая сообща пастухов. Этим последним, взамен платы, часто поступает шерсть линяющих верблюдов. Окколо юрты старика лежали целые груды прекрасной верблюжьей шерсти. По небрежности монголов, у них пропадает много этой ценной шерсти. Линяющие верблюды, бродя по кустам без присмотра, сбавляют на них большие пряди ее. Мы для своих погребностей в дороге нередко собирали с кустов и с земли сразу по несколько фунтов лучшей верблюжьей шерсти, которой в иных местах валялось так много, что один человек в течение дня, наверно, собрал бы фунтов тридцать.

Пустыня к востоку от впадины Кысь становится волнистою и не столь бесплодною, как западная часть ее, но источников и колодезей в ней нет. Пришлось ночевать в безводной местности, так как до воды нужно было сделать 40 верст. Такие длинные безводные станции мы разделяли большею частью на два перехода: запасались водой для людей и, пройдя приблизительно половину станции, останавливались, где корм был получше, на ночлег, а на следующий день делали другой переход. Лошади сенью легко обходятся сутки без воды, а о верблюдах и говорить нечего: в прохладное время их можно пить раз в трие суток, а при нужде и реже.

Южный Алтай мы потеряли из виду еще накануне, подходя к урочищу Кысь. На пути от этого урочища мы уже не видели его. Пустыня Кысыин-тала, по мере движения к востоку, становилась все более и более волнистою: мы приближались к хребту Бичигин-нуру — весьма длинному и высокому отрогу Южного Алтая, простирающемуся в северо-западном направлении почти до протока Татхэ-тэмен из сз. Хара-нора в р. Дзакхын. Не доходя до подножия хребта, остановились на дневку на ручье Хойту-гале, протекающем в широкой долине, окаймленной холмами и плоскими высотами. В ночь с 20-го на 21 сентября вода в этом ручье, лежащем под 47° с. ш., но на высоте 5 320 футов над морем, прмерзла до дна, и только перед вечером под толщею льда показалась маленькая струйка ее. Для людей пришлось растапливать лед в юрте у огня, а лошади и верблюды сбавались сутки без воды. Это обстоятельство несколько встревожило нас: мы стали опасаться, что с наступлением сильных холо-

дов ручьи и мелкие речки на пути могут промерзнуть, и нам при бесснегии придется, быть может, растапливать лед не только для людей, но и для животных. Наши опасения оказались, однако, напрасными.

После дневки мы направились вверх по ручью Хойту-голу и верстах в восьми от стоянки миновали ставку князя Са-дзасака — местного хощунного владетеля (удельного князя). Ставка раскинута недалеко от того же ручья и состоит из нескольких глиняных домиков и большой кумирни. В ней совершалось в это время богослужение: громкие, пронзительные звуки труб выстали из храма и отдавались резким эхсм в соседних холмах. В двух верстах выше ставки находится болотистая лощина с источниками, дающими начало ручью Хойту-голу. К югу эта лощина переходит в широкую степную долину, заключающуюся между хребтом Бичигин-нуру и его слабою северо-западною отраслью. Перейдя ее, мы вступили в поперечную долину хребта и по отлогсму склону поднялись на него. От высшей точки перевала дорога спускается тсже псепенно, но очень немного, на высокую равнину, окруженную со всех сторон горами хребта. На этой равнине мы расположились поблизсти кслюдца Тарбаган-худук на ночлег. Тут стояло много монголсв, сбжавшихся к нам со всех сторон. Они помогли развьючить верблюдов, псставить юрты и сбрали аргал на тспливо.

Перед вечером с ближайших высот мы, по обыкновению, ссматривали окрестности для пополнения маршрутной съемки. На юге горы хребта закрывали горизонт, но зато на север и северо-восток мы могли визировать на весьма далеке расстояние. Там расстилалась несбозримая вслнстая земля, покрытая низкими насажденными кряжами, прсстирающимися с юго-востока на северо-запад. На крайнем северо-всстоке горизонт замыкался довольно высоким и длинным кряжем, называемым Дуру. Между кряжами этой волнистой земли залегают широкие долины, покрытые ксегде холмами. Горы же самого хребта Бичигин-нуру к юго-всстоку от нагорной равнины называются Ширин-улан, к северо-западу — Намый-нуру и далее — Дукдулун. В последнем направлении хребет понижается и оканчивается, как выше сказано, недалеко от протока из оз. Харанора в р. Дзапхын.

Ночь на высокой нагорной равнине была очень холодная, да и утром мы порядочно прозябли. С плоскогорья дорога направляется по холмам и пересекает ручей. На берегу его стояла одинокая юрта старика-ламы, прославившегося набожною жизнью, к которому окрестные монголы приходят за благословением. Мои спутники заезжали к этому отшельнику, и он угсщал их чаем. Когда они сидели у ламы, к нему явился монгол за благословением. Войдя в юрту и приблизившись к пустыннику, он пал пред ним на землю. Лама взял ящик, наполненный свертками молитв, и коснулся им головы поклонника. Тот поднялся и подал ему большой кусок масла, за которсе лама поблагодарил его и пригласил выпить чаю.

Спуск с хребта Бичигин-нуру, подобно подъему, отлогий и идет по глубокому ущелью, ограниченному большею частью выскими скалами. По этому ущелью направляется сухое русло временного потока. Перевал, по которому мы пересекли хребет, называется Бичигин-даба и ссоставляет с осью хребта сстрый угол, так что нам пришлось пройти по горам сlishком 25 верст, между тем как ширина самого кряжа в этом месте не более 15 верст.

Горы хребта Бичигин-нуру в псещенном нами прсстранстве ссостоят главным образом из мелкозернистого гранита. На западном склоне

хребта обнаруживаются еще местами гранит, сиенит, кварц из яшмы и известняк.

С хребта мы спустились на обширную степную равнину. Холод, от которого только часом раньше пришлось порядочно зябнуть на большой высоте, был совершенно не чувствителен на равнине. На юге эта степная равнина замыкается тем же хребтом, называемым юго-восточнее перевала Модоту-ула (лесистые горы), так как северный склон его покрыт лиственницей. На севере видны были низкие кряжи волнистой земли, которую накануне мы обозревали с высоты, а на северо-востоке воздымалась отдельно довольно высокая горная группа Чжиргаланту. Верстах в восьми от подножия хребта мы остановились на ночлег в безводной степи, на урочище Тыскын-холой, покрытом довольно хорошим кипцом. Через это урочище проходит дорога из Улясутая в Баркуль, пересекающая хребет Модоту-ула, потом невысокий западный его отрог, к югу от которого находится солончаковое озеро Могой-нор.

Весь следующий день шли по каменистой степи. По сторонам дороги паслись большие стада цзэренов, не подпускаявших, однако, к себе ближе 200—300 сажен. Наши казаки пытались объезжать их кругами, но и этот маневр не удался. Монголы охотятся за цзэренами партиями в несколько человек. Завидев стадо, охотники разделяются на две части: стрелков и загонщиков. Стрелки спешиваются и, сдав своих коней загонщикам, залегают скрытно с ружьями в разных местах, а загонщики объезжают стадо и стараются нагнать его потихоньку на застрельщиков. Такие облавы — наиболее распространенный между монголами способ охоты на цзэренов, посредством которого истребляется немало этих антилоп. Но гораздо больше их погибает от волков, которых в Монголии множество.

Волки, как рассказывали нам монголы, иногда устраивают тоже нечто вроде облав на цзэренов, скрываясь в засадах в то время, когда часть их бросается на стадо и гонит на засевавших. В степях, где водится много антилоп, нередко можно встретить остатки этих животных, съеденных волками. В одном месте нам попались только наполовину объеденные волками трупы цзэренов. Наши монголы не побрезговали этими объедками и съели их на первом же ночлеге.

В 20 верстах от урочища Тыскын-холой дорога пересекает маленькую речку Удзынь-тэллин-гол, левый приток р. Дзапхына. Она получает начало в болотистой котловине из родников и течет на северо-восток в солонцеватой долине, покрытой дэрсу. На левом ее берегу, поблизости горной группы Чжиргаланту, стоит небольшая кумирня, Чойрап-дацан, а к югу простирается ровная каменистая степь до самого хребта. На этой степи рассеяны кое-где темные конусообразные и куполообразные гольцы, высотой приблизительно от 30 до 50 футов.

Не доходя 20 верст до р. Дзапхына, мы ночевали на урочище Цаган-эргэ, покрытом обширными зарослями дэрсу. Горный хребет, замыкающий степь на юге, представляет продолжение хребта Модоту-ула. В 25 верстах к юго-западу от названного урочища в нем заключается весьма высокий массив Хайсы-хаирхан, на вершинах которого, по показанию местных монголов, держатся все лето снежные пятна, но леса на нем нет. Верстах в двадцати пяти к юго-востоку от этого массива в том же хребте находится другой массив — Хасаку-хаирхан, уступающий по высоте первому. От него отделяется на север плоская ветвь, достигающая берегов Дзапхына⁽³⁷⁾.

К югу от гор Модоту-ула и Хайсы-хаирхан простирается обширная пустынная долина, представляющая юго-восточное продолжение пересеченной нами на пути от ручья Байн-булук к хребту Бичигин-нуру пустыни Кысын-тала. С полуденной стороны она замыкается кряжем Дарибень-нуру Южного Алтая, тем самым, который был потерян нами из виду в первый же день пути по упомянутой пустыне. От этого хребта, верстах в шестидесяти к юго-востоку от массива Хайсы-хаирхан, называемого в том месте Тайшир-ула, отделяется весьма длинный и высокий северо-западный отрог, заключающий в себе горные массивы Хасакту-хаирхан и Хайсы-хаирхан, а потом простирающийся далее на северо-запад под названиями Модоту-ула и Бичигин-нуру. Южнее кряжа Дарибень-нуру тянется в юго-восточном же направлении другой хребет системы Цаган-нуру, отделяющийся, как выше было замечено, от снежной горы Мунку-цасату-богдо и потерянный нами из виду одновременно с Дарибень-нуру в первый день пути от ручья Байн-булук по пустыне. Хребет Цаган-нуру верстах в ста двадцати от горы Мунку-цасату-богдо расчлениется на две ветви, из которых одна примыкает к северному хребту системы Дарибень-нуру, а другая — к южному Алтайн-нуру, несущему в том месте название Шаргаин-барун, далее к юго-востоку — Бурхан-ула, а еще далее — Ирдын-ула. Все эти хребты Южного Алтая переплетаются между собою отрогами, замыкающими вместе с ними высокие нагорные котловины с лежащими в них солеными озерами. Таким образом, горная система Южного Алтая в рассматриваемой зоне, между 45 и 47° широты, отличается значительным расчленением, большой шириной и присутствием в ней обширных горных котловин. Наш спутник, бийский купец Антропов, ездивший из Улясутая по Баркульской дороге, которую мы пересекли на урочище Тыскин-холой, сообщал, что, перевалив через хребет Модоту-ула, он спустился в долину, потом пересек небольшой западный отрог этого хребта и вышел к соленому озеру Могой-нору. Южнее озера расстилается широкая пустынная равнина, окаймленная с полуденной стороны хребтом Дарибень-нуру, а с севера — горами Модоту-ула и восточным продолжением их. На запад долина простиралась на всем видимом пространстве, но к востоку окрайние хребты сближались, хотя предела равнины и в этом направлении нельзя было заметить. Антропов доходил только до середины этой равнины, где находится колодец Хуренгин, отстоящий почти в равном расстоянии (в 30 верстах) от хребтов Модоту-ула и Дарибень-нуру.

С урочища Цаган-эргэ мы направились по пустынной каменистой равнине, на которой пересекли невысокий отдельный кряж. С полудня поднялась сильная снежная буря, и мы с трудом сделали станцию в 20 верст, остановясь на р. Дзапхыне дnevать. Ниже места нашей первой стоянки на этой реке она принимает северо-западное направление, а выше на пространстве около 100 верст течет почти прямо с востока на запад. На другой день мы ловили своим маленьким неводком рыбу в Дзапхыне, но по случаю дурной погоды лов был неудачен. Тут снова нам пришлось выслушивать жалобы стоявших поблизости монголов на волков, которые незадолго до нашего прибытия задушили у них несколько лошадей. Близ места стоянки лежало два лошадиных трупа, и мы поджидали волков, но они не показывались. Зато пролетало множество коршунов, которыми пополнилась наша коллекция птиц.

От первого ночлежного пункта в Дзапхыне мы прошли вверх по этой реке около 100 верст и не видели на этом пространстве ни одного притока. В 10 верстах к востоку от места стоянки река, стесняемая с юга подошедшею

к ней ветвью массива Хасаку-хаирхан и невысоким кряжем с севера, стремится верст пять в ущелье. Дорога же направляется по левому ее берегу и по глубокой теснине Улан-сайра пересекает помянутую ветвь невдалеке от реки, а потом переходит на правый берег Дзапхына, текущего выше ущелья в довольно широкой долине. Местность к северу и югу от этой долины представляет плоскогорье, опускающееся к ней то пологими, то крутыми склонами. Оно покрыто низкими насаженными кряжами⁽⁵⁸⁾, имеет твердую хрящеватую почву и одето скудной растительностью.

Дзапхын при ширине от 12 до 20 сажен течет большей частью в отлогих берегах. Глубина его только в немногих местах достигает 6—7 футов, а в остальных он мелок и имеет каменистое дно⁽⁵⁹⁾. В реке живет много хариусов и ускучей. Последние держатся в тихих плесах и заливах, тогда как хариусы пребывают на быстрине и преимущественно около камней.

Долина среднего Дзапхына богата пастбищами, на которых во время нашего пребывания стояло много монголов, расположившихся на зимние стойбища. Едва успевали мы прибыть на ночлежное место, как они сбегались к нам со всех сторон и почти никогда не оставались свободными зрителями, а помогали развьючивать верблюдов, ставить юрты и собирали аргал на топливо. В особенности привлекла их рыбная ловля неводком, который мы иногда закидывали в реке, еще не покрывшейся льдом. Монголы, не исключая женщин и детей, толпами собирались на тоню и с напряженным вниманием следили за движением неводка, а когда он появлялся на берегу с трепетавшею в мешке рыбою, толпа испускала единодушные возгласы изумления. Надобно заметить, что монголы ни рыбы, ни птиц не едят, а потому и не имеют понятия ни о снарядах для рыбной ловли, ни о способах ее. Птицы и рыбы считаются монголами несъедомыми. Нам говорили, что они покупают иногда пойманных китайцами и русскими рыб живьем и потом бросают их обратно в воду. Но странно, что при таком участии к рыбам монголы не только не препятствовали ловить их, но даже не высказывали никакого неудовольствия за это.

Верстах в всезнадцати выше первого ущелья, по которому проникает Дзапхын, находится второе, покрытое тополем и талом. Оно имеет около двух верст длины и образуется скалами левого берега долины, к которому в этом месте подходит река, и отдельными скалистыми высотами на правом берегу самой реки, между тем как долина ее имеет около 8 верст ширины.

28 сентября мы прибыли к монастырю гэгэна (богочеловека)⁽⁶⁰⁾ Нарбаньчи на той же р. Дзапхыне. Он расположен на подгорной площади, окруженной со всех сторон, исключая южной, невысокими горами. Обитель состоит из храма и десятка глиняных домиков, обнесенных довольно высокою кирпичною оградой. В ней считается около 40 монахов. Сам гэгэн имел в то время от роду 25 лет. К нему постоянно приходят поклонники за благословением. Войдя в жилище святителя, они падают пред ним на землю. В это время гэгэн касается головы преклонившегося цилиндром или ящичком, наполненным молитвами, ниспосылая ему таким образом благодать. Поклонники являются всегда с дарами, без которых приближенные ламы не допускают их к святителю. Один из наших казаков, бурят и буддист, ходил на поклонение гэгэну и получил от него благословение, заплатив предварительно ламам несколько кусочков серебра. Мне самому хотелось очень видеть святителя, но ламы, бывшие у нас в гостях, предупредили, что лицезреть его можно не иначе, как, воздав ему, подобно всем поклонникам, должную почесть, т. е. пасть пред ним ниц, отчего,

конечно, я должен был отказаться. Гэгэн предпринимает изредка псездки по соседним странам Монгслии. Он ездит в закрытой повозке в сопровождении бсльшой свиты лам. Года за два до нашего посещения монастыря он предпринимал путешествие в землю дурбётов⁽⁶¹⁾ и собрал, как говорили, обильную дашь.

У монастыря Нарбаньчжи мы простояли почти две суток. В этом пункте ожидал нас Антропов, приехавший из Улясутая, с тем, чтобы принять от приказчика следовавший с ними из Кобдо караван бийских купцов с маральими рогами и вести его в Куку-хото. Он уполномочен был купцами продать эти рога и на вырученные за них деньги купить кирпичного и байхового чаю. Сверх того, доверители поручили Антропову собрать подробные торговые сведения в этом городе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТ МОНАСТЫРЯ НАРБАНЬЧЖИ ДО КОЛОДЦА ХОЛТ В ПУСТЫНЕ ГОБИ

Поворот с р. Дзапхына. — Безводная степь Голоин-тала. — Волнистая страна южных отрогов Хангая и ее реки. — Долина больших озер. — Ю. Алтай. — Геогностические заметки. — Пикет Горида. — Почтовое сообщение в Монголии. — Преддверие пустыни Гоби. — Начало самой пустыни. — Расспросы монголов о южной дороге в г. Куку-хото и об окрестной стране.

От монастыря Нарбаньчжи мы прошли еще почти две станции вверх по долине р. Дзапхына, которая верстах в пяти от него суживается, но вскоре снова расширяется на 5—8 верст и удерживает такую ширину на пространстве около 20 верст. Эта местность, называемая Цакилдак, по обширности и тучности своих пастбищ представляет наилучшую часть пройденной нами долины среднего Дзапхына. Далее к верховьям долина переходит в теснину, и Дзапхын принимает характер горной речки. Эта неглубокая теснина с обрывистыми берегами покрыта местами тополем и тальником, в ней встречаются также небольшие, но очень хорошие луга. Защищенная своим извилистым направлением от бурь, она весьма удобна для зимних стойбищ, следы которых мы часто встречали в ней.

Окрестная страна отличается таким же характером, как и ниже по течению Дзапхына: она представляет плоскогорье, ниспадающее к долине этой реки то пологими, то крутыми склонами и покрытое низкими насажденными краями. Верстах в тридцати к югу от Дзапхына тянется северный хребет Алтая под названием Тайшир-ула. Начиная от массива Хасакту-хаирхана, он постепенно понижается в юго-восточном направлении и на меридиане урочища Цакилдак представляет весьма углубленную и длинную седловину, но потом снова возвышается и достигает почти снежной линии верстах в ста пятидесяти от помянутого массива к юго-востоку. Но лесов на этом хребте уже нет.

К северо-востоку от нашего пути виден был довольно высокий хребет Буянту-ула, простирающийся с северо-востока на юго-запад и прорезаемый р. Дзапхыном. Этот хребет принадлежит к системе Хангая и отделяется от ее высоких гор на верхнем Дзапхыне, или Буянту, как называется верхнее течение его. Вообще страна к северо-востоку от урочища Цакилдак

дак переходит постепенно в дикую горную землю, представляющую начало обширной системы Хангая.

Пройдя около 5 верст по ущелью Дзапхына, мы оставили эту реку, текущую выше с северо-востока на юго-запад, и приняли восточнее направление. По выходе из теснины дорога пересекает южную оконечность весьма пологой гряды, отделяемой хребтом Тайшир-ула на север, к Дзапхыну, поворачивающему в этом месте круто к западу, а потом спускается на обширную равнину Голоин-тала. Эта равнина, раскинувшаяся верст на шестьдесят пять с севера на юг до хребта Тайшир-ула и слишком на двадцать с запада на восток, представляет малоплодородную степь с твердым, хрящеватым грунтом, покрытую тощим кипцом и кустарниками. В некоторых плоских углублениях встречались, впрочем, и порядочные пастбища, но ни источников, ни колодцев в этой степи нет, а потому монголы кочуют на ней только зимою, когда бывает снег.

Взяв с собою воды для людей из Дзапхына, мы ночевали среди равнины Голоин-тала. На ней лежало множество бараньих скелетов, еще не успевших разложиться. Монголы жаловались, что в предшествующую зиму по причине глубокого снега у них был большой падеж на скот, в особенности на баранов. Многие богатые, говорили они, вследствие этого падежа стали бедными. Действительно, для монголов, не заготавливающих на зиму несколько сена, глубокая снежная зима — настоящее народное бедствие, пожалуй, не лучше чумы, язвы и тому подобным эпизодий. Хотя в Южной Монголии сенокосные места очень редки, но зато во многих хорошо орошенных долинах Хангая мы встречали луга, вполне удобные для сенокоса. А между тем и там монголы сетовали на падежи от зимней бескормицы. В северо-восточной части Монголии, сопредельной с Забайкальской областью, пограничные монголы переняли частью от русских, частью от бурят сенокосение, покупают наши косы и заготавливают порядочные запасы сена, но в остальной Монголии, исключая окрестностей гг. Урги, Улясутая и Кобдо, не знают его⁽⁶²⁾.

Из пустынной равнины Голоин-тала мы вступили в невысокую горную страну, образуемую крайними южными отпрысками системы Хангая. Эти горы состоят из весьма плоских и невысоких отрогов хребта, принадлежащего к названной системе и простирающегося с северо-запада к юго-востоку, почти параллельно дороге, по которой мы шли. На северо-западе он сочленяется с помянутым хребтом Буянту-ула, прорезаемым Дзапхыном, а на юго-восток идет весьма далеко, нся последовательно названия: Баин-цаган, Тыхши-буин-хаирхан, Баргун, Цаган-чолунэи-обо, Шибет и Магна. Из южных ветвей этого хребта только одна, наиболее длинная, называемая Дурбульджин-боро-нуру, сочленяется с Южным Алтаем, да и то слабо, посредством низкого и пологого поднятия, покрытого незначительными холмами. Таким образом, между горными системами Хангая и Южного Алтая в этом месте не существует прочной орографической связи, а далее к юго-востоку они разделены широкою пустынною равниною.

Южный Алтай, не отличающийся в этой местности большою высотой, тянется верстах в пятидесяти от дороги сначала под прежним названием Тайшир-ула, далее к юго-востоку называется Богдо-хаирхан и отделяет на юго-восток-юг ветвь Кичигин-нуру. К югу от него, на меридиане урочища Дэлгэр-булук при нашей дороге, лежит в широкой долине солонце озеро Борбон-дабасу, имеющее около 25 верст в окружности. Вода в нем находится только посредине, а близ берегов лежит голая самосадочная соль,

за которую ездят на это озеро монголы из всей окрестной страны. Не доходя до колодца Дурбульджин-худук, мы пересекли торную дорогу на оз. Борбон-дабасу, ведущую с северо-востока. Южнее этого озера тянется главный, южный, хребет Алтая, под названием Ирдын-ула, представляющий юго-восточное продолжение гор Бурхан-ула. Ирдын-ула отделяет к северо-востоку невысокий отрог Тумур-хобьинудзур, не достигающий, однако, виденного нами северного хребта системы. Большое солонное озеро Борбон-дабасу лежит в междугорной долине, образуемой северным и южным хребтами Алтая и покрытой низкими горками. Страна же к югу от хребта Ирдын-ула, по рассказам монголов, представляет поблизости этого хребта такую же неровную степь, как и близ северного подножия кряжа Тайшир-ула. На той степи воздымаются местами отдельные небольшие высоты, а в двух днях пути к югу от хребта Ирдын-ула возвышается одиноко довольно высокая горная группа Ном-тологой. Южнее ее степь переходит в каменистую пустыню, среди которой встречаются кое-где низкие хребты, увалы и отдельные высоты. Население группируется преимущественно в Южном Алтае и близ северного подножия его, а на юг, в глубь Гоби, укладывается только зимсю, но и то лишь на три, на четыре дня пути от южного хребта Ирдын-ула, так как дальше на юге пустыня бесплодна и крайне бедна водою.

Следуя по южной окраине горной страны Хангая, мы переваливали последовательно с одной плоской ветви на другую. Эти ветви отделяются, как выше сказано, от хребта, простирающегося под разными названиями с северо-запада на юго-восток, почти параллельно нашему пути. Крутых спусков и подъемов в этих горах нигде по дороге не встречалось, но небольшие плоские котловины весьма обыкновенны в них. Они представляют характеристическую особенность рельефа южной части системы Хангая. По показаниям монголов, в описываемой стране встречаются нередко источники, есть даже небольшие озера, частью пресные, частью соленые. Одно из соленых озер, Гашунь-нор, мы встретили около колодца Дурбульджин-худук. Оно имеет около полуверсты в окружности и лежит в углублении, окруженном гранитными высотами.

5 октября мы спустились в широкую долину с пресным оз. Ульдзуйту-нором около версты в окружности. Оно лежит среди болотистой, кочковатой местности и питается водами многих ключей, бьющих близ его берегов. Озеро очень глубоко и выпускает из себя маленькую речку Ульдзуйту-гол, образующую на пути в той же долине несколько озерков, а потом иссякающую по выходе на соседнюю южную равнину. Ульдзуйту-нор было покрыто только около берегов льдом, а на середине еще не замерзло, и там плавали стада запоздалых уток.

Переночевав на озере, мы продолжали путь по невысокой горной стране, сходной с пройденною. К северу от дороги тянулся помянутый хребет Хангая, носящий тут местное название Магна. Он попрежнему высылает на юг плоские и широкие отрасли, которые мы последовательно пересекли. К востоку от меридиана оз. Ульдзуйту-нора эти плоские ветви Хангая уже не достигают Южного Алтая: между ними и северным подножием последнего расстилается, начиная отсюда, обширная пустынная равнина, простирающаяся на юго-восток вплоть до самой Гоби. Северный же хребет Южного Алтая, носящий в этом месте название Баин-цагаи, уклоняется к югу-востоку-югу и сочленяется, по свидетельству монголов, с южным хребтом, продолжением Ирдын-улы, посредством отрогов. Но Тянь шань, тянувшийся весьма далеко на восток, почти до меридиана озера Согок-нора,

нигде не сочленяется с системою Южного Алтая, оканчиваясь в пустыне постепенно холмами⁽⁶³⁾.

На пути от оз. Ульдзуйту-нора мы встретили две маленькие кумирни Дархаин-сумэ и Тургуин-тайчжин-куре, стоящие близ дороги в расстоянии верст восьми одна от другой, и вышли на речку Цаган-гол, текущую с северо-запада на юго-восток. В узкой долине этой речки, ограниченной довольно крутыми, но невысокими берегами, мы дневали поблизости монгольских пашен, орошенных канавами из речки. Это были единственные пашни, виденные нами на всем пути по Халхе. Но по расспросным сведениям, пашни встречаются еще кое-где в невысоких местах по речным долинам этой горной страны.

В 22 верстах от речки Цаган-гола мы встретили значительную р. Байдарик, текущую в довольно широкой долине с хорошими пастбищами. Байдарик имеет от 15 до 20 сажен ширины, быстрое течение и каменистое дно. Глубина значительна только в омутах, а в остальных местах река мелка. Байдарик получает начало из главного кряжа системы Хангая, в расстоянии двух дней пути к северу от почтовой Калганско-улясутайской дороги, в высоких и лесистых горах Кукудаба. В верховьях [Байдарик] образует небольшое озеро и [затем] течет на юг шесть станций, т. е. около 170 верст. С правой стороны Байдарик принимает в себя верстах в восьмидесяти ниже истока речку Изак, вытекающую из главного же хребта Хангая и образующую в верховьях тоже малое горное озеро. Верстах в девяти выше устья в Байдарик впадает помянутая речка Цаган-гол, на берегу которой мы дневали. Она вытекает из соседних, близких к нашему пути, высоких гор. С левой стороны в Байдарик изливается речка Ута, получающая начало в горах главного кряжа Ульдзуйту-ула.

Байдарик несет свои воды в большое соленое оз. Цаган-нор, лежащее близ подошвы Южного Алтая, в пустынной долине. Это озеро имеет около 50 верст в окружности. Рыбы в нем по причине большой солености воды вовсе нет, тогда как в Байдарике живут хариусы и водятся, по всей вероятности, еще и ускучи⁽⁶⁴⁾.

На левом берегу Байдарика, близ дороги, находятся развалины. Местные монголы говорили нам, что тут стоял в прежнее время г. Улясутай. Город был обнесен глиняной стеной прямоугольного начертания, около 200 сажен длины и 100 сажен ширины. Внутри стены остались следы узких улиц, небольших домов с малыми двориками, ворот и городских площадок. Недостаток времени не позволил нам осмотреть эти развалины и попытаться сделать раскопки в них.

К востоку от р. Байдарика горная страна, по которой мы шли, заметно возвышается. В целом она представляет плоскогорье, покрытое почти повсеместно пологими отраслями, тянущимися с севера на юг. Южный Алтай скрывался от нас из виду только по временам, когда его заслоняли высоты к югу от дороги. Долина между ним и южною оконечностью горной страны Хангая имеет тут около 40 верст ширины. С гор она представлялась нам углубленной землей, лежащей по крайней мере на 1 000 футов ниже той горной страны, по которой пролегал наш путь. Эта пустынная долина, судя по показаниям монголов и отчасти по нашим собственным наблюдениям, представляет не что иное, как западный, клинообразный рукав Гоби, с которою она сливается далее на юго-востоке. Подобно Гоби, она одинаково с нею приподнята над уровнем моря и отличается почти таким же пустынным характером. Только поблизости крайних ее гор да по берегам некоторых рек, текущих с Хангая и орошающих ее

своими низовьями, изменяется к лучшему мертвое однообразие этой пустынной долины.

К северу от дороги мы продолжали видеть попрежнему горный хребет, тянувшийся, казалось, непрерывно от помянутого кряжа Буянтуула на верхнем Дзапхыне. Если это не был перспективный обман, явление которого на столь близком расстоянии трудно допустить, то нужно полагать, что горная система Хангая опускается к югу небольшою террасою. За хребтом показывались изредка горные вершины, свидетельствовавшие, согласно с показаниями монголов, о непрерывности горной страны к северу от нашего пути до главного хребта Хангая, тянувшегося почти параллельно Калганско-улясутайской почтовой дороге, от которой гребень его отстоит от 40 до 60 верст. На понижение горной страны Хангая к югу указывают, несомненно, реки, текущие с главного ее хребта на юг. Мы пересекли Байдарик, да четыре реки оставались впереди. Эти последние получают начало также в главном хребте системы, текут с севера на юг, прорывая себе путь через виденный нами к северу от дороги хребет и несут свои воды в большие озера долины между Хангаем и Алтаем⁽⁶⁵⁾. Но мы не слышали от монголов о существовании на этих реках водопадов в тех местах, где они пробиваются через помянутый хребет. Быстрины же и пороги на них действительно встречаются в этих местах.

Кроме рек с их притоками, несущих свои воды далеко на юг, в долину больших озер, в описываемой горной стране есть маленькие внутренние речки и ручьи, образующие небольшие пресные и соленые замкнутые озера, рассеянные кое-где по ней, в особенности на севере, поблизости главного кряжа¹.

В 80 верстах от Байдарика мы пересекли другую значительную реку страны — Нарын-гол⁽⁶⁶⁾, мало уступающую по массе воды первой. Она протекает в широкой, большею частью солонцеватой долине с хорошими пастбищами. Нарын-гол получает начало, под названием Ологой, в главном хребте Хангая из гор Чжиргаланту-ула и течет на юг в пресное озеро Чжиргаланту-нор, лежащее на северной окраине долины между Алтаем и Хангаем и имеющее около 30 верст в окружности. На берегах его, представляющих весьма хорошие пастбища, во время нашего пребывания в окрестностях этого озера стояло много монголов. Нарын-гол, кроме ручьев, не принимает значительных притоков и короче Байдарика.

Долина между Алтаем и Хангаем на меридиане оз. Чжиргаланту-нора простирается попрежнему верст на сорок в ширину. Алтай же в этом месте состоит не из одинокого, как прежде, хребта, но из двух хребтов. Из них северный, наиболее высокий, мы ясно видели, а южный различали только по вершинам. Северный хребет изгибается по плоской дуге, обращенной выпуклостью к северо-востоку; южный же тянется прямо с северо-запада к юго-востоку. В северном кряже почти на меридиане оз. Чжиргаланту находится весьма высокая гора Ихы-богдо, поднимающаяся, по всей вероятности, не менее 13 000 футов над морем. Она имеет продолговатую форму, сходную с треугольной шляпою. Северный ее склон очень крут, так что снег на нем близ вершины держится только в вьемках, но

¹ На нашем пути по этой горной стране встречаются следующие источники: Шину-усу — в 16 верстах к востоку от равнины Голоин-тала; Дэлгэр-булук — в 20 верстах к юго-востоку от предыдущего; Буянту-гол — в 24 верстах к ю.-в. от озера Ульдзуйту, в 5 верстах от этого озера к востоку — Нарас-булук, а в 16 — Цзамыйн-булук; Хуулин-булук — в 22 верстах к востоку от колодца Кошон-чолун-худук и Сангин-далай — на урочище Хара-нидунэй-шант.

на самой верхушке удлиненное снежное пятно, по словам монголов, не стает никогда⁽⁶⁷⁾.

Цепь Южного Алтая, тянущаяся к югу от оз. Чжиргаланту, представляет продолжение вышеупомянутых хребтов северного—Баин-цаган—и южного—Ирдын-ула, разделенных западнее широкою долиною, заключающей соленое озеро Борбон-дабасу, а потом верстах в пятидесяти к юго-западу от оз. Цаган-нор, как показывали монголы, сближающихся друг с другом и простирающихся таким образом в близком соседстве почти прямо на восток верст шестьдесят. Далее цепь переходит в одинокий хребет, тянущийся еще весьма далеко на юго-восток. Южнее этой цепи высоких гор нет: там залегает обширная пустыня, покрытая ксе-где низкими кряжами и отдельными высотами.

В 48 верстах к востоку от Нарын-гола протекает небольшая речка Туин-гол, получающая начало в горах Убугун-чжиргаланту; главного кряжа Хангая, и впадающая в соленое озеро Орок-нор долины между Алтаем и Хангаем. Показания монголов о форме и размере этого озера были разноречивы. Во всяком случае, оно должно быть меньше оз. Цаган-нора, принимающего Байдарик, так как питается незначительною речкою⁽⁶⁸⁾. Туин-гол принимает слева речку Шаргальчжид, получающую начало в горах Эльбихэ главного хребта Хангая, и течет поблизости дороги в плоской, широкой долине¹.

Длина Туин-гола простирается на шесть дней пути, т. е. приблизительно до 170 верст⁽⁶⁹⁾.

Страна к востоку от р. Туин-гола становится еще выше: проходя по ней почти в западно-восточном направлении, мы приближались постепенно к главному хребту Хангая, тянущемуся с северо-запада на юго-восток. Относительная высота гор в этой части страны также больше, чем в западной, а реки текут в глубоких, обрывистых долинах.

Пройдя слишком 40 верст от Туин-гола, мы спустились в глубокую долину р. Таца-гола, или Тацеин-гола. Эта река берет начало в главном хребте системы из гор Дулан-хара, принимает слева р. Шаргаин-гол и течет на юг в соленое озеро Буин-цаган-нор, лежащее в той же долине, где находятся и прочие помянутые озера. Буин-цаган-нор имеет около 35 верст в окружности. Долина Таца-гол окаймлена с востока и запада крутыми горными склонами и весьма богата лугами, местами болотистыми и кочковатыми, но пастбища были в то время сильно потравлены скотом стоявших в долине многих монгольских улусов. Река, подобно предыдущим, уже покрылась прочным льдом, препятствовавшим нам ловить рыбу. Во всех этих реках живут хариусы и водятся, должно быть, также ускучи, но, к сожалению, мы не могли добыть ни одного экземпляра рыб из-под толстого льда. На быстринах, правда, оставались кое-где полыньи, но до них очень трудно было добраться и еще труднее ловить. Переправы через эти реки по гладкому льду также затрудняли несколько движение: предварительно лед нужно было посыпать землей, чтобы верблюды не скользили, так как на чистом льду они держаться не могут.

Из долины Тацеин-гола мы поднялись в горы и, пройдя по ним около 15 верст, спустились тоже в глубокую долину левого притока названной

¹ На правом берегу Туин-гола, близ дороги, находятся развалины большого дома с обширным двором, обнесенным высокою глиняною оградой. Этот дом, по свидетельству местных монголов, принадлежал китайскому купцу, который имел в нем лавку и торговал с окрестными монголами. Ныне от него уцелела одна ограда.

реки — Шаргаин-гола¹. Эта река мало уступает по массе воды Тацеин-голу, но долина ее не представляет таких удобных пастбищ. Из этой долины мы опять поднялись в горы, с которых ясно был виден Южный Алтай, отстоявший от дороги верстах в семидесяти на юге. Цепь состоит в этом месте из одного весьма высокого хребта, в котором заключается гора Цасату-богдо — высочайшая из вершин Южного Алтая. Она имеет вид трапеции с закругленным сверху меньшим основанием и покрыта вечным снегом, спускающимся от вершины приблизительно футов на 500 по вертикальному направлению. Поэтому абсолютная высота Цасату-богдо должна быть около 14 000 футов⁽⁷⁰⁾. Эта снежная гора лежит почти на меридиане оз. Буин-цаган-нора, верстах в ста сорока к юго-востоку от горы Ихы-богдо в той же цепи. Мы видели ее только однажды, с гор левого берега р. Шаргаин, потом она скрылась от нас совсем. Ранее же мы не могли видеть этой горы, потому что Южный Алтай на пространстве трех станций был закрыт от нас соседними горами. От монголов, спрошенных нами об этой горе, мы получили подтверждение, что вершина ее постоянно скрыта снегом, а самая гора считается священной.

Несмотря на весьма значительную высоту Южного Алтая в областях Ихы-богдо и Цасату-богдо лесов на этих горах, по показанию монголов, нет, а встречаются только кустарники да одинокие тополи и тал по берегам источников в ущельях. Между тем достоверно известно, что в главном хребте Хангая и его северо-восточных отрогах, отстоящем от Южного Алтая в этом месте не далее 150 верст, растут значительные леса лиственницы. Отсутствие лесов в этой части Южного Алтая и далее к юго-востоку, впрочем, весьма естественно: он лежит южнее и тянется нешироким поясом по жаркой и сухой пустыне, тогда как Хангай широко раскинулся во все стороны, образуя обширную горную страну, воспринимающую и задерживающую в себе по этой причине несравненно более атмосферных осадков. Об этом свидетельствуют многие значительные реки, получающие начало в Хангае и расходящиеся отсюда по радиальным направлениям, преимущественно на северо-восток, юг и юго-запад. Из Южного же Алтая на означенном пространстве, по показанию монголов, не вытекает ни одной значительной реки как с северного, так и южного склона цепи, а только несколько маловодных речек, иссякающих вскоре по выходе из гор на соседние пустынные равнины.

Присутствие Южного Алтая все-таки значительно оживляет здешнюю пустынную страну. По рассказам монголов, источники в этих горах встречаются нередко, растительность как в самых горах, так и у подножий их несравненно лучше, чем на сопредельных равнинах. В летнее время монголы всей окрестной страны кочуют в этих горах, спускаясь с них осенью. Зимой Южный Алтай покрывается снегом и иногда столь глубоким, что переход через него бывает затруднителен. Во время нашего путешествия вдоль Южного Алтая в октябре и в первой половине ноября большая часть его была покрыта снегом и он резко выделялся своей белизной на темносером фоне соседних равнин, еще не одетых снежным покровом.

В горах к востоку от р. Шаргаин-гола мы пересекли несколько плоских котловин с солончаками. К северу от дороги тянулся, повидимому, все тот же непрерывный хребет, простирающийся от гор Буянту-ула и

¹ Шаргаин-гол впадает в Таца-гол слева верстах в двадцати ниже пересечения этой последней реки с нашим путем.

носящий в этом месте название Баин-ула, а далее к востоку — Ашхата. На юге же от нашего пути горная страна как бы замыкалась высоким, резко очерченным хребтом Буржан-ула, простирающимся в восточно-западном направлении. Гребень этого хребта господствует немного над высокой горной землей, по которой мы шли, а на юге между ним и Алтаем залегает обширная долина больших озер, имеющая и в этом месте около 40 верст ширины.

Южные широкие и плоские отроги Хангая на пространстве от равнины Голонн-тала до речки Цаган-гола слагаются из гранита и сиенита. Гребни наиболее приподнятых кряжей состоят из весьма плотной породы темно-бурого цвета¹, а на пологих горных склонах часто встречаются массивные отторженцы упомянутых кристаллических пород⁽⁷¹⁾. Местами они образуют непрерывные стлани, или мельницы. Далее между реками Цаган-голом и Байдарик горы становятся несколько выше и преобладающей породой в них является фельзитовый порфир. К подчиненным же породам принадлежат: сиенитовый гранит, гранитит, плагиоклазовый порфирит, кварцит и серпентин. Последние три образуют преимущественно гребни хребтов этой горной местности, тогда как остальные обнаруживаются лишь на склонах. На правом берегу р. Нарын-гола развит глинистый сланец с кварцевыми жилами, которые достигают значительной мощности. Кварц в этой местности выдается изредка среди сланцевых масс столбчато, в виде обелисков, но небольших размеров. В участке между реками Нарыном и Таца преобладают серый гнейс и гранит, а к подчиненным породам относятся: фельзитовый туф, ортоклазовый порфирит и кварцит. Наконец, между реками Шаргаин-голом (левый приток р. Таца) и Горидою горы состоят из слюдяного сланца и фельзитового туфа.

В восточной части горной страны, по которой мы шли, лежал уже довольно глубокий, вершка в три, снег и несколько дней сряду дул весьма холодный встречный ветер с востока. Но в пустынной долине между Алтаем и Хангаем, лежащий гораздо ниже, снега еще не видно было нигде. В 18 верстах к востоку от р. Шаргаин-гола мы вышли на почтовую Калганско-улясутайскую дорогу и остановились на большой высоте, слишком в 6 000 футов, на ночлег. Атмосфера в Монголии на таких высотах необыкновенно прозрачна: вечером в тот день можно было простым глазом довольно отчетливо наблюдать неосвещенный край луны, еще не находившейся в первой четверти, а в небольшую трубу, увеличивающую около 20 раз, без большой погрешности замечать соприкосновение этого края с натянутыми в ее фокусе нитями.

Последние две станции от урочища Хара-нидунэй-шант до почтовой дороги мы шли по тропе. Проводник повел нас южнее дороги, на которой перевалы были покрыты глубоким снегом, и потому вывел на почтовую дорогу позже, чем следовало. По выходе на Калганско-улясутайский почтовый тракт мы узнали от местных монголов о существовании другой, более удобной дороги в Куку-хото, направляющейся по долине больших озер близ северного подножия Алтая. Наш проводник той дороги не знал и вывел нас на почтовую дорогу, с которой есть два свертка в Куку-хото: от станции Хара-нидун и Онгин. При этом оказалось, что пункт на почтовой дороге, куда мы вышли, поставлен на картах почти на целый градус севернее, чем следовало. На южную дорогу, пролегающую по долине больших озер, было три свертка с нашего пути: с урочища Цакилдак на

¹ Эта порода еще не определена.

Дзапхын, с источника Тургын-булук, в холмах близ восточной окраины равнины Голоин-тала и вниз по речке Цаган-голу. Эта дорога короче нашей, пролегает по равнине и не беднее подножным кормом и водой. Но, к сожалению, все это мы узнали слишком поздно, описав значительную дугу на север, по горам. Не желая, однако, продолжать путь по одной из северных дорог, отделяющихся в Куку-хото от почтового тракта, мы порешили пройти по этому тракту до ближайшего пикета Гориды и, собрав там справки о южной дороге, повернуть на нее круто с этого пикета.

Утром по почтовой дороге мимо нашего лагеря пресхало около 100 китайских солдат. Несколько человек из них заехало к нам. Солдаты эти возвращались со службы из Улясутая в Пекин и ехали верхами на почтовых лошадях, а багаж их шел на почтовых же верблюдах, отправляемых с пикетов ранее выступления самих солдат. Они ехали скоро, делая по три, по четыре станции ежедневно и, как видно, не жалели монгольских лошадей и верблюдов, погоняя усердно тех и других.

Навьючив своих верблюдов, и мы последовали по той же дороге за солдатами. Местность стала сильно склоняться к востоку, так что, пройдя не более 20 верст, мы спустились слишком на 1 000 футов и вышли на широкую, местами болотистую долину р. Гориды-гола, или Горидуин-гола. На левом ее берегу расположен почтовый пикет юрт из пятнадцати. Монголы, содержавшие этот пикет, жили тут с женами и детьми. Корм поблизости пикета был совершенно вытравлен, а потому мы спустились вниз по речке версты на две и остановились в широкой ее долине дневать.

Почтовое сообщение в Монголии устроено только для правительственных надобностей, а частные лица им не пользуются. Расходы, вызываемые содержанием почтовых пикетов, падают на местное население. Каждый хошун (удельное княжество) обязан содержать известное число пикетов. Но повинность эту нельзя признать вполне натуральной: всякий хошун нанимает на свои общественные суммы нескольких монголов с верблюдами и лошадьми, которые и содержат причитающиеся на долю этого хошуна почтовые пикеты, получая средним числом по 20 лан (около 50 руб.) на юрту ежегодно и положенное количество баранов. Почтовые пикеты по Калганско-улясутайскому тракту между станциями Саир-усу и Харанидун содержат местные монголы, образующие так называемое Харчинское ведомство. Зато они избавлены от прчих повинностей и получают еще небольшое вспомоществование от своих хошунов.

На каждом пикете содержится положенное количество почтовых лошадей и верблюдов, а также хорошая юрта для проезжающих чиновников, но экипажей никаких нет. Почтовые пикеты не всегда остаются на одних и тех же местах, а по временам передвигаются немного в стороны от назначенных мест по мере вытравления пастбищ, но располагаются всегда поблизости дороги.

Все проезжающие по казенной надобности пользуются бесплатно верблюдами и лошадьми на пикетах, а также определенным числом баранов для пищи, соответственно своим чинам или должностям. Это число далеко превосходит действительную потребность, а потому многие из проезжающих чиновников продают излишних баранов монголам, содержащим станции, получая взамен их серебро. Некоторые из важных чиновников собирают таким образом значительные суммы, получая с каждого пикета по несколько десятков лан. Встречаются, конечно, между ними и добросовестные, не берущие лишнего. Про одного, например, рассказывали, что

он не только сам не брал лишних баранов, но строго воспрещал пользоваться ими и чиновникам своей свиты.

Почтовые дороги в Монголии соединяют Кобдо с Улясутаем и Улясутай с Калганом. Со станции Саир-усу Калганско-улясутайского тракта отделяется ветвь в Ургу, а оттуда до Маймайчена, что близ Кяхты. Кроме того, существует несколько второстепенных почтовых дорог, на которых содержится гораздо меньше лошадей и верблюдов, а именно: 1) между Ургою и Улясутаем по прямому направлению через урочище Дулан, оз. Угэй-нор, Дайри, Тэллин-гол и Тэрхей-нор; 2) из г. Кобдо через Хонур-улен, Эльдеге и Белеу до перевала Хак на границе; 3) из того же города через Чингиль, Чакуртай и г. Булун-тохой в Чугучак с ветвью от Чингиля в г. Гучен и 4) из Улясутая через урочище Борхо, оз. Могой-нур и оз. Тункуль в г. Баркуль.

В тех местах, где почтовых дорог не существует, проезжающие по казенной надобности лица и казенные транспорты следуют на переменных верблюдах и лошадях, сменяемых в попутных улусах, для чего высылаются вперед загонщики, собирающие заблаговременно потребное количество тех и других животных. На пути в Куку-хото нам неоднократно пришлось быть свидетелями такой процедуры сбора верблюдов для казенных транспортов, шедших из этого города в Кобдо и в Улясутай.

Караваны частных лиц избегают почтовых дорог, на которых подножный корм поблизости источников вытраивается почтовыми животными. Кроме того, по существующему правилу, в случае недостатка или усталости почтовых верблюдов и лошадей забирают для казенной надобности первых попавшихся, возвращая их хозяевам только по миновании надобности.

На другой день по прибытии на р. Горидуин-гол мы расспрашивали местных монголов о дороге в Куку-хото. Оказалось, что многие из них бывали несколько раз в этом городе и знали все дороги, ведущие туда из Западной Монголии. О дорогах, отделяющихся на станциях Хара-надун (20 верст к востоку от пикета Гориды) и Онгийн (120 верст к востоку от пикета Гориды), в Куку-хото они сообщили нам, что обе они кружны и в Гоби бедны водою и кормом. Южная же дорога, пролегающая в долине больших озер, близ северного подножия Алтая, короче и во всех отношениях вообще удобнее северных дорог. От пикета Гориды считается до этой дороги по прямому направлению на юг два дня пути, а до Куку-хото здешние монголы на хороших верблюдах с легкими вьюками доходят в 18—20 дней.

Мы ни в каком случае не желали итти в Куку-хото по какой-либо из северных дорог, отстоящих близко одна от другой, так как по одной из них прошел осенью 1872 г. английский путешественник Эляйяс⁽⁷²⁾. Поэтому и просили монголов указать нашему проводнику приметы, по которым он мог бы вывести нас на южную дорогу, так как соединительного пути между нею и пикетом нет, а только тропа, местами незаметная, с которой проводник легко мог сбиться.

Покончив с дорогой, мы расспрашивали монголов об окрестной стране. По их показанию, река Горидуин-гол получает начало в главном кряже Хангая, в расстоянии одного дня пути к северо-западу от пикета Гориды. Верстах в десяти ниже этого пикета она принимает слева речку Шабарту-гол, вытекающую из соседних гор на северо-востоке, по слиянию с которой получает название Аргуин-гола и течет на юг-запад-юг в пресное озеро Цыгэин-нор — крайнее восточное из числа больших озер долины между

Алтаем и Хангаем. Оно имеет около 30 верст в окружности и отстоит от пикета Гориды на юг в 56 верстах¹.

С р. Горидуин-гола мы направились сначала по почтовой Калганско-улясунтайской дороге, пересекли речку Шабарту-гол — левый приток Гориды, разбивающуюся в солонцеватой долине на рукава, миновали весьма глубокое пресное озеро Гуи-нор, лежащее в котловине, а потом следовали по тропе на юго-восток. Первые 10 верст шли по равнине, затем, повернув почти прямо на юг, вступили в холмистую землю, образуемую крайними отпрысками Хангая. Эта местность лежит значительно ниже горной страны между реками Таца-голом и Горидуин-голом, представляя преддверие пустыни Гоби. Между холмами встречались глубокие лощины, покрытые хорошим кипцом, но ни источников, ни колодезев не было, так что нам пришлось в этот день пройти до ближайшего колодца — Цзарахат-цагай — 42 версты. Корм около него был потравлен скотом стоявших поблизости монголов, и наши лошади голодали всю ночь.

На следующий день первую половину станции шли по холмистой же местности со многими небольшими котловинами, в одной из которых встретили соленое озерко Хучжирту-нор, а потом спустились в обширную впадину, имеющую от 5 до 8 верст ширины и простирающуюся верст на тридцать пять с северо-запада на юго-восток. Отсюда началась пустыня Гоби: страна понижается и становится более открытою, хотя и не представляет совершенной равнины; появляются впадины, большею частью плоские, с солончаками, изредка с небольшими солеными озерами или несомненными признаками существовавших в них прежде озер, а вместе с тем исчезают источники и беднеет флора.

С северо-востока и юго-запада помянутая впадина окаймлена низкими пустынными кряжами Шаргаин-хошуту и Хара-нуру, из которых первый опускается к ней пологим склоном, а второй крутым. Дно этой обширной углубленной земли, состоящее почти сплошь из солончаков, покрыто во многих местах караганою, злаком дэрису и песчаными сопками. На нем встречались также солончаковые площади с гладкою, лоснящеюся от соляного налета, поверхностью. Они занимают наиболее углубленные места дна и представляют, по всей вероятности, остатки одного обширного водохранилища, наполнявшего некогда всю эту котловину.

Южный Алтай мы потеряли из виду, еще не доходя до почтовой дороги, и он скрывался от нас в течение первых четырех дней пути от пикета Гориды на юго-восток. Высокий же кряж Бурхан, тянущийся с запада на восток и служащий, как было упомянуто, южною окраиною горной страны между реками Таца-голом и Гориды-голом, исчез от наших взоров при спуске с гор в долину р. Горидуин-гол. Но мы усматривали его еще в первый день пути от пикета Гориды, пока шли по открытой местности. Спустившись же в углубление на рубеже пустыни, потеряли из виду даже близкие окрестности, скрываемые крайними хребтами этой впадины. Близ колодца Адун-чолу, на котором мы ночевали, я поднимался на гребень южного хребта Хара-нуру для обозрения окрестностей, но и оттуда не видно было ни Алтая, ни кряжа Бурхан-ула. Вокруг на всем видимом пространстве простиралась волнообразная равнина, покрытая кое-где низкими, насажденными кряжами, увалами и отдельными высотами. Все

¹ Всего, следовательно, в долине пять озер, из которых два, Чжиргаланту и Цыгэин-нор, пресные, а остальные — соленые. Все они нанесены на маршрут по распросным сведениям, так как лежат далеко в стороне от дороги и потому как в положении их, так и в величине могут быть значительные неточности⁽⁷³⁾.

эти поднятия на севере возвышались несколько больше над равнинами, чем в остальных странах горизонта.

Пройдя около 35 верст в углублении, окаймленном в юго-восточной части уже не хребтами, а пологими увалами, мы поднялись на плоскогорье, на котором пересекли весьма пологую гряду, и спустились в другую впадину, протянувшуюся верст на сорок с северо-запада на юго-восток. Она имеет от 2 до 4 верст ширины и отличается таким же характером, как и предыдущая, т. е. присутствием множества солончаков, покрытых местами зарослями дэрсу, с признаками высохших озер и песчаных сопок. В юго-восточной части впадина суживается до двух верст и богата солончаковыми растениями. Тут по ней рассеяны были кое-где монгольские улусы около колодцев и паслось много жирных верблюдов. Воды в ней достаточно, но она не совсем приятна на вкус и притом солоновата. Невдалеке от своей юго-восточной оконечности впадина поворачивает почти прямо на восток. Мы пересекли ее поперек и поднялись на увал, на котором в углублении встретили небольшое соленое озерко, и направились почти прямо на восток, сбившись с тропы. Тут нам попались навстречу монголы, указавшие нам путь к югу на колодец. От них мы узнали, что местность к востоку от углубления совершенно безводна на пространстве трех дней пути и корм в ней очень плох даже для верблюдов, а для лошадей совсем корма нет. Чтобы пройти по этой пустыне на северо-восток до почтовой дороги, нужно запастись водою для людей непременно на два дня, и движение по ней возможно только на верблюдах.

По совету монголов мы повернули круто на юг и, пройдя версты две по увалу, снова спустились в ту же впадину, уклоняющуюся в этом месте, как замечено, почти прямо на восток и суживающуюся до двух верст. На дне ее, около обширных зарослей дэрсу, у колодца Холт, мы остановились на дневку. Воды было много, но колодец давно не прочищался, и пить ее было невозможно. Пришлось довольствоваться снеговой водою, разыскивая небольшие снежные кучи между песчаными сопками.

Поблизости колодца Холт стояло несколько монгольских улусов, и у нас перебивало много монголов, которых мы расспрашивали о южной дороге в Куху-хото и об окрестной стране. Эта дорога, выходящая из долины больших озер, отстоит от колодца Холт в прямом направлении на юг не далее 25 верст. Она действительно короче и во всех отношениях лучше северных дорог, отделяющихся с почтового тракта. Южнее ее вдоль северного подножия Алтая идет другая дорога в Куку-хото, отходящая от первой в долине между Хангаем и Алтаем и потом соединяющаяся с ней опять далее на юго-востоке.

Южный Алтай мы увидели теперь снова, подходя к колодцу Холт. Он отстоит от этого колодца около 65 верст и тянется одиноким хребтом, носящим в этом месте название Арца-богдо. Хребет возвышается приблизительно около 3 500 футов над соседнею равниною и не имеет высоких, выдающихся вершин. Арца-богдо, по свидетельству монголов, представляет непрерывное продолжение массивных гор Алтая, что к югу от долины больших озер. Общее название всему этому длинному поднятию монголы повсеместно дают Алтай. Леса на хребте Арца-богдо совсем нет, так что, по выражению монголов, не из чего сделать даже остов юрты. Но источники в нем нередки, в особенности на северном склоне, и растительность в летнее время местами очень хороша. Через хребет есть перевал, по которому переходят его караваны, направляющиеся из Куку-хото в г. Баркуль⁽⁷⁴⁾.

Окрестная страна представляет совершенную пустыню. На западе пустыня сливается непосредственно с пустынною же долиною больших озер, которая, как выше было замечено, представляет западное, клинообразное продолжение Гоби⁽⁷⁵⁾. Описываемую часть этой обширной пустыни, подобно другим ее местностям, нельзя признать совершенной равниной: поверхность ее волнообразна и покрыта кое-где низкими насажденными кряжами, плоскими увалами и отдельными высотами. В ней очень часто встречаются впадины с их неразлучными спутниками-солончаками и песчаными сопками, поросшими саксаулом или хармыком, но больших песков в этой части Гоби нет. В некоторых впадинах находятся соленые озера, которых довольно много в пустыне. Источники же очень редки в Гоби и встречаются в ущельях и долинах наиболее высоких ее гор, а на равнинах лишь в обширных и глубоких впадинах, но как те, так и другие не обильны водой. Многие из гобийских источников содержат соленоватую воду, а некоторые даже совершенно соленую. В числе этих источников есть периодические, текущие только некоторое время после дождей или таяния снега, а потом иссякающие.

Здесь монголы подтвердили нам показания, полученные на пикете Гориды, о существовании пресного озера Цыгэин-нор, принимающего реку Аргуин-гол, а также сообщили некоторые сведения о стране к югу от хребта Арца-богдо⁽⁷⁶⁾. По их описанию, та страна представляет такую же пустыню, как и по северную сторону хребта, с тою разницею, что южная пустыня еще бесплоднее северной и беднее ее водою, но лежит ниже и зима в ней бывает теплее. Поверхность ее, подобно северной Гоби, неровная и покрыта изредка кряжами и отдельными высотами, хотя высоких гор там нет. Больших песков в пустыне прямо к югу от хребта Арца-богдо тоже нет, по крайней мере в расстоянии 4—5 дней пути от хребта, а существуют ли они далее на юге,—спрошенные монголы не знали достоверно. Но к юго-востоку от этих гор, по их показанию, в 15—20 днях пути, начинаются обширные пески, поросшие саксаулом, в которых нет ни дорог, ни колодцев.

Население по южную сторону хребта Арца-богдо редкое и кочует преимущественно у подножия его, а глубь пустыни, по причине ее бесплодия и отсутствия колодцев, — безлюдна. От хребта на юг тамошние монголы укочевывают только зимой, но не далее 3—4 дней пути. Источников на южном склоне хребта Арца-богдо меньше, чем на северном. Солончаков в южной пустыне так же много, как и в северной.

На горах Арца-богдо живут дикие бараны и козлы, водящиеся на Алтае едва ли не повсеместно, исключая разве крайней, юго-восточной его части, а в песках далекой юго-восточной пустыни, по показанию монголов, пасутся будто бы дикие верблюды, о существовании которых им, впрочем, известно только по слухам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАМЕТКИ О ПЛЕМЕННОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ МОНГОЛИИ, ОБРАЗЕ ЖИЗНИ И БЫТЕ ОБИТАТЕЛЕЙ ЭТОЙ СТРАНЫ, ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ И АДМИНИСТРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

Этнографические сведения. — Монгольские народности. — Нравы монголов. — Образ жизни. — Жилище. — Обыденная жизнь. — Одежда. — Скотоводство. — Земледелие. — Охота. — Пища. — Домашняя утварь. — Ремесла. — Современное экономическое положение монгольского народа. — Удельные княжества. — Сеймы. — Управление Монголией. — Шабинское ведомство. — Отношение монголов к китайцам.

В настоящей главе считаю не лишним коснуться населения посещенной нами страны, хотя этот беглый очерк далеко не может претендовать на ту полноту и основательность, которыми отличаются специальные этнографические исследования.

Население Монголии, рассматриваемой в ее физических границах¹, по племенному составу можно считать однородным, так как оно почти все принадлежит к монгольской расе². Но по языку и отчасти по различию внутреннего быта это население распадается на несколько народностей. Из них самую многочисленную представляют обитатели центральной и северо-восточной частей страны, составляющих так называемую Халху. Все халхасцы говорят одним и тем же чистым монгольским языком и исповедывают, подобно прочим монгольским народностям, буддизм. Затем следуют монголы юго-восточной, соседней Внутреннему Китаю части страны (сунниты, цахары, урот и тумыт), отличающиеся несколько от халхасцев языком, нравами, обычаями, отчасти даже образом жизни, и

¹ Под Монголией в физико-географическом отношении мы разумеем весьма высокую землю, ограниченную на севере горами Русского Алтая, Саяна с его юго-восточным продолжением и Гентэйскими горами, на востоке хребтом Большим Хинганом, на юго-востоке Иншанем, а на юге и западе Южным Алтаем.

² Кроме котонов, живущих в числе 100 юрт на западном берегу оз. Киргизнор, принадлежащих к тюркскому племени и описанных впервые Потаниным (Потанин). «Очерки Северо-Западной Монголии», вып. II, стр. 15—18). Северо-восточный угол Монголии, между рекой Урсунюм и озерами Буир и Далай, с одной стороны, и хребтом Большим Хинганом — с другой, населяют баргу — буряты монгольского племени и солоны тунгусского.

не входящие в административный строй Халхи. Наконец, северо-западная часть Монголии занята следующими народностями: урянхями, дурбетами, олетами, торгоутами и цахачинами.

Урянхай подразделяются на две весьма различные группы: одна занимает бассейн верхнего Енисея, переходя немного даже на юг от хребта Танну-ола, а другая — высокую горную область в Южном Алтае. Эта область тянется неширокою, но длинною полоскою по Южному Алтаю от гор Канас и Табың-богдо на государственной границе до среднего Булгуна, простираясь на северо-восток до рек Ойгора, Суока и средней Кобдо, на восток до гор Теректы, на запад до истоков Кобдо, оз. Тал-нор, а на юго-восток до верховьев Булгуна. Урянхай, населяющие область верхнего Енисея¹, по языку резко отличаются от прочих монгольских народностей: они говорят наречием тюркского языка, весьма сходным с наречием наших алтайских теленгутов, кочующих по р. Чуе. В этом наречии, однако, много чистых и искаженных монгольских слов². Алтайские же урянхай говорят монгольским наречием и отличаются, кроме того, ст енисейских бытом и религией: алтайские урянхай — буддисты, а енисейские — большею частью язычники, и только занимающие южную часть своей страны, сопредельную Халхе, начинают мало-помалу принимать буддизм. По внешним признакам, обе группы урянхаев принадлежат к монгольской расе³.

Дурбёты занимают землю, границы которой приблизительно очерчиваются так: на северо-западе государственная от перевала Улан-даба до перевала Юстыд. От последнего граница дурбетской земли через оз. Урю-нор направляется к устью р. Теса, оттуда поворачивает на юг и пролегает по западным берегам соединенных озер Киргиз-нор и Айрик-нор, потом вверх по р. Дзапхыну до устья протоки Татхэ-тэмэн в эту реку из оз. Хара-нора, от которого она идет на северо-запад через горы Анхалэ к р. Кобдо, далее, вверх по ней до устья Суока, затем по Суоку и Ойгору до перевала Улан-даба через пограничный хребет Сайлюгэм. Дурбеты говорят наречием монгольского языка, которое, по отзыву халхасцев, для последних далеко не так удобопонятно, как наречия прочих монгольских народностей, населяющих Северо-Западную Монголию. Нравами, обычаями и вообще бытом дурбеты также резко этих народностей отличаются от халхасцев.

¹ Эти урянхай известны у наших купцов, торгующих в Монголии, под названием сойётов.

² Заметим, кстати, что и в чистом монгольском языке халхасцев очень много тюркских слов, большей частью искаженных, но тем не менее свидетельствующих о прежнем общении монголов с народами тюркского племени.

³ К северо-западу от алтайских урянхаев по речкам: Джик-пелень, Ком, Сом и Канас, текущим с западного склона Южного Алтая, и около оз. Канас, живет народ кокчулутуны. По внешним признакам, они принадлежат к монгольской расе, но говорят наречием тюркским, сходным с наречием наших алтайских теленгутов. Почти все кокчулутуны знают и киргизское наречие, но монгольского языка не понимают. Они кочуют весьма рассеянно по высокой горной стране. Жилища их состоят большею частью из конических шалашей, покрытых войлоком, а юрты встречаются только у зажиточных. Скот кокчулутунов состоит почти исключительно из коз, да и тех они содержат немного. Главное занятие этого народа звероловство. Лето кокчулутуны проводят в своей земле, в которую в июне и июле прикочевывают киргизы, пользующиеся их пастбищами и дающие им зато на прокат лошадей, на которых кокчулутуны перекочевывают и ездят на охоту. Осенью часть этих звероловов переселяется на зиму в горные леса, соседние речкам Ак-кабе, Джаман-кабе и Нарын-кабе, для промысла и возвращается оттуда в свою страну весной.

Торгоуты кочуют на р. Булугоне, его притоках и на верхней Урунгу, на которой часть их имеет зимние стойбища. На юг кочевья торгоутов простираются до гор Байтык-богдо. Их монгольское наречие весьма близко к языку халхасцев.

Цзахачины живут в Южном Алтае к востоку от торгоутов. Земля их на севере простирается до хребта Цзун-хаирхан, на северо-востоке до конца долины Дзерге, на востоке до речки Борджон-гола, впадающей в Цицик-нор, на юге до гор Байтык-богдо, а на западе примыкает к области, занимаемой торгоутами. Наречие их, подобно торгоутскому, мало разнится от чистого монгольского языка халхасцев.

Монголы олет живут в участке, ограниченном на северо-востоке нижею Кобдо, на востоке хребтом Цзун-хаирхан, на юге горами Бар-чигыр и на западе горами Теректы. Они, подобно торгоутам и цзахачинам, говорят монгольским наречием, удобопонятным для халхасцев. Вообще, наречия алтайских урянхаев, олет, торгоутов и цзахачин, по отзыву наших купцов, торгующих в Северо-Западной Монголии, очень мало разнятся между собой и притом близки к языку халхасцев, что подтверждают и сами халхасцы¹.

Наши этнографические заметки касаются почти исключительно халхасцев, среди которых мы преимущественно вращались во время пребывания в Монголии.

О нравственных качествах монголов можно сказать, что они добродушны, приветливы и честны. Характер у них вспыльчивый, но злопамятность и месть не свойственны их прямодушной натуре. Вместе с тем монголы упрямы, хотя и поддаются легко обаянию лести. Словоохотливость также присуща им: на предложенный вопрос, кроме прямого ответа, готовы сообщить еще много лишнего. Скорая речь монгола непрерывно льется из его уст, причем нередко высказывается много постороннего, к делу не идущего. Как и все вообще кочевники, монголы ленивы и беспечны, но безусловно. Монгол предается праздности только во время досуга, которого, правда, у него много, но зато в рабочее время, например при следовании с караваном, он способен трудиться неустанно в течение долгого времени. Беспечность монголов также достойна замечания: нашему пресловутому «авось» в монгольском языке соответствует более сильное «цугэр», отражающееся весьма невыгодно на их благосостоянии.

Замечательно также в нынешних монголах отсутствие хищнических наклонностей, выражающихся обыкновенно в набегах и грабежах, столь обыкновенных у многих других кочевых народов, как, например, у арабов, туарегов, туркменов и отчасти даже у наших киргизов. В Монголии баранта (захват скота) существует только у енисейских и алтайских урянхаев, а в остальных местах не только грабежи, но даже обыкновенные кражи очень редки, исключая городов с их окрестностями да юго-восточной, соседней Внутреннему Китаю части Монголии, в которой нравы туземцев далеко не так патриархальны, как внутри страны.

Монголы, как известно, ведут кочевую жизнь. Их подвижные поселения, состоящие из нескольких войлочных юрт, называются *улусами*. На всем длинном пути по Монголии (около 5 000 верст) мы нигде не встречали больших улусов: величина их колеблется от 5 до 8 юрт и редко от 8 до 12. Между тем как киргизские подвижные поселения (аулы) дости-

¹ Г. Потанин упоминает еще о двух мелких народностях Западной Монголии — байтах и минггит, о которых мы сведений не имеем. П о т а н и н. Очерки С.-З. Монголии, вып. II, стр. 28, 33, 34, 39 и 40.

гают 50 и более юрт. Малолюдность монгольских улусов объясняется отчасти недостатком обширных, привольных пастбищ, отчасти родственными отношениями, лежащими в основе общежития монголов, поселения которых составляются преимущественно из юрт близких родных.

Привыкнув кочевать рассеянно, монголы и на тучных пастбищах, встречающихся изредка в их стране и способных питать многочисленные стада, не селятся сплошь большими улусами, а разбиваются на незначительные группы (из 4—8 юрт), отстоящие иногда в полуверсте одна от другой. Исключением служат разве только княжеские ставки и большие монастыри, около которых встречаются более многолюдные улусы.

Другая особенность кочевого образа жизни монголов, сравнительно с киргизами, заключается в существовании у них зимних перекочевков. Киргизы, как известно, проводят зиму на одних и тех же местах, перекочевывая в это время года только в редких, исключительных случаях, как, например, от гололедицы или глубокого снега. На своих постоянных зимних стойбищах большинство киргизов устраивает неподвижные помещения для себя (избы, мазанки, землянки) и скота (загоны, навесы). Монголы же перекочевывают по временам с места на место и зимою, хотя и реже, чем летом, а потому и неподвижных жилищ на это время года ни для себя, ни для скота не устраивают. Скот у них круглый год остается под открытым небом, без всякого крова. Только для баранов и коз делают иногда на продолжительных зимних стоянках круглые ограды из камней, высотой фута в три, в которые загоняют этих животных на ночь.

Причина, побуждающая монголов к зимним перекочевкам, заключается в бедности Монголии тучными пастбищами, на которых стада могли бы свободно питаться в течение всей зимы. В это время года монголы укочевывают нередко в безводные местности, на которых в летнее время пасти скот, конечно, совершенно невозможно, а потому эти пастбища и остаются невытравленными до наступления глубокой осени или зимы. Перекочевав с наступлением холодов в такие безводные степи, покрытые нетронутым подножным кормом (большею частью кипцом), монголы поселяются в них иногда на продолжительное время, гоня скот на водопой к ближайшим источникам или колодцам, — крупный через два дня, а баранов и коз через день или ежедневно. Если выпадет снег, то они располагаются на безводных пастбищах еще свободнее, укочевывая иногда далеко от воды на хорошие корма. В этих случаях и люди и животные довольствуются вместо воды снегом, который редко остается чистым, а обыкновенно вскоре по выпадении смешивается ветрами с песком и дресвой.

Жилище монгола состоит из войлочной юрты (гэр), отличающейся от киргизской главным образом формою верхней половины. У киргизских юрт она сферическая, а у монгольских — коническая, что, очевидно, зависит от формы деревянного остова, обтягиваемого войлочным покровом. Перекладыны, поддерживающие купол киргизской юрты, выпуклые, тогда как у монголов они прямые. Другое существенное отличие монгольской юрты от киргизской заключается в устройстве дверей: монгольская юрта имеет деревянные створчатые двери, которыми она обращается на юг; у киргизской же юрты дверное отверстие закрывается просто войлоком, спускающимся вроде шторы сверху. Наружных украшений, подобно киргизским юртам, у которых войлок в средней части часто покрывается цветным узором, монгольское жилище не имеет. Кровом беднейшим монголам служат небольшие конические шалаши, покрытые старым, дырявым и прокопченным войлоком.

Во время путешествия с караванами или на богомолье монголы помещаются на ночлегах в палатках (майхан) из синей бумажной ткани (дабы), подбиваемой иногда внутри более грубой и редкой бумажной же тканью (далимбою). Устройство и постановка монгольской палатки очень просты. Остов ее состоит из двух вертикальных кольев от 6 до 9 футов высоты, утверждаемых в расстоянии 7—11 футов друг от друга и снабженных на верхних концах железными ушками, сквозь которые продевается третий кол, служащий гребнем, или коньком, остова. На этот остов натягивается палатка, полы которой прикрепляются посредством веревочных петель внизу к железным кольшкам, вбиваемым в землю. По наружному виду монгольская палатка напоминает несколько крутую шестигранную кровлю. Острием или носом она для устойчивости обращается в наветренную сторону, а противоположная сторона, состоящая из двух пол, заключает между ними отверстие, служащее дверью.

Посреди монгольской юрты целый день горит огонь. Топливо, состоящее почти всегда из аргала (сухого скотского помета), накладывается в бездонную цилиндрическую решетку, служащую таганом. Таган состоит из плоских железных обручей, от 8 до 12 вершков в диаметре, скрепленных между собою параллельно четыремя железными пашилинами с багровидными, выдающимися немного вверх концами, на которых покоится сферический котел. В такой решетке, имеющей от 9 до 12 вершков высоты, аргал при свободном притоке воздуха с боков горит лучше, чем в обыкновенной куче, и притом она служит таганом.

Для топлива монголы предпочитают аргал дровам даже в тех случаях, когда они под рукою, так как аргал, по их объяснению, не испускает искр, которые, падая на разбросанное в юртах платье, могли бы незаметно прожигать его. Поэтому они употребляют древесное топливо только за недостатком аргала или сыростью его, если оно находится поблизости стойбищ.

В последнее время в Западной Монголии стали мало-помалу появляться железные печи для нагревания юрт зимою. Этим нововведением монголы обязаны нашим бийским купцам, торгующим в Кобдо и Улясутае, которые для согревания своих холодных квартир в названных городах привезли из Бийска железные печи. Они понравились некоторым из местных китайских торговцев, заказавшим нашим купцам доставить такие же печи и для них. По ввезенным бийскими купцами образцам железные печи в Кобдо и Улясутае стали готовить тамошние кузнецы-китайцы на продажу сначала горожанам, а потом и окрестным монголам. Листовое железо для этих печей покупается у наших купцов, и печи ценятся от 10 до 12 лан (25—30 рублей), а потому доступны только зажиточным монголам.

У передней стены монгольской юрты стоит шкафик с небольшим ящиком наверху, на котором помещаются кумиры и изображения их на бумаге или на тканях наподобие икон, а пред ними металлические чашечки, наполненные хлебными зернами, маслом или жиром и иными приношениями. По обе стороны жертвенника размещаются сундуки с домашним имуществом и шкафы с мелкой посудой, а поблизости дверей направо и налево: ведра, кувшины, баклаги, сумы, седла, арканы и уздечки. Тут же можно встретить иногда и новорожденных телят, ягнят или козлят, помещающихся в очищенном для них тесном уголке. Затем все остальное пространство юрты направо и налево от очага занято деревянными складными кроватями, устланными войлоками.

Внутренняя поверхность юрты переполнена копотью, которая вместе с пылью образует на куполе и перекладинах целые пряди, спускающиеся в виде бахромы. Неопрятность жилища вполне гармонирует с содержанием домашней утвари, приготовлением пищи и чистоплотностью самих обитателей его. Для вытирания внутренности котлов, чаш и корыт, из которых едят люди, монголы вместо тряпки очень часто употребляют сухой аргал, а внутренность мелкой посуды после еды вылизывают языком. Одним и тем же уполовником или щипцами подкладывают аргал в очаг и вслед затем мешают ими же кушанье в котле или вынимают из него сварившееся мясо. Верхняя одежда монголов, о которую они имеют обыкновение вытирать руки, постоянно покрыта тонким слоем грязного жира, а белье они носят до тех пор, пока не настанет пора заменить его новым, но если нового нет, то ходят в одной верхней одежде, хотя бы то было зимой. Тела своего монголы никогда не моют, а только лицо и руки, да и то не все ежедневно. Зимой вместо воды часто трут их снегом⁽⁷⁷⁾.

Но зато такая непривлекательная, по нашим понятиям, внешность монгола со всей домашней обстановкою с избытком искупается, мне кажется, его внутренней чистотой. Сидя в грязном и убогом монгольском жилище, в обществе его простодушных обитателей, как-то невольно миришься с их неопрятностью и подавляешь в себе чувство брезгливости.

Подобно другим кочевым народам, монголы свято соблюдают обычай гостеприимства: ни один путник, посетивший юрту монгола, не выйдет из нее без того, чтобы хозяева не пригласили его чего-нибудь поесть или выпить. При таком широком гостеприимстве туземец, отправляющийся куда-нибудь из родного улуса налегке, обыкновенно не берет с собой ни денег, ни съестных припасов, так как в каждой попутной юрте встретит радушный прием и будет желанным гостем.

Обыденная жизнь монголов однообразна и бедна развлечениями: в монгольских улусах редко слышатся песни, еще реже бывают игры. Путешественнику по Монголии гораздо чаще приходится наблюдать различные религиозные отправления и гадания, весьма распространенные у монголов. Народные песни уступают место церковным песнопениям, столь чтимым монголами, в особенности ламами, которые и в пути, сидя на верблюде и покачиваясь равномерно, бормочут по несколько часов подряд свою шестисловную мистическую молитву: «ом-ма-ни-пад-ме-хум».

С восходом солнца женщины доят скот и потом отправляют его большей частью с подростками-мальчишками, а иногда и с девушками на пастбище, куда пастухи или пастушки следуют всегда верхом на лошадях. Затем женщины готовят кушанье и занимаются шитьем. Вообще на монголках лежат многие домашние работы: приготовление кушанья, собиранье молока, делание сыра, масла, уход за новорожденными и мелкими животными, шитье платья и пр. Они трудятся гораздо больше мужчин, и эти нескончаемые хлопоты по хозяйству поддерживают в них постоянство энергии, в противоположность мужчинам, ленивая жизнь которых изменяется только периодически. Зато монгольские женщины пользуются значительной долей самостоятельности: они не безответные рабыни своих мужей, а полноправные хозяйки.

Мужчины большую часть дня, если нет спешной работы, проводят в праздности, сидя у очага и покуривая трубки, или отправляются в гости в соседний улус и непременно всегда верхом, хотя бы до этого улуса было несколько сот шагов. Разъезды по гостям бывают в особенности часты летом, когда у монголов готовится кумыс и гонится водка. В это

время можно встретить партии подгулявших монголов, путешествующих из улуса в улус, но в чрезмерном употреблении спиртных напитков их, однако, нельзя укорять. На праздниках при монастырях устраиваются скачки, стрельба из луков и борьба, привлекающие туземцев целыми тысячами. Охотники осенью и зимою нередко соединяются в партии и устраивают облавы на антилоп, а весной, летом и осенью охотятся в одиночку на сурков.

В период караванного движения (с августа по апрель) однообразная жизнь монголов, кочующих поблизости больших дорог, значительно оживляется: проходящие ежедневно караваны доставляют им развлечение. Завидев караван, монголы тотчас садятся на лошадей и, подскакав к нему, приветствуют путешественников; затем начинаются нескончаемые расспросы. Увлечшись разговором, некоторые из любопытных уезжают с караванами очень далеко от своих улусов. Случается также нередко, что монгол, едущий в гости или за делом и встретившийся с караваном, поворачивает назад и сопутствует ему несколько верст единственно из желания побеседовать с проезжающими. Но ошибочно бы было такую страсть к общению считать характеристической чертой монгольских нравов: ее следует, мне кажется, приписать вполне естественному влечению к разнообразию от той монотонной жизни, которую ведут монголы в своих малых и уединенных улусах.

Китайские и русские торговцы, посещающие монгольские улусы, точно так же оживляют по временам однообразную жизнь монголов, собирающихся к ним во время остановок с окрестных стойбищ. Китайские торговцы иногда подолгу остаются на одних и тех же местах, и у них за это время перебивает множество монголов.

По вечерам монголки опять доят скот, оставляя коров, баранов и коз на ночь около юрт под защитой собак, иначе волки, которых в Монголии множество, не преминут воспользоваться оплошностью владельцев и наверно задушат несколько штук. В эти часы, когда скот пригоняется к улусам, окрестности их оглашаются мычанием коров и блеянием баранов. Потом все умолкает, и в ночном сумраке только огоньки, просвечивающиеся через верхние, дымовые отверстия юрт, обозначают собою присутствие человеческих жилищ.

Нижняя одежда мужчин состоит из короткой с косым воротом рубахи, сшитой из синей, голубой или серой бумажной ткани (дабы), с небольшими разрезами по бокам у подола и из той же материи шаровар. Зимой монголы носят овчинные или теплые стеганные шаровары из дабы. Верхнюю одежду составляет широкий халат из синей, коричневой, а у лам из желтой или малиновой дабы. Воротник, борты, подол и обшлага рукавов халата обшиваются у зажиточных плисом. Халат застегивается на круглые металлические пуговицы, пришитые на правом боку. На подоле халата с обоих боков часто делаются разрезы для удобного помещения в седле.

Халат опоясывается бумажным цветным поясом, на котором висят всегда ножны с ножом и огниво на ремешках или цепочках, а сзади за поясом втыкается трубка. Карманов у халатов не делают, а мелкие вещи, носимые при себе, например табакерку, кيسеты с табаком и тому подобное монголы кладут за пазуху или за голенища, куда помещают иногда трубки и кошельки с серебром. В зимнее время монголы носят нагольные тулупы или халаты на бараньем меху, а в путешествиях при сильных холодах или ветрах надевают еще и поверх их козы дохи.

Женщины носят узкие халаты с длинными рукавами и утолщениями на плечах. Халат застегивается на круглые металлические пуговицы, нашиваемые по прямой линии от подбородка вниз. Поверх халата монголки надевают короткие безрукавки. Волосы монгольские женщины разбивают на две пряди, смазывают их клеем и спускают их в виде двух плоских лентообразных локонов на грудь, сжимая эти локоны металлическими стержнями, или щемилками. Локоны украшаются бляхами, кораллами и лентами, а на голову монголки надевают маленькую ермолку с тремя лопастьями на краях и отверстием наверху. Монголки носят массивные, большей частью треугольные серьги с различными привесками, браслеты и кольца, а на шею — кораллы и бусы.

Мужчины и женщины обуваются в просторные кожаные сапоги, похожие на китайские, без каблуков, с широкими, но короткими голенищами и толстыми войлочными подошвами, прошитыми ремешком или драгвою. Зимой на ноги надевают предварительно войлочные чулки, выдающиеся из голенищ.

Головной убор у мужчин и женщин одинаков: коническая шапка с круглым мягким шишаком на верхушке и широкими, загнутыми кверху полями, отороченными снаружи мехом (лисьим, волчьим, рысьим) или плетением (у летних шапок). Зимой, в сильную стужу, монголы отворачивают их, защищая себе лоб, уши и затылок¹. Сзади спускаются с шапки две малиновые или пунцовые ленты, длиною вершков в десять. Летом, в жары, монголы вместо шапок часто повязывают голову платком, узлом на затылок.

* * *

Скотоводство составляет, как известно, главное, основное занятие обитателей Монголии. Кроме рогатого скота, в этой стране пасутся огромные стада баранов, множество лошадей и верблюдов; водятся также в небольшом количестве и козы.

Монгольский рогатый скот довольно крупной породы. Кроме обыкновенного рогатого скота, в Монголии водятся еще сарлыки (*Bos grunniens* Lin.). Это — потомки дикого быка — яка, живущего ныне на свободе в пустынях Тибета. От скрещивания сарлыков с обыкновенным рогатым скотом произошли помеси хайныки и хайлыки, но потомки этих помесей недолговечны.

По наружному виду, сарлыки очень похожи на дикого яка и разве немного уступают ему в величине. Они живут преимущественно в высоких, горных местностях Монголии: в Алтае, Хангае и Гентэйских горах, но в Гоби нам нигде не приходилось видеть их. Самки сарлыков дают густое и очень вкусное молоко, но мясо этих животных, по уверению пробовавших, грубо и не так вкусно, как обыкновенного рогатого скота. Акклиматизация сарлыков у нас в Алтае, Тарбагатае или Тянь-шане была бы, по всей вероятности, возможна и принесла бы немало пользы, так как от них, кроме мяса, кож и молока, получаются еще ценный волос и шерсть.

Монгольские лошади мелки и некрасивы. Короткое туловище с плоским тазом, слегка выпуклый лоб, длинный, пышный хвост и большие уши составляют отличительные их наружные признаки. Они пугливы, а взятые прямо из табуна, малосезженные — дики; но все вообще очень

¹ Монголы, как известно, бреют переднюю часть головы и носят косы, исключая лам, которые бреют всю голову. Простые монголы (хара) бреют бороду и оставляют усы, а ламы ни бороды, ни усов не носят.

выносливы и крайне неприхотливы на пищу, довольствуясь в пустыне такими жесткими растениями, которых наши лошади в рот не возьмут. Наружностью и ростом монгольские лошади уступают киргизским. Впрочем, в Восточной Монголии, поблизости Большого Хингана, водятся, как нам говорили, более крупные лошади, которых самим не приходилось видеть.

Нечего и говорить, что все монголы отличные наездники; даже монголки смело могут сперничать в верховой езде с лучшими европейскими берейторами, разумеется не красотою псадки и знанием манежных тонкостей, а умением справиться с ретивым конем и способностью к продолжительным, неустанным поездкам. Седла у монголов глубокие с весьма широкими и высокими передними луками. С ленчика по обе стороны спускаются кожаные лопасти с узорами, оттиснутыми или набитыми красками. Массивные стремяна с широкими подножками поднимаются так высоко, что всадник сидит на лошади с согнутыми чуть не под прямым углом ногами.

Тяжести монголы перевозят преимущественно вьючным способом на верблюдах, а телеги употребляются для этого реже, да и то почти исключительно в восточной, наиболее ровной половине Монголии. Монгольские телеги — это первобытные двуколки с угловатыми колесами. Спицы и втулка колеса заменяются крестовиной, вставленной в обод. В замке крестовины проделано четырехугольное отверстие для укрепления оси, вертящейся, подобно вагонным осям, вместе с колесами. В телеги с тяжестями запрягают всегда быков, а лошади вовсе не знают упряжи. На них, однако, возят иногда чиновников в китайских телегах, привязывая к оглоблям длинные поперечины, концы которых верховые монголы берут к себе на седла, прикрепляют и тянут таким образом экипаж. Важные сановники ездят большей частью в паланкинах, поддерживаемых на весу едущими с обеих сторон четырьмя верховыми посредством поперечин, прочно прикрепленных к двум продольным шестам, соединенным с крышею паланкина.

Верблюды в Монголии, так же как и в наших киргизских степях, двугорбые, хорошо обучены и очень привычны к продолжительным движениям под вьюками, в особенности в восточной половине страны, где ежегодно в течение осени и зимы многие тысячи их заняты перевозкою чая из Калгана в Кяхту.

Монгольские вьючные седла для верблюдов (хоманы) очень удобны, равно как и самые способы вьючки и развьючки, позволяющие выполнять ту и другую операцию быстро. Каждый из двух, приблизительно равных по весу грузов, предназначаемых на одного верблюда, монголы оплетают крест-накрест веревкою несколько раз, делая из нее по две петли наверху. При вьючке оба груза приподнимаются двумя рабочими и прикладываются к бокам лежачего (на животе с подогнутыми под себя ногами) верблюда, причем петли одного из грузов продеваются через противоположные им на другом грузе и потом через них просовывается палочка, удерживающая грузы на седле. Для развьючки, когда верблюд будет уложен, стоит только выдернуть эту палочку, и оба груза тотчас же упадут на землю; но если не желают их потрясать, то поддерживают при вынутии палочки и опускают постепенно. Благодаря такой простоте вьючки и развьючки верблюдов, при монгольских караванах следует очень немного людей в качестве погонщиков: на 10 верблюдов полагается достаточно по одному рабочему, и они без затруднения справляются в пути.

Караванное движение в Монголии совершается главным образом осенью и зимой (с августа по апрель), а летом и весной, по причине жаров и слабости в это время верблюдов, караваны ходят редко, — только в крайних, не терпящих отлагательства случаях. С наступлением же осени по всем караванным трактам начинается усиленное движение, в особенности по Калганско-ургинскому, по которому ежегодно перевозится более миллиона пудов одного только чаю. Величина караванов бывает, конечно, весьма различна. Нам ни разу не приходилось встречать в Монголии каравана более как в 300 верблюдов, но в Тибет на поклонение далай-ламе ходят, говорят, очень большие караваны — в 500 и больше верблюдов или, по выражению монголов, в несколько огней. Это значит, что люди, следующие в таком большом караване, не могут помещаться на станциях в одной палатке (при одном огне), а располагаются в нескольких.

На верблюда в Монголии грузят от 12 до 16 пудов. Нагруженный 12 пудами, хорший верблюд свободно делает в день 40 верст, если нет встречного ветра, в противном случае — менее. С тяжелыми же вьюками в 16 пудов караваны проходят ежедневно около 30 верст, но в два приема: с восхода солнца идут до полудня, потом останавливаются часа на четыре, а вечером делают вторую половину перехода. При следовании с легкими вьюками, не более 12 пудов, и притом на свежих жирных верблюдах, караваны движутся безостановочно 12 часов в сутки — от полудня до полуночи, а от полуночи до следующего полудня отдыхают на ночлежном месте¹. В этом случае дневные переходы простираются до 50 верст.

Расстояния монголы определяют числом дней пути, а потому желающему знать их поточнее необходимо справляться о быстроте самого движения в зависимости от рода и качества животных, на которых оно может быть совершено в известное число дней. День пути большим ходом на хорошем порожнем верблюде и на коротком пространстве осенью и зимою можно принять шестьдесят верст, на посредственном — в пятьдесят. Дневной переход на хорошей лошади в непродолжительном путешествии около семидесяти верст, на посредственной — пятьдесят. В юго-восточной Монголии, сопредельной Внутреннему Китаю, монголы знают китайскую ли (0,542 версты) и могут определять расстояния этой единицей, но в остальных странах не знакомы ни с какими путевыми мерами.

Монголы прекрасно знают верблюда и мастерски умеют ухаживать за ним, если не поленятся. Осенью, выступая в путь на жирных верблюдах с вьюками, они в течение первых трех или четырех дней выстаивают их, т. е. не дают им за все это время вовсе пить, не спуская даже на пастбища, если оно не у колодца, а на берегу ручья или речки, из которой верблюды могут напиться. На твердой, каменной почве Монголии верблюды при продолжительном движении с вьюками часто протирают свои подошвы и начинают хромать. Тогда монголы искусно подшивают их кожей. Для этой операции верблюда кладут набок и крепко спутывают ему ноги веревкой, причем два-три человека держат его связанным. Рану предварительно очищают от грязи, потом посыпают ее каким-то растительным порошком и накладывают сверху лепесток мягкого трута. Поверх его налагается повязка из кусочка размоченной верблюжьей кожи с тремя

¹ Промежуток между полуночью и полуднем предназначается на отдых для того, чтобы утром, до 11 часов, т. е. до начала вьючки, верблюды могли хорошо поесть. Ночью они с трудом отыскивают пищу, а потому редко спускаются на пастбища. Днем же наедаются очень скоро — часа в два, много в три. Следовательно, каравану из верблюдов очень неудобно быть в движении целый день с рассвета до сумерек.

узкими язычками, которые продеваются через отверстия, проколотые толстой изогнутой иглой в подошве вокруг раны. Иногда повязку, состоящую из кожаного кружка, прошивают той же иглой посредством бечевки или ремешка к подошве швом внутрь.

Зимой при следовании с караванами по снегу монголы на ночлежных пунктах очищают от него для верблюдов площадку и укладывают их на ночь на голой земле. Без этой предосторожности верблюды, лежа на снегу и растопляя его своей внутренней теплотой, мокнут, зябнут и начинают заболеть. Летом же избегают класть их на ночь в сырых местах, отчего они также подвергаются болезни. Некоторые монголы, возвращаясь с тяжестями из Внутреннего Китая, дают своим верблюдам в пути понемногу купленного там чеснока для возбуждения, как они объясняли нам, аппетита у этих животных, охотнее едящих после того сухую зимнюю ветошь. Случалось также наблюдать, что они поили своих верблюдов в походе бараньим бульоном, оставшимся от людей.

Монгольские бараны мельче наших киргизских, но зато мясо их мягче и вкуснее. Цвет шерсти у монгольских баранов повсеместно одинаков: белый с большими черными пятнами на голове и черными же ушами. Курдюк монгольских баранов значительно меньше, чем киргизских, у которых он достигает 20 фунтов, тогда как у монгольских он не имеет и половины того. У последних жир равномернее распределяется по поверхности туши, скопляясь в небольшом, сравнительно, количестве в курдюке. Шерсть у монгольских баранов довольно мягкая, и из овчин выходят хорошие меха.

Козы в Монголии содержатся в весьма небольшом, сравнительно с баранами, количестве. Козьи шкуры монголы употребляют на дохи, но они непрочны.

Состояние монгола, как и других кочевников, определяется числом голов скота. От всех без исключения пород его в Монголии собирается молоко: там, кроме коров, доят верблюдиц, кобылиц, овец и коз. Из коровьего и овечьего молока готовят масло, различные роды сыра и творог; из кобыльего молока делают кумыс. Верблюжье и козье молоко идет также в разных видах в пищу; а из коровьего молока гонят еще и водку.

Скот колют больше всего осенью, с наступлением холодов, пока он жирен. Зимой же — реже, так как с первыми морозами он начинает худеть и утрачивает жир, столь ценимый монголами. Еще реже колют его весной и летом, довольствуясь в эти времена года преимущественно чаем с приправами и молочной пищей. Монголы, подобно киргизам, кроме бычьего, бараньего и козьего мяса, едят лошадиное и верблюжье, а бедные не брезгают даже падалью.

Земледелием халхасцы занимаются в весьма ограниченных размерах. Пройдя по Халхе около 3800 верст мы только в одном месте (на речке Цаган-гол, правом притоке Байдарика) видели небольшие пашенки. Но, по расспросным сведениям, оказывается, что они в некоторых местностях Халхи встречаются чаще. Вообще земледелие в Монголии по недостатку влаги на равнинах и большой абсолютной высоте многих плодородных и обильно орошенных горных долин может существовать лишь спорадически, местами. Сплошные же обширные пространства, годные для посевов, в ней едва ли найдутся, исключая юго-восточный угол, соседний Внутреннему Китаю и Южной Маньчжурии. В той стране монголы, живя попеременно и по соседству с китайцами, на благоприятной для земледелия

почве, занимаются им несравненно более, чем халхасцы, но все-таки и юго-восточных монголов нельзя назвать народом вполне земледельческим.

У монгольских народностей, населяющих Северо-Западную Монголию, а именно у дурбетов, торгоутов и цзахачин, земледелие более развито, чем у халхасцев, в особенности у дурбетов, страна которых славится им и в урожайные годы доставляет хлеб в Кобдо, Улясутай и в ближайшие местности Халхи. Урянхай верхнего Енисея также занимаются хлебопашеством, а у алтайских урянхаев его не существует.

Из хлебных растений в Монголии возделываются: пшеница, ячмень, просо и овес. Все эти роды хлеба заимствованы монголами, по всей вероятности, из Внутреннего Китая; по крайней мере пшеница совершенно сходна с китайской. В высоких местностях Внутренней Монголии сеют преимущественно ячмень, так как пшеница и просо там рождаются очень плохо. В Юго-Восточной же Монголии пшеница составляет главный род хлеба, но сеют еще просо, ячмень и немного овса. Землю в Халхе пахут сохой об одном сошнике, влекомой парой быков в дышло, а в Юго-Восточной Монголии — китайским плугом. Пашни орошают арыками (иригационными кацавами), а потому монгольские поля располагаются в долинах рек или по берегам ручьев на благоприятной, конечно, почве. В Юго-Восточной Монголии нам случалось, впрочем, встречать поля без искусственного орошения. Нужно полагать, что там дожди бывают чаще и обильнее, чем в Центральной Монголии. В Халхе созревший хлеб вырывают с корнем или срезают большим кривым ножом и обмолачивают палками или же гоняют по разостланному хлебу лошадей. Зерно толкут в деревянных ступах, а то просто между камнями. В Юго-Восточной Монголии для снятия, молотбы и дробления зерен употребляют китайские орудия.

Монголы занимаются отчасти и охотой. Больше всего они охотятся на сурков, мясо которых едят, а шкуры продают нашим купцам. Сурков караулят у нор с ружьями или с собаками, ловят их также и в капканы, настораживаемые у нор, а глубокой осенью, когда эти грызуны подвергнутся зимней спячке, но грунт еще не успеет промерзнуть глубоко, отрывают их из логовищ сонными, иногда по несколько штук сразу. В некоторых горных долинах, орошаемых речками, на берегах которых водятся сурки, монголы выводят из этих речек арыки и, раздробляя их на малые ветви, пускают воду в сурковые норы. Наплыв ее заставляет зверков покидать свои логовища, у выходов которых монголы караулят их с палками или травят собаками.⁶

После сурков наиболее преследуются монголами цзэрены, которых водится очень много на равнинах Монголии. В горных же, лесистых местностях Хангая и Гентэя они охотятся за маралами и косулями, в особенности за первыми, так как молодые маральи рога составляют ценную добычу, не говоря уже о мясе и шкуре. Для охоты за всеми этими животными монголы часто соединяются в партии и устраивают на них облавы. Охота на пернатую дичь и рыбная ловля неизвестны монголам, потому что ни птиц, ни рыб они не едят. Точно так же они не знают охоты с беркутами (степными орлами) на небольших зверей, столь любимой нашими киргизами⁽⁷⁹⁾.

Настоящие звероловы встречаются в Монголии только в среде алтайских и енисейских урянхаев, земли которых изобилуют зверями. Урянхай бьют маралов, косуль, медведей, соболей, куниц, лисиц, волков, рысей, сурков и белок. Соболей, лисиц и выдр ловят больше капка-

нами, покупаемыми у наших купцов, а прочих зверей стреляют из ружей. Маралов и медведей, за недостатком свинца, бьют иногда крупными гальками, покрытыми сверху слоем листовичной смолы. Урянхай умеют сами делать порох, покупая селитру и серу у наших купцов, но весьма плохой.

Монголы в летнее время довольствуются преимущественно чаем с приправами и молочными продуктами, а мясо едят редко, исключая разве сурочье. Впрочем, и зимою мясная пища преобладает над прочей только разве у богатых, а бедняки при нужде питаются даже падалью. Монголы варят мясо большей частью без всяких приправ, лишь с солью, и едва вода, в которой оно варится, успеет вскипеть, вынимают его из котла и едят полусырым. Бульон же, или, точнее, горячую воду почти без нава, разливают в деревянные чашки и пьют. Хлеба монголы не пекут, а одни лепешки, да и то редко. Муку и просо они поджаривают на масле или сале, потом всыпают в чай. Общеупотребительный в Монголии кирпичный чай (зеленый) отличен от ввозимого к нам (черного) кирпичного чая и бывает двух сортов, из которых один потребляется в восточной половине Монголии, а другой — в западной. Кирпичи (около 4—5 фунтов) того и другого сорта ходят в соответственных им половинах Монголии как монета, и на них в отдаленных от городов местностях можно купить у жителей все, что у них имеется для продажи, скорее и выгоднее, чем на серебро. Таков в Монголии спрос на этот продукт, который, без преувеличения, можно назвать насущным хлебом ее обитателей.

Для заварки монголы отделяют от кирпича потребный кусок и крошат или толкут его в деревянной ступке, а потом опускают в котел с горячей водой, добавляя туда молока, масла или жира и соли. За недостатком ее кладут в котел соленой земли с солончаков, называемой гучжир. Так заваривается по-монгольски чай как напиток, но если желают приготовить из него кушанье, то берут муки или пшена и, поджарив на сале или масле, опускают в тот же котел. Потом всю эту смесь варят. Получается густая болтушка, на вкус непривычного не только неприятная, но даже противная. Монголы же едят ее с большим удовольствием и в значительном количестве. Это — самое употребительное их кушанье. Сурочье мясо большинство монголов ест охотно, хотя оно и имеет неприятный запах. Сурка монголы жарят иногда оригинальным способом: по снятии шкуры и выделении внутренностей в полость животного кладут сильно нагретые камни и тотчас же опускают его в неглубокую яму, засыпая сверху землей. Над ямой разводят быстро огонь и поддерживают его до тех пор, пока мясо не зажарится. Монголы очень любят баранью грудинку, жаренную на вертеле, которая вырезается вместе со шкурой, а также вареные колбасы из толстых бараньих кишок, начиненных бараньей кровью. Им известны и пельмени (мясные вареники, или колдуны), заимствованные, вероятно, от китайцев, но в Халхе это кушанье готовят редко.

Из молока монголы готовят много разнообразных продуктов. Так, проквашенное в теплом месте коровье молоко употребляется в пищу под названием *тарака*, или *тарика*. Коровье же молоко по брожении в кожаном мехе превращается в кислый, спиртуозный *айрак*, или *арик*, из которого гонят водку, а твердые, высушенные остатки, *арца*, разваривают в воде и едят. Густые подсушенные сливки называются *урюм* и употребляются с чаем. Затем монголы делают несколько родов сыра, из которого наиболее распространены *бислык* и *хурут*. Бислык приготавливается из кипяченого молска с примесью небольшого количества айрака посредством прессования этой смеси, а хурут — из творога, который прессуется

и долго подсушивается. Кроме перечисленных продуктов, монголы приготавливают хорошее масло (*тосо*), содержащееся в очищенных бараньих желудках, в которых возят его и на продажу¹, а из кобыльего молока делают кумыс.

Посуда у монголов большей частью китайского изделия и только небольшое количество металлической (котлов, ковшей и ведер) приобретается от русских купцов, торгующих в Монголии. Для варки пищи служит плоский чугунный котел сферической формы, устанавливаемый на таган, а для разливания жидкостей, вынимания мяса и прочего — уловники и ковши. Последние бывают весьма больших размеров и часто употребляются монголами для варки пищи во время путешествий с караванами. Воду возят и держат в высоких деревянных бочонках (домбах) эллиптической (в поперечном разрезе) формы (для удобнейшего помещения на вьючном седле), с ушками на боках, сквозь которые продевается веревка для привешивания бочонков на седле. Из деревянной посуды у монголов имеются еще: высокие и узкие ведерки усеченно-конической формы, большие чаши и чашечки, из которых пьют чай, кумыс, бульон и прочее; корытца и ступки для толчения чая. Кожаные мешки (тузулки) служат для содержания молока и приготавливаемых из него жидких продуктов. Каменная посуда состоит из китайских фаянсовых чашечек, у богатых можно встретить и фарфоровые чашки. Ложки монголам неизвестны: жидкие кушанья они пьют из чашек, а прочие едят прямо руками. У них сохранился еще обычай снимать с умерших родственников черепа и выделывать из них в знак воспоминания чаши, кромки которых украшаются серебряными ободками, но эти вещи ныне редко встречаются.

Табак во всеобщем употреблении, — большинство монголов курит и нюхает. При встречах после взаимных приветствий монголы потчуют друг друга трубками или нюхательным табаком, слезая с лошадей и усаживаясь один против другого на корточки. Табак, трубки, кисеты и табакерки монголы покупают у китайцев. Монгольские трубки ничем, кажется, не разнятся от китайских: это маленькие (с наперсток), но толстостенные трубочки с раскрашенными весьма мелким узором чубуками, которые оканчиваются каменными мундштуками. Табакерки имеют форму маленькой плоской фляжки и делаются из кварца, яшмы, халцедона, нефрита и серебра. Каменные табакерки, приготавливаемые из одного куска, замечательно искусно выдалбливаются через узенькое горлышко. Табакерка закупоривается пробочкой, ко внутреннему концу которой прикреплена миниатюрная ложечка для добывания табака.

Ремесла очень мало знакомы монголам: большую часть предметов промышленности обрабатывающей они покупают у китайцев. Местные ремесленники делают, однако, хорошие огнивы и ножи, а также некоторые серебряные вещи, как-то: серьги, браслеты, кольца и бляхи. Кроме того, монголы дубят очень хорошо овчины, но кож, исключая посредственной сыромяти, почти вовсе не умеют выделывать. Войлоки монголы делают большей частью сами, но покупают немного и у китайцев, приготавливающих их из шерсти монгольских же животных, и сбывают монголам немало поддельных войлоков из шерстяных отрепьев, покрытых снаружи слоями хорошо прокатанной шерсти. Деревянные части юрты, подобно войлокам, монголы частью делают сами, частью покупают у китайцев. Из Куку-

¹ Масло из Халхи сбывается в Восточную Сибирь, но во Внутренний Китай, сколько нам известно, оно не вывозится.

хото ежегодно вывозится множество решеток для юрт и деревянных дсмб, в Урге и в Улясутае также приготавливаются тамошними ремесленниками-китайцами деревянные части для юрт. Гобийские монголы не только остовы для юрт, но даже корыта, из которых поят скот у колодцев, привозят из Внутреннего Китая. Веревки для юрт и прочих надобностей монголы выют сами из чистой верблюжьей шерсти или из бараньей с конским волосом.

Ни тканей, ни ковров монголы сами не делают, хотя у них и есть для того материалы: прекрасная верблюжья шерсть и довольно мягкая баранья, которую они не умеют даже стричь. Вообще в ремеслах монголы сделали весьма незначительные успехи, несмотря на продолжительное общение с таким промышленным народом, как китайцы, от которых они заимствовали очень немного полезного⁽⁸⁰⁾.

* *
*

Экономическое положение населения Монголии далеко нельзя признать удовлетворительным. По свидетельству наших купцов, издавна торгующих в Монголии, прежде оно было несравненно лучше. Сильные падежи и целый ряд суровых, снежных зим в последнее десятилетие, погубившие множество скота, — отозвались крайне неблагоприятно на народном благосостоянии. Но эти явления случайные, а существуют и постоянные причины незавидного экономического положения монгальского народа. Они заключаются в противозаконных поборах местных властей при всяком удобном случае¹, разорительных для простого народа, и в недобросовестной эксплуатации монголов китайскими торговыми компаниями, действующими сообща с продажной местной администрацией. Некоторые из этих компаний содержат как бы на откупе узаконенные сборы с монголов: они вносят за них деньги (серебро), за что получают право собирать с туземцев скот по оценке, делаемой местной администрацией, с которой они делятся барышами. Понятно, что подобная оценка, производимая пристрастными чиновниками, убыточна для монголов и приносит огромные барыши компаниям.

Китайскому правительству монголы, как известно, никаких податей не платят. С них взимается только налог (по числу скота) на содержание местной администрации. Сверх того, монголы обязаны: 1) отбывать почтовую гоньбу по всем большим трактам Монголии, содержа на станциях положенное количество юрт, верблюдов и лошадей для проезжающих по казенной надобности, а также доставлять им бесплатно указанное количество баранов для пищи; 2) содержать пограничные караулы, на которые по очереди назначаются монголы из разных местностей, и пребывают на этих караулах от двух до четырех лет и 3) выставлять в военное время с каждой тысячи человек мужского пола по 80 всадников от 18 до 60 лет.

Монголия, будучи составною частью Китайской империи, имеет, однако, собственную администрацию (из монголов), исключая высшую (смешанную), и сохранила прежнюю удельную систему, существовавшую в ней еще до подчинения Китаю. Уделами, или хошунами, управляют наследственно монгольские князья, утверждаемые в правах владения ими богдо-

¹ Так, в январе 1873 г. сын умершего в то время Мерген-вана (одного из хошунных владетелей аймака Тушету-хана), вступив по смерти отца в управление хошуном, собрал с монголов этого хошуна около 5 000 лан (12 500 рублей) на поездку в Пекин для представления богдо-хану.

ханом. Но власть удельных князей ограничена законами, на основании которых они и управляют своими хошунами¹. Следовательно, монгольские удельные княжества нельзя представлять тираниями, тем более что в Монголии существует высший административный надзор за удельными князьями, установленный китайским правительством⁽⁸¹⁾.

Хошуны соединяются в аймаки, представляющие собою не что иное, как группы удельных княжеств, из которых каждая имеет собственный сейм. Уделы Центральной и Северо-Восточной Монголии, в числе 86, образуют четыре аймака: Цецен-хана, Тушету-хана, Сайн-ноина и Цзасакту-хана, — составляющих так называемую Халху. Халхаские аймаки именуются по названиям ханов, владеющих в этих аймаках наравне с прочими князьями уделами, но не пользующихся никакими особыми сравнительно с ними преимуществами, кроме высшего княжеского титула, присвоенного им ради высокого их происхождения. Сейм в каждом аймаке должен собираться ежегодно. Он составляется из всех хошунных владельцев, выбирающих из своей среды председателя. Места для собрания сеймов определены раз навсегда. Так, сейм аймака Цецен-хана собирается в местности Керулюн-бархон, Тушету-хана — у горы Хан-улы (близ г. Урги), Сайн-ноина на р. Цецерлик и Цзасакту-хана — на оз. Бидулия-нор. На сеймах обсуждаются вопросы, касающиеся распределения налогов и натуральных повинностей, разрешаются спорные дела между хошунами и удовлетворяются претензии потерпевших. Сеймы сопровождаются различными увеселениями: скачками на призы, стрельбой из луков, единоборством и т. п. Но весьма сомнительно, чтобы деятельность этих собраний могла благотворно отражаться на народном благосостоянии при темных поборах, продажности и других преступных действиях тех же хошунных владельцев.

Халхаские хошуны соединяются следующим образом в аймаки:

1. Аймак Цецен-хана занимает северо-восточную часть Монголии и состоит из 23 хошунов. На севере он примыкает к Забайкальской области на пространстве между Менцзинским и Абагайтуевским пограничными караулами. От последнего граница аймака направляется к юго-востоку через вершины р. Ху-гол и оз. Талба и к гребню хребта Большого Хингана. По нему она идет на юго-запад до истоков речки Умуй, от которых поворачивает к оз. Борольчжиту и далее к степной речке Дзулга, затем пересекает Дархан-цайдамскую дорогу (с оз. Дархан-цайдам в г. Долон-нор) между станциями Судету и Кодо, поворачивает к северо-западу и проходит между станциями Хологур и Дурбан-дэрету на Аргалинской дороге, а на Калганско-ургинской караванной через ст. Куку-дэрису. Верстах в ста западнее этого урочища граница поворачивает на север и через урочище Баин-хара и хребет Алтан-улугуй в Генгэйских горах выходит на государственную границу против Менцзинского караула.

Резиденция Цецен-хана находится на среднем Керулюне в местности Хара-хайлар.

2. Аймак Тушету-хана содержит 20 хошунов. На востоке он примыкает к аймаку Цецен-хана, юго-восточная его граница проходит близ станций: Харатуин-сучжи на Аргалинской дороге, Хайласутай на караванной и Сучжи на Калганско-улясутайской почтовой. От последней через урочище Шара-хадын она направляется к оконечности Южного

¹ Китайским правительством издано особое Уложение об управлении Монголией, в котором заключаются эти законы.

Алтая; далее на юго-западе пересекает тибетскую дорогу на урочище Сучжин-хара-гологой и, пройдя в западном направлении около 140 верст, поворачивает на север, к оз. Улан-нор. Потом идет вверх по р. Онгиин, с которой сворачивает на ст. Хадату Калганско-улясутайской дороги и направляется на север, к р. Орхону около монастыря Эрдени-цзе. От него западная граница аймака Тушету-хана идет вниз по Орхону, который оставляет верстах в восьмидесяти ниже оз. Угэй, и через горы Бугун-шара и Хантай выходит к перевалу Боготу-даба на государственной границе.

Ставка Тушету-хана на р. Орхоне, верстах в тридцати ниже устья р. Толы.

3. Аймак Сайн-ноина состоит из 24 хошунов и граничит на востоке с аймаком Тушету-хана, на юге песчаною Гоби. Западная его граница пересекает Южный Алтай близ меридиана оз. Орок. Повернув от этого озера на запад, она направляется через нижний Байдарик и выходит на р. Дзапхын немного выше урочища Цакилдак. Далее идет вниз по этой реке до устья р. Улясутай, а потом вверх по последней до устья ее правого притока Иро, откуда через вершины другого притока Цзагистэй к вершинам Эдера; затем вниз по Эдеру до устья речки Ангирты, от которого через горы Буланай и Баин-цзюрке выходит на р. Эгин-гол против гор Халцзан-бургутай и следует вниз по этой реке до встречи с западной границей аймака Тушету-хана.

Ставка Сайн-ноина в монастыре Эрдени-цзе, на верхнем Орхоне.

4. Аймак Цзасакту-хана имеет 19 хошунов. На востоке и северо-востоке примыкает к аймаку Сайн-ноина, на юг простирается до гор Аргаланты и Хаптык. Западная граница направляется от гор Хаптык через перевал Борджон в хребте Алтайн-нуру и урочище Цзаилгын на восточной оконечности долины Дзерге к урочищу Аргаланты на р. Дзапхыне. Потом вниз по этой реке и по западным берегам соединенных озер Айрик и Киргиз. Оттуда она через хребет Хан-хухэй идет к устью речки Цаган-усу (левый приток р. Теса), от которого через устье речки Чирик (правый приток Теса) и верховья речки Шаргын (правый приток р. Тэльгир-морина) выходит на р. Эгин-гол у горы Манхын-ула и спускается вниз по ней до встречи с границей аймака Сайн-ноина.

Ставка Цзасакту-хана находится у северного подножия хребта Тайшир-ула, верстах в сорока пяти к югу от монастыря Нарбаньчжи¹.

Высшее административное управление Халхой и внешние пограничные дела сосредоточены в руках сановников, назначаемых китайским правительством, из которых два (монгол и маньчжур), имеющие титул амбаней, заведуют аймаками Цецен-хана и Тушету-хана, а аймаками Сайн-ноина, Цзасакту-хана и енисейскими урянхаями управляет улясутайский цзянь-цзюнь, имеющий двух помощников (монгола и маньчжура), которым присвоен титул хейбей-амбана. Кроме того, улясутайский цзянь-цзюнь заведует всеми монгольскими и китайскими войсками в Халхе и делами по призыву монголов халхаских аймаков на службу как в мирное, так и

¹ В китайской географии Монголии (описание монгольских кочевьев) не только границы аймаков, но и хошунов описаны весьма подробно, но, к сожалению, большую часть упоминаемых в этом сочинении местностей, к которым приурочены границы, невозможно отыскать даже на большой китайской карте Монголии. Для настоящего описания границ я пользовался при обязательном содействии секретаря ургинского консульства Успенского этой картой, извлечениями из упомянутого сочинения в словесных переводах Успенского и Падерина, а также описанием Потанина северной и южной границ аймака Цзасакту-хана (Потанин. Очерк С.-З. Монголии, вып. II, стр. 20—25) и, наконец, расспросными сведениями во время путешествия по Халхе.

в военное время. Распоряжения его по призыву, перемещению войск и тому подобному обязаны исполнять ургинские и кобдинский амбани, не зависящие от цзянь-цзюня в гражданском управлении.

В состав Халхи не входят аймаки Юго-Восточной Монголии, а именно: Сунитов, Цахар, Урот и Тумыт.

Аймак Сунитов занимает большую часть Монгольской гоби. На северо-западе примыкает к аймакам Цецен-хана и Тушету-хана, на востоке — к хребту Большому Хингану на пространстве от верховьев речки Умуй до верховьев р. Цаган-мурень. От последних юго-восточная граница этого аймака идет к степному кряжу Куйтун-шилинь, далее пересекает Дархан-цайдамскую дорогу между станциями Халусутай и Куэн-нор, а караванную на хребте Минган, и выходит на станцию Шара-хада почтовой Калганско-улясугайской дороги. Оттуда поворачивает на запад и через верховья речки Хошотын примыкает к аймаку Тушету-хана.

Аймак Сунитов состоит из двух хошунов Цзун-Суниты (т. е. Восточные Суниты) и Барун-Суниты (Западные). Границей между ними служит черта, идущая от верховьев степной речки Куйтун через станции: Кульхудук на Аргалинской дороге, Минган на караванной и Шара-мурень на почтовой.

Аймак Цахар занимает юго-восточный угол Монголии между хребтами Большим Хинганом и Ин-шанем (по гребню которого проходит северная граница Чжилийской провинции Внутреннего Китая) и граничит на востоке хребтом Хинганом (с Маньчжурией), на юге хребтом Ин-шанем (с Чжилийской провинцией), на западе с аймаком Уротов, от которого отделяется чертой, идущей от хребта Ин-шаня по его северному отрогу, Сума-хада, на станцию Шара-хада почтовой дороги. На северо-западе аймак Цахаров примыкает к аймаку Сунитов.

Аймак Урот тянется длинной полосой с востока на запад от земли Цахар до пределов Ала-шаня. На востоке граничит с аймаком Цахар, на севере с аймаком Сунит, на северо-западе с аймаком Тушету-хана, на юго-западе примыкает к княжеству Ала-шань¹, с которым граничит чертой, идущей от р. Хуан-хэ через юго-западную оконечность хребта Харанарин-ула и пересекающей тибетскую дорогу немного севернее кумирни Баян-тухум. На юго-востоке аймак Урот примыкает к аймаку Тумыт (граница проходит близ оз. Улан-нор).

Аймак Тумыт примыкает на северо-западе к аймаку Урот, а на юго-востоке к провинции Шаньси Внутреннего Китая, с которой граничит хребтом Ин-шанем и его отрогом Муни-ула, на юге к р. Хуан-хэ.

Хошунами аймаков Юго-Восточной Монголии управляют, подобно халхаским, монгольские князья наследственно, утверждаемые в правах владения ими богдо-ханом. Высшее же административное управление аймаками сунитов и цахар сосредоточено в руках двух амбаней (монгола и маньчжура), пребывающих в г. Калгане. Аймаками урот и тумытов управляют также два амбана (монгол и маньчжур), имеющие резиденцию в г. Куку-хето.

Управление Кобдинским округом вверено амбаню (из маньчжур), назначаемому китайским правительством. В состав этого округа входят хошуны: дурбет, мынгит, олёт, алтайских урянхаев, торгоутов Южного Алтая, цзахачин и земля киргизов-киреевцев, населяющих северо-запад-

¹ Княжество Ала-шань, лежащее к западу от р. Хуан-хэ и населенное народом монгольского племени, управляется своими князьями наследственно.

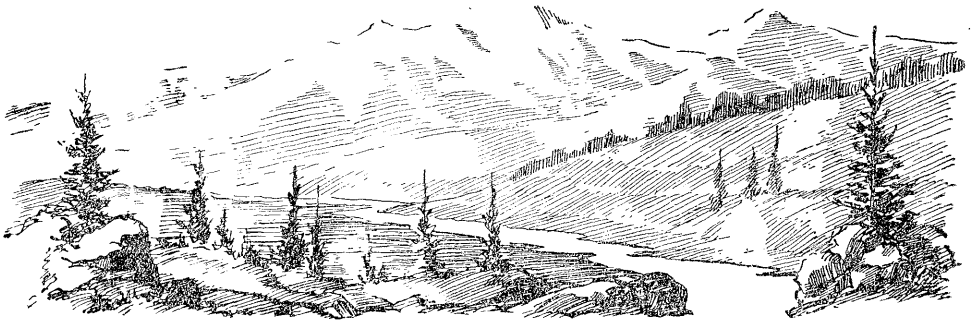
ный угол Джунгарии. Аймаками управляют князья наследственно, а киргизами — старейшины.

В Халхе существует еще так называемое Шабинское ведомство. Оно состоит из монголов в числе около 20 000 душ, подаренных в разное время удельными князьями ургинскому хутухте и представляющих ныне его данников. Эти монголы кочуют в разных халхаских хошунах на землях, предоставленных им во временное пользование, но собственной земли не имеют. К Шабинскому ведомству принадлежат также монголы-дархагы, населяющие горную страну к юго-западу от оз. Косокола. Монголы Шабинского ведомства управляются шанцзабой-ламой — заведующим гражданскими делами святителя, и платят в казну хутухты небольшой налог со скота. Они избавлены от всяких повинностей и пользуются, сравнительно с прочими монголами, большей степенью благосостояния. В административном отношении шабинцы не зависимы от тех удельных князей, в хошунах которых кочуют, и подразделяются на роды (отоки), управляемые даргами, которые утверждаются в своих должностях шанцзабой-ламой.

В заключение лишь остается еще сказать несколько слов об отношении монголов к китайцам. По собственным наблюдениям и общему отзыву лиц, долго проживавших в Монголии, масса монгольского народа относится весьма недружелюбно к своим поработителям, ропщет, хотя и негласно, на темные поборы и притеснения правителей, которым мирволит китайское правительство; наконец выражает явно неудовольствие на китайские торговые компании в Монголии, эксплуатирующие безжалостно туземное население. Неприязнь монгольского народа к китайцам сдерживается, однако, той предусмотрительной политикой, которая доставила правительству богдо-хана прочное владычество над Монголией. Эта политика, как известно, издавна заключалась в покровительстве влиятельным классам монгольского народа — князьям и духовенству. Китайское правительство постоянно задобривало удельных князей, не скупилось на жалование им, щедрые подарки, почести при дворе и привлекало их к трону даже родственными узами посредством браков влиятельнейших из них с принцессами царствующей династии. То же самое можно сказать и о духовенстве, т. е., собственно, о влиятельных представителях его и хутухтах (святителях). Китайцы сумели привлечь на свою сторону и этот класс своими искательствами. Даже в наши дни ургинские амбаны в торжественные праздники обязаны являться на поклонение тамошнему святителю.

Теперь монголы стали далеко не теми, какими были в начале китайского владычества над ними, и не возбуждают серьезного опасения правительства Богдо-хана. Обладание Монголией не доставляет никаких выгод собственно китайской казне, а вернее приносит ей изрядный дефицит, но китайцы не могут не дорожить ею по причине той важной экономической зависимости, которая существует между этой страной и густонаселенным Внутренним Китаем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТ КОЛОДЦА ХОЛТА ДО г. КУКУ-ХОТО

Выход на южную дорогу. — Травянистая степь среди пустыни. — Бесплодные горы. — Крайний хребет Харасайран-нуру. — Путь по волнистому плоскогорью. — Южный Алтай и соседние ему страны по показаниям монголов. — Великая, или Южная, и Северная, или Монгольская, Гоби. — Оставление пустыни. — Культурная полоса Юго-Восточной Монголии. — Городок Куку-эргэ. — Переход через крайний хребет Иншань и прибытие в г. Куку-хото.

С колодца Холта мы, по указанию монголов, направились почти прямо к югу по обширной, слегка волнистой равнине, на которой встречались плоские котловины с солончаками. В конце перехода равнина стала едва заметно возвышаться по направлению к юго-востоку, и поверхность ее приняла еще более волнообразный вид. К вечеру мы вышли, наконец, на широкую, торную дорогу в Куку-хото, по которой монголы советовали нам идти в этот город. Колодца поблизости не было, пришлось ночевать без воды, довольствуясь снегом, сметенным кое-где ветром в небольшие сугробы.

Весь следующий день шли по волнообразной равнине, поросшей кустами низенькой караганы и прекрасным кипцом, какого мы не встречали уже нигде более в пустыне. На востоке видны были отдельные горы Делгэр-Хангай — короткий, но весьма высокий кряж, тянущийся с запада на восток и господствующий над соседними равнинами. На юге, верстах в шестидесяти от дороги, простирался Южный Алтай под названием Арцабогдо, возвышающийся не более 3 000 футов над сопредельными северными равнинами. На ночлег в этот день мы остановились в глубокой и обширной впадине Тугурик с хорошим колодцем. На дне ее были заметны признаки наполнявшего ее некогда озера: солончаки с ровной, блестящей от налета поверхностью, занимающие наиболее углубленную ее часть, береговые откосы и песчаные сопки; наконец, песчаник, обнажающий в одной из расщелин дна и черты размыва.

В окрестностях впадины Тугурик стояло много монголов, стада которых откармливались на тучных пастбищах кипца, покрывавшего соседнюю волнообразную равнину. Но колодцев на ней не было, а потому они гоняли поить скот на урочище Тугурик. На этом урочище мы простояли без малого двое суток, потому что на следующий день по прибытии под-

нялся с утра такой сильный и пронзительный ветер с северо-востока, что невозможно было показаться из юрты. Монголы, свыкшиеся с холодными ветрами своей родины, и те жались в этот день от стужи, неохотно покидая свои жилища.

Из котловины Тугурик мы поднялись на плато, а с него спустились в обширную, но плоскую впадину, покрытую кустами караганы, и, пройдя по ней около 10 верст, достигли подножия низкой цепи гор, протянувшейся с юго-запада к северо-востоку под названиями: Цахар, Огомор и Ахар. Перевалив через крайний северо-западный ее хребет, мы спустились в весьма глубокую междугорную котловину с солончаками, песчаными буграми и множеством солянок. В этой впадине следы бывшего горного озера сохранились еще явственнее, чем в котловине Тугурик. Дно ее лежит по крайней мере на 100 футов ниже подошв окаймляющих ее с юго-востока и северо-запада обнаженных, пустынных хребтов. В котловине два хороших колодца Сухай и Кэтэ. Из последнего мы взяли воды, потому что корма для лошадей около него совсем не было, и поднялись на предгорье хребта, окаймляющего котловину с юго-востока. Но и там корм был так плох, что наши бедные лошади голодали всю ночь.

На следующий день мы перешли через юго-восточный хребет помянутой низкой цепи и спустились на волнистую равнину. Дорога на этой станции пересекает несколько пологих гряд, а к югу от нее виден невысокий кряж Дулан-хара, протянувшийся по пустыне с юго-запада на северо-восток. Под вечер мы спустились в обширную котловину, окаймленную на востоке и юге невысокими, пустынными горами Хор-мусу, а с прочих сторон незначительными высотами. Кряж Хор-мусу, тянущийся с запада на восток, отделяет на север незначительную ветвь, ограничивающую помянутую котловину с востока. У западного ее подножия находится колодец Хошан-худук, но корма для лошадей около него вовсе не было. Поэтому, напоив наших животных и взяв воды для людей, мы перешли через северный отрог Хор-мусу и остановились у восточной его подошвы на дневку. Горы весьма пустынные, флора их крайне бедна; только в одной ложине, близ восточного подножия этого отрога, мы нашли небольшое пастбище тощего кипца. Для верблюдов, довольствующихся, как известно, многими, даже колючими кустарниками, недостатка в корме не встречалось. Зато каравану, состоящему из верблюдов и лошадей, трудно выбрать для остановки место, на котором корм был бы одинаково хорош для тех и других животных. Часто встречаются места, подобные котловине в горах Огомор, с отличным кормом для верблюдов и крайне плохим для лошадей. Последним приходится отдавать предпочтение при выборе мест для стоянок, так как верблюды везде найдут себе достаточно пищи.

От урочища Хор-мусу мы шли по волнообразной равнине, которая по мере движения к юго-востоку становилась более и более открытой. Пустынный кряж Хор-мусу тянется к югу от дороги и скоро оканчивается. В 27 верстах от названного урочища пересекли значительную речку Онгигол, или Онгиин-гол, текущую среди пустыни. Она имеет около 6 сажен ширины и местами порядочную глубину. Долина ее, простирающаяся до 2 верст в ширину, окаймлена довольно высокими берегами и представляет хорошие пастбища. В ней много луговых пространств, зарослей злака дэрису и кустарников. Онгиин-гол получает начало в юго-восточной оконечности Хангая, из гор Ацзарга, и впадает в соленое озеро Улан-нор, лежащее близ подошвы Южного Алтая. Это озеро имеет около 35 верст в окружности. Мы перешли речку Онгиин-гол по льду верстах в сорока

выше ее устья. Длина Онгиин-гола должна быть слишком 200 верст, и бо́льшая часть течения этой речки принадлежит пустыне, которую она оживляет. К северу от места переправы, верстах в сорока, вздымается на левом берегу Онгиин-гола отдельный, насажденный кряж Дэлгэр-Хангай, о котором упомянуто выше. Он тянется в восточно-западном направлении верст на пятьдесят и, по свидетельству монголов, дает начало нескольким ручьям, впадающим в Онгиин-гол слева. Вероятно, этим последним и обязана названная речка поддержанием своего течения на таком значительном пространстве по жаркой и сухой пустыне⁽⁸²⁾.

Из широкой, плодородной долины Онгиин-гола мы поднялись на пустынную, каменистую равнину. После полудня поднялся сильный снежный буран, мы сбились с дороги, но встретили монгола, который вскоре и вывел нас на удобное ночлежное место, к оз. Шара-холусу. На берегу этого озера, лежащего в котловине, был очень хороший корм для лошадей, родники и прекрасное топливо — саксаул. В самом же озере, имеющем около 3 верст в окружности, вода соленая. В нем ежегодно в летнее время около берегов осаждается соль, но летом в 1878 г. по причине нередко перепавших дождей осадка не было. По свидетельству монголов, небольшие соленые озера в окрестной стране встречаются нередко, но обширных озер, исключая Улаи-нора, нет; солончаков же в ней множество. Они находятся во всех глубоких впадинах пустыни и перемежаются с небольшими песчаными пространствами, покрывающими спорадически большинство этих впадин.

Переночевав на озере, мы пошли по тропе, указанной монголами, но вскоре поднялась сильная снежная метель, мы потеряли тропу и начали блуждать. Бура продолжала свирепствовать, идти далее было невозможно, а потому, достигнув первых холмов, мы остановились под защитой их на ночлег. К вечеру метель утихла, и мы могли осмотреться. В этот день, пройдя не более 17 верст, мы пересекли несколько впадин с песчаными пространствами, покрытыми невысоким саксаулом, которым нагрузили всех свободных верблюдов. Наиболее углубленные места этих котловин заняты солончаками с ровными, глянцевитыми поверхностями, покрытыми налетом. Под вечер, с холмов, поблизости нашего лагеря, мы стали осматривать окрестности: на юге ясно был виден Алтай, отстоявший от нас не далее 35 верст. Тут он отделяет от себя на северо-восток невысокую пустынную ветвь, Харасайран-нуру, через которую нам предстояло перейти. Относительная высота Южного Алтая в этом месте, как нам казалось, больше Арца-богдо, т. е. соседней западной части того же хребта. Окрестная же местность представляет весьма пустынную равнину, среди которой поднимаются кое-где незначительные известковые холмы.

Утром мы шли сначала около 5 верст по волнистой местности, а потом по равнине, над которой западный склон ветви Южного Алтая Харасайран-нуру поднимается очень круто, как бы стеною. На этой пустынной равнине паслось несколько штук одичалых лошадей, не подпускавших к себе ближе полуверсты. Казакам удалось, однако, поймать жеребенка, которого мы подарили монголу, показавшему дорогу.

Перевал через хребет Харасайран-нуру, несмотря на крутой северо-западный склон самого хребта, имеет пологий, но длинный подъем с этой стороны по ущелью, среди которого извивается широкое сухое русло временного потога. Гребень этого хребта, возвышающийся по крайней мере футов на тысячу над сопредельной северо-западной пустыней, приподнят очень немного над противоположной ей волнистой страной к юго-востоку

от него. Следовательно, хребет Харасайран-нуру служит окраиной более высокой, но менее пустынной, волнистой земли, простирающейся от него к юго-востоку. Западный склон хребта и ядро состоят из красноватого известняка, прорванного порфиритом, а на восточном склоне развит глинистый сланец, приподнятый тем же порфиритом. Флора его крайне бедна: корм не только для лошадей, но и для верблюдов был очень плох. На восточном склоне, у подошвы которого мы стояли, горы имеют темно-зеленый, печальный вид, и на них местами нет ни былинки.

Страна к юго-востоку от окраинного хребта Харасайран-нуру представляет высокое, волнистое плоскогорье, уже не столь пустынное сравнительно с пройденным участком Гоби от колодца Холт до этого хребта. В первый же день нашего путешествия по этому волнистому плоскогорью мы верстах в двадцати от помянутого хребта остановились дневать в плоской впадине Сучжи. Лошади, голодавшие почти двое суток, с жадностью хватили густой и довольно высокий кипец, покрывавший дно этой впадины. Тут только мы выбрались на торную дорогу в Куку-хото, с которой сбились два дня тому назад, своротив на озеро Шара-холусу. Поблизости гор Харасайран-нуру ее часто заносит песком и гравием до такой степени, что она становится неразличимой.

Далее путь наш пролегал по тому же волнистому плоскогорью. Из плоской котловины Сучжи мы поднялись немного по отлогому склону ущелья на поперечную невысокую гряду. В ущелье встретили сухое русло временного потока, по берегам которого растут ильмы в виде аллей, изгибающихся соответственно извилинам самого русла. Это единственные деревья пустыни, на которых путешественник невольно останавливает свои взоры, утомленные ее однообразием. За грядой недалеко следовала новая, тоже невысокая, гряда, и т. д. переваливали мы с гряды на гряду. Между грядами лежат небольшие долины, или, точнее, плоские, замкнутые котловины, поросшие изрядным кипцом, тогда как на самых грядах, большей частью скалистых, растительность очень бедна. В одной из котловин, близ колодца Боро-тологой, мы опять должны были остановиться на дневку, так как исхудалые лошади нуждались в отдыхе. Колодцев на этом волнистом плоскогорье достаточно, но многие из них в то время сильно промерзли, так что воду приходилось добывать с большим трудом. Глубина их невелика, футов шестнадцать средним числом, и большая часть стенок выложена камнями. У одних поставлены деревянные корыта для скота, у других сделаны корытообразные углубления, выложенные внутри камнем с глиной.

8 ноября мы достигли невысокого, но длинного хребта Бага-Шанхай, простирающегося с юго-запада к северо-востоку. Страна к юго-востоку от этого хребта называется Шанхай-гоби и в ней преобладает уже форма равнины. Хотя невысокие, скалистые гряды не перестают бороздить ее по направлению с юго-запада на северо-восток, но зато между ними залегают обширные долины, придающие Шанхай-гоби по преимуществу равнинный характер. Зимой здесь случаются нередко сильные снежные метели. Перед нашим приходом в Шанхай-гоби выпал порядочный снег, но вскоре улетучился от сухого ветра. Юго-западная часть Шанхай-гоби называется Бургастэй-тала и представляет обширную долину. В Шанхай-гоби корм для лошадей стал встречаться чаще, но так как снега не было, то приходилось останавливаться у колодцев, вокруг которых пастбища обыкновенно вытравлены проходящими караванами. Только в некоторых местах, где сохранились небольшие снежные сугробы, мы останавливались

на ночлеги вдали от колодцев, если около снега был хороший подножный корм.

На юго-востоке долина Бургастэй-тала, имеющая около 45 верст ширины, замыкается хребтом Ихы-Шанхаем, простирающимся также с юго-запада на северо-восток, но превсходящим немного по высоте предыдущий — Бага-Шанхай. В горах Ихы-Шанхая мы расположились на дневку у колодца Цзала.

Во время дневки мы расспрашивали многих из местных монголов об окрестной стране и в особенности о длинном Южном Алтае, который несколько дней тому назад потеряли из виду. В последний раз мы обозревали этот хребет с высот близ юго-восточного склона гор Харасайран-нуру. Он простирался попрежнему в юго-восточном направлении на всем видимом с тех высот пространстве, приблизительно верст на восемьдесят, а от места нашего наблюдения отстоял в 40 верстах. Далее с дороги мы уже не видели совсем Южного Алтая, нансся его на маршрут по распрссным сведениям. По свидетельству местных монголов, этот хребет проходит верстах в семидесяти к Ю.-З. от колодца Боро-тологой на нашем пути и носит там название Гурбан-сайхан (три славных, или могучих) от высокой группы из трех вершин, не достигающей снежной линии, но резко выделяющейся по своей высоте из остальной слитной массы его гор. Потом, понижаясь постепенно в юго-восточном направлении, Южный Алтай получает название Хурху, отделяет от себя на юг-восток-юг незначительную отрасль Хату и тянется на юго-восток до северо-западной окраины весьма пустынной равнины Голыб-гоби, где и оканчивается высотами Бага-богдо, приблизительно в 200 верстах к северо-западу от великой луки р. Хуан-хэ⁽⁸³⁾.

Невысокие хребты Бага-Шанхай и Ихы-Шанхай, подобно окраинному хребту Харасайран-нуру, представляют собою слабые отроги Южного Алтая. Они простираются с юго-запада к северо-востоку, бороздя в этом направлении плоскогорье. С северо-восточной стороны оно, повидимому, замыкается невысоким хребтом, тянувшимся, как нам казалось, непрерывно от гор Харасайран-нуру на протяжении около 230 верст и в расстоянии от 20 до 45 верст от нашей дороги. Наибольшей высоты этот хребет достигает в месте свсего сочленения с кряжем Бага-Шанхаем и называется там Тайлагэин-хара. По природе описываемое плоскогорье отличается несколько от пройденного участка Гоби на пространстве между колодцем Холт и крайним хребтом Харасайран-нуру. Средняя абсолютная высота его превсходит, по нашим наблюдениям, футов на тысячу абсолютную высоту означенного участка Гоби. Солончаки, столь обыкновенные в Гоби, встречались очень редко на этом плоскогорье, а соленых озер мы не видели на нем ни одного, да и во всей окрестной стране, по свидетельству монголов, их нет. Точно так же не встречается на этом плоскогорье и песчаных пространств, попадающихся изредка в Гоби.

О стране к северу от нашего пути монголы сообщали, что она отличается более пустынным характером, чем плоскогорье, по которому мы шли. Гоби там не представляет совершенной равнины, будучи во многих местах покрыта невысокими, скалистыми хребтами. В ней часто встречаются углубления с солончаками и иногда небольшими солеными озерами. В некоторых впадинах есть и песчаные пространства, но обширных песков нет. Источники очень редки, да и колодцев в той стране меньше, притом во многих из них вода солоноватая. Древесной растительности,

кроме ильмов, встречающихся изредка по сухим руслам, да саксаула, караганы и хармыка, нет никакой.

Страна к югу от гор Гурбан-сайхан, по описанию монголов, представляет совершенную пустыню, безлюдную и по преимуществу песчаную. От южного подножья простирается сначала бесплодная, каменистая равнина, имеющая от двух до четырех дней пути ширины, а южнее ее залегают обширные пески, поросшие высоким цзаком (саксаулом). Близ южного подножья Алтая идет дорога в Куку-хото, ныне почти оставленная, потому что многие колодцы занесло песком. В одном месте по той дороге на протяжении четырех дней пути нет вовсе воды, корма для лошадей тоже, а потому по ней можно ходить только на верблюдах, да и то осенью или зимой. Далее монголы о стране к югу от хребта Алтая показывали, что она лежит значительно ниже плоскогорья к северу от него, на котором мы находились, и что зима в той стране гораздо теплее. Саксаул, встречающийся по северную сторону Алтая в виде невысокого кустарника, в песках по южную сторону хребта, по уверению монголов, достигает высоты небольшого дерева.

Понижение восточной и западной части пустыни, простирающейся к югу от Алтая, относительно высокой земли, лежащей к северу от него, доказано, несомненно, высотами, определенными в тех странах путешественниками. Основываясь на этих высотах и на вышеприведенных показаниях монголов о понижении средней части той пустыни, можно с большей вероятностью полагать, что Южный Алтай служит полуденной окраиной высокой Монголии, отделяя ее от нижележащей пустынной земли, раскинувшейся в несбъятном пространстве на юг от этой длинной цепи гор. Эту-то обширную, сравнительно низкую и по преимуществу песчаную пустыню следует, кажется, считать настоящею Великою Гоби. От Монгольской Гоби, протянувшейся в виде эллипса с запада на восток, с ее узким рукавом между Хангаем и Алтаем, Южная, или Великая, Гоби отличается гораздо более обширным пространством, несколько меньшей абсолютной высотой и присутствием в ней огромных песчаных пространств, которых Монгольская, или Северная, Гоби не имеет⁽⁶⁴⁾. Площадь, занимаемая Южною Гоби, действительно, весьма обширна: на севере эта пустыня простирается до Южного Алтая, на юге достигает берегов р. Эцзин-гола, впадающей в оз. Сокок; на восток распространяется до р. Хуан-хэ, переходя даже за эту реку в страну Ордос. На западе Великая Гоби разделяется на два рукава, простирающиеся весьма далеко в этом направлении. Один из них тянется сначала неширокой полосой между Восточным Тянь-шанем и Южным Алтаем под названием Номин-мингыг-гоби, потом далее к западу расширяется, образуя обширную пустыню между Сауром, р. Урунгу на севере и Тянь-шанем на юге, покрытую в южной части длинной лентой зыбучих песков. На северо-западе этот рукав Великой Гоби посредством узкого, пустынного перешейка между горами Уркашар и Джаир соединяется с равниной р. Эмиля и оз. Алакуля, составляющей, по замечанию наших путешественников, одно геологическое целое с пустынной равниной оз. Балхаша. Другой рукав Великой Гоби, занимающий более обширное пространство, отделяется от нее южнее и тянется сначала тоже неширокой полосой между городами Хами и Анси-чжоу, далее между хребтами Карук-тагом и Алтын-тагом, потом, подобно первому, значительно расширяется и достигает на юго-западе городов Керии и Хотана, на западе доходит почти до Кашгара, а на север простирается до подошвы Тянь-шаня. Большая часть этого рукава покрыта зыбучими, непроходимыми

песками. Абсолютная же высота обоих поименованных рукавов несколько меньше высоты Монгольской Гоби¹.

От монголов мы слышали рассказ о путешествии через Великую Гоби одного ламы из Тибета в Центральную Монголию. Этот лама, возвращаясь из Лхасы, куда ходил на поклонение далай-ламе, в Монгслию в начале зимы, вместо обычной дороги чрез Алашань, направился прямым путем по Великой Гоби, восточнее оз. Согок. Ламу сопровождало несколько монголов с небольшим караваном, состоявшим исключительно из верблюдов. Путешественники, вступив в пустыню, вскоре встретили глубокие пески, в которых и блуждали около двух месяцев, сбившись с дороги и не находя кслодцев. По счастью, в песках лежал ксе-где снег, но приходилось, однако, по несколько дней оставаться без воды. Пески покрыты высоким дзаком (саксаулом) и совершенно безлюдны. После утомительного и опасного странствования поперек Великой Гоби путешественники вышли к горам Арца-богдо и раскаивались в своей решимости следовать из Тибета по этому ужасному пути.

От колодца Цзала мы шли около 15 верст горами, пересекая плоский и широкий хребет Ихы-Шанхай, при выходе из него миновали кумирню Илэгэин-хурал и снова очутились на обширной равнине, покрытой кое-где небольшими отдельными высотами. Страна представляет малопродуктивную степь, и в ней попрежнему преобладает форма равнины. Растительность, состоящая по преимуществу из кипца, бедна, и только в лощинах, поблизости гор, можно встретить порядочные пастбища. Верстах в сорока к юго-востоку от хребта Ихы-Шанхая мы пересекли новый, также широкий и плоский хребет Цзамыйн-Шобуктай, прсстирающийся, подобно прежним, с юго-запада на северо-восток. При входе в горы от дороги, по которой мы шли, отделяется другая, тоже торная дорога. Она проходит южнее нашей дороги близ северного подножья гор Гурбан-сайхан и Арца-богдо и ведет также в Куку-хото. Эта дорога, называемая Кэрмэйн-цзам, представляет южную ветвь нашей, отделяясь от нее в долине больших озер между Хангаем и Алтаем, близ озера Орок. По ней гоняют из Северо-Западной Монголии в Куку-хото преимущественно баранов. Во время нашей стоянки в горах Цзамыйн-Шобуктай пригнано было с этой дороги на нашу стадо баранов голов в пятьсот из окрестностей горы Ихы-богдо в Южном Алтае. Проводники его — монголы — рассказывали, что в течение 40-дневного путешествия с баранами по этой дороге они не встречали недостатка ни в корме, ни в воде, деля ежедневно около 20—25 верст.

Дорога, по которой мы шли в Куку-хото, принадлежит к числу наиболее оживленных караванных путей Монголии. Со вступлением на нее в окрестностях колодца Холта в Гоби нам стали почти ежедневно встре-

¹ Средняя абсолютная высота Монголии (т. е. высокой земли, ограниченной на севере Алтайскими, Саянскими и Гентэйскими горами, на востоке Большим Хинганом, на юго-востоке Иншанем, на юге и западе Южным Алтаем) по всем известным до настоящего времени высотам отдельных точек, в числе около четырехсот, определенных путешественниками: Фуссом, Фритше, Эляйясом, Пржевальским, Ломоносовым, Мосиным, Потаниным и Рафаиловым, Падериным и мною, довольно равномерно рассеянным по стране, — простирается до 4 630 англ. футов. Средняя абсолютная высота Монгольской Гоби из 60 наблюдений в различных ее местах — 3 750 футов. Средняя абсолютная высота (12 точек наблюдений) восточной части Великой Гоби — 3 870 футов, ее рукава (14 точек наблюдений) между Южным Алтаем, р. Урунгу, хребтом Сауром и Тянь-шанем — 2 720 футов, а другого ее рукава (6 точек наблюдений) между Тянь-шанем и Алтын-тагом 2 000 — 2 760 футов. Средняя же абсолютная высота всей вообще Великой Гоби (32 точки наблюдений) — 3 160 футов⁽⁸⁵⁾.

чаться караваны. Бывали дни, когда попадалось навстречу по три, по четыре каравана. Большая часть их шла из Куку-хото с разным товаром в Северо-Западную Монголию и отчасти в Джунгарию. Погонщиками были монголы, а старшины торговых караванов — исключительно китайцы. При встрече мы обыкновенно завязывали с ними разговор о том, куда идут и с чем. По этим рассказам, еще на пути в Куку-хото могли составить себе некоторое понятие о значении для Монголии этого замечательного города. Попалось нам также навстречу несколько казенных транспортов, следовавших с провиантом и разными вещами для солдат в Кобдо и в Улясутай. Караваны, идущие из Куку-хото в Джунгарию, сворачивают с нашего пути, не доходя до урочища Тугурик в Гоби, налево, переваливают горы Арца-богдо и потом идут вдоль южной подшвы Алтая почти до меридиана оз. Борбон-дабасу; затем поворачивают на юго-запад через горы Ачжи-богдо и, перейдя узкий рукав Южной Гоби (Номин-мингын-гоби), выходят в Баркуль.

На нашей дороге мы часто встречали бедных монголов, не имеющих скота и живущих ссень и зиму преимущественно на счет проходящих караванов. Они ссбирают аргал для топлива караванов и прсчищают кслодцы, за что получают небсльшое вознаграждение в виде ссатков от сбеда, кусочков кирпичного чая и т. п. Жилищами им служат жалкие юрты, а чаще небольшие шалашы, покрытые войлоком. Летом, когда караванный движение прекращается, они питаются подавниями в соседних улусах, в которых иногда побираются ссенью и зимою, если караваны проходят нечасто. Некоторые богатые и щедрые монголы, следуя с караванами, кормят этих бедняков во время остановок и раздают им кусочки кирпичного чая.

За горами Цзамыйн-Шобуктай мы пересекли долину, а потом короткий и низкий отрог этого хребта — Гувелат. Перевалив через него, мы опять спустились в долину и шли по ней верст пятнадцать до подошвы гряды Обо, протянувшейся с юго-запада на северо-восток. Тут у колодца Мунку-обонэй-худук мы остановились дневать. Поблизости колодца находится обширная плсская впадина с солончаками и песчаными буграми, поросшая местами злаком дэрсусу. Такие солончаковые впадины к юго-востоку от хребта Харасайран-нуру стали встречаться лишь на пути от гор Ихы-Шанхай, да и то ссчень редко. Дстойно замечания то, что в них очень часто заключаются небольшие песчаные сопки, или, точнее, груды чистого песка. Эта ссобенность присуща почти всем гобийским плсским котловинам вместе с солончаками и признаками существовавших в них некогда озер⁽⁶⁶⁾.

Перевалив через гряду Обо, достигающую наибольшей высоты близ дороги, мы спустились на ширскую долину, замкнутую на юге увалом с малыми, насажденными горками, а на северо-востоке сливающуюся с соседнею несбсзримсю равнинсю, предела которой нельзя было видеть с высокой вершины цепи Обо, откуда мы ссматривали окрестности. Около 25 верст шли мы по долине, потом вступили в весьма низкую гранитную гряду Ханын-нуру с массою отторженцев, представляющих картину полного разрушения гор. С этой гряды, отделяющейся от плсского, но широкого гранитного же хребта Гсльб, мы спустились в горную котловину этого плссдегнего, а потом перешли в узкое, извилистое ущелье, в котором встретили бсльшсе сухсе русло потока, называемсе Урту-голом. В нем ксе-где встречались, однако, ямы с водой, промерзшие до дна, а по берегам растут ильмы. Окрестные горы Гсльб, ссстоящие из серого грубого гранита с выходами кварца, невысоки и покрыты весьма скудною раститель-

ностью. Мы остановились на ночлег в этих пустынных горах, в ущелье потока Урту-гола, где рос тощий дэрису. Хребет тянется с юго-запада на северо-восток и имеет более 30 верст ширины, но высота его незначительна. Подобно отрогу своему Ханын-пуру, он содержит массу отторженцев, громоздящихся по склонам его невысоких и пологих гор, в щелях и долинах.

На следующий день мы прошли около 15 верст горами Голыб по узкому ущелью потока Урту-гол, имеющему значительное падение к востоку. По выходе из гор перед нами предстала необозримая равнина, по которой на пространстве верст двадцати к востоку от хребта Голыба извивалось сухое русло потока Урту-гола, обозначенное ильмами, тянувшимися аллеями по его берегам. Впереди на востоке видны были вдали горы, а на север и юг равнина простиралась на всем обозреваемом пространстве. На западной ее окраине, у колодца Цаган-хомара, мы переночевали и на другой день рано утром выступили в путь по этой голой, безжизненной пустыне.

Еще с утра дул порядочный ветер, потом стал все более и более крепчать и около полудня превратился в сильную бурю. Мелкая галька, покрывающая пустыню, пришла в движение и производила шум, похожий на шуршание льда при вскрытии рек. Гравий же поднимался так высоко, что хватал нас на лошадях. Верблюды и лошади постоянно отшатывались в наветренную сторону. Мы должны были спешиться и, крепко уцепясь за поводья, едва держались на ногах. От пыли, носившейся в воздухе, дневной свет померк до того, что стало темно, как в сумерки. Ветер дул с юго-запада-юга и не постоянно с одинаковою силою, а порывами. Итти как людям, так и животным было крайне тяжело, а остановиться на безводной равнине для пережидания бури мы не решались и продсжляли потихоньку подвигаться вперед. Около четырех часов пополудни начали по временам различать горы, которые накануне видели верст за тридцать пять. Ветер еще более усилился, мы стали поспешать и через час достигли гор, за которыми и укрылись от него. Едва успели поставить юрты, как буря перешла в настоящий ураган, и на равнине, несмотря на 5 часов дня, настала тьма, но мы были вполне обеспечены от него, поместившись в ущелье невысоких гор. Эта гряда гор называется Номохон (тихая) — название, для нее характеристичное, как действительно тихому пристанищу от бурь, от которых в ней, вероятно, нередко приходится укрываться караванам, пересекающим эту печальную пустыню.

Поблизости, у колодца Хобор, стояли монголы, которых вечером мы расспрашивали об окрестной стране. По их показаниям, пройденная равнина называется Голыб-гоби и тянется весьма далеко на север и юго-запад. Гор на ней нет, а только плоские увалы с низкими холмами. Она богата солончаками, имеет твердую, каменистую почву, а в юго-западной части переходит в песчаную пустыню. Южный Алтай не пересекает этой равнины, оканчиваясь в западной ее окраине небольшими высотами Бага-богдо в трех днях пути к юго-западу от гор Номохон, а в пяти днях от этих гор на юг находится река Хуан-хэ, и на этом пространстве встречаются местами невысокие горы, но они не связуются с горами к западу от равнины Голыб-гоби. Таким образом, по их показаниям, эта пустынная равнина представляет ворота из высокой Монгольской Гоби в не столь высокую и по преимуществу песчаную Гоби Алашанскую, которая, по вышеприведенным соображениям, составляет восточную часть Великой, или Южной, Гоби.

Страна к востоку от гор Голыб в геогностическом отношении многим разнится от пройденного нами пространства до этих гор. На пути от окраинного хребта Хара-сайран-нуру до пустыни Голыб-гоби мы встречали в горах по преимуществу фельзитовый порфир и фельзит, представляющие преобладающие их породы, и жильный кварц, а в горах Голыб крупнозернистый серый гранит, тоже с кварцевыми жилами. На равнине же Голыб-гоби близ поверхности залегает мергель, а ниже его известковый шпат и обыкновенный известняк, притом в западной части равнины, близ колодца Цаган-хомара, пласты двух последних пород, насколько можно было оценить простым глазом, находятся почти в горизонте, примыкая к граниту гряды Голыб, а в восточной окраине они прорваны и приподняты фельзитовым порфиром, из которого слагается главным образом поднятие к востоку от этой равнины, чередуясь изредка с холмами глинистого сланца. Поэтому весьма вероятно, что относительная древность гор к западу и к востоку от пустыни Голыб-гоби неодинакова и орографической связи между ними, судя по показаниям монголов, не должно существовать.

От колодца Хобор, близ которого мы стояли, с нашей дороги отходит ветвь в г. Бо-тоу (по-монгольски Буту). Окрестные монголы ездят туда за мукою и крупюю. До Бо-тоу считается 6 дней пути большим ходом. Несмотря на пустынный характер страны, в окрестностях гор Номохон мы видели множество прекрасных, жирных верблюдов, которым, по словам монголов, привольно живется в этой пустыне, благодаря сбилию солончаковых растений, покрывающих ее многочисленные котловины.

От гор Номохон мы шли сначала по холмистой местности, потом вступили в долину, среди которой извиляется широкое сухое русло потока с ильмовыми деревьями по берегам. Поблизости этого русла, называемого Сухай-гол, мы ночевали без воды. Местность весьма пустынна: корма для лошадей не оказалось вовсе, так что им буквально нечего было щипнуть. Окрестные невысокие горы, окрашенные в темный цвет, имеют печальный вид; бесплодные долины, не оживленные ни присутствием человека, ни животных, — мертвы. В этих долинах и у подножий гор залегает мергель, под ним, как и на равнине Голыб-гоби, известковый шпат и обыкновенный известняк, но самые горы состоят из фельзита, прорвавшего помянутые породы, а отчасти из глинистого сланца.

Далее мы шли по пустынной горной долине с крайне бедною растительностью. В двух местах, правда, встретились заросли злака дэрсису, но он так был объеден верблюдами проходящих караванов, что оставались только короткие и жесткие стебли. Растительность гор тоже очень бедна, а между тем наши исхудалые от бескормицы лошади отказывались служить. Поэтому мы стали искать корма по сторонам дороги в горах и в одном месте, действительно, нашли долинку, покрытую тощим кипцом. Поблизости ее оказался и колодец Ноин-худук, с хорошей водой. В этой долинке мы остановились на дневку.

От колодца Ноин-худука дорога пролежала по холмистой местности, образуемой отрогами двух хребтов, между которыми мы прежде шли пустынной долиной к этому колодцу. Потом мы пересекли небольшую долину и снова вступили в холмистую местность слабых отраслей невысокого хребта, подходящего к дороге с юго-запада и сочленяющегося с восточной оконечностью северного кряжа помянутой долины. Перейдя холмы, мы спустились на широкую долину, и следовали по ней около 20 верст до колодца Сайн-худука. На пути встретили большой китайский караван, шедший с разным товаром из Куку-хото в г. Урумчи. Старшина

каравана сообщил, что вышел из города 12 дней тому назад, но по причине сильных встречных ветров проходил ежедневно не более 20 верст. В Урумчи же рассчитывал попасть не ранее трех месяцев со дня выступления из Куку-хото. Китайцы везли множество чая и разных бумажных тканей, посуды и мелочей. У них был взят с собою для такого далекого путешествия большой запас муки, квашенки, сита и корытца для печения в дороге лепешек.

От колодца Сайн-худука страна становится более открытой: невысокие скалистые хребты уступают место мягким, пологим грядам, и она мало-помалу переходит в волнообразную равнину, среди холмов, однако, изредка встречаются довольно высокие, но пологие гряды. Вместе с тем изменяется и природа страны: почва, покрытая тонким растительным слоем, производит какой-то злак, составляющий прекрасную кормовую траву. Сорванный ветрами и сметенный в валы, вроде скошенной травы, он представлял готовое сено, от которого наши истощенные лошади стали быстро оправляться. Появились и стада изюренов, так давно нами не виденных. Словом, страна представляла резкую противоположность с пустыней Гоби, которую мы, следовательно, оставили за собою, достигнув колодца Сайн-худука.

По выходе из Гоби мы следовали по открытой, волнообразной стране, переваливая с одной плоской гряды на другую. Между грядами часто встречались большие плоские котловины с зарослями дэрсу и тучными пастбищами, покрытыми смянутым злаком. Везде тоже недостатка не было: во многих местах встречались следы, а в 70 верстах к юго-востоку от колодца Сайн-худука мы пересекли первую на всем длинном пути от Онгин-гола речку Урту-гол, текущую с юга на север, и на берегу ее увидели первую же одинокую китайскую фанзу (дом). За речкой перевалили через гряду и спустились в обширную долину Цаган-дэрсу, замкнутую со всех сторон, кроме северо-восточной. В ней находится несколько родников, из которых образуются небольшие ручьи, луга и обширные заросли дэрсу, а на юго-западной окраине, близ увала, стоит большая кумирня. В этой местности мы дневали.

Орография страны к юго-востоку от равнины Голыб-гоби, пройденной нами в одном лишь направлении, не может быть выяснена в подробностях. Мы в состоянии заметить только, что хребты этой невысокой горной страны простираются преимущественно с запада на восток, постепенно понижаясь в этом направлении и переплетаясь между собой посредством отрогов. Верстах в семидесяти пяти от равнины Голыб-гоби к юго-востоку горная страна переходит в волнообразную равнину с пологими грядами, тянущимися также большей частью с запада на восток. Но гряды эти состоят из песчаника с кварцевыми жилами и редко где обнажены, тогда как хребты горной страны к юго-востоку от Голыб-гоби слагаются преимущественно из фельзита.

Из обширной долины Цаган-дэрсу мы поднялись на увал и шли по волнообразной местности. К югу от дороги тянется тут сначала в восточно-западном направлении высокий хребет, уклоняющийся потом на юго-восток почти параллельно дороге. Приблизившись к нему, мы шли около 70 верст близ северного его подножья, пересекая незначительные северо-восточные отроги этого хребта и небольшие речки, текущие с него в ту же сторону: Цаган-гол, Улан-булук и Хара-бухук-гол, а также сухие русла многих временных потоков, направляющиеся на северо-восток с того же хребта. По северную сторону его волнистая земля представляла почти

сплошь тучные пастбища. Травы, сметенной ветрами в валы, местами было так много, что целое стадо могло насытиться, не трогаясь с места. Табуны цзэренов повсеместно встречались на этих привольных пастбищах.

Верстах в восьмидесяти от урочища Цаган-дэрису мы перевалили через северо-восточную, довольно высокую ветвь помянутого хребта, уклонившегося на юг-восток-юг. Она состоит из серого среднезернистого гранита, а на восточном склоне найдены обнажения грубого белого известняка. Спустившись с отрога, мы вышли к речке Батхалын, получающей начало на его восточном склоне, и остановились на берегу близ большой кумирни того же названия. Эта кумирня, или, правильнее, монастырь, представляет нечто вроде маленького городка: кроме нескольких храмов, в монастыре находится много маленьких домиков для монахов, расположенных правильными кварталами и обнесенных оградою. В этом монастыре есть училище для пригоствления лам и несколько китайских лавочек, в которых предается все нужное для монголов.

Местность к юго-востоку от монастыря Батхалын отличается таким же характером, как и на пространстве от колодца Сайн-худука до впадины Цаган-дэрису. Она представляет волнистую землю, покрытую плоскими грядами, между которыми часто встречаются замкнутые плоские же котловины. В горах заметны обнажения песчаника с кварцевыми жилами, а почва покрыта тонким растительным слоем. Верстах в сорока к юго-востоку от монастыря мы встретили первые китайские поселения, состоящие из маленьких деревень, разбросанных по берегам пересыхающей речки Доботу-гол. Отсюда начинается культурная полса Монголии, заселяемая постепенно пришельцами из Внутреннего Китая. Впрочем, страну эту нельзя считать вполне земледельческой: в ней, кроме оседлого китайского населения, кочуют кое-где на свободных землях монголы, часть которых занимается хлебопашеством и живет в домах. Здешние монголы отличаются от своих родичей Внутренней Монглии не столь патриархальными нравами и отчасти языком, в который вошло много китайских слов и даже фраз. Но совершенно окитаившихся монголов нам не приходилось видеть.

В этой полосе Монголии со смешанным населением случаются, как нам рассказывали, грабежи, совершаемые бродягами из Внутреннего Китая. Разбои чаще бывают летом, когда бродяги находят себе приют вне селений. Монголы предупреждали нас неоднократно быть осторожнее в этой местности. Несколько человек их, гнавших в Куку-хото на продажу быков и баранов, из опасения приселились к нам еще у монастыря Батхалын, и мы охотно приняли их под свое покровительство.

Около соленого озера Улан-нор, лежащего близ дороги, мы встретили юрты китайских купцов из Куку-хото, перекупающих у монголов скот и разное сырье. Ни один монгольский караван, следующий в Куку-хото, не минует их лагеря без того, чтобы эти спекуляторы не полюбпытствовали узнать, с чем он идет, и не попытались перекупить предназначенное для продажи в городе.

От оз. Улан-нора, на которое выходит дорога в Куку-хото, отделяющаяся со станции Онгийн-гола Калганско-улясутайского почтового тракта, мы шли верст десять по равнине, местами кочковатой и поросшей злаком дэрису, пересекли орошающую ее маленькую речку, а потом поднялись на невысокую гряду, тянущуюся в восточно-западном направлении. С утра дул сильный ветер, а после полудня поднялась такая снежная метель, что в 10 шагах нельзя было различить верблюда. На наше счастье,

тогчас же за перевалом через помянутую гряду попался домик, принадлежащий китайцу. Возле него стояло несколько монгольских юрт. Мы попросили приюта, и монгол-дворянин (тайчжи), заменявший отсутствовавшего хозяина дома, отдал его в наше распоряжение. Развьючив верблюдов и расседлав лошадей, мы поместили их в ограде за ветром, а сами расположились в домике, затопили очаг и отогрели окоченевшие члены, благодаря судьбу за ниспослание нам приюта в такую ужасную метель. Тот же монгол продал нам за умеренную плату корм для лошадей и верблюдов, заготовленный хозяином дома, так как ни тех, ни других по случаю сильной метели спустить на пастбище было невозможно. Тут в первый раз нам пришлось покупать корм для наших животных, состоявший из зеленой овсяной соломы, которую не только верблюды, но и лошади поедают с жадностью.

Метель свирепствовала целый день и только с наступлением сумерек стала стихать. Вечером небо прояснилось, и настал мороз.

До Куку-хото нам оставалось пройти отсюда около 75 верст. На пути лежал еще небольшой городок Куку-эргэ, в который мы должны были прийти на следующий день к вечеру.

Утром мы шли сначала по степной, волнистой местности, потом показались китайские деревни, встречавшиеся все чаще и чаще по мере движения к юго-востоку. Вскоре мы увидели впереди окраинный хребет Иншань, воздымающийся резко очерченным высоким валом. Он, как известно, простирается с запада на восток и служит физической границей высокой Монголии на юго-востоке. Монголы называют эту часть хребта Онгиин-ула, а китайцы — Та-чин-са. На северо-запад и на север Иншань отделяет в этой местности лишь незначительные отроги, бороздящие монгольское плоскогорье и придающие ему волнистый рельеф.

В сумерки мы достигли небольшого, но весьма сживленного китайского городка Куку-эргэ, в котором монголы, избегая трудного горного пути через Иншань в Куку-хото, часто продают китайцам скот и сырье, покупая от здешних купцов все нужное. Пользуясь этим обстоятельством, находчивые китайские купцы из Куку-хото построили в этом городке дома с лавками, в которых имеется все необходимое для монголов. На базаре мы видели множество таганов, котлов и всякой посуды, выставленной на площади, как бы на показ прибывающим монголам. Окрестные поселяне-китайцы также продают и покупают кое-что в этом городке.

По прибытии в Куку-эргэ мы остановились в доме богатого местного купца-скотопромышленника. Нам отвели большую, довольно чистую комнату, среди которой помещалась жаровня, согреваемая каменным углем. Прибрав наши вещи, мы уселись на кане пить чай. В это время к нам в комнату стала собираться публика, чтобы посмотреть на интересных иностранцев. Любопытных было столько, что они не могли сразу поместиться в комнате и пробивались к нам поочередно: уходили одни, на место их прибывали другие. Так продолжалось часа три, если не более. Один из посетителей, подойдя к нам, поздоровался по-русски. Полагая, что он знает наш родной язык, мы обратились к нему с вопросом, но китаец, как оказалось, знал только несколько наших слов и фраз, которым научился в бытность на Амуре. Вооружившись терпением, — самым лучшим, по-моему, средством в таких случаях, — мы преспокойно отсиживались на кане, болтая кое о чем с нашими посетителями, оставившими нас только около 9 часов вечера. Но справедливость требует сказать, что они вели

себя очень чинно, никто из них не позволил себе сделать нам какую-либо неприятность.

Когда публика оставила нас в покое, в нашу комнату собрались молодые приказчики хозяина, который в то время был в отсутствии, и долго осаждали нас различными вопросами, касавшимися образа жизни, нравов и обычаев русских. Потом мы перешли ко взаимному обучению языком: молодые китайцы, указывая на различные вещи, бывшие в комнате, спрашивали, как они называются по-русски, а нам в свою очередь называли их по-китайски. При этом оказалось, что мы без затруднения могли довольно правильно произносить большинство китайских названий, отчасти нам знакомых, тогда как наши учителя никак не могли сладить с произношением русских слов: например, вместо свечка и печка у них выходило сие-чи-ка и пе-чи-ка, сколько мы ни повторяли им.

От Куку-эргэ до Куку-хото считается только 90 ли, т. е. около 48 верст. Но так как наши верблюды и лошади были сильно изнурены, а между тем дорога через хребет Иншань очень затруднительна, то с помощью приказчиков нашего хозяина мы наняли в Куку-эргэ за умеренную плату две большие китайские телеги до Куку-хото под вещи.

Еще прежде, на пути, мы неоднократно слышали от возвращавшихся из Куку-хото монголов, что в этом городе проживает будто бы несколько человек русских. Теперь то же самое подтвердили в Куку-эргэ и приказчики нашего хозяина. Я этому не верил, оставаясь при прежнем убеждении, что они принимают за русских каких-нибудь других иностранцев, поселившихся в Куку-хото. Так в действительности и оказалось после. Я написал в тот же вечер записку и послал ее вперед с нарочным в Куку-хото, прося проживающих там иностранцев не отказать нам в приеме у себя.

На другой день утром нас подняли задолго до рассвета: нанятые извозчики прибыли с телегами, запряженными четверками и торопили в путь, говоря, что иначе мы не успеем к вечеру доехать до Куку-хото. Уложив наш багаж на телеги, с которыми поместились часть людей, мы сели на лошадей и отправились из Куку-эргэ еще до света. Кортёж наш походил на процессию: для освещения неровной дороги извозчики повесили на телеги фонари, при трепетном мерцании которых мы открыли шествие в знаменитый город.

На рассвете мы въехали в широкое ущелье хребта Иншаня, через который пролегает дорога, и, поднявшись немного в горы, спустились потом постепенно около 15 верст. Дорога все время идет ущельем, в котором часто встречались постоянные дворы; местами они группируются вместе в виде небольших поселений, вытянутых в одну линию, хотя в сущности каждый отдельный дом представляет постоянный двор. На окрестных горах также видны были кое-где селения и небольшие березовые рощи, среди которых торчали изредка одинокие, кудрявые сосны. Эти горы, оживленные лепящимися на их склонах и уступах селениями, березовыми рощами и красивыми кумирнями, живописно рисующимися на горных плесцадках, представляют местами ландшафты, достойные кисти талантливого пейзажиста.

С 10 часов утра нам часто стали встречаться китайские телеги, шедшие с разным товаром из Куку-хото в Куку-эргэ, и китайцы, поселяне ближайших местностей земледельческой полосы Монголии, возвращавшиеся из этого города. К полудню движение по ущелью усилилось до такой степени, что телеги тянулись уже длинными вереницами на каждой версте.

Наши возницы в полдень остановились в одном из постоянных дворов кормить лошадей и пока те ели, заказали себе лапши с соленой зеленью и, пообедав наскоро, отправились далее.

Постоялые дворы по дороге стали встречаться еще чаще, а по сторонам на горных уступах видно было много селений, раскинувшихся в живописном беспорядке на высотах. Преехав около 18 верст ущельем, мы достигли подъема на главный перевал Онгиин-даба. Сначала версты три мы поднимались по отлогому склону, потом начался короткий, но очень крутой подъем. По этому последнему тяжелые повозки всходят с большим трудом, да и то не иначе, как со многими отдыхами для лошадей, причем погонщики по остановке на отдых тотчас же подкладывают под колеса камни, для того чтобы тяжелые телеги не могли скатываться назад и увлечь с собой лошадей по крутому склону. Большие затруднения бывают тут также при встречах: дорога так узка, что встречным повозкам невозможно разъехаться, исключая некоторых мест, нарочно разделанных пошире для разъезда.

С вершины главного перевала открылась величественная панорама на юго-востоке: вдали были видны горы, а между ними и Иншанем расстилалась широкая равнина, испещренная множеством селений с рощами, кладбищами и кумирнями. Среди этого пестрого фона резко выделялась огромная сероватая площадь г. Куку-хото, который мы в первый раз приветствовали оттуда с высоты.

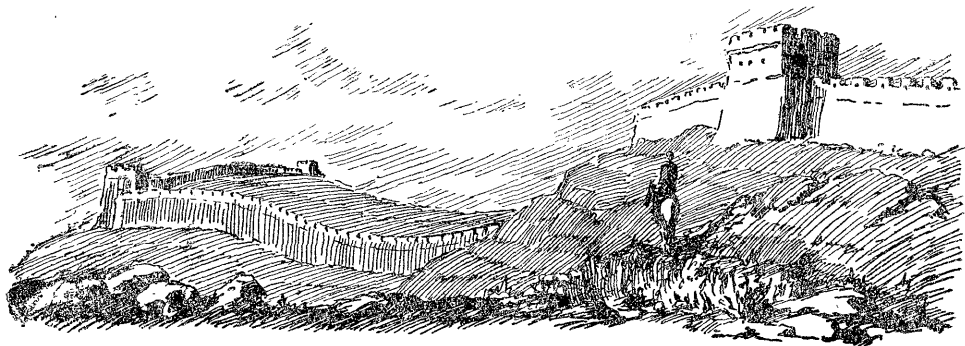
От высшей точки перевала Онгиин-даба идет сначала очень крутой спуск, извивающийся версты на две зигзагами, а потом пологий, но весьма заметный склон до самой подошвы хребта, на протяжении около 12 верст. Путешественник, перейдя однажды хребет Иншань в этом направлении, легко убедится, что гребень его возвышается несравненно меньше над соседним волнистым плоскогорьем Монголии, чем над южной равниной г. Куку-хото. По южную сторону перевала горы Иншаня менее живописны, чем по северную. Взору повсюду представляются на обширном пространстве угрюмые красноватые массы, постепенно понижающиеся к югу, к подошве хребта. Селений в горах много, но они большей частью закрыты от дороги высотами. Постоялые же дворы по южную сторону встречаются чаще прежнего, а поблизости выхода из гор они тянутся длинными, почти непрерывными линиями. Движение по ущелью, которым идет дорога, тут таково, как на оживленной городской улице: повозки, верблюды и пешеходы встречаются на каждом шагу; около постоянных дворов везде толпится народ: одни приезжают, другие отъезжают, третьи кормят лошадей и обедают. В этом ущелье мы в первый раз встретили китайских носильщиков тяжестей с коромыслами на плечах. К обоим концам этих коромысел подвешены четырехугольные доски, как у наших базарных весов, только меньших размеров, на которых покоятся переносимые грузы.

Верстах в двенадцати от вершины перевала окончились горы, и мы очутились на равнине. Но какая противоположность между ней и соседней Монголией! Тут на каждой версте встречались по две, по три деревни, кумирни, кладбища с рощами и обелисками; нигде не видно ни клочка свободной земли: все вспахано или застрено, по сторонам дороги везде селения, а на дорогах толпы людей и вереницы подвод. В одном месте мы проехали версты четыре почти непрерывными селениями, миновали несколько очень красивых кумирен и на расстоянии 10 верст от подошвы хребта до города, кроме многих деревень, встретили два многолюдных

местечка. Но несмотря, однако, на оживление, общий вид страны зимой не привлекателен: все поля вспаханы еще с осени и эти серые монотонные полосы земли, лишенной остатков растительного покрова, как-то неприятливо рисуются перед глазами путешественника.

После долгого блуждания по извилистой дороге этой густозаселенной равнины мы только в сумерки достигли городских ворот, у которых ожидал нас верховой китаец, посланный европейцами передать, что они с радостью ожидают нас у себя. От ворот мы около часу ехали по многолюдным, но узким улицам города, останавливаясь несколько раз для разъездов со встречными повозками, прежде чем добрались до дома, занимаемого европейцами, где были радушно приняты агентом английской торговой компании, бельгийцем Спленгером, и членами духовной католической миссии в Куку-хото.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕБЫВАНИЕ В КУКУ-ХОТО И ПЕРЕЕЗД ИЗ НЕГО В г. КАЛГАН

Торговое и промышленное значение г. Куку-хото, или Гуй-хуа-чена. — Цены на жизненные припасы. — Католическая духовная миссия. — Выступление в Калган. — Гуйхуаченская долина. — Вторичный переход через Иншань. — Следование вдоль по культурной полосе Монголии. — Хребет Иншань. — Спуск с него во Внутренний Китай. — Долина р. Ян-хе. — Плотность населения. — Великая стена. — Древние форты долины р. Ян-хе. — Прибытие в Калган.

Город Куку-хото, или Гуй-хуа-чен¹ находится в северной части провинции Шаньси Внутреннего Китая, но вне Великой стены (внешней, или объемлющей), проходящей верстах в восьмидесяти от него к юго-востоку, по гребню северного края цепи Тай-хань. Город расположен на равнине по обоим берегам маленькой речки и, подобно всем китайским городам, обнесен стеной. Наибольшая длина его, по свидетельству Спленгера, около 10 километров (9,4 версты), а наибольшая ширина около 8 километров (7,5 версты). На краю города находится обширная цитадель квадратного начертания около одного километра в стороне. В ней живут солдаты гарнизона, помещаются присутственные места, начальники и чиновники. Жителей в Гуй-хуа-чене считается не менее 200 000, не включая в то число солдат значительного гарнизона. В этом городе находится множество лавок, товарных складов и постоянных дворов для приезжих монголов. В нем существует также несколько базаров, на которых продается исключительно скот. Для каждого рода скота есть свой базар: на одном продаются верблюды, на другом лошади, на третьем быки и на четвертом бараны⁽⁸⁷⁾.

Гуй-хуа-чен ведет обширную торговлю со всем почти Внешним Китаем, а по размерам своих торговых оборотов с Монголией не имеет себе соперников во всей империи. К нему в торговом отношении тяготеет не только вся почти Монголия, но и Джунгария, Китайский Туркестан, а отчасти Куку-нор и Тибет. Караваны из Гуй-хуа-чена ходят с товаром во все концы Монголии, больше всего в Ургу, Улясутай и Кобдо, а также во

¹ Куку-хото собственно монгольское название этого города и в переводе значит: «синий город». У китайцев же он известен под названием Гуй-хуа-чена.

многие города Джунгарии, как, например, в Баркуль, Хами, Гучен, Манас, Урумчи и в Турфан; посещают даже такие отдаленные пункты, как Кашгар, Хотан, Керия и Лхаса. Этот замечательный город служит главным рынком, на котором совершается обмен произведений внутренних промышленных провинций Китая на скот и различное сырье Монголии и прочих внешних областей империи. Из Монголии в Гуй-хуа-чен осенью и в начале зимы пригоняется как самими монголами, так равно и торгующими в ней китайцами множество скота, в особенности баранов, потом лошадей, верблюдов и быков, и привозится огромное количество продуктов скотоводства, а именно: овчины, сырых конских и бычьих кож, шерсти и волоса. Взамен этого из Куку-хото в Монголию вывозятся: ткани, кирпичный чай, металлические изделия, обувь, деревянная и каменная посуда, табак, деревянные части юрт, шкафы, сундуки, множество различных мелочей, а также мука и крупа. Скот и продукты от него, доставляемые в Гуй-хуа-чен, идут далее во Внутренний Китай, исключая некоторую часть для местной потребности, а оттуда доставляются в этот город ткани, кирпичный чай и прочие произведения промышленных провинций, предназначенные для Монголии и для прочих областей Внешнего Китая. Кирпичный чай привозится из провинций Хубей и Хунань, а ткани доставляются преимущественно из Пекина и из Тяньцзина, откуда привозятся даже английские и американские бумажные материи (шертинг и дрелинг), сбываемые гуй-хуаченскими купцами наравне со своими в Монголии. Тяжести из внутренних провинций доставляются в Гуй-хуа-чен преимущественно на подводах, но перевозятся частью и вычным способом: на верблюдах, мулах и ослах. Вереницы этих животных, тянущиеся медленно с вьюками по густозаселенной и прекрасно возделанной стране, как-то странно видеть непривычному.

Ежегодно с наступлением осени в Гуй-хуа-чен начинают прибывать из Монголии и из других стран караваны с сырьем, а оттуда возвращаются с разным товаром. Караваны приходят и уходят днем и ночью в течение целой осени и зимы. К весне движение уменьшается, а с наступлением теплого времени почти вовсе прекращается. Одновременно с первыми караванами пригоняются и гурты скота из Монголии. Вместе с тем начинается усиленный подвоз в Гуй-хуа-чен товаров из внутренних провинций, продолжающийся всю осень и зиму, так как в это время с окончанием полевых работ возчиков бывает больше и транспортировка кладей обходится дешевле.

В Гуй-хуа-чене ежегодно в течение ноября бывает торг маральими рогами, за которыми туда съезжаются к этому времени из разных мест Внутреннего Китая гуртовые их покупатели. Торг маральими рогами в этом городе установился давно и нигде, исключая Кантон, продаваем, приобретавшим их по мелочам из первых рук, нельзя сбыть этот товар так выгодно, как в Гуй-хуа-чене. Маральи рога доставляются в этот город китайцами (а в последние годы и русскими) из Кяхты, Улясутая, Кобдо, Джунгарии и отчасти из Маньчжурии.

Кроме обширной торговли с Монголией, Гуй-хуа-чен занимает изрядное место в ряду других больших городов Северного Китая и в промышленном отношении. В нем существует множество небольших фабричных заведений для производства разных предметов обрабатывающей промышленности, потребных для монголов. Из них первое место занимают красильни, на которых окрашиваются в разные цвета бумажные ткани, отправляемые в Монголию. Большая часть этих тканей даже английских и американских привозится в Гуй-хуа-чен неокрашенной, с тем чтобы на

месте получить то количество разноцветных тканей, которое соответствует действительной потребности в них. Гуйхуаченские красильщики, давно привыкшие ко вкусам монголов, берут от купцов белые ткани и окрашивают их в различные цвета, смотря по надобности. Затем следуют заведения для приготовления готовой обуви для монголов. Юфта для нее идет преимущественно русская, вымениваемая китайцами в Кяхте на чай и доставляемая ими оттуда в Гуй-хуа-чен. Из русского плиса, приобретаемого тоже в Кяхте, в Гуй-хуа-чене делают сапоги для китайцев. В этом городе, кроме того, есть много скорняжных заведений, занимающихся преимущественно выделкой привозимых из Монголии овчин, которые по обработке развозятся в северные провинции Внутреннего Китая, где жители зимой носят шубы или короткие полушубки и овчинные шаровары. Нельзя не упомянуть также о множестве деревянных частей (решеток, кругов и палок) для монгольских юрт, приготовляемых в Гуй-хуа-чене, а также деревянной посуде и некоторых железных изделиях, как, например, таганах и шипцах, производимых в том городе для монголов. К юго-западу от Гуй-хуа-чена, близ р. Хуан-хэ, есть, говорят, чугуноплавильный завод, на котором льют котлы для Монголии.

На базарах Гуй-хуа-чена во время нашего пребывания можно было найти множество всяких жизненных припасов. Продавались, например, фазаны, серые куропатки, цзэрены, привезенные из Монголии, рыба из р. Хуан-хэ, всевозможные овощи, виноград и очень вкусные плоды сыззы. Цены на жизненные продукты (по переводе на наш вес и деньги по курсу) в то время были следующие:

	Рубли	Коп.
Пуд лучшей пшеничной муки . . .	1	96
» проса	—	99
» риса	2	18
» ячменной муки	—	77
» овса	—	59
» картофеля	—	23
» капусты	—	34
» редьки	—	34
» моркови	—	17
» мяса бычьего	2	80
» баранины	3	68
» свинины	6	72
» рыбы	15	69
Курица	—	50
10 яиц	—	11
Фунт свечей	—	40
» винограда	—	20

Скот же, пригнанный из Монголии, продавался по следующим ценам:

	Рубли	Коп.
Верблюд	80	—
Лошадь	30	—
Бык	25	—
Баран	5	—

Пребывание европейцев в Гуй-хуа-чене не совсем удобно: на улицах преследуют толпы зевак, а подчас и мальчишки, надоедающие своими выходками. Миссионеры, впрочем, расхаживают свободно, потому что знают прекрасно язык, да и китайцы уже привыкают к ним, хотя и не перестают удивляться их бородам и шапкам. Мы, однако, не можем пожаловаться на дурное обращение китайцев: в продолжение всего пребывания во Внутреннем Китае нам ни разу не пришлось испытать какой-либо неприятности от них ни в городах, ни в деревнях, в которых мы во время путешествия останавливались ежедневно два раза: в полдень обедать и вечером на ночлег. Толпы любопытных, разумеется, собирались к нам во время этих остановок, но никто не сделал нам ни малейшей неприятности.

В доме нашего гостеприимного хозяина в Гуй-хуа-чене, Спленгера, расположенном рядом с католической миссией, мы пользовались полным удобством, отдыхая после трудного путешествия через Монголию. Спленгер, родом бельгиец, живет в этом городе уже 6 лет, имеет собственный большой дом и занимается покупкой верблюжьей шерсти не только в Гуй-хуа-чене, куда она привозится из Монголии, но и в ближайших местностях этой последней, в которых он содержит агентов, скупающих ее из первых рук. Большую часть шерсти он приобретает на английские бумажные ткани (шертинг и дрининг), высылаемые ему из Тяньцзина, и потом отправляет ее в г. Калган, где его компаньон Грейзель прессует эту шерсть и препровождает вместе с закупленной самим в Тяньцзин, откуда она идет уже морем в Лондон. Спленгер со своим компаньоном состоят агентами одной богатой английской торговой компании в Китае и пользуются от нее большим кредитом. Этот почтенный негодичант много содействовал продаже маральных рогов, привезенных в том году вместе с нами доверенным бийских купцов Антроповым. Без его обязательного содействия этому доверенному, не бывавшему никогда в Гуй-хуа-чене и не знавшему ни китайского языка, ни условий сбыта рогов, не продать бы их так выгодно. Со своей стороны, мы также много обязаны Спленгеру за сообщение некоторых сведений и содействие к благополучному перегзду нашей экспедиции из Гуй-хуа-чена в г. Калган.

Первоначальный план нашей экспедиции состоял в том, чтобы, перезимовав в Гуй-хуа-чене, направиться весной обратно в Кобдо по другой дороге, пролегающей близ южного подножья Алтая. Но по недостатку наличных денежных средств я должен был изменить путь, по которому сначала предполагалось возвращение экспедиции, именно отправиться на зимнюю стоянку в г. Калган, а оттуда раннею весной перейти в Ургу. В этом городе предположено было снарядиться для обратного путешествия по прямой дороге через г. Улясутай и долину р. Кунгуя к границе.

Наняв в Гуй-хуа-чене два больших фургона и две крытые повозки, мы 17 декабря 1878 г. выступили в Калган в сообществе Спленгера, имевшего надобность побывать в этом городе по своим торговым делам. Со своей стороны мы очень рады были такому спутнику, который, зная прекрасно язык и китайские порядки, мог быть нашим руководителем в пути.

За городской стеной нам представилась та же картина, как и прежде, когда мы подъезжали к городу: деревни с рощами, кладбища, кумирни, серые вспаханные поля, толпы людей, вереницы телег и прочие свидетельства необыкновенной плотности населения долины и кипучей его деятельности. Путь наш на этот раз лежал на северо-восток к хребту Иншаню. Дорога идет зигзагами между полями и ломается местами до такой степени, что солнце появляется то справа, то слева, то спереди. В иных местах

между двумя смежными селениями, отстоящими по прямому направлению в полуверсте, по дороге едешь версты две. Нигде не видно даже нескольких сажень свободной земли. Пашни имеют квадратную или прямоугольную форму и обнесены по краям земляными валиками. Дороги же так узки, что встречные повозки могут разъезжаться только местами. Чтобы выиграть больше места для посевов, они проложены, где возможно, в оврагах и руслах ручьев, уклоняясь иногда далеко в сторону от прямого направления.

Верстах в двенадцати от города мы с трудом переехали по льду небольшую речку. Лед был ненадежен, и один из наших фургонов провалился, но, к счастью, вода была мелка. На быстрых местах речки оставались большие полыньи и на них плавали зимующие утки. День был тихий, солнечный и теплый, но в горах Иншаня и к северу от них, на монгольском плато, шел густой снег и свирепствовала, должно быть, метель, которую мы различали по наклонным белым полосам, спускавшимся в той стороне по небосклону. Вообще, зима в долине, на которой стоит г. Гуй-хуа-чен, несравненно мягче, чем на соседнем плоскогорье Монголии, возвышающемся над нею около 2 000 футов. В апреле на этой равнине бывает уже полная весна, тогда как на монгольском плато, отстоящем от нее только в 50 верстах за хребтом, в этом месяце нередко случаются сильные бураны и стоят по целым неделям холода. Снег в долине Гуй-хуа-чена выпадает очень редко, да и то обыкновенно весьма тонким слоем, растаивающим в первый солнечный день. Но реки замерзают зимой месяца на четыре. Хуан-хэ (желтая река), протекающая верстах в восьмидесяти к юго-западу от Гуй-хуа-чена, во время нашего пребывания там была покрыта льдом, по которому свободно проходили тяжело нагруженные повозки.

В первый день мы проехали не более 25 верст от города и остановились ночевать в деревне Пей-тал, на постоялом дворе. Нам отвели отдельную комнату, истопили кан и приготовили ужин. Постоялые двory на больших дорогах есть в каждой деревне, а в многолюдных селениях некоторые из них устроены наподобие гостиниц. В этих последних имеются отдельные комнаты для помещения состоятельных проезжающих, как, например, купцов, чиновников и т. п., а обзные извозчики и вообще простой народ располагаются в общей, всегда очень большой комнате, служащей вместе с тем и кухней гостиницы. В последней два-три повара заняты постоянно приготовлением кушанья для проезжающих, среди клубов пара и кухонного смрада. Любопытно побывать в этих кухнях, чтобы ознакомиться с экономичным расходом в них топлива. В общей кирпичной кладке вмазано несколько котлов различных размеров с отдельными топками под каждым; в той же кладке, пониже топок или с боков, сделаны большие и глубокие печурки, или ниши, сообщающиеся с топками каналами. В этих нишах помещаются меха, состоящие из деревянных ящиков, обтянутых снаружи кожей и снабженных клапанами. Будучи вдвигаемы и выдвигаемы из ниш, которые им служат гнездами, эти меха скользят в них с легким трением и вгоняют воздух в топку. При таком способе нагревания котлов соблюдается значительная экономия топлива, состоящего из толстых стеблей растения гаоляна⁽⁸⁸⁾, каменного угля, каменноугольной грязи, мелкого кустарника или соломы.

По вечерам публика в общих комнатах, или кухнях, занимается разговорами, игрой в карты, в кости или в орлянку на чохи (монеты). Тут часто можно встретить и курильщиков опиума, потягивающих, лежа на кане, свои трубочки. Около них горят маленькие лампочки, на которых они

подогревают предварительно опий, возя их постоянно за собою. Но ни ссор, ни драк, ни пьянства нам не приходилось замечать в этих общих помещениях, несмотря на многочисленность их посетителей.

Содержатели постоянных дворов в деревнях, кроме прямых выгод от своих заведений, получают еще косвенную статью дохода от них, — именно помет, остающийся от животных, хозяева которых у них останавливаются. Помет в этой стране образцового земледелия ценится не дешево. Сбором его в зимнее время занимаются все поселяне-земледельцы. С раннего утра поселянин, взяв на руку корзиночку, отправляется на дорогу собирать помет. В числе собирателей можно встретить маленьких, 6—7 летних мальчиков, помогающих своим родителям. Когда поселянин отправляется за чем-нибудь в город или в соседнюю деревню пешком, то берет с собой корзиночку и собирает на пути помет. Даже грязь с городских дворов покупается за деньги и вывозится на поля. Такова потребность в удобрении в этой густонаселенной стране.

На другой день нашего путешествия из Гуй-хуа-чена мы достигли широкой поперечной долины в хребте Иншань, носящем тут местное название Маюн-са, оставив за собою густонаселенную Гуйхуаченскую долину. Эта равнина, имеющая около 40 верст ширины, окаймлена с севера крайним хребтом Иншанем, а с юга — не столь высокими горами, тянущимися с востока на запад и представляющими крайний северный кряж цепи Тайхань, проходящей южнее Иншаня тоже почти в восточно-западном направлении. На восток и на запад Гуйхуаченская широкая долина простирается так далеко, что пределов ее в этих направлениях мы не могли видеть даже с высшей точки перевала Онгиин-даба через Иншань. Эта равнина довольно обильно орошена ручьями и речками, текущими с южного склона Иншаня, превосходно обработана и весьма густо заселена китайцами. В иных местах на одной квадратной версте можно насчитать от 4 до 5 селений.

Из Гуйхуаченской равнины мы вступили в горы Иншаня, верстах в сорока восточнее прежнего пути через них, и направились по широкой поперечной долине, орошаемой значительной речкой. В самой долине и на уступах окрестных гор везде разбросаны в живописном беспорядке селения, а вокруг них пестреют повсюду поля. Только кручи да горные вершины свободны от плуга земледельца, но зато на иных пасутся домашние животные, которых мы встречали на таких крутизнах, что казалось непонятным, как они могут держаться там. По долине шло много обозов и поселян, следовавших в Гуй-хуа-чен и обратно.

В полдень наши возницы, по обыкновению, остановились обедать и кормить лошадей. Пользуясь остановкою, мы тоже в это время пили чай и обедали в присутствии многочисленной толпы, собравшейся посмотреть на нас. В этот день мы ночевали в небольшой деревне Халенша. Отдельной комнаты на постоялом дворе не было, и мы провели ночь в общей ночлежной с обозными извозчиками и поселянами, которых на этот раз собралось так много, что в огромной комнате буквально негде было повернуться. Хозяин заведения, по просьбе Спенгера, отвел нам маленький уголок на кане, где мы и поместились кое-как на ночь. Обозы и проезжающие едут только днем, а на ночь всегда останавливаются на постоянных дворах. Поэтому на последние бывает иногда большое скопление проезжих. В полдень китайцы имеют обыкновение также всегда останавливаться для того, чтобы покормить животных и пообедать самим, так что едут только с утра до полудня и потом с двух часов пополудни до вечера.

От деревни Халенша долина, по которой мы ехали почти прямо на север, суживается, но селения в ней попрежнему часты. На окрестных горах заметны были кое-где небольшие березовые рощи, а на пашнях встречалось много фазанов, которых наш спутник Спленгер убил несколько штук. В этой долине мы видели много пещерных жилищ, устроенных в отверделом песке и лёссе крутых обрывов. Стены этих жилищ, исключая лицевую, природные, потолок тоже, но поддерживается балками и помостом. В них обитают бедные китайцы. Скота у здешних поселян гораздо больше, чем в Гуйхуаченской долине, вероятно потому, что есть порядочные выгоны.

Поднимаясь постепенно по долине, перешедшей, наконец, в глубокое ущелье, мы достигли деревни Кулюпа, в которой обедали в пещерном жилище и кормили лошадей. Затем, перейдя слабый перевал, очутились на высокой равнине, покрытой низкими, но длинными отрогами Иншаня. Это была Монголия, в которую мы вступили, пересекши снова Иншань по направлению с юга на север. Названный крайний хребет имеет тут пологий, но зато очень длинный склон к югу, к Гуйхуаченской равнине. Гребень же его в этом месте гораздо меньше возвышается над высоким монгольским плато, чем близ городка Куку-эргэ.

Со вступлением на монгольское высокое плоскогорье исчезли селения. Тут только кое-где можно встретить домики оседлых монголов, занимающихся хлебопашеством, да юрты и стада их кочевых собратий, виднеющиеся изредка по сторонам дороги. В этот день нам пришлось ночевать в бедном постоялом дворе, в общей комнате, но извозчиков было мало, так что мы могли разместиться свободно на одном из канов, предоставленных нам хозяином-китайцем.

На следующий день мы ехали по Монголии, встречая юрты, стада и владельцев их монголов. Местность слегка волниста, но на середине станцию пересекли два невысокие хребта -- виллообразный северо-западный отрог Иншаня. В долине между ними, на ручье, стоит постоялый двор, в котором мы обедали и кормили лошадей. В окрестностях заметно было несколько малых улусов кочевых монголов. Перевалив через второй хребет, мы очутились на обширной, почти горизонтальной равнине, по которой и продолжали путь. Ночевать пришлось на постоялом дворе Пинты-чуэн, битком набитом извозчиками. Хозяин-китаец поместил нас в своей комнате, но там еще до нашего приезда расположилось на ночлег несколько человек его знакомых, с которыми мы должны были ночевать на небольшом кане. В числе их было два курильщика опиума, поместившихся около меня и в течение почти двух часов куривших поочередно это зелье из одной трубочки.

С постоялого двора Пинты-чуэн мы продолжали ехать по той же обширной равнине, обильно поросшей злаком дэрсу. На ней паслись местами стада цзэренов и часто выскакивали по сторонам дороги зайцы. Спленгер убил одного цзэрена, несколько степных курочек и пару зайцев. Улусы кочевых монголов также встречались изредка, но оседлого населения -- нигде. Вообще во всей полосе Юго-Восточной Монголии, при мыкающей к северному подножью Иншаня, верст в сто шириной, оседлое китайское население рассеяно спорадически, группируясь в тех местах, где почвенные и другие условия способствуют успехам земледелия, а на остальном пространстве кочуют монголы, часть которых, как выше сказано, живет оседло. Путешественник, проезжая вдоль этой полосы в восточно-западном направлении, будет встречать неоднократно кон-

трасты в образе жизни и деятельности ее обитателей. Один день он проедет среди оседлого китайского населения, видя деревни, поля, людей, занятых в летнее время пашнями, а осенью и зимою молотьбой хлеба, удобрением полей, молошением муки на открытом воздухе жерновами, приводимыми в движение теми же людьми или их животными; на другой день перед ним откроется картина кочевой жизни: холмистая, невозделанная степь, на ней юрты, стада и владельцы их монголы, сохранившие и здесь, среди оседлого населения, отчасти свой примитивный образ жизни, хотя и утратившие в значительной степени патриархальные нравы. Часть их живет оседло в глиняных домах, выстроенных по китайскому образцу, с полной китайской обстановкой, и занимается земледелием, держа вместе с тем довольно много скота

Так случилось и с нами. Обширная степь, по которой мы ехали более суток, замыкается на востоке невысоким северо-западным отрогом Иншаня. Перевалив через этот отрог, мы очутились в земледельческом районе помянутой полосы со многими селениями, разбросанными по широкой междугорной долине. В большой деревне Цаган-обо, имеющей около 2 000 жителей, мы ночевали на весьма хорошем постоялом дворе. Прибыв в селение еще засветло, мы осматривали постройки и сельскохозяйственные орудия китайцев.

Далее, до самого г. Калгана путь наш пролегал уже по земледельческой стране. Широкая долина, в которой стоит деревня Цаган-обо, окаймлена с юга Иншанем, гребень которого весьма мало возвышается над ней, а с прочих сторон — его невысокими отрогами. В долине и по сторонам на горных уступах и в ущельях видно было много деревень, а среди тщательно возделанных полей встречались местами небольшие участки свободной от посевов земли. Они покрыты хорошей травой и служат выгонами для скота, которого местные китайцы содержат гораздо больше, чем на Гуйхуаченской равнине. Верстах в двадцати от деревни Цаган-обо находится небольшой городок Чанкой, в котором мы обедали и кормили лошадей. В нем считается около 6 000 жителей, а торговля, судя по множеству лавок, должна быть оживленная. В 15 верстах к северо-востоку от этого городка, в местности Юлюн-чжан, есть станция католических миссионеров, называемая Эльши-сан-хо, а в 45 верстах в том же направлении другая станция, Шинза, в которой построена церковь и большой дом. На этой станции католические миссионеры имеют школу, в которую принимают на воспитание бедных китайских мальчиков⁽⁸⁹⁾.

Из г. Чанкоя мы ехали верст десять по волнистому плоскогорью, замыкающему помянутую междугорную долину с востока, а потом поднялись на Иншань, гребень которого и тут очень мало возвышается над монгольским плоскогорьем. Зато нам пришлось очень долго спускаться сначала по крутому и извилистому, а потом по отлогому спуску с этого хребта. Мы пересекли Иншань в третий раз и, сойдя с него в широкую долину реки Си-ян-хё, снова очутились во Внутреннем Китае.

Окрайний хребет Иншаня, посредством которого высокая Монголия опускается на юго-востоке к нижележащей земле, простирается в восточно-западном направлении из Ала-шаня до пределов Маньчжурии. На западе он, по словам Пржевальского¹, начинается небольшими высотами Хан-ула, в 200 верстах к северу от главного города Алашаньского княжества Дынь-юань-ина, и тянется сначала на северо-восток, а потом

¹ Пржевальский. Монголия и страна тангутов, т. I, стр. 182.

идет в восточно-западном направлении, удерживая его на всем пространстве. На востоке же Иншань доходит до пределов Маньчжурии, сливаясь с юго-западной оконечностью Большого Хингана, отделяющего, как известно, эту страну от Монголии⁽⁹⁰⁾.

Что хребет Иншань действительно крайний — в этом мы имели случай убедиться несомненно, пересекши его четыре раза в различных местах. Гребень его везде несравненно менее приподнят над соседними северными равнинами Монголии, чем над южными второстепенными плоскогорьями Гуйхуаченским и долиной р. Си-ян-хё. Притом гребень западного Иншаня, соседнего Гуй-хуа-чену, или Та-чин-са, гораздо больше возвышается над Монгольским плоскогорьем, чем восточного. Северные ветви Иншаня, бороздящие сопредельные равнины Монголии, подобно главному кряжу, не отличаются значительной над ними высотой, тогда как южные его отроги высоко поднимаются над нижележащими равнинами. Таков короткий, вроде контрфорса, но весьма высокий отрог Иншаня Муни-ула, отходящий к западу от него к великой луке р. Хуан-хэ. Другой менее высокий, но очень длинный отрог Иншань отделяет от себя верстах в пятнадцать к юго-востоку от г. Чанкоя. Этот последний тянется с запада на восток, почти параллельно главному кряжу, замыкая собой долину р. Ян-хё с юга.

На горах Иншаня мы встречали березовые рощи, с немногими отдельными деревьями сосны. К северо-востоку от Калгана леса становятся больше и близ границ Маньчжурии переходят местами в густую тайгу. В лесах Иншаня повсеместно живут барсы и косули, много фазанов, а близ границ Маньчжурии водятся даже тигры. Последние в летнее время появляются иногда в окрестных полях, поедая скот, и нападают порою на людей. Кроме того, в горах Иншаня есть лисицы, волки и каменные куницы, а на соседних равнинах Монголии, не занятых оседлым населением, живет, благодаря их тучным пастбищам, множество цзэренгов и зайцев.

К югу от Иншаня расстилаются обширные равнины: Гуйхуаченская и долина р. Ян-хё, разделенные помянутым восточным отрогом его. Обе эти равнины в совокупности представляют террасу или ступень из Китайской низменности в высокую Монголию. Эта ступень, или второстепенное плоскогорье с насажденным на нем отрогом Иншаня, в свою очередь опускается к Китайской низменности посредством многохребетной цепи Тай-хань, главный хребет которой тянется почти параллельно Иншаню в расстоянии от 100 до 150 верст к югу от него. Подобно Иншаню, гребень главного кряжа цепи Тай-хань, по которому направляется Великая стена (внутренняя), возвышается гораздо больше над Китайской низменностью, чем над северными второстепенными плоскогорьями: Гуйхуаченской равниной и долиной р. Ян-хё. По свидетельству китайцев, перевал через главный хребет цепи Тай-хань на прямом пути из Гуй-хуа-чена в Пекин имеет незначительный подъем с северо-запада и крутой спуск к юго-востоку, на Китайскую низменность. Точно так же хорошо известный перевал Гуань-гоу через тот же кряж по дороге из Калгана в Пекин представляет ничтожный подъем с севера и очень крутой спуск к югу. Оба крайние поднятия — хребет Иншань и цепь Тай-хань — сочленяются на востоке, к западу от Губэй-коу, что у ворот Великой стены, образуя весьма широкую горную страну в области верхнего течения р. Бай-хе.

В Иншане находятся богатые залежи каменного угля, представляющие неисчислимый запас топлива для всей окрестной страны. В цепи Тай-хань, по свидетельству гуйхуаченских миссионеров, есть также богатей

шие каменноугольные копи. Нам не удалось, к сожалению, посетить иншанские каменноугольни, равно как и ознакомиться, даже поверхностно, с геогностическим строением этого хребта.

Спустившись с Иншаня в долину р. Си-ян-хё, или просто Ян-хё, как называют ее местные китайцы, мы встретили в ней густое население: деревни следовали одна за другой; свободной земли, исключая песчаные береговые откосы, не видно было нигде. Проехав по этой долине верст двадцать на восток, мы достигли Великой стены, в ворота которой вступили в небольшом городке Чин-пин-ку, расположенном на правом берегу Ян-хё. Эта внешняя, или объемлющая, стена тянется от р. Хуан-хэ с юго-запада на северо-восток сначала верст двести по горам цепи Тай-хань, потом по широкой долине. К северу от нее она пересекает восточный отрог Иншаня, затем реку Ян-хё при городе Чин-пин-ку; далее поднимается немного на Иншань и по южному склону его идет в восточном направлении до самого Калгана. Знаменитое сооружение состоит из глиняной на кирпичном фундаменте стены, местами поврежденной (около 25 футов высоты и 15 футов толщины), с башнями в расстоянии приблизительно 100 сажен. Смотря на эту стену, нельзя не подивиться массе труда, потраченного на ее возведение. Пресловутые египетские пирамиды должны, мне кажется, представляться мизерными постройками сравнительно с этим грандиозным сооружением⁽³¹⁾.

Проехав небольшой городок Чин-пин-ку, окруженный с трех сторон высокими стенами, а с четвертой, западной, примыкающий к Великой стене, мы стали переправляться по льду на левый берег р. Ян-хё. Один из фургонов провалился, но толпа китайцев, шедшая вслед за нами из города, помогла его вытащить, и мы благополучно переехали на ту сторону реки. Внутри Великой стены плотность населения еще более: местами на одной версте насчитывали мы по три, по четыре деревни и в числе их попадало немало многолюдных. Кроме деревень, в долине р. Ян-хё существует другой, замечательный по историческим воспоминаниям вид поселений: это древние форты, представляющие ныне маленькие городки, вроде кремлей квадратного начертания, обнесенные весьма высокими и прочными стенами из жженого кирпича с бойницами наверху. Ворота, ведущие в эти кремли, устроены таким образом, что в крепость приходится въезжать коридором, ломающимся два раза под прямым углом. Внутри строения до того тесно сплочены, что как бы сливаются в одно целое, а улицы так узки, что две встречные повозки с трудом могут разъехаться. В этих небольших городках с весьма скученным населением есть и базары с лавками. Окруженные весьма высокими, футов в сорок, стенами, при незначительном внутреннем пространстве, кремли долины Ян-хё мрачны и душны, точно открытые сверху тюрьмы. Во время летних жаров воздух в них, должно быть, переполнен миазмами донельзя.

В эти форты, или кремли, укрывалось, как нам объясняли, в прежние смутные времена окрестное китайское население при появлении диких монгольских орд с севера. Хотя на хребте Иншаня и существовала стена, построенная еще за 240 лет до р. х., но она не могла защищать пограничных китайцев от нашествия монголов. Только с башен ее, служивших обсервационными пунктами, подавались сигналы, предвещающие об опасности, и жители стекались тогда в кремли. Остатки этих башен сохранились и донны на гребне хребта.

Один из гуйхуаченских миссионеров, много путешествовавший по Внутреннему Китаю, сообщил мне, что в некоторых пограничных мест-

ностях провинции Гань-су существуют форты, подобные кремлям долины р. Ян-хё. Ему приходилось там проезжать по обширным, хорошо возделанным местностям, среди которых лишь кое-где разбросаны небольшие городки, обнесенные высокими и прочными стенами, а деревень в этих местностях встречалось очень мало, да и те возникли в позднейшем, сравнительно с фортами, времени. Весьма вероятно, что кремли пограничной части Гань-су имели в старину такое же значение, как и древние форты в долине Ян-хё, т. е. служили убежищами оседлому населению тех местностей при нашествиях соседних воинственных племен.

В первый же день путешествия от городка Чин-пин-ку мы, кроме множества деревень, проехали через 5 или 6 кремлей. Начиная от города по дороге стоят везде столбы¹, состоящие из глиняных пирамид и соответствующие нашим верстовым, но удаленные друг от друга должно быть на четыре ли (около двух верст). Дорога же выбита ужасно и пролегает местами в углублениях вроде рвов, в которых встречные повозки могут разъезжаться только в некоторых местах. Извозчики, чтобы предупредить друг друга о встрече, идут пешком наверху, близ краев обрывов, и, завидя встречные повозки, кричат. Зато постоянные дворы в здешних селениях гораздо лучше. В них можно найти отдельные, чистые комнаты с порядочной мебелью. Но все они холодные: кан не дает почти нисколько тепла китайским жилищам, а печей в них нет, да если бы и были, то теплота быстро улетучивается в окна, не имеющие стекол, а заклеиваемые бумагой. Потолок из решетки, обклеенной с внутренней стороны тканью и бумагой, также пропускает немало тепла. В комнаты ставят жаровни, но на них можно только отогревать руки и готовить чай. Цены на постоянных дворах с нас брали везде очень умеренные. Мясо мы имели с собой, а за ночлег и приготовление на 9 человек кушанья, причем соль, крупа, капуста, морковь и прочие приправы были хозяйские, мы платили от 450 до 500 чох, что по тогдашнему курсу составляло не более рубля на наши кредитные деньги. Казаки помещались в общей ночлежной комнате, а нам отводили всегда отдельную и каждый раз топили в ней кан.

Река Ян-хё, по левому берегу которой мы ехали, получает начало в горах Ин-шаня, верстах в тридцати к юго-западу от г. Чин-пин-ку, что у ворот Великой стены, и течет сначала в ущелье верст двадцать на север, потом в долине на восток и, наконец, на юго-восток. Ян-хё имеет от 15 до 25 сажен ширины, но большей частью мелка и только летом, после проливных дождей, выступает из берегов и производит иногда опустошения. В прочее же время ее во многих местах переезжают вброд, и мостов через нее мы не видали, равно как не пересекали и значительных притоков слева, с хребта. Из Ян-хё выведено много арыков (оросительных канав) на окрестные поля, которые китайцы начинают поливать еще ранней весной, как только станет прибывать вода.

Долина Ян-хё, имеющая вначале, в верховьях этой реки, около 10 верст ширины, к востоку постепенно расширяется и в 50 верстах восточнее г. Чин-пин-ку достигает уже верст сорока. С севера она окаймлена хребтом Иншанем, по южному склону которого тянется с запада на восток в Калган Великая стена, а с юга — высоким и длинным отрогом этого хребта, отделяющимся от него, как было упомянуто, верстах в пятнадцать к юго-востоку от городка Чанкоя. На востоке долина Ян-хё замы

¹ В этом городе мы выехали на большую дорогу из Калгана в Гуй-хуа-чен.

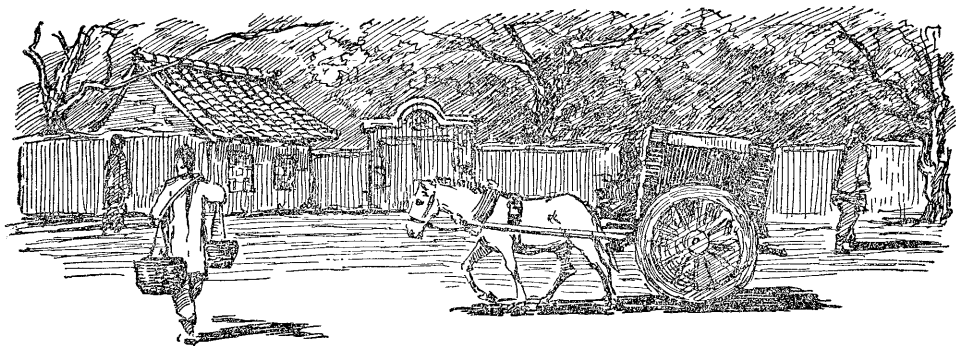
кается южным отрогом Иншаня, отделяющимся от этого хребта верстах в двадцати к северо-западу от Калгана. Этот отрог не доходит, однако, до хребта, ограничивающего долину с юга: между ними остаются ворота, через которые стремится Ян-хё, поворачивающая по выходе из них на юго-восток и пробивающая себе путь через горы.

Несмотря на плотность населения, в долине р. Ян-хё водится много дичи, именно монгольских зайцев (*Lepus tolai*) и серых куропаток (*Perdrix barbata*). Китайцы очень мало охотятся. Ружья у них большей частью фитильные, а дробь чугунная. Куропаток и фазанов мальчишки ловят в силки, а в горах ставят капканы на лисиц и куниц. Волков здесь также много, и летом они, как нам рассказывали, нередко забегают из гор в деревни и поедает детей, остающихся на улицах без надзора.

По мере приближения к Калгану движение по дороге усиливается более и более. Тут мы постоянно обгоняли большие повозки, следовавшие в город с каменным углем, которым весьма богата вся окрестная страна. Кроме угля, везли и каменноугольную грязь, которая представляет более дешевое топливо, доступное для многих. В эту грязь китайцы кладут для чего-то глиняные шарики. Мне не случилось видеть процесса ее приготовления, но горит она в печах и жаровнях довольно хорошо. Уголь в этой стране лосковый⁽⁹²⁾ и смолистый, а антрацита не приходилось видеть.

Не доезжая 25 верст до Калгана, мы вступили в горы помянутого южного отрога Иншаня, замыкающего долину р. Ян-хё с востока. Дорога сначала идет несколько верст тесниной, которая потом расширяется. Подъем на перевал с западной стороны очень невелик, но спуск к востоку весьма длинен, хотя и отлог. Следовательно, обширная замкнутая долина верхней Ян-хё должна лежать выше равнины Калгана. Спустившись с гор, мы ехали верст около двенадцати до самого Калгана по равнине и прибыли в этот город около полудня в день рождества христева 1878 г. (по старому стилю), встретив радушный прием у проживающих в нем соотечественников.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРЕБЫВАНИЕ В г. КАЛГАНЕ

Торговля и промышленность этого города. — Чайная операция. — Упадок нашей торговли с Китаем. — Проектируемый сбыт леса из Амурской и Приморской областей в Китай. — Католические и протестантские миссионеры. — Окрестности г. Калгана. — Земледелие, пища и дома северных китайцев. — Встреча нового года. — Театры.

Город Калган, или Чжан-цзя-коу¹, находится на северной окраине Чжилийской провинции и расположен у южного подножья крайнего хребта Иншаня, пересекаемого в этом месте большой дорогой из Пекина в Ургу. Город состоит из двух частей: северной, или Шабо, вытянувшейся длинной, но узкой полосой по ущелью помянутого хребта, и южной, или Сябо, раскинувшейся по долине, в которую переходит это ущелье далее, на юге. С севера Калган ограничен Великой стеной, проходящей по южному склону Иншаня, а с восточной стороны города протекает небольшая речка Цин-хе, изливающаяся слева в р. Ян-хё, верстах в двенадцати к югу от него. Эта речка, получающая начало в горах Иншаня, протекает в глубоком ущелье, в которое выходит много побочных теснин, а потому после проливных дождей она разливается так сильно, что иногда производит опустошения. Таково было наводнение летом 1877 г., причинившее много вреда городу и соседним селениям, расположенным по ее берегам. Для предупреждения наводнений по правому берегу речки, в городской черте, сооружен каменный барьер, который, однако, не всегда задерживает воду.

В Калгане считается около 80 000 жителей, из которых главную массу составляют китайцы, затем следует небольшое число маньчжур (чиновников и солдат) и китайских магометан. Последние ни наружностью, ни языком, ни одеждой не отличаются от китайцев, исключая исповедуемой ими религии. Поклонников пророка в северных провинциях Внутреннего Китая насчитывается немало. Они живут отдельными селениями и хотя пользуются полной религиозной свободой, но не совсем дружелюбно относятся к китайцам. Магометане, подобно китайцам, весьма успешно занимаются земледелием, а в зимнее время в больших размерах и извозом.

¹ Калганом этот город называют только русские, переделав монгольское «халга», что означает ворота, или заставу, а китайцы называют его Чжан-цзя-коу.

Перевозка чаев из Туньчжоу в Калган производится преимущественно магометанами; они же содержат и русскую почту на пространстве от Калгана через Пекин до Тяньцзина.

В Калгане проживают два протестантских миссионера из Северо-Американских Соединенных штатов, немец Грейзель, скупающий верблюжью шерсть, и три русских агента по транспортировке чаев, следующих через сухопутную границу от этого города до Урги. Наши соотечественники поместились в северном предместье города, называемом Ямбо-шань, за Великой стеной, отделяющей это предместье от Шабо. Каждый из них нанимает отдельный дом, состоящий из нескольких жилых строений с обширными дворами для помещения привозимого из Туньчжоу чая, который отправляется из Калгана по мере прибытия за ним верблюдов из Монголии.

Калган ведет весьма оживленную торговлю с Монголией, преимущественно с восточной ее частью. После Гуй-хуа-чена это второй город Внутреннего Китая по торговле с нею. Здесь также совершается обмен произведений промышленных провинций Внутреннего Китая на скот и различное сырье Монголии. Осенью и в начале зимы в Калган пригоняются как самими монголами, так равно и торгующими в Монголии китайцами табуны баранов, а также лошади, верблюды и быки. В то же время и позднее, в течение всей зимы, подвозятся различные продукты скотоводства. Скот и сырье доставляются в этот город главным образом из восточной части Монголии, тяготеющей в торговом отношении к Калгану. Кроме того, в Калган монголы доставляют много самосадочной соли из соленых озер Гоби, а из Урги — досок и брусьев. Взамен поименованных предметов из Калгана в Монголию вывозятся: ткани, кирпичный чай, табак, металлические и другие изделия, необходимые монголам для домашнего обихода.

Промышленность также довольно развита в Калгане: в нем существует много красилен, окрашивающих сбываемые в Монголию бумажные ткани; готовится готовая обувь для монголов, а также седла, удила, огнива, стремена, ножи, остовы для юрт и многие другие изделия для них же.

В начале осени в Калган начинают прибывать из восточной половины Монголии возчики с вереницами верблюдов за чаем, который отвозят только до Урги, но редко до самой Кяхты, так как этот рейс слишком длинен. Из Калгана в Ургу, кроме русского чая, т. е. покупаемого нашими соотечественниками, проживающими в Ханькоу и Фучжоу, на месте в сыром виде и обрабатываемого на собственных и арендуемых фабриках, — отправляется еще чай, заготавливаемый самими китайцами и промениваемый ими в Маймачене на наши товары. В операции найма у монголов русскими агентами верблюдов для перевозки чая принимают деятельное участие китайские купцы, служа непрременными посредниками между ними и возчиками. С этой целью купцы содержат в ближайших по дороге в Монголию селениях приказчиков, старающихся наперерыв друг против друга затащить монголов, следующих с верблюдами в Калган, на квартиры к своим хозяевам, где этих монголов кормят, потчуют водкой, ухаживают за ними и дают на все время пребывания в городе верховую лошадь. Верблюды же, пока монголы бражничают, что иногда продолжается до пяти дней, остаются на дворах без корма.

Отдохнув с дороги, монгол в сопровождении приказчика хозяина квартиры отправляется к русским комиссионерам и подряжается на доставку известного количества ящиков (мест) чая. Расчет же с комиссионером за доставку ведет хозяин дома, в котором остановился монгол, через

своих приказчиков. Эти спекуляторы часто обвешивают простодушных монголов и, кроме того, сбывают им немало фальшивого серебра. В костяном коромысле весков, напоминающих миниатюрный безмен, искусно просверливается во всю длину пустота и по введению в нее нескольких капель ртути ловко заделывается снаружи. При взвешивании отпускаемого серебра движением коромысла переводят ртуть в его передний конец, а при приеме—в противоположный, отчего вес груза в первом случае, очевидно, увеличивается, а во втором уменьшается против истинного.

Фабрикация фальшивого серебра заключается в оставлении в больших и малых слитках его пустот, наполняемых через искусно заделываемые впоследствии узкие каналы оловом или свинцом, а также во введении в них в расплавленном состоянии тонких железных пластинок, не обнаруживающихся на поверхности.

Несмотря на все эти проделки, монголы не перестают пользоваться услугами китайских купцов в своих сделках с русскими комиссионерами. Очень немногие из них ведут счета непосредственно с нашими агентами, хотя последние предлагают всем монголам, приходящим с верблюдами за чаем, даровые у себя квартиры с отоплением на все время пребывания в Калгане.

Монгол, подрядившийся на доставку чая из Калгана в Ургу, заключает с русским комиссионером формальное условие, которым обязуется доставить взятый на своз чай в целости и в установленный срок. За просрочку же полагается штраф с каждого ящика посуточно около 30 копеек, а для обеспечения иска в случае неисправной доставки часть провозной платы додается монголам уже в Урге, по доставке чая на место. Срок для перевозки чая от Калгана до Урги (960 верст) назначается, обыкновенно, 30-дневный, но просрочки случаются так часто, что комиссионеры бывают вынуждены увеличивать его до 40 дней, в особенности когда верблюды летом не могли хорошо откормиться.

Монголы, занимающиеся перевозкой чая из Калгана в Ургу, в благоприятные годы, когда травы в степи хороши, совершают в течение осени и зимы два рейса с чаем из Калгана в Ургу. В первый раз они являются в Калган с верблюдами в сентябре и, доставив чай в Ургу, расходятся оттуда большей частью по домам для поправки верблюдов, из числа которых ненадежных оставляют в степи, заменяя их для второго рейса свежими. Вторично монголы приходят в Калган за чаем в феврале, везут его несколько тише, чем в первый раз, и нередко меняют верблюдов, уходя за свежими в свои улусы, а чай под надзором погонщиков оставляют на дороге. Окончив второй рейс, возчики расходятся по домам до следующей осени.

При неудовлетворительном же состоянии подножного корма на пути между Калганом и Ургой на второй рейс находится мало охотников и значительная часть чая остается в Калгане до весны. В апреле монголы привозят в этот город на телегах, запряженных быками, самосадочную соль из Гоби, а на обратный путь нагружаются чаем, который и доставляют в Ургу. В этом случае русские комиссионеры сдают оставшийся чай не монголам, а местным купцам, занимающимся соляной торговлей, которые обязуются за известную плату доставить его в Ургу, нанимая уже от себя монголов по приеме от последних соли, и, конечно, не без выгод. Доставка чая из Калгана в Ургу на быках обходится значительно дешевле вьючной перевозки на верблюдах, но зато крайне медленна. Транспорты делают ежедневно 15, много 20 верст и притом, за недостатком корма для

быков в Гоби на прямой караванной дороге, следуют по кружным восточным путям, употребляя на переезд от Калгана до Урги около 2 и даже 2¹/₂ месяцев.

Провозная плата за чай от Калгана до Урги на верблюдах в зиму 1878/79 г. была: по 2 лана 2 цзяна с ящика байхового чая и по 2 лана 8 цзянов с ящика кирпичного, что по тогдашнему курсу составит средним числом около 2 р. 40 к. с пуда¹. На быках же весной 1879 г. доставка чая обходилась около 1 р. 90 к. с пуда.

В течение осени, зимы и весны 1877 и 1878 гг. через Калган проследовало в Ургу около 876 000 пудов байхового и кирпичного чая, заготовленного нашими русскими фабрикантами в Ханькоу и Фучжоу² и отправленного через сухопутную границу, да более 200 000 пудов, закупленных непосредственно самими китайцами для Маймачена, где большая часть этого чая променивается ими на наши товары, — преимущественно на плис, сукна, юфть и меха, а остальная продается на деньги.

По замечанию наших калганских комиссионеров, основательно знакомых с чайным делом, спрос на чай в нашем отечестве с каждым годом возрастает в больших размерах и не только на байховый, но и на кирпичный. Этот последний в прежние годы ввозился почти исключительно в Азиатскую Россию, а теперь отправляется в большом количестве и в Европейскую. Из него приготавливаются самые дешевые сорта байхового чая, разделяя кирпичи на пару и сдабривая потом полученный продукт дешевым байховым чаем.

Около ¹/₃ байхового чая, заготавливаемого нашими соотечественниками в Ханькоу и Фучжоу, отправляется в Россию морем через Лондон, а перед последней русско-турецкой войной 1877—1878 гг. часть того же чая была доставляема из помянутых городов морем же прямо в Одессу на пароходах, принадлежащих «Русскому обществу пароходства и торговли». Но возникшая в 1877 г. война с Портою прервала почти на два года морское сообщение названных городов с Одессой. Однако преимущества морской доставки чаев из Китая прямо в Одессу, сравнительно с сухопутной транспортировкой, настолько значительны, что нет основания отрицать ее постепенного усиления в будущем. В настоящее время от Ханькоу до Лондона доставка первосортного чая, отправляемого весной экстренно на легких пароходах, обходится от пяти до шести фунтов стерлингов с тонны; в середине лета фрахт понижается до четырех фунтов, а осенью — до трех и даже двух. Следовательно, средняя стоимость доставки одной тонны

¹ В то время 1 лан (7,6 золотника) чистого серебра стоил 3 кредитных рубля. Среднюю же стоимость лана чистого серебра в последние годы надо принимать в 2,75 рубля. 1 цзян равен 0,1 лана. Ящик байхового чая весит средним числом 100 русских фунтов, а кирпичного — 150 фунтов. На одного верблюда всегда грузятся 4 ящика (места) того или другого сорта чая.

² Русские чайные фабриканты, как известно, занимаются этим делом в двух отдаленных друг от друга пунктах Внутреннего Китая, в г. Ханькоу на р. Ян-цзы-цзяне и порте Фучжоу. В первом ныне заготавливается ежегодно около 170 000 ящиков байхового и около 100 000 ящиков кирпичного чая на сумму приблизительно в 3 000 000 лан или в 8 250 000 кредитных рублей, а во втором — до 24 000 ящиков байхового и до 70 000 ящиков кирпичного чая на сумму в 800 000 лан, т. е. на 2 200 000 кредитных рублей. Следовательно, всего нашими фабрикантами в Китае заготавливается около 485 000 пудов байхового и 637 500 пудов кирпичного чая на сумму 10 450 000 кредитных рублей. Большая часть этой суммы выплачивается китайцам мексиканскими долларами, покупаемыми на кредитные деньги у англичан, а остальная — русскими золотыми и серебряными (рублевого достоинства) монетами, приобретаемыми на кредитные же билеты от золотопромышленников.

(62 пуда) чая будет около четырех фунтов, что по нынешним курсам составит почти 40 рублей кредитными деньгами. Из Фучжоу до Лондона средний фрахт на перевозку чая простирается до 3,7 фунта за тонну, т. е. около 37 рублей. Перевозка же чая морем из Ханькоу и Фучжоу до Одессы на русских пароходах обходится не дороже 5 и 5 $\frac{1}{2}$ фунтов с тонны, а с комиссией и страховыми издержками доставка пуда будет стоить никак не дороже 1 р. 50 к. на кредитные деньги. Между тем по расчету наших калганских комиссионеров перевозка одного пуда чая из тех же городов через Тяньцзин, Калган, Ургу, Кяхту, Иркутск и Томск до Нижнего Новгорода обходится около 10 рублей на кредитные же деньги.

Впрочем, при существовании у нас двойной пошлины на байховые чаи, ввозимые через западную границу¹, удешевления чая едва ли возможно ожидать, если даже весь чай, заготавливаемый для Европейской России нашими фабрикантами, будет перевозиться морем прямо в Одессу, так как экономия от перевозки пойдет на уплату таможенных пошлин, взимаемых вдобавок еще золотом. Правда, наше государственное казначейство с направлением всех байховых чаев русского заготовления, предназначенных для Европейской России, морем через Одессу приобретало бы ежегодно около 2 000 000 рублей от двойных пошлин, но зато население Сибири по главному тракту от Кяхты через Иркутск и Красноярск до Томска, а отчасти и от Томска через Каинск, Ишим и Тюмень до Ирбита, равно как и пароходоладельцы Западной Сибири, лишились бы почти на ту же сумму заработков. На удешевление чая, да и то в небольших размерах, можно надеяться только тогда, когда пошлины с чаев собственно русских фабрикантов в Китае, ввозимых в Одессу морем, будут сравнены с ординарными пошлинами, взимаемыми в Иркутске с чая, следующего через сухопутную границу. При этом условии необходимо также, чтобы наибольшая часть груза перевозилась на собственных наших судах для избежания зависимости от иностранных судовладельцев, которые и в настоящее время при удобных случаях стараются прижимать наших фабрикантов в Китае.

В пользу морской доставки чаев из Ханькоу и Фучжоу в Одессу много говорит самая скорость ее: паровые суда из Лондона и Марселя совершают рейсы в порты Китая в 45—55 дней. На сухопутную же доставку чая из названных пунктов через Тяньцзин, Калган, Кяхту, Иркутск, Красноярск и Томск до Нижнего-Новгорода требуется не менее шести месяцев, а бывают случаи, когда чаи по этому пути странствуют более года. Но зато в случае войны, как это было в 1877—1878 гг., доставка чаев морем в Одессу может временно совершенно прекратиться. Во всяком случае перевозка чая морским путем в Одессу, по мнению калганских агентов, должна усиливаться с каждым годом, в особенности если в ней примут деятельное участие суда добровольного флота.

В настоящее время для доставки чая даже в Восточную Сибирь, столь близкую к Китаю, удобнейшим путем признают путь водный — морем и р. Амуром. Как известно, сделана была даже попытка в перевозке чая этим путем. В 1873 г. на пароходе «Николай», принадлежавшем Амурской компании, отправлен был из Китая морем и Амуром чай в Восточную Сибирь, и хотя операция не увенчалась успехом, но не прекратила стремления продолжать опыты перевозки чая этим путем.

¹ Кирпичный чай обложен на западной границе воспретительной пошлиной, а потому не доставляется через нее в наше отечество.

Ныне в г. Калгане наши комиссионеры по транспортировке чая вовсе не занимаются торговлей, но лет семь тому назад один из них сбывал местным китайцам в небольшом количестве сукна, плис и юфть. Значительной торговли у русских с китайцами в этом городе, впрочем, и быть не может, потому что калганские купцы, большей частью шансийцы, держат в своих руках и всю кяхтинскую торговлю, имея полную возможность выменивать в Кяхте очень выгодно наш товар на чай. В Тяньцзине, в Ханькоу и в Фучжоу точно так же в настоящее время проживающие в этих городах русские купцы не ведут никакой торговли, занимаясь исключительно чайным делом. Пробовали привозить туда сукна, плис и бумажные ткани, но они не могли конкурировать с английскими, а потому очень туго сбывались. Китайцы, по словам купцов, ныне стали очень падки на дешевый товар, а дорогой, несмотря на его доброту, почти не имеет сбыта. Английские же сукна и бумажные ткани, не отличаясь добротой, привлекают китайцев своей замечательной дешевизной. Наши мануфактуристы пытались было готовить бумажные ткани для китайцев на манер английских, только лучшей доброты, но они сбывались очень плохо, так как покупатели предпочитали более дешевые, хотя и не столь добротные английские.

Для поддержания нашей, сильно упавшей вследствие иностранной конкуренции, торговли с Внутренним Китаем и производящейся ныне, как известно, через посредство шансийцев только в Кяхте, торговые обороты которой едва ли превышают 3 000 000 рублей, проектируют весьма основательно вывоз лесных материалов морем из Приморской области в порты Китая.

Во внутренних, густонаселенных и почти совершенно безлесных провинциях Китая существует постоянный и огромный по своим размерам спрос на дерево. Хотя строения во Внутреннем Китае возводятся из необожженного кирпича, глины с рубленой соломой, или камней, связанных цементом, немногие из обожженного кирпича, но двери, косяки, стропила, брусья канов, оконные рамы, а также телеги, коромысла, мебель, множество посуды, разных земледельческих орудий и принадлежностей к ним, готовятся из дерева. Потребность в нем, при таком изумительном по своей многочисленности населения Внутреннего Китая, должна быть огромная. Поэтому неудивительно, что в северные его провинции доски и брусья доставляются за 1 000 верст на верблюдах из Урги и продаются в Гуй-хуа-чене и в Калгане иногда с веса. Доставка одного пуда дерева из Урги до Калгана обходится не дешевле рубля, да и то только на обратных верблюдах, а до Гуй-хуа-чена — около 90 копеек. По этим данным можно составить некоторое понятие о дороговизне леса в северных провинциях Чжилийской и Шаньси. Действительно, в Калгане сосновый брус, длиной около 6 аршин, толщиной верхшкво в семь, продается от 4 до 5 лан, т. е. от 12 до 15 рублей. Такой же длины и ширины сосновая доска, толщиной верхшка полтора, стоит около 2 лан, т. е. 6 рублей. Подобная же почти цена на лес и в Гуй-хуа-чене.

Хотя в Северной Маньчжурии сохранились еще огромные леса, но они растут там на высоких, труднодоступных горах, да притом в этой стране нет сплавных рек, обращенных ко Внутреннему Китаю, исключая Ляохе, впадающей в залив Ляотонг, но она, как известно, протекает по густо заселенной равнине, на которой только изредка встречаются небольшие рощи. В хребте Ишане, верстах в ста к востоку от Калгана, есть значительные леса, но в малодоступных горах, из которых добыча

дерева даже для окрестных жителей сопряжена с затруднениями. В горных провинциях Южного Китая, Юн-нани и Гуй-чжоу тоже существуют леса, но опять-таки на горах и вдали от моря и судоходных рек.

В Японии лесами богаты ее северные острова, в особенности Иезо (Мацмай), но в ней самой дерево потребляется в огромных размерах на постройки, сооружаемые там по причине частых землетрясений исключительно из дерева.

Из Северо-Американских Соединенных штатов, именно из Калифорнии, богатой лесом, вывоз лесных материалов во Внутренний Китай едва ли возможен как по дороговизне доставки их в столь отдаленную страну, так и по трудности добывания леса из Приморских Альп этого штата.

С островов Тихого и Индийского океанов, а равно и из Сингапура в Китай доставляются только ценные породы дерева.

Таким образом, наша Приморская область со своими дремучими лесами, омываемая морем и прорезанная р. Амуром с ее могучим притоком Уссури, могла бы, бесспорно, снабжать водным путем столь близкий к ней Внутренний Китай лесными материалами в избытке. Не трудно бы было доставлять в эту страну лесные материалы и из Амурской области, покрытой, как известно, тоже девственными лесами. Нет сомнения, что в будущем Россия при правильной эксплуатации лесных богатств своего Крайнего Востока будет извлекать из лесной торговли с Китаем значительные выгоды и перестанет, быть может, покупать у китайцев чай почти на наличные деньги. В настоящее время нам приходится уплачивать им за этот продукт около 3 800 000 лан наличными деньгами, теряя при этом по причине низкой стоимости нашего кредитного рубля до 1 500 000 руб. на курсе, да, сверх того, расходовать в Монголии и Китае на перевозку чая, следующего через сухопутную границу с мест производства до Кяхты, около 3 800 000 кред. руб., уплачиваемых тоже почти сполна чистым серебром. Следовательно, интересы нашей торговли с Внутренним Китаем вызывают необходимость всестороннего изучения вопроса о сбыте в эту страну леса из помянутых областей. Этот вопрос, сколько нам известно, был давно уже возбужден нашими соотечественниками, проживающими в Тяньцзине, но в печати нам не приходилось читать ни одной заметки, трактующей о нем. Не считая себя вправе распространяться об этом предмете, требующем специального изучения, мы позволили себе коснуться его единственно из желания обратить внимание на столь важный вопрос людей, вполне компетентных.

Указывают также на возможность выгодного сбыта во Внутренний Китай морской капусты, потребляемой китайцами в громадном количестве в пищу. Ныне этот продукт доставляется в Китай главным образом из Японии, но им весьма богато также море при берегах Южно-Уссурийского края, откуда морская капуста может быть сбываема с большим удобством во Внутренний Китай. Конечно, это принадлежит будущему, когда тот край заселится трудолюбивыми колонистами и приютит в своих гаванях хотя немногие наши коммерческие суда, необходимые для поддержания торговых сношений нашего Крайнего Востока с Китаем и Японией.

В Калгане уже лет 15 тому назад, как существует протестантская духовная миссия, состоящая ныне из двух миссионеров Северо-Американских Соединенных штатов. Деятельность миссионеров ограничивается почти исключительно городом. По временам проповедники выходят на много-

людные улицы или на городские площади и, став на возвышение, обращаются к собравшемуся народу с проповедью, подкрепляемую чтением евангелия. Большинство окружающих слушает эти поучения, повидимому, без внимания и вскоре расходится, остаются только наиболее любопытные. По окончании проповеди в толпе бывают иногда по поводу ее суждения и порою слышатся даже насмешки, хотя во время самого поучения китайцы держат себя чинно: беспорядков на этих сборищах не случается, и полиция, не присутствующая даже на них, нисколько не препятствует желающим собраться и слушать миссионеров.

Верстах в сорока к северо-востоку от Калгана, в селении Си-Ванцза находится католическая миссия, а в 40 верстах к югу, в большом городе Сюань-хуа-фу, по дороге в Пекин, — другая с епископом во главе. На станции Си-Ванцза миссионеры производят метеорологические наблюдения. Они нередко посещают Калган и проповедуют как в нем, так и в окрестной стране. Число обращенных ими китайцев несравненно больше, чем у протестантских миссионеров, с которыми они живут не совсем дружелюбно, но действительно ли большинство этих неоситов истинные христиане — судить трудно.

Равнины к югу и западу от Калгана, внутри Великой стены, принадлежат к весьма густо заселенным местностям. Даже все значительные ущелья Иншаня наполнены селениями. В самых горах, в окрестностях города, на каждой почти маленькой площадке можно встретить пашенку. В иных местах эти пашенки, в несколько квадратных сажен, расположены на таких высотах, куда не может достигнуть ни лошадь, ни осел, так что китайцы таскают туда удобрение и семена на себе, пахут на себе же, а по снятии хлеба переносят его на своих плечах в деревни. Привычка этих людей взбираться на неприступные, повидимому, кручи достойна удивления и не только мужчины, но и женщины на своих уродливых ногах поднимаются по страшным крутизнам.

Кроме хождения на пашни, китайцы часто посещают горные выси для сбора мелкого кустарника и толстых стеблей некоторых травянистых растений на топливо. Хотя каменного угля очень много в окрестной стране, но доставка его по дурным, страшно выбитым дорогам затруднительна, а потому и цены на него довольно высоки, так что каменный уголь доступен только для богатых и зажиточных. Топливом же для бедных служат: каменноугольная грязь, солома, гао-лян, кустарник и стебли некоторых травянистых растений. В горах около Калгана часто приходилось видеть там и сям человеческие фигуры, то цепляющиеся на утесах, то острожно пробирающиеся по россыпям или занятые срезанием растений. Смотря на этих людей, поистине в поте лица добывающих себе хлеб, невольно приходишь к заключению, что при чрезмерной плотности населения жизнь, по крайней мере, простого народа поддерживается только тяжелым, неустанным трудом и что прославленное китайское трудолюбие есть результат усиленной борьбы за существование.

Почва посещенных нами местностей Северного Китая не отличается, повидимому, природными богатствами¹, но благодаря необыкновенному трудолюбию и многовековому опыту китайцев в земледелии питает многочисленное население. Земледелие во Внутреннем Китае действительно

¹ Чернозема мы, собственно, во Внутреннем Китае на нашем пути нигде не видели, почва большей частью состоит из лёсса и супеска. В Юго-Восточной же Монголии во многих местах встречается тонкий слой его.

доведено до высокой степени совершенства. Нам кажется, что много полезного для нашего отечества можно бы было позаимствовать агрономам, посвятившим несколько лет на изучение китайского земледелия. Чтобы сказанное не показалось преувеличенным, позволю себе описать вкратце способ заготовления северными китайцами значительного количества корма для рабочего скота с ничтожного почти участка земли. Во Внутреннем Китае, даже в северной его части, как известно, нет свободной земли для выгонов, так что содержащихся в весьма незначительном, впрочем, числе рабочих животных (лошадей, мулов и ослов) приходится довольствоваться круглый год продуктами земледелия. При крайней ограниченности земельных участков здешних поселян такое довольствие скота, казалось бы, могло представить непреодолимые затруднения. Китайцы, однако, сумели обойти их и находят средства к продовольствию своих, правда, очень немногих рабочих животных. Одно из них заключается в чисто искусственном произращении длинной овсяной соломы. Для этого поздно посеянный овес усиленно поливают, в особенности в сухое время, отчего он поднимается очень высоко. Когда зерно совершенно нальется, но хлеб еще зелен, его снимают, вяжут в снопы и выставляют для просушки на ограды или плоские крыши зданий. Таким образом получают с небольшого участка земли множество соломы, по крайней мере вдвое больше, чем у нас. Эта солома, оставаясь зеленою и будучи изрублена, дается вместе с зерном или без него в корм лошадям, мулам и ослам, которые пожирают ее с жадностью, вероятно потому, что в ней остается много вкусных и питательных веществ, улетающих в виде газов при вызревании. У нас, как известно, овсяной соломой кормят зимою только рогатый скот, да и то за недостатком сена, а лошади едят ее лишь в крайности. Зеленая же китайская солома служит прекрасным кормом для лошадей, от которого они жиреют и становятся способными к тяжелым работам, в чем мы неоднократно имели возможность убедиться лично.

Другое замечательное в экономическом отношении растение, возделываемое северными китайцами, — это индийское просо, называемое в Китае гао-лян. По наружному виду оно напоминает несколько тростник, но имеет сверху круглую красноватую метелку и достигает 7—8 футов высоты. Толстые стебли гао-ляна идут на топливо и на некоторые поделки, изрубленные и смешанные с зеленой овсяной соломой верхушки поступают в корм домашним животным, а из плодов его гонят водку и делают масло. Поля, засеянные гао-ляном, в конце лета имеют привлекательный вид, напоминая плантации сахарного тростника.

Из прочих культурных растений в посещенных нами местностях Северного Китая возделываются: рис, пшеница, обыкновенное просо, овес, ячмень, гречиха, горох и множество разных овощей, в особенности моркови и редьки, а также бобы, огурцы, картофель, капуста, дыни и арбузы. Кроме китайской капусты, есть и наша, заимствованная, как говорят, северными китайцами из Восточной Сибири. Любопытно было бы знать, каким путем перешел в Китай из Нового Света картофель, известный китайцам, по их уверению, с незапамятных времен.

Китайцы довольствуются преимущественно растительною пищею и, несмотря на то, сильны, подвижны и общее состояние их здоровья, в особенности сельских жителей, сколь можно было заметить, удовлетворительно. Зимою они питаются отварным просом, лапшой и соленой зеленью, редькою, картофелем, а летом к этой пище присоединяется еще разная зелень, до которой китайцы большие охотники. Мясо же простой народ

ест очень редко: большинство только в первые дни нового года, празднуемого в течение целого месяца. К этому торжественному празднику каждый зажиточный поселянин старается выкормить на убой свинью, поросят или домашних птиц: кур, уток и гусей, а также купить немного мяса.

Сырую воду китайцы избегают пить, а употребляют отварную или чай. Водку пьют многие, даже женщины и дети, но в самом ограниченном количестве. Пьянства, можно сказать, почти вовсе не существует в Китае, а если и встречаются люди, не чуждые этого порока, то они составляют редкое исключение и преследуются общественным мнением. В течение целой зимы 1878/79 г. нам не случилось видеть ни одного пьяного в Китае, несмотря на частые посещения рынков, театров и гостилиц. Но зато другое зло — курение опиума — распространяется с каждым годом и между северными китайцами, не говоря о южных, среди которых очень много курильщиков опия. Эти злополучные, кроме расстройств организма и значительных трат на покупку столь дорогого вещества¹, подвергаются, как говорят, еще различным вымогательствам доносчиков. Курение опиума, как известно, строго воспрещено законом, а потому шпионы, пользуясь этим обстоятельством, угрожают состоятельным курильщикам доносами и вымогают с них порядочные взятки⁽⁹³⁾.

Табак китайцы курят все, не исключая даже мальчиков 12—14 лет, которые по достижении этого возраста стараются из подражания взрослым обзавестись непременно кисетом и трубкою, составляющею в некотором роде их ребяческую гордость.

Поселяне посещенных нами местностей Внутреннего Китая живут, повидимому, безбедно: дома у большинства хорошие и содержатся в порядке, пашни прекрасно обработаны и обнесены земляными, а в иных местах каменными валиками; на дворах много разных сельскохозяйственных орудий. Весьма хорошая одежда поселян также свидетельствовала о их благосостоянии, и нищие очень редко попадались в деревнях.

В Северном Китае дома строят преимущественно из необожженного кирпича или глины с рубленой соломой; реже из камней, связанных цементом. Только немногие здания, именно кумирни и театры, воздвигают большей частью из обожженного кирпича. Этот последний отличается высокою доброкачеством, и приготовление его полезно бы было изучить до мельчайших подробностей. Больших домов в Китае не строят: все они одноэтажные и ограниченных размеров. Богатые китайцы, имеющие надобность в обширных помещениях, ставят несколько отдельных домов на одном дворе или на разных, смежных, дворах.

Надворные строения, как-то: амбары, сараи, конюшни и пр., а равно и ограды возводятся из тех же материалов, как и дома, с тою разницей, что камни, связанные цементом, чаще употребляются на надворные постройки и ограды, чем на жилые помещения. Стойла и ясли в конюшнях делают из глины с рубленой соломой.

Крыши кроют тростником или гао-ляном, обмазывая их сверху глиной или же черепицею, а в некоторых местах делают их иногда из плиток глинистого сланца. Потолки состоят из тростниковых или гаоляновых решеток, обтянутых цыновками и проклеенных изнутри сначала грубою тканью, а поверх бумагою, а то просто одною бумагою. Полы встречаются только у зажиточных и настилаются из кирпича, тесаного камня или набиваются из глины, а у бедных полом служит самый грунт. Деревянных же полов, по

¹ Хороший опий ценится на вес чистого серебра.

причине дороговизны леса, не делают. Таким образом, китайские строения безопасны от огня, а потому и пожары в Китае бывают очень редки, чему, конечно, способствует немало и осторожное обращение с огнем.

Жилищами бедных в некоторых местностях, как, например, в горах Иншаня, служат землянки, или пещеры, устраиваемые в крутых обрывах отверделого песка или лесса. В этих пещерных жилищах три стены природные, а четвертая — лицевая, в которой проделываются окна и дверь, — искусственная. Внутренность жилища штукатурится, в стенах делаются маленькие ниши, а потолок для безопасности поддерживается деревянными балками. Когда несколько таких жилищ, расположенных рядом и неразличимых издали, топится по утрам, то наблюдателю с далекого расстояния дым представляется как бы выходящим из земли. Подобным зрелищем мы любовались в длинном ущелье гор Ма-юн-са на пути из Гуй-хуа-чена в Калган⁽⁹⁴⁾.

Дома с надворными строениями всегда обносятся оградами, а дворы часто делятся перегородками на отделения. С улицы во двор ведут одни или несколько ворот, делаемых у богатых и знатных китайцев из обожженного кирпича с большим двускатным навесом из черепицы. Ворота украшаются затейливыми цоколями, карнизами и другими атрибутами изящной архитектуры.

Число комнат в домах, конечно, бывает различно. Окна средней высоты, но очень широкие, проделываются только в одной стене, а не в разных, как у нас, и притом выходят непременно на двор, но не на улицу. Дверь со двора в комнату делается преимущественно в той же стене, в которой окна, и располагается между ними. Переплеты оконных рам частые и тонкие оклеиваются просвечивающей бумагой, сквозь которую ничего не видно на дворе, а тем более со двора внутри комнаты. Стекла — большая редкость даже в богатых городских домах, да и то вставляются преимущественно только в верхние квадратики рам. Китайцы не любят, чтобы во внутренность их жилища проникали взоры любопытных, а потому едва ли введут в свои окна прозрачные стекла, несмотря на все неудобство бумаги, которую приходится часто менять. Матовые же стекла, вероятно, скорее придутся им по вкусу.

В каждой жилой комнате есть непременно кан, — так называется кирпичная кладка вроде лежанки, но во всю ширину комнаты, от 2½ до 3 футов высоты и от 7 до 12 футов длины. Она имеет одну или две маленькие точки с склодцами. Поверхность кана покрывается циновками, поверх которых постлаются войлоки. На ней китайцы спят, а днем сидят, пьют чай и обедают на низеньких столиках вроде табуретов. Но тепла собственно в комнате кан дает ничтожное количество, да и то быстро улетучивается в окна и через потолок. Поэтому зимой в китайских домах немного разве теплее, чем на дворе, и китайцы у себя в комнатах постоянно одеты по-зимнему. Они очень привычны к холоду и в зимнее время заботятся только о том, чтобы поверхность кана к ночи была горяча или по крайней мере тепла. Для согревания рук, закуривания трубок и приготовления чая ставят зимою в комнаты жаровни, топимые каменным углем или каменноугольную грязью.

Стены комнат штукатурятся и в домах зажиточных белятся или оклеиваются белой бумагой, а у богатых иногда обоями. Мебель китайцев состоит из столов, табуретов, шкафов и шифоньерок, покрываемых у богатых прочным лаком. В домах зажиточных китайцев можно найти вазы с искусственными цветами, устанавливаемые на длинные, но узенькие столы,

столовые зеркала в черных лакированных рамах, картины на стенах, а у потолков — красивые клетки с разными певчими птицами, очень любимыми китайцами, и каны, устланные красным сукном, с подушками. Но европейские вещи редко встречаются даже в больших городах северных провинций, исключая тканей, в числе которых можно видеть английский ситец на занавесах, да, пожалуй, еще английских музыкальных ящиков, зажигательных спичек, часов и кое-каких мелочей. В стенах делаются неглубокие ниши с полками, закрываемые занавесками и служащие шкафиками. Ширмы также нередко встречаются в китайских домах; ими отгораживается, между прочим, угол в комнате или целая треть ее для домашней каплицы [часовни] с жертвенным столиком. У богатых она помещается в отдельной комнате.

В селениях дома расположены кварталами, а не линиями, как у нас в великорусских губерниях. Только недостаток свободного места, например в горных ущельях или на береговых террасах, вынуждает вытягивать дома в одну или две линии. Улицы не очень грязны, потому что сор и грязь с них собираются в кучи и потом вывозятся на поля для удобрения. Окна в деревнях, как и в городских домах, не выходят на улицу, а всегда обращены во двор. Во многих селениях на околицах встречаются небольшие рощи, а в некоторых и сады.

В каждом большом селении непременно есть кумирня, а против нее в расстоянии 20—30 сажен театр, состоящий из сцены, обращенной к кумирне, с небольшой при ней комнаткой. Кумирня и театр обыкновенно лучшие здания в селении и строятся большей частью из обожженного кирпича, имеют черепичатые крыши и отличаются изяществом архитектуры. На углах многоярусных навесов кумирен подвешиваются иногда колокольчики, издающие гармоничный звон во время ветра. В промежутках между кумирнями и театрами в некоторых больших селениях мы видали маленькие, вроде беседок, очень красивые колокольни.

В сельских театрах по временам даются странствующими труппами представления, до которых китайцы, как известно, страстные охотники. В них же путешествующие ученые рассказывают иногда некоторые эпизоды из истории Китая, выслушиваемые поселянами в короткие часы досуга.

Во время пребывания в Калгане нам пришлось быть свидетелями празднования китайцами своего нового года — единственного у них годового торжества, случившегося в 1879 г. в начале нашего февраля. Еще недели за две до праздника китайцы стали деятельно готовиться к нему; движение в городе усилилось и в последние перед новым годом дни походило на всеобщую суматоху: лавки буквально осаждались покупателями, как горожанами, так и сельскими жителями из окрестностей, спешившими закупить к предстоящему празднику все нужное. В особенности много покупали в эти дни свечей, картин, ракет и петард. К новому году каждый китаец старается непременно сшить себе новое платье и сапоги. По обычаю, в последние дни истекающего года купцы заканчивают счета, должники оплачивают займодавцам и устанавливают новые курсы на чохи — единственные монеты Китая из сплава чугуна с цинком, ценностью около $\frac{1}{6}$ нашей копейки.

Накануне праздника на воротах дворов появились красные бумажки с иероглифами, выражавшими различные пожелания. Такие же листки красовались на протянутых во дворах веревках. Вечером все кумирни были освещены эффектно фонарями и в них часто заходили посетители

полюбоваться иллюминацией, но богослужения не было. Часа за два до полуночи взвились сигнальные ракеты и по ним открыта была пушечная пальба из городской цитадели, продолжавшаяся с небольшими перерывами далеко за полночь. Одновременно с первыми выстрелами в городе и в окрестных селениях начали пускать ракеты и сжигать бураки, мельницы и петарды. Фейерверк продолжался почти до рассвета.

Утром китайцы, одетые в новое форменное платье, с радостными лицами, двигались толпами по городу, делая визиты. Омнибусы, наполненные пассажирами, и извозчики с седоками тянулись непрерывными вереницами по главной улице, через которую трудно было перейти. Многие из знакомых нашим соотечественникам китайцев делали им в этот день визиты, хотя у нас тогда и не было никакого праздника. Фейерверк, поддерживавшийся понемногу целый день, к вечеру усилился и прекратился не ранее полуночи.

В последующие дни китайцы продолжали свои визиты, но не с таким уже рвением, посещали театры и званые обеды со спектаклями, весьма обыкновенные в Китае в эти дни. Днем и, в особенности, вечером пускалось множество ракет и петард. В один из вечеров город по обычаю был ярко освещен разноцветными фонарями, вывешенными в большом числе на улицах и на дворах. В течение первых трех дней праздника все без исключения магазины и лавки были заперты, так что решительно ничего нельзя было купить. Только на четвертый день стали открываться лавки с съестными припасами, прочие же — через две и даже три недели, а бакирские конторы и меняльные лавки — через месяц.

Все первые четыре недели нового года прошли в увеселениях: театральных зрелищах, обедах, визитах, представлениях фокусников, ученых собак и обезьян.

Кроме постоянного городского театра, устроено было несколько временных. Эти балаганы ставятся всегда против храмов и состоят из открытой сцены с комнатами для переодеваний позади. Музыканты помещаются на самой сцене сбоку, а публика смотрит игру стоя. Только немногие богатые, да и то преимущественно женщины, следят за ней из экипажей, стоящих позади толпы. Зрители на представления во временных театрах допускаются бесплатно, так как они устраиваются по подписке, причем различные части города чередуются между собой построением каждая у себя балагана и наймом труппы. В постоянный же городской театр, имеющий закрытое помещение, публика допускается с платою и сидит на скамьях. В этом театре представления сопровождаются иногда обедами с повышением входной платы.

Пьесы на китайских театрах ставят по преимуществу исторические, представление которых с перерывами длится по нескольку дней. Костюмы принадлежат той эпохе, к которой относится пьеса, и бывают нередко роскошные. Смотря на них, мы узнаем, что китайцы прежде (до маньчжурской династии) носили бороды, имели длинные волосы, высокие шапки и одежду, совершенно отличную от нынешней, именно — широкие халаты с длинными рукавами, обшитыми на концах у знатных широкими блондами. Между актами длинных исторических пьес ставят иногда коротенькие пьески из современной жизни, в числе которых немало фарсов чисто эротического свойства.

Исторические пьесы по исполнению относятся к опере, но монотонное пение китайцев фистулой не может быть приятно для слуха европейца, хотя и не лишено некоторой доли привлекательности; европейцам

скорее может понравиться китайский речитатив. Самую же игру китайских актеров, в числе которых немало даровитых, можно было бы признать натуральной, если бы она не теряла много от неполноты сценической обстановки и подчас излишнего фиглярства артистов.

Пьесы из современной жизни на разговорном языке производят более приятное впечатление и при хорошей игре смотрятся с удовольствием, в особенности знающим язык или, по крайней мере, знакомым с содержанием пьесы.

Женщины не допускаются на сцену, и женские роли исполняются мужчинами. Отличившихся актеров не вызывают и не аплодируют им, выражая иногда одобрение негромкими восклицаниями.

Китайская музыка, оркестрованная из скрипок с длинными грифами и ладами, флейт, барабанов, треугольников и тарелок, весьма монотонна и не гармонична. Музыканты играют на память, без нот, которые едва ли и нужны при таком однообразии мотивов, но соблюдают такт⁽⁹⁵⁾.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЕРЕЕЗД ИЗ КАЛГАНА В УРГУ И ПРЕБЫВАНИЕ В ЭТОМ ПОСЛЕДНЕМ ГОРОДЕ

Возвращение в Монголию. — Юго-восточная полоса ее к северу от Иншаня до пределов Гоби. — Путешествие по этой пустыне. — Характер ее природы. — Признаки прежнего обильного орошения Гоби. — Геологическое строение. — Пригодность этой пустыни для кочевой жизни. — Выход из Гоби. — Страна к северу от нее. — Прибытие в Ургу. — Монгольский и китайский города. — Хутухта. — Благословение народа. — Праздник в честь Майдари. — Земледелие в окрестностях Урги.

Переезд из Калгана в Ургу нам предстояло сделать по прямой караванной дороге, по которой ходит русская почта. Эта дорога пролегает через станции: Цаган-балгасу, Сучжи, Ирен, Ихы-удэ, Уйцзын и Ибицых. Она подробно и точно описана Тимковским и о. Иакинфом⁽⁹⁶⁾, проезжавшими по ней в 1821 г., из которых первый описал также весьма обстоятельно и восточную, или Аргалинскую, дорогу между упомянутыми городами, проехав по ней с миссией в передний путь. Кроме того, Фусс в 1831 г. и Фритше в 1877 г. определили на караванной дороге географическое положение нескольких пунктов и измерили барометром высоты, а топограф Шимкович произвел по ней маршрутную съемку⁽⁹⁷⁾. Фусс в передний путь ехал по Аргалинской дороге и определил на ней несколько пунктов и высот. Кружная почтовая (китайская) дорога из Калгана в Ургу через станцию Саир-усу была посещена в 1868 и 1874 гг. Фритше, который определил на ней географическое положение некоторых станций и измерил барометром высоты. Таким образом, все известные дороги из Калгана в Ургу весьма обстоятельно исследованы нашими прежними путешественниками по Монголии, а потому мы могли добавить разве немного к их трудам.

27 февраля мы выступили из Калгана на двух телегах, запряженных верблюдами, и семи вьючных верблюдах, нанятых у монгола. Дорога на протяжении первых 20 верст направляется по глубокому ущелью хр. Иншаня, в котором часто встречаются постоянные китайские дворы для монголов, следующих в Калган. На окрестных горных уступах разбросаны китайские селения с пестреющими поблизости их пашнями. Поднимаясь постепенно на окраинный хребет Иншань, мы в 22 верстах от Калгана, близ селения Нор-дянь, достигли короткого, но очень крутого подъема, называемого Синь-хан-даба, на гребень хребта. Верблюды с тяжелыми

вьюками и лошади с возами восходят по этому подъему не иначе, как с отдыхами. На перевале около дороги стоит на площадке небольшая, но очень красивая кумирня.

Взобравшись на гребень Иншаня, мы обернулись назад, чтобы бросить прощальный взгляд на Китай, но долго не могли оторвать взоров от чудной картины, представившейся с высоты на юге: внизу на обширном пространстве был виден тесный строй гор хребта, постепенно понижавшихся по направлению к Калгану, близ которого вздымались, как бы в виде острова, высокие горные массы; между горами виднелись глубокие долины с разбросанными по ним селениями; к югу от хребта расстилась равнина, а за нею синелся высокий и длинный отрог Иншаня, через который пролегает дорога в Пекин по ущелью р. Ян-хе. На гребне Иншаня сохранились кое-где следы древней великой стены, состоящие из развалин каменного вала и остатков его башен.

Спустившись весьма немного по пологому склону с хребта, мы вышли на волнистое плоскогорье Юго-Восточной Монголии, физической границей которой, как сказано было раньше, служит окраинный хребет Иншань. На этой высокой земле температура воздуха во все времена года несравненно ниже, чем в Калгане, отстоящем от нее всего в 25 верстах, что, очевидно, обуславливается ее значительной абсолютной высотой, превышающей высоту Калгана почти на 2 500 футов. На плоскогорье по ложинам и оврагам лежали местами снежные сугробы, тогда как в Калгане в течение января и февраля снег выпадал только два раза ночью, но не более двух линий в толщину, и к полудню стаявал. Летом, когда в Калгане и на равнинах к югу от него бывает невыносимый зной, по северную сторону Иншаня, на монгольском плато, жар далеко не так чувствителен.

В трех верстах от перевала мы свернули с дороги и остановились на ночлег. Наши монголы, которых с хозяином-подрядчиком было трое, очутившись в родной земле, заметно повеселели, что ясно выражалось на их физиономиях и в самом разговоре. Вообще монголы не любят городов и посещают их только по необходимости. Вырвавшись из многолюдного города, в котором им все чуждо, непривычно, в свою родную степь, они в первое время чувствуют себя как бы освободившимися из неволи.

Наш подрядчик, оказавшийся честным, добродушным человеком, был состоятельный лама, посещавший неоднократно Забайкальскую область, в которую ездил торговать с бурятами китайским товаром. Он привез в Калган какой-то груз и большую часть провозной платы получил товаром да прикупил еще на полученные от нас деньги за верблюдов. Товар состоял из кирпичного чая и бумажных тканей, которые он вез вместе с нашим багажом домой для продажи в своем хошуне. Наш лама выражал также желание заняться впоследствии, когда накопит денег, торговлею баранами киргизской породы, высоко ценимыми, по его словам, в Восточной Монголии для племени. Этих крупных баранов, совершенно сходных с нашими киргизскими, китайские купцы из Кобдо приобретают от киргизов, населяющих северо-западный угол Джунгарии, и продают их частью в Китай, частью в Монголию на племя и всегда с большим барышом. Лама собирался сам псехать за ними в Джунгарию или, по крайней мере, в Кобдо и пригнать в Восточную Монголию стадо этих баранов.

Страна к северу от Иншаня, по дороге в Ургу представляет весьма высокое плоскогорье, сходное с волнистой землей в окрестностях городка Куку-эргэ, по которой мы шли в 1878 г., приближаясь к Гуй-хуачену. Оно покрыто пологими грядами, тянущимися с запада на восток, суглини-

стая почва его одета тонким растительным слоем и производит тот же злак, какой мы находили в Юго-Восточной Монголии, на пути в Гуй-хуачен. На пространстве почти 100 верст к северу от окраинного хребта встречаются кое-где китайские деревни, постепенно рedeющие по мере удаления от Иншаня. Земли, удобной для земледелия, здесь, однако, много, в воде тоже недостатка нет, а потому весьма вероятно, что оседлое китайское население будет постепенно все дальше и дальше подвигаться в Монголию и со временем займет всю юго-восточную, наиболее пригодную для земледелия, часть ее вплоть до Гоби. Выселение китайцев в Монголию началось не очень давно: наши путешественники Тимковский и о. Иакинф, не упускавшие из вида ничего замечательного, не упоминают о китайских селениях к северу от Иншаня, которых в то время (в 1820—1821 гг.), очевидно, еще не было.

В этой части Юго-Восточной Монголии оседлое китайское население живет попеременно с монголами-цахарами. В летнее время тут также нередко случаются грабежи, совершаемые китайскими бродягами. Разбойники нападают безразлично на монголов и на китайцев. Больше всего достается от них содержателям постоянных дворов на дорогах, которые они осаждают, вынуждая владельцев их выплачивать себе контрибуцию.

В 60 верстах от Калгана, на станции Балгасу, находятся развалины небольшого города, описанные нашими прежними путешественниками. Мы ночевали поблизости этого урочища, в соседстве небольшой китайской деревни, в которой в тот вечер странствующие артисты давали театральное представление в балагане, освещенном разноцветными фонарями.

Местность к северо-западу от урочища Цаган-балгасу становится еще более волнистою, чем прежде, будучи пересечена невысокими хребтами в восточно-западном направлении. Из них кряж Куйтун, отстоящий в 150 верстах от Калгана, резко выделяется по своей высоте от прочих и тянется далеко на восток и запад. Верстах в тридцати к северо-западу от него дорога пересекает широкое плоское поднятие, Минган, направляющееся также с запада на восток. Абсолютная высота страны между Иншанем и этим поднятием простирается приблизительно до 4 800 футов. В ней нередко встречаются источники, есть даже небольшие речки, пресные и соленые озера. Несколько озер мы видели поблизости дороги. Пастбища принадлежат к лучшим в Монголии, и встречается много участков, удобных для земледелия, но не занятых еще оседлым населением. К северу от земледельческой полосы этой страны, заселенной китайцами, и частью в ней самой живут монголы-цахары, составляющие отдельный аймак, который простирается на восток до Большого Хингана, на запад до соседнего аймака уротов. Цахары, живущие в южной половине этой страны попеременно с китайцами, занимают земледелием, но не все: часть их продолжает вести кочевую жизнь, а другая живет оседло в домах, содежда, однако, довольно много скота. К северу от земледельческой полосы цахары ведут по преимуществу кочевую жизнь, занимаясь в то же время изредка и хлебопашеством. Они говорят испорченным монгольским языком, в состав которого вошли не только слова, но и целые китайские фразы; многие из цахар знают и китайский язык. Цахары одеваются по-монгольски, но женщины их имеют особую, затейливую прическу, отличную от прически халхаских женщин. Окитаившихся совершенно цахаров нам самим не приходилось видеть.

В аймаке цахаров пасутся табуны скота, принадлежащие богдохану, а потому цахары слышат у монголов царскими пастухами. Для наблюдения

за стадами, кроме пастухов, получающих небольшое вознаграждение, приставлены еще чиновники из монголов, состоящие на жалованье. Цахары обязаны в военное время выставлять конную милицию, которая принимала участие в войне 1860 г. между китайцами и англо-французами⁽⁹⁸⁾. Об этой войне у цахаров сохранились еще свежие воспоминания. Не имея понятия о европейских национальностях, они воображают, что сражались в то время вместе с китайскими войсками против русских, пришедших будто бы из своей страны в Китай морем. Разуверить их в этом трудно. Они сознаются только откровенно в превосходстве мнимых русских войск, от которых потерпели поражение.

К северу от поднятия Минган страна начинает постепенно понижаться к стороне Гоби и становится ровнее, а вместе с тем редют источники, беднеет флора, и степь незаметно переходит в пустыню. Гоби имеет в этом месте около 500 верст ширины (считая по дороге), если принять за нее полосу от станции Сучжи до станции Уйцзын на нашем пути. Южная половина Гоби ровнее северной, но и первую нельзя признать совершенной равниной: в ней нередко встречаются плоские высоты и пологие гряды, простирающиеся в восточно-западном направлении; между грядами залегают равнины с плоскими котловинами, богатыми солончаками, а местами в этих котловинах встречаются небольшие соленые озера. Кроме того, в летнее время от дождей в некоторых здешних впадинах с глинистым дном образуются иногда временные озера, или, точнее, обширные лужи, быстро высыхающие после ливня. К этим кратковременным водохранилищам направляются сухие русла потоков с окрестных высот, ясно различимые во все времена года. Наконец, во многих из этих впадин сохранились следы наполнявших их прежде постоянных озер, именно: резко очерченные берега древних водохранилищ, черты размыва, песчаные сопки в виде маленьких дюн, а также солончаки с ровной, глянцевиной поверхностью, покрытой соляным налетом, занимающие наиболее углубленные места котловин. Соляной налет становится тем толще, чем ближе лежит к наиболее низким местам солончака, в которых нередко переходит в кору, что ясно свидетельствует о постепенном сконцентрировании соли в существовавших тут прежде озерах.

Источников и пресных озер мы не встречали на нашем пути по этой части Гоби нигде. Но колодцев по дороге довольно, хотя многие из них содержат воду солоноватую и отдающую иногда сероводородом. Глубина гобийских колодцев простирается средним числом до 15 футов. Что же касается источников, то они и в этой части Гоби, по показанию монголов, очень редки и встречаются исключительно в горах и глубоких впадинах пустыни, не обильных водою, и в сухое лето многие из них перестают течь. На восточной же окраине Гоби источников больше, там есть даже ручьи и пресные озера, пастбища лучше и вообще та часть Гоби привольнее.

Песчаные пространства на нашем пути встречались только в южной половине, да и то незначительных размеров, и самые пески неглубоки: высоких песчаных барханов мы не видели нигде. К востоку и западу от дороги, как говорили монголы, именно от участка ее между станциями Цзамыйн-худук и Кутул, песков больше. Однако обширных песчаных пространств, занимающих несколько десятков квадратных миль и состоящих из высоких песчаных бугров, в Монгольской Гоби нет. Кроме показаний монголов, мы находим подтверждение тому у путешественников, пересекавших эту пустыню в разных направлениях: о. Иакинфа, Тимковского, Ковалевского, Пржевальского, Эляйяса⁽⁹⁹⁾, Фритше и, наконец, в словес-

ном сообщении нам бийского купца Антропова (ныне умершего), искривившего ее по многим путям⁽¹⁰⁰⁾. На этих основаниях мы при сравнении в V главе Высокой, или Монгольской, Гоби с Южной, или Великою, вправе были, кажется, признать в числе особенностей первой из них отсутствие в ней обширных песчаных пространств, которыми отличается Великая Гоби.

Северная часть Гоби еще более волнообразна, чем южная. Во многих местах она покрыта низкими, насажденными кряжами, простирающимися, подобно кряжам южной половины, с запада на восток, и отдельными высотами. Обширные равнины в северной половине пустыни встречаются реже, чем в южной; солончаков сравнительно меньше, равно как и небольших песчаных пространств. Грунт во всей Гоби по преимуществу хрящеватый с мелкою галькою и только в низких местах, в плоских котловинах, мягкий, солончаковый.

Монгольская Гоби после озерных котловин Убса, Айрик-нор, Киргиз-нор и северо-восточной полосы Монголии, примыкающей к хребту Большому Хингану, представляет наиболее углубленную площадь этой высокой земли¹. Так, по крайней мере, следует полагать по имеющимся гипсометрическим данным. Самые низкие места в Монгольской Гоби, найденные путешественниками, пересекавшими ее в различных направлениях, суть следующие: Эляйяс в южной части на пути из Гуй-хуа-чена в Улясутай нашел место в 2 827 футов; Фусс в северной части, на караванной дороге между Ургою и Калганом, наблюдал высоту в 2 935 футов, а на Аргалинской дороге, что к востоку от караванной, нашел точку в 2 613 футов; Фритше на почтовой дороге из Калгана в Ургу через станцию Саир-усу, в центральной части пустыни, определил высоту в 2 984 фута; Пржевальский, следуя по Монгольской Гоби с юга, из княжества Алашаньского в Ургу, не спускался ниже 4 400 футов. Низшей точкою, определенной мною в этой пустыне на пути из г. Кобдо в г. Гуй-хуа-чен, был колодезь Ноин-худук, лежащий на высоте 3 330 футов и отстоящий в 50 верстах к ю.-в. от равнины Голыб-гоби, которая ниже его и подымается, вероятно, над морем не более 3 000 футов. Наименьшую из известных по настоящее время высот в этой пустыне, именно 1 990 футов, определил Мосин, на урочище Эцзен-хошу, верстах в пятидесяти к юго-востоку от станции Ихы-удэ на караванной дороге.

Что Монгольская Гоби была дном моря—это доказывают, несомненно, ее осадочные породы. Близ земной поверхности залегают красноватые песчаники с весьма тонкими прослойками, придающими им полосатость, и такой же окраски мергели. Обе породы покрыты более или менее толстыми слоями наноса, состоящего из отверделого песка, глины или песка с хрящом, галькою и гравием. Ниже песчаников и мергелей обнаруживаются местами пласты мелкозернистого кристаллического известняка, белого и серого, в других — обыкновенного грубого известняка. На

¹ Поверхность озера Убса, по определению Потанина и Рафаилова, лежит на высоте 2 370 футов. Поверхность Киргиз-нора, по наблюдению Потанина, 3 390 футов, а соединенного с ним Айрик-нора, по моему определению, 3 480 футов. Средняя абсолютная высота всей Монголии, как было сказано, по наблюдениям Фусса, Фритше, Эляйяса, Пржевальского, Ломоносова, Мосина, Потанина и Рафаилова, Падерина⁽¹⁰¹⁾ и мной — 4 630 футов, а Монгольской Гоби — 3 750 футов. Северо-восточная полоса Монголии, примыкающая к хребту Большому Хингану, на пространстве между речками Хара-усу и Хайдар, по гипсометрическим наблюдениям Фритше, подымается над морем на 2 430 футов.

северной окраине песчаники замещаются глинистым сланцем, под которым, однако, все-таки покоятся серые известняки.

Пласты поименованных осадочных пород приподняты и прорваны гранитами, образующими невысокие, насажденные кряжи пустыни и ее отдельные высоты. В южной половине преобладают разности серого гранита, среднезернистого и с значительным содержанием роговой обманки, а в северной более развит красный крупнозернистый гранит. В центральной и, в особенности, в южной части встречаются песчаниковые пологие гряды, не имеющие обнажений гранита, но обязанные своим существованием, по всей вероятности, напору этой кристаллической породы из недр.

Кроме гранитов, осадочные породы часто прорезаны белым кварцем, жилы которого в них встречаются почти повсеместно. Кварцевый щебень и, в особенности, галька устилают местами поверхности пустыни.

Окаменелостей в помянутых осадочных породах нами не найдено, а потому и неизвестно, к какой системе их следует отнести. Несомненно лишь то, что теперешние гранитовые кряжи и отдельные высоты Монгольской Гоби — поднятия новые, не существовавшие еще в ту эпоху, когда ее покрывало море, на дне которого отложились ее песчаники, известняки и глинистые сланцы. Во многих обнажениях на склонах и у подошв гранитовых поднятий открываются толщи помянутых осадочных пород, покоящиеся в наклонном положении на приподнявших их гранитовых массах. Эти толщи, очевидно, представляют собою осадочные пласты, смещенные из горизонта теми самими гранитовыми массами, на которых теперь они лежат (1²).

В Монгольской Гоби существует и поныне много небольших соленых озер. Кроме того, в ней, как выше было замечено, нередко встречаются котловины с явственными признаками наполнявших их водоемов. Следовательно, эта пустыня, по отступлении из нее моря, была усеяна множеством озер. Наконец, в Монгольской Гоби встречаются местами весьма значительные сухие русла, в несколько десятков верст длины, в которых ныне, по уверению монголов, никогда не замечается движения воды, даже после проливных дождей или при таянии снега весной. Некоторые из виденных нами таких русел казались живыми подобиями весьма значительных рек, как будто недавно оставивших свои ложа. В крутых береговых обрывах их мы наблюдали неоднократно горизонтальные пласты наносной земли с тонкими прослойками, а на дне, кроме гальки, видели массивные кругляки. Истоки таких больших русел лежат всегда в горах. Руслу Ургу-гол, Сухай-гол, упомянутые в V главе, и в особенности Шара-Хадын-гол, что в 23 верстах к юго-востоку от колодца Ноин-худук, на пути в Гуй-хуа-чен, принадлежат к самым большим из числа встретившихся нам в Гоби.

Все эти свидетельства о прежнем обильном орошении Монгольской Гоби вместе с тем указывают, что страна подвержена осыханию, ближайшую причину которого, казалось бы, следовало искать в ее медленном вековом поднятии, уменьшении оттого атмосферного давления и усилении, следовательно, испарения с ее поверхности вод. Любопытно было бы ознакомиться с описаниями этой страны древнейших китайских путешественников по ней для того, чтобы судить о физических изменениях, происшедших в Гоби в историческое время. В богатой китайской литературе, вероятно, найдутся путешествия по Монголии, относящиеся к первым векам нашей эры, а может быть, и более ранние (103).

Насажденные кряжи Гоби, состоящие по преимуществу из гранитов, возвышаются не более 400—500 футов над соседними равнинами и тянутся больше с запада на восток, бороздя страну своими отрогами. Соответственно протяжению осей этих кряжей и долины, между ними залегающие, вытягиваются по параллелям несравненно далее, чем в меридиональных направлениях. В северной части, кроме кряжей, отличающихся большей, сравнительно с южными, относительной высотой, встречаются и отдельные высоты, воздымающиеся на равнинах в виде куполов или пирамид из красного крупнозернистого гранита. Некоторые из них имеют 700—800 футов относительной высоты.

Растительность Гоби на высотах состоит преимущественно из кипца, а в низких местах, в котловинах с солонцеватой почвою, пресобладают солянки и злак дэрсису. Корм для лошадей по караванной дороге во время нашего путешествия был очень плох, тем более что пастбища близ дороги постоянно вытравляются осенью и зимою верблюдами и лошадьми проходящих караванов. Впрочем, состояние подножного корма в Гоби много зависит от обилия летних дождей: если летом перепадали дожди, то через пустыню в течение целой зимы свободно можно проехать на протяжных лошадях, в противном случае лошади не пройдут и необходимо ехать на верблюдах. Тяжести же осенью и зимою всегда перевозят на верблюдах.

Недостаток мягких луговых трав в Гоби восполняется обилием солончаковых растений, столь любимых верблюдами и баранами. Гобийские верблюды считаются лучшими в Монголии: они рослы, сильны и необыкновенно выносливы. Бараны тоже весьма хорошо откармливаются в Гоби. Таким образом, эта пустыня, несмотря на свою однообразную флору и скудное оршение, все-таки представляет некоторые удобства для кочевой жизни, благодаря обилию солончаковых растений, отсутствию комаров, оводов и прочих насекомых, изнуряющих летом скот, а также и бесснежию своему зимою, имеющему немаловажное значение для кочевников.

Занимая наиболее углубленную полосу Монголии, Гоби отличается, сравнительно с сопредельными ей высокими землями, не только северными, но и южными, более мягкой зимой. Снег в ней выпадает редко, в небольшом количестве, и скоро разносится ветрами по оврагам и лощинам; но и там он не лежит подолгу, улетучиваясь быстро в атмосферу по причине чрезмерной сухости воздуха и частых ветров. Во время нашего путешествия через Гоби из Калгана в Ургу с 6-го по 20 марта снега в ней почти вовсе не было, и мы с трудом разыскивали его в рытвинах для приготовления себе пищи и чая, так как вода во многих колодцах была солоновата и имела неприятный запах. По влиянию своего климата на здоровье обитателей Гоби принадлежат, вероятно, к числу самых здоровых стран на земном шаре: болезненность в ней весьма незначительна, и люди там нередко доживают до глубокой старости.

Животная жизнь в Гоби зимой весьма однообразна. Цзэренов во время нашего путешествия встречалось очень мало по причине плохого урожая в предшествовавшее лето травы. Но в урожайные на траву годы эти антилопы прикочевывают на зиму в пустыню большими стадами из окрестных высоких стран, в особенности если в этих последних выпадает глубокий снег, затрудняющий приискание пищи травоядным. Самая мягкость гобийской зимы, должно быть, также привлекает цзэренов на это время года в пустыню. Кроме антилоп, в Гоби на зиму прикочевывают иногда и стада джигэтаев из Северо-Восточной Монголии, в которой их очень много⁽¹⁶⁴⁾. Гонимые холодом и бескормицей из этой суровой страны,

они переселяются на зимние месяцы в восточную часть пустыни и возвращаются весной на север. В летнее же время крупные млекопитающие могут только в весьма ограниченном количестве пребывать в Гоби, размещаясь поблизости ее немногих источников. Зимующих птиц мы также очень мало встречали в Гоби. Монгольские жаворонки (*Melanocorifa mongolica*), клушицы (*Fregilegus graculus*), пегие галки (*Colaeus dauricus*), степные курочки (*Syrnhartes paradoxus*) и черные вороны (*Corvus orientalis*) — вот почти все птицы, которых мы видели на пути.

В здешней Гоби кочуют монголы-сунниты⁽¹⁰⁵⁾, аймак которых, состоящий из двух хошунов (цзун-сунниты и барун-сунниты), не входит в состав Халхи. От халхасцев сунниты разнятся несколько языком и сбычаями. Близ дороги живут преимущественно бедняки, из которых большинство не имеет вовсе скота и питается подающими проходящих караванов, заготовляя для них аргал на топливо и прочиящая колодцы. Наш добродушный подрядчик-лама раздавал им почти на всякой станции кусочки кирпичного чая, распиленного для этой цели еще в Калгане, и нередко кормил их остатками мяса; помогали этим беднякам и наши казаки, поившие их чаем и отдававшие им остатки своего обеда.

На пути из Калгана в Ургу нам почти ежедневно встречались караваны и вереницы порожних верблюдов, шедшие в Калган. Караваны следовали с разным русским товаром из Кяхты, а из Урги везли овчины, сырые кожи, доски и брусья; вереницы же порожних верблюдов направлялись за чаем. Из Калгана в Кяхту, кроме чая, доставляются еще шелковые материи, преимущественно чи-чунь-ча, и китайский сахар-леденец для старообрядцев Забайкальской области, предпочитающих его русскому по той причине, что он будто бы постный. Иногда привозят в Кяхту и мороженный виноград из Внутреннего Китая.

Из Урги отправляется в Калган и в Гуй-хуа-чен множество досок и брусьев. Нам в течение месяца пути встретилось по крайней мере 20 караванов с этими материалами. Приготовлением досок и брусьев для Внутреннего Китая занимаются лесопромышленники-китайцы, проживающие в Урге. Лес добывается из высоких Гентейских гор в расстоянии от 80 до 150 верст к северо-востоку от Урги и большею частью сплавляется весной в этот город по р. Толе. Летом его перепиливают на доски и брусья, а осенью и зимою отправляют их на обратных верблюдах, пришедших в Ургу с чаем, в Калган и в Гуй-хуа-чен. Хотя наем обратного верблюда обходится несравненно дешевле, чем нарочного, но все-таки за него от Урги до Калгана платится около 12 кредитных рублей, а как на каждого из них грузят не более 12 пудов дерева, то, следовательно, доставка одного пуда досок и брусьев из Урги до Калгана стоит не менее одного рубля на наши кредитные деньги, а до Гуй-хуа-чена — около 90 копеек.

По караванной дороге ходит, между прочим, и наша, русская, почта. Она направляется из Кяхты чрез Ургу, Калган и Пекин до Тяньцзина. На пространстве от Кяхты до Калгана ее содержат местные монголы по найму от нашего правительства, а от Калгана до Тяньцзина, также по найму, — китайские мусульмане. Легкая почта с простой корреспонденцией отправляется из Кяхты через каждые 10 дней и прибывает в Калган на 12-й или 13-й день. Тяжелая же почта с денежной корреспонденцией и посылками отходит из Кяхты раз в месяц и следует в сопровождении двух казаков до самого Тяньцзина. Путь от Кяхты до Калгана она проходит в 21—22 дня. Русской почтою пользуются не только наши соотечественники, проживающие в Урге, Калгане, Пекине и Тяньцзине, в

которых имеются почтовые конторы, но и китайцы. Им дозволяется пересылать по ней простую корреспонденцию на общих основаниях, и китайцы пользуются этим правом, отправляя массу писем, преимущественно из Калгана в Маймайчен и обратно, так как китайская почта существует только для правительственных надобностей, а частные лица лишены права пересылать что-либо по ней.

От станции Ирен у небольшого соленого озера местность по направлению к северо-западу становится еще более волнистой, а местами даже гористой. Невысокие кряжи, состоящие преимущественно из красного гранита, прорванного известняки и глинистые сланцы, встречаются чаще, чем в южной половине. Обширные же равнины, напротив, в северной части редки. В ущельях гор, по берегам сухих русел временных потоков, тут растут местами ильмы, тянущиеся в виде извилистых аллей. Солончаков и соленых озер в северной половине Гоби, повидимому, меньше, а песчаных пространств почти вовсе не встречается. Вода в колодцах северной части несколько лучше, чем в южной, но глубина их везде одинакова.

На половине дороги мы останавливались на двое суток: наш подрядчик попросился съездить домой, верст за пятьдесят к востоку от дороги, для перемены нескольких усталых верблюдов. Через двое суток работники его привели свежих верблюдов и мы отправились далее. Погода почти во все время нашего переезда через Гоби стояла очень хорошая: дни были большей частью солнечные, тихие и теплые — настоящие весенние, а ночи необыкновенно звездные. В эти прекрасные ночи мы очень часто любовались восхождением первой величины звезд, выступавших из-под горизонта яркоблестящими точками. Звезды третьей величины ясно можно было различать близ самого горизонта. 17 марта мы увидели вестников весны — журавлей. Они летели на север, но там, должно быть, еще царил зима, потому что птицы вскоре поворачивали назад, кружились подолгу на большой высоте, высматривая воду, и, не видя ее, отлетали обратно на юг.

Близ станции Уйцзын окончилась Гоби, не имеющая и на севере резкой границы, а переходящая постепенно в весьма волнистую степь. Насажденные кряжи стали еще выше, и у подножий их часто встречались глинистые сланцы, прорванные красным гранитом, и обнажения серых кристаллических известняков. В иных местах кряжи, переплетаясь между собою посредством отрогов, придают местности горный характер; в других среди открытых волнообразных равнин воздымаются отдельные высоты, состоящие из одиноких массивов или горных групп из красного гранита. Но источники все-таки встречаются редко.

По выходе из Гоби растительность с каждой станцией к Урге становилась заметно лучше; по сторонам дороги паслись стада цзэренгов; сурки уже проснулись от зимней спячки, но норки других грызунов, пищух и сусликов, были еще не откупорены своими обитателями. В каждой жилой норке торчала плотная затычка из травы. На одной из станций мы видели монгола, охотившегося за сурками с собакой. Притаившись поблизости сурочьей норки, у которой заметны были свежие следы, он выжидал появления из нее сурка и, когда этот последний отбежал на несколько шагов от норки, спускал на него собаку. 25 марта на одной из весенних луж заметили мы в первый раз уток.

Наш лама, остававшийся несколько дней дома, догнал нас за три станции до Урги. С ним прибыла его невестка с четырьмя малолетними

детьми, которых везла в двух корзинках, повешенных по обе стороны верблюда, а сама ехала на том же верблюде верхом. В каждой корзинке было посажено по два ребенка, закутанных в шубы, и по два щенка, чтобы от них детям было теплее, как объяснила нам монголка. Вместе с ламой приехал его родственник — молодой, очень красивый монгол с женой. Вся эта компания последовала с нами в Ургу на богомолье.

Верстах в шестидесяти от Урги мы стали различать на горизонте высокие горы Хан-ула. Две последние станции до города пришлось сделать по снегу, лежавшему в окрестностях Урги еще толстым слоем. Абсолютная высота страны, возраставшая постепенно от Гоби, и приближение к северу давали себя чувствовать: в последние дни путешествия погода стояла очень холодная с пронзительным северо-восточным ветром — самым неприятным в Монголии зимой. Кругом царила зима, с которой мы напрасно простились еще в Гоби, увидев вестников весны. В 20 верстах не доезжая Урги, мы приблизились к высокому лесистому кряжу Хан-ула. Густые хвойные леса покрывают склоны и ущелья этого кряжа и производят отрадное впечатление на путешественников, давно не видавших древесной растительности. Подъезжая к городу, мы встретили на дороге несколько убогих постоянных дворов для монголов, следующих с караванами, и, переправившись по толстому льду через р. Толу, вскоре прибыли в китайскую часть Урги, называемую Маймайченом, а оттуда в русское консульство, где были радушно приняты нашим консулом в этом городе Я. П. Шишмаревым. На переезд из Калгана в Ургу мы употребили ровно месяц, делая ежедневно средним числом около 35 верст в два приема: половину утром, от восхода солнца до полудня, а другую с 4 часов пополудни до 10 вечера, да двое суток простояли на половине дороги. Расстояние между Калганом и Ургой по прямому караванному тракту, которым мы следовали, простирается приблизительно до 960 верст.

* * *

Урга¹ состоит из двух городов: монгольского, называемого Богдо-курень, или Да-курень, и китайского, или Маймайчена. Оба города отстоят верст на пять один от другого, а в промежутке между ними находится русское консульство, расположенное отдельно на возвышенном месте. Оно помещается в деревянном двухэтажном доме, облицованном кирпичом, с несколькими флигелями и службами. Этот большой дом, которому по величине нет подобного во всей Монголии, привлекает немало любопытных из числа посещающих Ургу монголов, которые, проходя мимо него, останавливаются и подолгу рассматривают здание.

Урга расположена в широкой долине р. Толы, окаймленной с севера и юга горными хребтами. Южный кряж Хан-ула весьма высок и покрыт густыми хвойными лесами лиственницы, сосны, ели и пихты. В этих лесах живут во множестве медведи, маралы, косули и кабаны. Кряж Хан-ула считается священным, и охота в его лесах строго воспрещена: у подножий гор стоят юрты караульных монголов, не пропускающих никого с оружием в эти горы, но за грибами и ягодами не возбраняется ходить туда. На северном склоне этого кряжа, в одном открытом месте, выложены камнями по повелению императора Канси гигантские письмены, которые можно прочесть издали, так как они расположены на крутом склоне.

¹ Ургой этот город называют только русские, а у монголов он известен под названием Да-курень, или Богдо-курень.

По южной части долины протекает река Тола, имеющая от 15 до 25 сажен ширины и местами значительную глубину. В ней живет много рыб: тальменей, ленков (*Brachumystax*), хариусов, налимов, окуней и чебаков. Река местами разделяется на рукава и образует острова, покрытые тальником, а поблизости ее часто встречаются старицы.

С северной стороны долина р. Толы окаймлена предгорьем хребта Гунту, носящего против города местное название Сельбидаба. Это предгорье, как и весь вообще южный склон названного хребта, безлесно. Хребет Гунту представляет западный отрог весьма высоких и лесистых Гентейских гор, высшие точки которых находятся верстах в ста пятидесяти к северо-востоку от Урги. Из этих гор вытекает Тола. Хребет же Хан-ула возникает на левом берегу Толы самостоятельно, соединяясь на востоке лишь невысоким поднятием с юго-западным отрогом Гентейских гор, тянувшимся по левому берегу р. Толы. Высшие точки Хан-улы находятся в окрестностях города, а далее к юго-западу он понижается и примыкает к горам, что у южного изгиба р. Толы.

Благодаря высокому положению над уровнем моря (около 3 770 футов) Урга пользуется весьма здоровым климатом. Летом сильных жаров там почти не бывает, но зима холодная и продолжительная. В 1879 г. в течение всего апреля было очень холодно, а в конце этого месяца несколько дней подряд свирепствовали снежные метели, и только с 1 мая природа стала быстро оживать.

В китайском городе, или Маймайчене, имеющем около 10 000 жителей, население состоит из торгующих китайцев, разных китайских ремесленников и монголов, находящихся большею частью в услужении у китайцев. Торговцы имеют дома славками и ведут обширную торговлю как в самом городе, так и внутри страны, посылая время от времени своих приказчиков с товаром в хошуны. Ремесленники тоже имеют много домов. Из них больше кузнецов, занимающихся приготовлением для монголов таганов, щипцов, топоров и других изделий; затем следуют столяры и бочары, или бондари, работающие шкафики, сундуки, домбы и деревянные части для юрт; скорняки выделывают овчины. Кроме того, некоторые из здешних китайцев занимаются огородничеством, шитьем обуви и шапок для монголов, приготовлением седел и сбруи, а также распилкой досок и брусьев, отправляемых во Внутренний Китай. Дома в Маймайчене маленьки из необожженного кирпича и глины, а ограды состоят большей частью из деревянного тына.

В монгольском городе, или Богдо-курене, считается около 12 000 жителей, в том числе слишком 5 000 лам, а остальные китайские купцы, ремесленники и простые монголы. Богдо-курень разделяется на две части—восточную и западную. В первой находится монастырь, в котором пребывает хутухта⁽¹⁰⁷⁾, главные кумирни и ламские глиняные домики с небольшими двориками, обнесенными тыном, на которых часто встречаются юрты. Улицы в ламском квартале тесные и грязные. В западной части Богдо-курения преобладают китайские торговцы и ремесленники. Дома в этой части города просторнее и лучше, дворы обнесены нередко каменными оградами. В китайских лавках много всякого товара для монголов; продаются и дорогие шелковые материи. В этой части Богдо-курения поселились и наши соотечественники, торговавшие в 1879 г. в 9 лавках. Собственных домов они не имеют, а нанимают помещения у китайцев, хотя и хлопотали с давнего времени об отводе им мест для постройки, согласно трактату. Два главных русских торговых дома

занимались и чайным комиссионерством по транспортировке чая из Урги до Кяхты.

Ургинский хутухта, почитаемый, как известно, монголами богочеловеком, живет в монастыре, в который доступ европейцам воспрещен. В этом монастыре проживают и приближенные к нему ламы. На лето святитель переселяется на дачу, находящуюся верстах в четырех от Богдо-куренья, на берегу р. Толы. Нынешний хутухта еще мальчик, лет 13 или 14. Он ведет совершенно замкнутую жизнь в своем уединении, и его можно видеть только во время благословения им народа. В Богдо-курень постоянно стекаются богосмольцы, и по мере скопления поклонников назначается день для благословения их святителем. В указанный час они собираются на площадь перед монастырем, в котором он живет, и усаживаются на корточки против его ворот параллельными шеренгами, обращенными лицом к лицу в расстоянии 8—10 шагов одна от другой. Поклонники сидят с обнаженными головами, творя вполголоса молитвы. Так проходит полчаса и более. Наконец, раздаются звуки духовной музыки, ворота монастыря растворяются, и ламы выносят своего святителя к народу в открытом паланкине с балдахинном. Музыка умолкает, и процессия направляется между шеренгами поклонников. Хутухта держит в каждой руке по длинному жезлу, обернутому желтой материей. К внешним концам этих жезлов подвешены цилиндры, сбтянутые той же материей, с листками молитв внутри. Этими цилиндрами двое лам, шествующих по обе стороны паланкина хутухты, касаются обнаженных голов монголов, ниспосылая им таким образом благословение святителя. Хутухта на этой церемонии бывает одет в красный халат, на голове у него блестящая шапка с небольшим шишаком. Он сидит в своем паланкине безмолвно, обращая по временам взоры на преклонившихся пред ним монголов. Когда все ряды будут обойдены, ламы при звуках музыки уносят святителя обратно в монастырь.

Ургинские амбани и монгольские хошунные владельцы получают от хутухты благословение у него на дому. Это благословение называется *большим*, а общее, на площади, *малым* благословением. За большое благословение амбани и князья делают значительные вклады в сокровищницу святителя, в 100, 200 и более лан серебра. Простые монголы за малое благословение на площади тоже вносят в казну хутухты посильную лепту по 1, по 2 и более лан.

На окраинах Богдо-куренья устроены местами беседки с большими цилиндрами, вертящимися на вертикальной оси и называемыми *курдэ*. В них лежат молитвы, и монголы верят, что верчение курдэ равносильно прочтению всех хранящихся в них молитв, которые, подобно устным, будут услышаны. Поэтому ни один набожный монгол не проходит мимо беседки с курдэ, чтобы не зайти в нее и не повертеть некоторое время цилиндр с молитвами. На пространстве между этими беседками очень часто можно видеть поклонников, ползающих по земле. Распростершись на земле, они подаются немного вперед на животе, потом встают на то место, где приходилась голова, снова падают ниц и продолжают подвигаться таким образом вперед, пока не достигнут другой беседки. Многие из пилигримов совершают такое путешествие от курдэ до курдэ по несколько раз подряд, а некоторые из них дают даже обет проползти таким образом вокруг всего священного города и совершают ползком путешествие в 4 версты.

Кроме монастыря, в котором пребывает хутухта, в ламской части Богдо-куренья есть несколько храмов, из которых в особенности замеча-

телен храм будущего обновителя мира Майдари, с колоссальной статуей этого божества, футов в сорок высоты. В этой же части города находится училище для приготовления лам.

В июле на праздник в честь Майдари в Ургу стекается больше 100 000 народа из разных местностей Монголии. На этом празднике, кроме богослужения и разных религиозных церемоний, устраиваются скачки, стрельба из луков и борьба. В обоих городах в течение праздника производится оживленная торговля. Наши купцы в это время также сбывают монголам много всякого товара. К новому году, празднуемому монголами по китайскому летоисчислению одновременно с китайцами, тоже собирается в Ургу масса народа. Празднование нового года и у монголов продолжается целый месяц. Наши забайкальские буряты нередко посещают Ургу, в особенности на праздниках, и делают немало вкладов в казну хутухты. Кроме того, состоящие при святителе ламы по временам совершают псеэдзки в Забайкальскую область к бурятам и собирают там на имя хутухты пожертвования.

Верстах в двух к северо-востоку от Богдо-куренья, на предгорье хребта Гунту, находится монгольское кладбище, или, точнее, место, куда сносят человеческие трупы. У монголов тела умерших не всегда погребают: покойника нередко выносят на войлоке и кладут в степи прямо на землю головой в ту сторону, куда укажет лама. Хищные звери и птицы, почуяв добычу, не заставляют долго ждать себя, и вскоре от трупа остается один лишь скелет. На Ургинском кладбище человеческие трупы поедаются полудикими собаками, живущими в окрестных горах. Эти собаки в голодное для них время бывают очень опасны, и ходить в ту местность без оружия не следует. Случалось, что они целой стаей бросались на зашедших туда людей и растерзывали их. Антропологи могут собрать на этом кладбище прекрасную коллекцию монгольских черепов.

Земледелием в долине р. Голы, в окрестностях Урги, занимаются мало. Значительная высота местности, вероятно, служит тому причиною: весна начинается поздно, в конце апреля или даже в первых числах мая, а в начале августа бывают уже утренники, вредящие посевам; в сентябре же случаются по ночам морозы, покрывающие землю инеем. Огородные овощи, впрочем, рождаются довольно хорошо, и около обоих городов есть много огородов. Гораздо успешнее занимаются земледелием китайцы, поселившиеся на пути между Ургою и Кяхтою, в долинах рек Хара-гол и Баин-гол, лежащих ниже над уровнем моря. Они привозят хлеб на продажу в Ургу, а иногда и в Кяхту, в которую доставляют в иные годы даже огородные овощи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ОТ УРГИ ДО УЛЯСУТАЯ

Приготовления к обратному пути. — Следование по западной части горной страны Генгея. — Стоянка на оз. Угэй. — Переправа через р. Орхон и вступление в горную страну Хангая. — Долина р. Тамира и северо-восточные отроги Хангая. — Общий обзор этой горной системы. — Заметки о климате.

Во второй половине апреля мы начали готовиться к возвращению в Западную Сибирь из Урги через Улясутай и долину реки Кунгуя по пути, еще не описанному никем из путешественников. Нужно было покупать верблюдов и лошадей, которые в Урге, точно так же как и бараны, стоят гораздо дороже, чем в Западной Монголии. За хорошего верблюда там надо заплатить не менее 35 лан, за лошадь — от 10 до 12, а за барана — 2 и 2 $\frac{1}{2}$. Мы купили на выбор у содержателя русской почты, богатого монгола по имени Норбо-церена, 10 верблюдов по 40 лан за каждого и 10 лошадей по 10 лан, приобрели две палатки — одну монгольскую, другую тибетскую, оказавшуюся непрактичною, и некоторые походные вещи. Кроме того, запаслись на весь путь мукой, крупой, сухарями и взяли еще с собой ящик монгольского кирпичного чая, на который в Монголии удобнее покупать все необходимое в пути. Приготовления были окончены к 20 апреля, но по случаю холодов пришлось отложить выступление. Только в последних числах этого месяца вскрылась Тола и появились перелетные птицы, а 1 мая показалась и зелень.

2 мая мы выступили из Урги и направились на запад по долине Толы. Верстах в четырех от Богдо-курена поперек этой долины тянется невысокий земляной вал со рвом впереди, возведенный во время дунганского восстания. Нападение, однако, не состоялось благодаря присутствию русского отряда, высланного в то время в Ургу из Троицкосавска для обеспечения нашего консульства и купцов.

Долина Толы к западу от Урги имеет от 5 до 10 верст ширины и поблизости реки изрезана многими протоками, представляющими, вероятно, старые русла ее рукавов, на которые она и теперь местами разбивается в этой долине. В ней встречаются также небольшие озера, то замкнутые, то сообщающиеся с рекой протоками.

В первый день нашего путешествия из Урги мы остановились на ночлег в долине Толы, верстах в двадцати пяти от города, на урочище

Сангин. Долина в этой местности прорезана многими протоками, берега которых покрыты небольшими, редкими рощами тополя, и весьма богата лугами. На Толе, протоках и озерах долины повсюду было множество плавающих и болотных птиц, приветствовавших наступившую весну разнообразными криками, которые не умолкали всю ночь. С этого урочища Тола поворачивает на юго-запад в узкой долине, описывая большую луку к югу. Хорда этой луки, по которой нам предстояло идти, имеет 100 верст, а стрелка около шестидесяти.

На следующий день, оставив долину Толы, мы вступили в невысокие горы, служащие восточной окраиной плоскогорья Долон-худугэй-кундуй и, пройдя по ним верст двенадцать, спустились на это плоскогорье. На севере оно окаймлено хребтом Салин-даба, отрогом гор Сельби-даба, что к северу от Урги, а на юге — хребтом Дзегиль, тянущимся с востока на запад почти параллельно первому и связанному с ними невысокими горами, через которые мы переваливали на это плоскогорье из долины Толы. На южном хребте Дзегиль видны были небольшие рощи лиственницы, покрывающие северные склоны его гор, но только в восточной части, а далее к западу хребет совершенно безлесен. На северном же хребте Салин-даба лесов не видно было вовсе, по крайней мере на склоне, обращенном к плоскогорью. Оба крайние хребта отделяют от себя плоские отроги, придающие плоскогорью Долон-худугэй-кундуй волнообразную поверхность. Это плоскогорье бедно водой: родников на нем нет, а колодцев мало, да и те не обильны водой. Растительность, отличающаяся вполне степным характером, весьма однообразна.

Мы ночевали в восточной части плоскогорья у колодца с весьма посредственной водой, которой вдобавок было мало, и на следующий день прошли всего 12 верст до другого колодца на урочище Дулан, так как далее местность на пространстве 57 верст безводна. В 5 верстах к югу от колодца, на горах хребта Дзегиль, мы в последний раз видели небольшие перелески лиственницы.

С урочища Дулан дорога направляется по тому же плоскогорью Долон-худугэй-кундуй, пересеченному в западной части весьма незначительным поднятием; на пути от него нередко встречались обширные плоские впадины с солончаками. Ночевать пришлось без воды на урочище Аргалэй. В этой местности плоскогорье, стесняемое хребтом Дзегиль и отрогами северного хребта Салин-даба, становится уже и переходит в степную, каменистую долину. Проходя на другой день по этой долине, мы видели на ней множество сурков. Зверьки там и сям выскакивали из своих нор, садились на задние лапы и пристально поглядывали на наш караван, а по приближении его испускали протяжные звуки, похожие на хрюканье, и быстро скрывались в свои логовища. Долина вывела нас в соседнюю обширную долину Цаган-цыгэин-тала около тридцати верст длины и верст в пятнадцать ширины. Эта междугорная долина ограничена с севера хребтом Улан-хада, продолжением гор Салин-даба, и его мощным отрогом Цобу, а с юга хребтом Дзегиль с его длинной ветвью Агуит. Почва долины поблизости окраинных гор твердая, каменистая, а посредине солонцеватая, покрытая местами злаком дэрису. На ночлег мы расположились у солоноватого озера Цаган-нор этой долины, имеющего около 300 сажен длины и до 70 ширины. На восточном его берегу есть родник с хорошей водой. Озеро буквально кишело утками и голенастыми. Стаи журавлей (*Grus virga*) постоянно прилетали к нему и, побродив у берегов, уносились опять в долину, на которой стада этих птиц виднелись повсюду.

С озера Цаган-нор мы продолжали идти на запад по долине Цаган-цыгэин-тала, которая в этом месте суживается и верстах в восьми от него переходит в болотистое пространство, усеянное малыми озерками, известными под собирательным названием Цыгэин-нор. Вода в них пресная, но в конце лета, когда эти мелкие озерки обращаются в небольшие лужи, она становится негодной для пищи. Плавающих и болотных птиц на этих озерках в то время было великое множество.

Долина Цаган-цыгэин-тала, суживающаяся в западной части до четырех верст, упирается в широкую долину р. Толы, возвращающейся в этом месте, по описанию своей луки, на север. На правом берегу этой реки мы остановились на дневку. Тола имеет в том месте от 15 до 20 саженной ширины, течет быстро и часто делится на рукава, образуя острова. Глубина значительна только в омутах, а в остальных местах река неглубока. В долине Толы много малых озер, частью замкнутых, частью сообщающихся с рекою протоками. Кроме того, низкие места долины были покрыты водою от весеннего разлива и представляли значительные водные пространства, а наиболее возвышенные заняты солончаками, поросшими большей частью злаком дэрсису. Древесной растительности, исключая кустарников, в этой части долины Толы нет. Верстах в десяти ниже нашего лагеря Тола, стесняемая горами, изменяет свое меридиональное течение на юго-западное, описывая весьма крутую луку.

Переправившись через реку, мы прошли верст пять по ее долине, пересекли невысокий кряж, Голэй-хаирхан, тянущийся параллельно реке и огибаемый ею на севере, потом спустились на холмистое предгорье этого кряжа и снова очутились на Толе, текущей в этом месте с северо-востока и вскоре поворачивающей на северо-запад. На обоих берегах реки растут густые и высокие кусты тальника, в которых в то время было множество диких гусей, имевших там свои гнезда.

Оставив Толу, мы прошли верст двенадцать по сухой, слегка волнистой местности, поросшей редкими кустиками караганы, потом пересекли плоское поднятие и спустились на обширную равнину, обставленную со всех сторон горами. Восточная ее половина называется Хара-нидун, а западная Сучжи. На этой равнине мы встретили два соленых озера, из которых одно — Барокчин-цаган-нор имеет около 5 верст в окружности. Оно питается ручьем Барокчин-гол, вытекающим из песков верстах в двенадцати к юго-востоку от него и образующим на пути несколько малых озерок с топкими, болотистыми берегами, покрытыми большей частью высоким тростником. На этих озерках, как и на Цыгэин-нор, было множество плавающих и болотных птиц, в особенности уток, поднимавшихся с них стаями в несколько десятков штук.

На равнине воздымаются кое-где одинокие холмы и небольшие плоские высоты, а в западной части находятся обширные солончаки. Описываемая равнина ограничена с севера хребтом Бургут и его юго-восточным отрогом, с юга хребтом Яргай и его западным продолжением — Салта; с востока ее замыкают низкие горы Улан-шарт — ветви хребта Яргай; а с запада хребет Салта и предгорья хребта Бургут.

Дорога, по которой мы шли, принадлежит к числу второстепенных почтовых трактов. На ней выставлены пикеты, содержимые монголами аймаков Тушету-хана и Цецен-хана. Пикеты отстоят средним числом верст на двадцать семь один от другого. Число лошадей и верблюдов на них несравненно меньше, чем на почтовой дороге из Калгана в Улясутай. На пути по упомянутой равнине нам попался навстречу монгольский

князь, ехавший в Ургу. Его везли в китайской повозке, а свита следовала верхами. Впереди, с боков и позади скакали провожатые с ближайшего пикета, в числе которых было несколько девушек в нарядных костюмах. На этой же дороге нам часто попадались навстречу богомольцы, ехавшие в Ургу на поклонение хутухте. Бедные, не имеющие собственных верблюдов и лошадей, для путешествия в священный город пристраиваются к караванам или к состоятельным поклонникам в качестве погонщиков, за что получают от хозяев пищу и верблюда или лошадь на проезд. Некоторые предпринимают путешествие в Ургу пешком. Одного из таких бедных пилигримов, возвращавшегося с богомолья частью пешком, частью с попутчиками, мы взяли с собой и привезли в Улясутай. За небольшую плату он был все время добросовестным работником, и мы не без сожаления расстались с ним в Улясутае, откуда он отправился на родину в Южный Алтай.

На ручье Барокчин-гол по случаю ненастной погоды пришлось простоять почти двое суток. С этого ручья дорога идет версты три по солонцеватой местности, а потом по твердой, дресвяной. К северу от дороги видны были обширные солончаки. На половине станции дорога пересекает ручей Сучжи, текущий с гор Салта и теряющийся в соседнем солончаке. Западная часть равнины, называемая Сучжи, орошается значительной речкой Хадасын-гол, выходящей на нее из теснины и пробивающейся тесниною же в р. Толу через отрог хребта Бургут. На правом берегу Хадасын-гола, верстах в шести к северу от дороги, есть развалины. Местные монголы говорили нам, что там была в старину княжеская ставка. Мы видели их только издали.

С описываемой равнины ясно заметны на северо-востоке высокие горы Тосын-замар, тянущиеся по правому берегу р. Толы. На востоке они сочленяются с хребтом Хушик-аргал, простирающимся к северу от упомянутой луки Толы до гор Улан-хада, ограничивающих, как выше сказано, со своим мощным отрогом Цобу долину Цаган-цыгэин-тала с севера.

Дорога направляется вверх по речке Хадасын-гол и вступает в теснину, которая соединяет равнину Сучжи с соседнею междугорною же равниною Бурдугуй, орошаемой в восточной части этой рекою. Равнина Бурдугуй с северной стороны ограничена хребтом Аздага — западным продолжением хребта Бургут, а с юга хребтом Берхэ, отделенным от западной оконечности хребта Салта тесниною, по которой стремится речка Хадасын-гол с юго-запада-юга. Она получает начало в горах, верстах в шестидесяти к юго-западу-югу от долины Бурдугуй. На большой китайской карте Монголии эта речка названа Харухой и ей придана там слишком большая длина.

Восточная часть долины Бурдугуй, орошаемая речкою Хадасын-гол, болотиста и покрыта была в то время многими временными озерками, образовавшимися от разлива. В летнее время в этой влажной местности должна расти хорошая трава. Центральная же и западная части долины состоят большею частью из солончаков.

На крайнем западе обширная междугорная долина Бурдугуй сообщается посредством весьма короткой теснины с соседней долиною Такилту, из которой течет в нее ручей того же названия и теряется в солончаке. Мы направились вверх по этому ручью, струящемуся по болотистой, кочковатой лощине. К западу от его истоков долина немного возвышается и переходит в сухую, каменистую степь. В этой части долины мы опять видели множество сурков; наша монгольская собака, охотившаяся за

ними прежде неудачно, вступила тут с одним зверьком в бой и одержала победу. Поднявшись на пологий перевал, мы увидели синие воды большого озера Угэй, к которому спускались постепенно верст пять и остановились на северном его берегу дневать.

Озеро Угэй имеет около 40 верст в окружности. Наибольшая его длина с запада на восток простирается до 12 верст, а наибольшая ширина — до 8 верст. Западный и юго-западный берега озера низменны и покрыты высоким тростником, северный берег большею частью пологий, а южный и юго-восточный довольно крутые. Островов на озере нет. В него вдаются два мыса — один с севера, другой с юга, расположенные друг против друга. На северном берегу есть извилистый залив, сообщаящийся с озером весьма узким горлом, а на восточном лежит замкнутое озерко, имеющее около версты в окружности. Угэй-нор питается водами речки Нарынгол, впадающей в юго-западную часть его, и соединяется протоком с рекою Орхоном, протекающим к западу от него. Этот проток, называемый монголами холой (т. е. горло), имеет около четырех верст длины, от 20 до 40 сажен ширины и порядочную глубину. Он течет тихо с небольшими извилинами по низменной, луговой равнине.

В Угэй-норе, имеющем воду пресную, живет множество рыб: окуней, язей, чебаков и ускучей. Других пород нам не удалось поймать, но, судя по найденным на берегу костям, в нем водятся также щуки и таймени. Неводком в 10 сажен длины мы вытащили в одну тоню около 30 пудов язей, окуней и чебаков. Большую часть рыбы побросали тотчас же обратно в воду. Язи и окуни были в 6—7 фунтов. Из моллюсков мы находили в этом озере только беззубика (*Anodonta anatina*), но других мягкотелых не попадалось⁽¹⁰⁸⁾.

Суеверные монголы убеждены, что в Угэй-норе живет чудовище, пожирающее скот и даже людей, заходящих в его воды. Они неоднократно убеждали нас не входить в озеро. Сначала мы принимали эти предостережения за уловку для отвлечения нас от рыбной ловли, но потом убедились, что они высказывались без задней мысли. По уверению монголов, это чудовище имеет некоторое сходство с коровою, но гораздо больше ее и очень хищно⁽¹⁰⁹⁾.

Глубина Угэй-нора в юго-восточной части, соседней невысоким горам, должна быть больше, чем в остальном пространстве. Но и близ северного берега, на котором мы дневали, она в расстоянии 50—80 саженей от береговой черты достигает уже 6—7 футов.

На озере Угэй, кроме множества плавающих и голенастых птиц, живущих преимущественно в юго-западной его части, около тростников, водятся еще орланы, находящие себе обильную пищу на этом необыкновенно рыбном озере.

К северу от озера горы отступают, образуя эспланаду версты в три шириной. На северной ее окраине, под горами, стоит монастырь Орумбалама-хийт. В нем живут тибетские монахи. В монастыре красивый храм и много монашеских келий. Мы посетили тибетских монахов и пили у них чай. Большая часть их — люди молодые, высокого роста, с симпатичными лицами. Тибетский язык, на котором они объяснялись в нашем присутствии между собой, показался нам благозвучнее монгольского.

Горы на пространстве от Урги до р. Орхона представляют собою западное продолжение Гентейской системы. Узлом этой системы, от которого расходятся во все стороны мощные лучи, служат высокие альпы, отстоящие верстах в 150 к северо-востоку от Урги. Эти альпы имеют снежные

пятна и покрыты густыми хвойными лесами, в которых водятся медведи, маралы, косули и кабаны⁽¹¹⁰⁾. Они дают начало многим значительным рекам, а именно: Онону, Ульдзе, Керулюну, Толе, Хара-голу, Шара-голу и Иро. На северо-востоке Гентейские горы сочленяются с Яблоновым хребтом, а на запад и северо-запад отделяют длинные отроги, достигающие берегов Орхона; южные же и юго-восточные ветви этих гор коротки.

Западная часть Гентейской системы на пространстве от Урги до Орхона не отличается значительной высотой. Первостепенные кряжи тянутся с востока на запад, постепенно понижаясь в этом направлении. Так, западный отрог хребта Гунту под названиями: Салин-даба, Улан-хада, Хушик-аргал и Тосын-замар, представляет, сколько мы могли заметить, одно непрерывное поднятие, простирающееся с востока на запад до берегов Толы. К западу от этой реки тянется длинный хребет Бургут, восточная оконечность которого весьма близка к западной оконечности хребта Тосын-замар. Он простирается также в восточно-западном направлении и под названием Аздага достигает долины Орхона.

К югу от нашего пути мы могли проследить первостепенный кряж Дзегиль, начинающийся высотами Сангин на правом берегу Толы, верстах в тридцати к западу от Урги, и простирающийся оттуда сначала на запад, а потом на запад-юго-запад до берегов Толы. К западу от нее тянется первостепенный же кряж Яргай со своим продолжением Салта; далее в том же направлении кряж Берхэ, отделенный от первого узкою долиною речки Хадасын-гол и достигающий южного берега озера Угэй-нор. Первостепенные кряжи выслают невысокие отроги, бороздящие страну, но в ней все-таки остается много обширных плоскогорий, окруженных со всех сторон горами и сообщающихся между собой теснинами или неширокими долинами. В восточной части находится обширное плоскогорье Долон-худугэй-кундуй, сообщающееся с междугорной равниной Цаган-цыгэин-тала нешироким долом, а эта последняя неширокою же долиною соединяется с равниною Толы. К западу от Толы лежат обширные соединенные равнины Хара-нидун и Сучжи, сообщающиеся посредством короткой теснины с междугорною равниною Бурдугуй, а эта последняя в свою очередь соединяется тоже короткой тесниной с долиною Такилту, из которой неширокие ворота ведут в обширную долину озера Угэй и р. Орхона.

Вообще, вся горная страна между Ургою и Орхоном, как показывают определенные нами в ней высоты, постепенно понижается в западном направлении, до соединенных равнин Хара-нидун и Сучжи, а от них в том же направлении постепенно возвышается до плоского прервала к озеру Угэй. Вместе с тем в ней заметно также общее склонение к северу, указываемое направлением течения рек Толы и ее левого притока Хадасын-гола.

К северу и югу от посещенных нами местностей описываемая страна отличается также горным характером, но на север горы простираются дальше, чем на юг. На южном берегу Толы, поблизости ее луки, находятся горы Долон-хара, сочленяющиеся с юго-западным продолжением Хан-улы—хребтом Гангын. Эти горы тянутся сначала на запад под названиями Яргай и Салта, потом уклоняются к юго-западу и примыкают к горам, дающим начало речкам Хадасын и Нарын. Но связи между теми горами и системою Хангая, судя по показаниям монголов, нет, а если и существует, то весьма слабая, подобная звену между Хангаем и Южным Алтаем.

Горы Гентейской системы к северу и северо-востоку от нашего пути простираются до р. Орхона и его многоводного правого притока Хара-

гол. Пространство между Толою и Орхоном занято хребтом, тянущимся под названием Бургут и Аздага, в восточно-западном направлении и выходящим длинные, хотя и невысокие отроги к северу и северо-западу. Общее название этому хребту с его разветвлениями — Куку-чолуту. Страна между Толою и Хара-голом также почти повсюду покрыта горами: северо-западным продолжением хребта Гунту—кряжем Гурбанурту-нуру и западным отрогом того же хребта, простирающимся сначала под названием Салин-даба, потом Улан-хада, Хушик и Тосын-замар. Общее же название гор этого участка — Чжамур.

В горах Гентейской системы между Ургою и Орхоном преобладающую породу представляет глинистый сланец с жилами белого кварца. Пласты простираются на NWN. Изредка встречается и кремнистый сланец. В холмах, окаймляющих плоскогорье Долон-худугэй-кундуй с востока и связующих хребет Салин-дабас кряжем Дзегиль, найдены фельзитовый порфир, мелкозернистый гранит и порфирит, а у южного подножья хребта Аздага, в долине Бурдугуй, — фельзитовый туф.

Орошение описываемого пространства Гентейской горной системы далеко нельзя признать обильным: кроме Толы с ее притоком Хадасын-гол и трех ручьев, мы не встретили в ней ни одного источника. В восточной части, на плоскогорье Долон-худугэй-кундуй, не только источников, но и колодцев очень мало: между урочищем Дулан и родником на берегу озера Цаган-нор, что в долине Цаган-цыгэин-тала, воды вовсе нет на пространстве 57 верст. Западная часть орошена сравнительно лучше, но и там между Толою и ручьем Барокчин-гол местность безводна на протяжении 35 верст. Флора страны весьма однообразна и не только на сухих плоскогорьях, но и в невысоких горах отличается вполне степным характером. В долинах Толы и Хадасын-гола растительность несколько разнообразнее, но все-таки бедна видами. Леса мы видели только в восточной части хребта Дзегиль, а далее к западу их нигде нет, исключая небольших рощиц тополя и тала на берегах Толы, ниже ее северной луки.

Из крупных млекопитающих в этой стране живут: цзэрены, волки, лисицы и сурки. Цзэренов, впрочем, мало, но сурков множество. Из птиц, кроме плавающих и болотных, которые на речках и болотах водятся в огромном количестве, мы встречали еще удонов, несколько штук дроф, коршунов, орлов и орланов.

В западной части страна населена плотнее, чем в восточной, на мало-водном плоскогорье Долон-худугэй-кундуй, где встречалось очень мало улусов.

С озера Угэй-нора мы направились к Орхону и остановились на правом его берегу на ночлег. Орхон имеет в этом месте от 20 до 30 саженей ширины, значительную глубину и течет весьма быстро в довольно крутых берегах. При высоком стоянии воды переправа через него вброд невозможна. Перед нашим приходом китайцы, ехавшие с товаром из Улясутая в Ургу на телегах, стояли на левом берегу Орхона несколько суток, ожидая спадения воды, но все-таки должны были переправить товар через реку на верблюдах, взятых у местных монголов, а телеги перетаскивать порожняком.

Орхон получает начало в главном хребте Хангая, из гор Ульдзуйту, и составляется главным образом из двух речек: Улютай и Баин-чжирухе. Он течет сначала на восток, потом поворачивает почти прямо к северу, проходит мимо большого монастыря Эрдени-цзе, ниже которого принимает слева речку Чжирматай, потом помянутый проток (Халой) из озера Угэй-

нор. В 5 верстах ниже этого последнего в него с левой стороны изливается большая река Тамир; верстах в шестидесяти от него Орхон поворачивает на северо-восток, а в 200 верстах принимает справа Толу. Последние 70 верст Орхон опять течет почти на север и в 45 верстах к юго-западу от Кяхты впадает с правой стороны в р. Селенгу, несущую свои воды, как известно, в озеро Байкал. При слиянии обеих рек масса воды в Селенге больше, чем в Орхоне, а потому первую и считают главной рекой. В среднем течении долина Орхона большею частью болотиста и покрыта множеством малых озерков. Долина нижнего Орхона богата тучными лугами, а в реке водится очень много рыбы, для ловли которой приезжают по временам русские из ближайших местностей Забайкальской области⁽¹¹¹⁾.

Во время стоянки на правом берегу Орхона мы потеряли одну из лучших лошадей, упавшую в путях с крутого берега в эту реку и захлебнувшуюся прежде, чем ей подали помощь. Когда вытащили труп этой несчастной лошади, монголы стали просить, чтобы мы продали его. Отказавшись от платы, мы отдали им погибшую лошадь, с которой они сняли кожу и поделили между собой мясо. На следующий день эти монголы, не желая остаться в долгу, помогли нам переправиться через Орхон. Переправа продолжалась около часа и была хлопотлива. Вода доходила верблюдам до живота, чего они не любят, предпочитая в таком случае лечь набок и плыть, причем роняют, конечно, с себя выюки. Но у нас, благодаря содействию монголов, все обошлось благополучно.

Переправившись на левый берег Орхона, мы стали пересекать его широкую, солонцеватую и болотистую долину. По сторонам дороги часто встречались небольшие временные озера, образовавшиеся от разлива. На юге долина весьма широка, на всем обозреваемом пространстве, но на севере постепенно суживается, не переходя, однако, в теснину. Дорога направляется параллельно р. Тамиру, впадающему, как было сказано, в Орхон слева, верстах в пяти ниже протока в эту реку из озера Угэйнора. По берегам нижнего Тамира растет невысокий лесок из тополя и тала с тальником.

Из долины Орхона мы перешли в степную с твердым, хрящевато-древяным грунтом долину Тамира. Она окаймлена с севера и юга горными кряжами Сул-тологой и Билхэ. Оба они принадлежат к системе Хангая. Эта обширная горная страна начинается, следовательно, близ берегов Орхона и не имеет ничего общего ни в орографическом, ни в геогностическом отношении с горами к востоку от этой реки, принадлежащими к системе Гентея, по крайней мере в посещенном нами пространстве. Таким образом, средний Орхон служит рубежом этих горных стран.

Верстах в сорока выше своего устья Тамир принимает в себя с правой стороны многоводную реку Урту-Тамир (Южный Тамир), текущую с юго-запада из горной долины, между тем как главная река, получающая выше слияния название Хойту-Тамира (Северного Тамира), течет с востока на запад и только в верхней части имеет северо-восточное направление. По массе воды Хойту-Тамир следует считать главной рекой, но эта масса, по приблизительной оценке на глаз, весьма немногим превосходит массу Урту-Тамира.

Хойту-Тамир получает начало в главном хребте Хангая, из высоких гор Тэмэ-чолу, и, образовав в верховьях небольшое горное озеро, течет сначала на северо-восток в узкой и глубокой долине, потом, поворотив на восток, направляется по широкой луговой долине, переходящей далее к востоку в степную, и, наконец, выходит на долину Орхона. Урту-Тамир

вытекает также из высоких и лесистых гор Куку-даба — главного хребта Хангая и стремится сначала в ущелье, а потом в неширокой долине на северо-восток.

Междугорная долина нижнего Тамира представляет на пространстве первых 35 верст сухую, каменистую степь, оживляемую только рекой, в которую с окраинных гор не сбегает ни одного ручейка. Небольшой лиственный лесок, покрывающий берега низовьев Тамира, исчезает в этой степной долине. Переправившись через многоводный Урту-Тамир, разделяющийся при пересечении его дорогой на два длинных рукава, мы прошли верст пять по солонцеватой равнине и остановились на правом берегу Хойту-Тамира на ночлег. Тут находится небольшое, около версты в окружности, пресное озерко, не сообщаемое с рекой. Берега его покрыты высоким тростником, а на левом берегу Хойту-Тамира, верстах в десяти выше слияния с Урту-Тамиром, стоит небольшая кумирня Эрин-Годыс.

На следующий день мы через живописные горные ворота, образуемые отрогами окраинных гор долины Хойту-Тамира, вступили в западную часть этой долины, которая представляет уже не сухую, каменистую степь, а луговую, по преимуществу болотистую и местами кочковатую землю. На окраинных горах, окаймляющих эту часть долины, которая к западу становится все выше и выше, появляются сначала небольшие рощицы лиственницы, переходящие далее к западу в релески. С этих гор ниспадают в Хойту-Тамир многоводные ручьи. Река имеет от 15 до 20 сажен ширины. В ней часто встречаются глубокие омуты, но довольно и бродов, хотя не совсем мелких. На реке, текущей очень быстро, много малых и длинных островов, покрытых тальником. В Хойту-Тамире мы ловили хариусов и ленков, а в заливах и прибрежных озерках — карасей, но других пород не удалось поймать.

Западная, луговая, часть долины Хойту-Тамира ограничена с севера весьма высоким хребтом Уха-чолунэй и его восточным отрогом Дэль, продолжение которого до долины Орхона называется Сул-тологой. С юга она окаймлена тоже весьма высоким хребтом Тайшир и его восточным продолжением Шиботу, отделенным от помянутого хребта Билхэ долиной Урту-Тамира.

В западной части долины дорога раздвояется: прямой вьючный путь оставляет р. Хойту-Тамир и идет через хребет Уха-чолунэй, а колесная дорога поворачивает на юго-запад, вверх по этой реке, пересекает главный хребет Хангая и выходит на почтовую Улясутайско-калганскую дорогу. Но колесное движение по этой дороге неудобно, а потому едущие из Урги в Улясутай на телегах предпочитают ей кружный путь, через станцию Саир-усу на упомянутой почтовой дороге. По прямой же дороге с Хойту-Тамира через хребет Уха-чолунэй движение на телегах невозможно, да и с вьюками не легко, по причине многих высоких перевалов.

С р. Хойту-Тамира мы повернули на северо-запад, к высокому хребту Уха-чолунэй, по равнине, орошенной несколькими многоводными ручьями, текущими с него в реку. Хребет Уха-чолунэй представляет весьма высокий северо-восточный отрог главного хребта, от которого отделяется и упомянутый выше кряж Тайшир, а между ними заключается глубокая теснина, и в ней стремится с юго-запада верхний Хойту-Тамир. По берегам его в этой теснине растет лиственный лес. На хребет Уха-чолунэй мы поднимались по перевалу Уха-чолунэй-даба около 3 часов. Сначала восходили постепенно по отлогому подъему, потом по весьма крутому, среди лесов листве-

ницы, обдававших нас знакомым живительным ароматом лесной чащи Алтая. Хребет в этом месте едва лишь достигает высоты альпийской зоны и не только в ней, но и в лесах в то время (24 мая) было еще очень мало растений в цвету. Спустившись немного с гребня, мы остановились на ночлег в глубокой долине. В верхней части она представляет болотистую лощину, прорезанную ручьями, и примыкает к обширному перелеску. К вечеру в этой весьма высокой местности стало так холодно, что мы принуждены были развести большие костры и грелись около них до поздней ночи.

Утром следующего дня мы спускались еще верст пять по той же долине с хребта. В ней стремится маленькая речка, бурливо шумящая между камнями. Покинув горы, мы очутились на широкой долине речки Ханын-гол, названной на большой китайской карте Монголии Хануем. Она вытекает с юго-запада, из главного хребта системы, и впадает справа в р. Селенгу верстах в ста к северо-востоку от места нашей переправы через нее. Из ее долины ясно была видна верстах в девяносто часть главного кряжа системы Хангая с весьма высокими вершинами, еще не освободившимися от снега. Долина Ханын-гола, имеющая около 15 верст ширины, большей частью болотиста и в то время была пскрита многими весенними лужами. На северо-востоке она открыта, а на юго-западе замыкается главным хребтом; с юго-востока ее ограничивает хребет Уха-чолунэй, а с северо-запада кряж Тэллиин-цаган, тоже высокий и длинный северо-восточный отрог главного хребта Хангая.

Перейдя долину Ханын-гола, мы вошли в широкий поперечный дол впереди лежавшего хребта Тэллиин-цаган. В нем протекает маленькая речка Цзун-модунэй-гол, впадающая в Ханын-гол. Крайние горы этой долины, в которой мы ночевали, покрыты местами лесом. К юго-западу от ночлежного места, в широкой и глубокой лощине, виден был обширный лес, верст слишком 30 в окружности. Такого большого леса мы нигде, кроме этой местности, не встречали на пути по горной стране Хангая. Перевал через хребет Тэллиин-цаган, называемый Цзун-модунэй-даба, отлог, но весьма длинен. На восточной стороне к высшей точке его ведет узкая болотистая долина, в которой в то время (26 мая) лежали еще кое-где вблизи гребня толщи обледенелого снега. Проходя по этой долине, мы видели партию монголов, охотившихся в соседнем лесу на зверей: несколько человек охотников сидело открыто в чаще, а навстречу им ехала потихоньку цепь загонщиков, слегка покрякивавших. Охота на этот раз была, должно быть, неудачна, потому что мы не слышали ни одного выстрела.

С перевала спустились в неширокую степную долину маленькой речки Тэллиин-гол, текущей с его северо-западного склона. В долине на правом берегу речки стоят две маленькие кумирни — Тэллиин-хурал, а верстах в шести ниже их, на левом берегу, находится группа небольших, но весьма глубоких озерков, лежащих в чашеобразных впадинах. Наибольшее из них — Цаган-нор — имеет около версты в окружности. В речке Тэллиин-гол мы наловили много крупных хариусов, попадались и ленки, которых всегда выбрасывали в воду, так как свежее мясо их довольно приторно.

Речка Тэллиин-гол впадает в значительную речку Чолунэй-гол, на которую мы вышли из долины. Чолунэй-гол получает начало в главном хребте из гор Эгэйн-даба и образуется из двух горных речек Хурум и Галуту, а изливается в Сумэйин-гол (приток Селенги) с правой стороны.

Долина Чолунэй-гола, подобно долине Ханын-гола, направляется с юго-запада на северо-восток. На юго-западе она очень широка, но к северо-востоку суживается.

Из долины Чолунэй-гола дорога ведет опять в горы хребта Шивартай, ограничивающего эту долину с северо-запада. Кряж Шивартай — тоже отрог главного хребта, но не столь высокий, как предыдущие, и притом безлесный. Подъем на этот кряж с востока не труден. В центральной части хребта находится каменистое плоскогорье, с которого мы спускались сначала по отлогому, потом по весьма крутому склону в узкую долину, выходящую к большой речке Будон-гичигин-гол. Эта речка получает начало в главном хребте Хангая и течет в неширокой долине почти прямо на север в реку Сумэйн-гол. На левом берегу Будон-гичигин-гола мы дневали поблизости маленькой кумирни Гун-ламан-куре. На берегах этой многосводной речки в то время (27 и 28 мая) лежали еще во многих местах большие толщи льда, набросанные высокой весенней водой. В долине Будон-гичигин-гола встречаются небольшие озера, подобные виденным на Алтае между Укоком и Калгуты. Они лежат в чашеобразных котловинах, не сообщающихся с рекой, и отличаются, повидимому, весьма большой глубиной. В воде близ берегов торчат массивные камни, напоминающие базальт, но образцов мы не могли достать. На берегу одного из таких озер найден был кусок лавового шлака. Эти озера напоминают маары и обязаны своим происхождением, подобно альпийским озерам между Укоком и урочищем Калгуты, по всей вероятности, провалам⁽¹¹²⁾.

С речки Будон-гичигин мы опять поднялись на хребет Гичигин и пересекли его по отлогому перевалу Гичигин-даба. Этот хребет, как и предыдущие, представляет отрог главного кряжа. Близ дороги он безлесен, но к юго-западу от нее в горах разбросаны кое-где небольшие лески лиственницы. С него мы спустились по узкой долине и вышли к большому пресному озеру Тэрхейн-цаган-нор. Оно имеет около 10 верст длины, верст шесть ширины, а по окружности простирается до 30 верст. В южной части озера вздымается высокий скалистый островок, живописно рисующийся на его светлоголубой поверхности, в полуверсте от берега. Озеро с трех сторон окружено горами, а с четвертой, юго-западной, к нему примыкает широкая и весьма длинная долина впадающей в него реки Тэрхей-гол. Глубина его при юго-западных плоских берегах возрастает медленно, но при прочих — нагорных — должна быть велика.

Озеро Тэрхейн-цаган-нор выпускает из себя реку Сумэйн-гол, прорывающуюся ущельем на северо-восток и впадающую в Селенгу с правой стороны. Сумэйн-гол принимает в себя верстах в шестнадцать ниже озера помянутую речку Будон-гичигин, а в 45 верстах Чолунэй-гол, — обе с правой стороны. Судя по массе воды в реке Тэрхей-гол, продолжением которой служит река Сумэйн-гол, эта последняя после Орхона — самый многоводный правый приток Селенги⁽¹¹³⁾.

В озере Тэрхейн-цаган-нор живет изумительное множество рыб, принадлежащих к тем же видам, как и в Угэй-норе. Во время нашего пребывания на нем, перед закатом солнца, при совершенно тихой погоде на поверхности озера от игры несметного множества рыб поднялась крупная рябь, продолжавшаяся несколько часов; частые всплески, производимые рыбами, сливались в один звук, подобный глухому, отдаленному шуму. В реке Тэрхей-гол, впадающей в это озеро, водится также множество рыбы. Близ нашего лагеря, верстах в пяти выше устья, мы в одну тоню добыли около 100 порядочных щук. Вечером и в реке, несмотря на сильное

течение, можно было различать рябь, производимую рыбами, а около берегов, в траве, беспрестанно там и сям слышны были всплески их.

С озера Тэрхейн-цага-нор дорога направляется по долине р. Тэрхей-гол. Эта долина ограничена с севера и юга весьма длинными отрогами главного хребта. В нижнем течении реки она имеет от 10 до 15 верст ширины, большей частью болотиста и покрыта малыми озерками. Река же Тэрхей-гол при ширине около 15 сажен течет очень быстро и отличается значительной глубиной. Во время нашего пребывания 30 и 31 мая она была так полноводна, что даже в среднем течении мы не могли переправиться через нее вброд.

С хребта, ограничивающего долину Тэрхей-гола на севере, в эту реку течет много ручьев, а с правой стороны в нее впадают две значительные речки Тэрхейн-урту-гол в 17 верстах выше устья и Удзыгэй-гол в 54 верстах. Обе они получают начало в главном хребте. В верховьях речки Тэрхейн-урту-гол есть перевал через этот хребет, ведущий из долины Тэрхей-гола на Калганско-улясуйскую почтовую дорогу. В долине р. Тэрхей-гол, кроме многих малых озерков, мы встретили на правом берегу два порядочных пресных озера, сообщающихся с рекой. Одно из них, находящееся в десяти выше устья, имеет около 3 верст в окружности, а другое — Онхотэй-нор, отстоящее в 20 верстах к западу от первого, — 2 версты.

На окраинных горах долины Тэрхей-гола видны небольшие пере-лески лиственницы, но только в нижнем течении реки; в среднем же течении они исчезают и флора гор принимает альпийский характер, а в верхней части и флора самой долины переходит постепенно к альпийским формам.

Близ устья речки Удзыгэй-гол пикетная дорога, по которой мы шли, переходит на левый берег реки и направляется в Улясуйтай через горы. Но так как брода через р. Тэрхей-гол еще не было, то мы направились по другой дороге в этот город, пролегающей по долине названной реки.

Верстах в трех выше устья Удзыгэй-гола на левом берегу реки стоит маленькая кумирня, от которой долина Тэрхей-гола значительно суживается и орошается многими ручьями, ниспадающими с окраинных гор. В 25 верстах выше этой кумирни на том же берегу реки Тэрхей-гол стоит другая кумирня — Убур-тэллин-куре, близ которой мы дневали. От последней долина поворачивает к юго-западу и на прострaнстве около 12 верст значительно расширяется, но потом опять суживается. С окрестных гор попрежнему сбегает в реку, носящую в верховьях название Хойту-Тэрхей, многоводные ручьи. Долина по обоим берегам реки болотиста и камениста. Округлые камни во многих местах тянутся валами поперек долины с гор и напоминают древние морены, но рельеф окрестных высот таков, что заставляет сомневаться в существовании прежде в этой местности глетчеров.

Флора долины в верхней части реки отличается вполне альпийским характером. Древесной растительности нет и следа. В цвету мы нашли тут только два или три вида растений.

В последний раз мы ночевали в долине Тэрхей-гола в верховьях этой реки, близ восточного подножья главного кряжа, называемого в этом месте Бомботу, в весьма высокой местности. Тэрхей-гол составляется главным образом из трех речек: Ихты-гол, Хату-гол и Байцин-гол, из которых первые две получают начало в главном хребте, а последняя — в его отроге.

На главный хребет мы поднимались сначала по отлогому, а потом по крутому, но короткому склону. Высшая точка этого перевала, называемого Бомботу-даба, по сделанному на ней барометрическому наблюдению, оказалась вместе с тем высшей точкой на всем нашем пути не только по Монголии, но и по Алтаю. Абсолютная ее высота (9 540 футов) превышает высоту перевала Улан-даба через пограничный хребет Сайлюгэм на 930 футов.

На гребне хребта и даже на его склонах в высокой области лежали еще местами большие толщи оледенелого снега, от которых стремились ручьи. Растительность (4 июня) нисколько не тронулась: кроме старой ветоши, мы не видели на гребне перевала ни одной свежей былинки. Спуск идет сначала по болотистой, топкой и каменистой долине, в которой нас застала снежная буря, а потом ниже мы шли под сильным дождем и спустились в узкую каменистую долину речки Бомботу, текущей с хребта на юго-запад. Дождь лил как из ведра, верблюды и лошади скользили, и мы преждевременно должны были остановиться на ночлег. Монголы говорили, что за 10 дней до нашего прибытия через хребет не было проезда: китайский чиновник, следовавший из Улясутая в Ургу, ожидал целую неделю, пока перевал не очистился от снега.

Узкая долина речки Бомботу в верховьях ограничена с северной стороны высокими, обнаженными скалами. На крутых склонах их лежат массы больших сиенитовых отторженцев, нависших местами над окраинной долины и невольно вызывающих чувство опасения у проходящего под ними путника.

На пути вниз по речке Бомботу мы завидели небольшое стадо диких козлов, пасшихся на горной площадке, близ подножья весьма высокой и крутой скалы. Двое из нас с винтовками отделились от каравана и направились кружным путем подкрадываться к стаду из-за холмов. Но козлы заметили этот маневр и по страшной крутизне быстро взобрались на вершину скалы, обернулись к нам лицом и, осмотрев внимательно окрестность, скрылись за скалой. Надеясь их разыскать, мы последовали за ними и взобрались на ту же скалу, но по другому, более отлогому склону, да и то после долгих усилий. Труд наш, однако, оказался напрасным: козлов не оказалось. Должно быть они успели в то время, пока мы взбирались на скалу, перебежать в соседние, тоже труднодоступные скалы, отстоящие от первой верстах в четырех. Зато с вершины скалы мы увидели высшую точку Хангая — снежную гору Богдо-ула, находившуюся от места наблюдения верстах в тридцати к северо-западу. На восточной стороне этой величественной горы, немного ниже снежной линии, заметна была наклонная к востоку площадь синеватого цвета, покрытая, по всей вероятности, льдом. Гора Богдо-ула заключается не в главном хребте Хангая, а в его широком и высоком отроге Халтыр, отделяющемся от него верстах в сорока к северо-западу от перевала Бомботу. Судя по высоте перевала через этот отрог верстах в двадцати к югу от г. Богдо-ула, определенной мною барометрически, абсолютная высота ее должна быть не менее 12 000 футов. Богдо-ула считается священной горой и известна не только хангайским монголам, но и обитателям окрестных стран. Кроме этого названия, она носит еще три другие: Богдо-хаирхан, Очирвани и Отхон-тенгри. Последним ее именовали монголы среднего Дзапхына, когда мы расспрашивали их об истоках этой реки⁽¹¹⁴⁾.

С той же высокой скалы мы увидели на севере долину речки Буянту, получающей начало в горном узле Тарбагатай и текущей на юг-запад-юг.

Мы вышли на эту речку по узкой каменной долине ее левого притока Бомботу и остановились немного выше устья на дневку.

Многоводную и очень быструю речку Буянту монголы совершенно основательно считают верховьем р. Дзапхына. Буянту в верхней части собирает в себя множество малых притоков, пересекает почтовую Калганско-улясугайскую дорогу и, приняв ниже ее приток Шара-усу, получает название Дзапхына, продолжая течь по направлению на юг-запад-юг. Близ урочища Цакилдак Дзапхын круто поворачивает к западу и течет в этом направлении около 100 верст, потом уклоняется на северо-запад-север и принимает в себя справа самый многоводный приток — речку Улясугай, называемую в верховьях Богдо-голом; далее течет на северо-запад, принимает с левой стороны приток из оз. Хара-нор и изливается в оз. Айрик. Вся длина течения Дзапхына около 600 верст.

В Буянту живет много хариусов и ускучей, но других пород рыб, обитающих в открытой, океанической системе Селенги, ни в этой речке, ни в прочих, принадлежащих к внутренним бассейнам Монголии, нет, исключая разве гальянов (*Nemachilus*)⁽¹¹⁵⁾.

Переpravившись с трудом через Буянту, мы шли верст около пятнадцати по ее долине вниз, пересекли правый приток этой речки Чолугу-гол, ниже которого на левом ее берегу стоит кумирня Буянту, а потом повернули на запад, в горы Халтыр, по узкой поперечной долине, орошаемой речкой Халтырэй — правым же притоком Буянту. На пути нас застал проливной дождь, принудивший остановиться преждевременно. Топливо (аргал) сильно отсырело и мы долго оставались без огня, прозябнув, как в глубокую осень.

Не доходя до перевала, на правом берегу речки стоит маленькая кумирня Халтырэй, около которой растет небольшой лесок, но в окрестностях и в долине Буянту древесной растительности не видно было нигде. По берегам речки Халтырэй мы находили черепа и рога горных баранов, живущих в окрестных, малодоступных горах.

Утром мы начали подниматься на перевал Халтырэй-даба по короткому, но крутому склону. С высшей точки его увидели вторично снежную гору Богдо-ула, отстоящую от него не далее 20 верст. Потом по весьма крутому спуску сошли к маленькой речке Нарын-гол, получающей начало в болотистой ложине под перевалом и текущей в Буянту. За этой речкой мы стали подниматься по отлогому, но каменистому склону на второй перевал через тот же отрог — Нарынэй-даба, почти одинаковой высоты с первым, а с него спустились по крутому склону в ущелье речки Чолуту, получающей начало на западном склоне перевала и текущей сначала под этим названием, а потом под именем Шурук на юго-запад, в Богдо-гол. На горах к югу от этой речки виднелись небольшие перелески лиственницы.

Переночевав в верховьях этой речки, мы на другой день прошли вниз по ней около 12 верст по узкой долине, потом свернули к северо-востоку, в горы, и на протяжении 15 верст пересекли 7 перевалов, известных под собирательным названием Долон-даба. Из них только один, восточный, затруднителен, а остальные пологи и невысоки. Все эти перевалы ведут через юго-западные ветви мощного отрога главного хребта Халтыр, содержащего снежную гору Богдо-ула. После утомительного перехода по горам мы вышли, наконец, на речку Богдо-гол. Она получает начало на западном склоне г. Богдо-ула и течет на юго-запад. В верховьях ее есть горячие ключи, называемые Аршан⁽¹¹⁶⁾, и небольшое озеро. Они отличаются целебными свойствами и посещаются больными. По свидетельству монголов,

в Хангае, кроме этих ключей, есть еще горячие источники в верховьях реки Таца и в горах Эльбихэ, дающих начало речке Шаргальчжид, — верстах в пятидесяти к северо-западу от станции Таца на Калганско-улясутайской почтовой дороге.

Речка Богдо-гол, показавшаяся нам многоводнее верхней Буянту, течет по узкой долине, покрытой тополем, талом и различными кустарниками, отличаясь весьма значительной быстротой. В ней водятся крупные хариусы и ускучи, но других пород, как и в Буянту, нет.

Спустившись вниз по левому берегу Богдо-гола верст восемь, мы переправились потом с трудом на правую сторону и следовали по ней до самого Улясутая. Верстах в пятнадцати не доходя города, узкая и каменистая долина Богдо-гола расширяется, а покрывающий ее лиственный лес исчезает. На горах же к югу от речки разбросаны кое-где небольшие лески лиственницы. Верстах в шести от Улясутая, у подножья гор, на правом берегу речки, стоит большая кумирня, а в трех верстах — цитадель. Богдо-гол в расширившейся каменистой долине очень часто делится на рукава. На речке в окрестностях города разбросаны жалкие юрты бедных монголов, живущих поденной работой и другими промыслами. Переправившись через речку Чжигистэй — правый приток Богдо-гола — по мосту, мы вошли в город 10 июня и поместились у соотечественников, принявших нас с таким же радушием, какое мы встретили в Кобдо, в Калгане и в Урге.

* * *

Теперь считаю не лишним сделать общий обзор горной страны Хангая. Эта система состоит из весьма длинного и высокого хребта со многими ветвями, тянущегося непрерывно с северо-запада на юго-восток от р. Харкира (юго-западный приток оз. Убса) до верховьев р. Онгиин, на пространстве слишком 900 верст. Наибольшей высоты главный хребет достигает у противоположных истоков рек Эдера и Буянту, в горном узле Тарбагатай⁽¹¹⁷⁾. К юго-востоку и северо-западу от этого узла он начинает постепенно понижаться. Об этом свидетельствуют высоты, определенные нашими путешественниками, пересекавшими главный хребет Хангая, и показания монголов, по словам которых перевалы через него к юго-востоку от истоков Байдарика освобождаются от снега гораздо раньше, чем к северо-западу от них до истоков речки Улакчин, несмотря на незначительную разность их широт¹.

Главный хребет Хангая высылает к северо-востоку весьма длинные и высокие отроги, большую часть которых мы пересекли на пути от Орхона до озера Тэрхеин-цаган-нор. Посредством этих отрогов, отделяемых к западу от р. Эдера, он, как показывают исследования той местности Потанина, сочленяется в окрестностях оз. Сангин-далай с юго-восточными отраслями хребта Танну-ола, а следовательно, и с Алтаем. Южные же отроги хребта плоски и не достигают Южного Алтая, с которым Хангай, как уже было замечено, не имеет прочной орографической связи.

¹ По определению Потанина и Рафаилова, пересекавших главный хребет Хангая по перевалу Дурю-хангин, близ узла Тарбагатай, высота этого перевала 9 930 футов. Перевал Бомботу, отстоящий от поманутого узла верстах в сорока к юго-востоку, по моему определению, имеет 9 540 футов. По определению Падерина, перевал Убур-улакчин через тот же хребет верстах в ста двадцати к северо-западу от узла Тарбагатай поднимается на 6 700 футов над морем, а местность Улаи-чолу близ истоков р. Байдарика на северном склоне главного же хребта, поблизости гребня, возвышается на 6 800 футов.

Кроме того, есть некоторые основания предполагать, что система Хангая опускается к югу небольшой террасой⁽¹¹⁸⁾.

В северо-западной части, между реками Тесом и Мухур-кунгуем система Хангая значительно суживается и переходит в неширокий хребет Хан-хухэй, отделяющий лишь незначительные отроги и оканчивающийся вилообразно двумя ветвями Морито и Тохтугэнь невдалеке от южного берега оз. Убса.

Обширных замкнутых плоскогорий мы не видали в системе Хангая, но небольшие и притом плоские горные котловины по южную сторону главного хребта встречались нередко⁽¹¹⁹⁾.

Пересеченные нами на пути от Орхона до оз. Тэрхеин-цаган-нор северо-восточные отроги главного хребта оканчиваются на правом берегу р. Селенги, текущей в верхней и средней части на восток-север-восток. К северу от этой реки страна, по свидетельству хангайских монголов, повсюду отличается горным характером. Между реками Селенгой и Эгинголом простирается хребет Хангай со своими отрогами: Эрцит, Халцзан и Найман-ула. Пространство между Селенгой и нижним Орхоном также покрыто горами, называемыми на западе Бургутай, а на востоке Барун-ула. Горы же между р. Урту-Тамиром и речкою Чжирматай носят название Сайхан-ула.

Во всей системе Хангая, кроме горы Богдо-ула, заключающейся в отроге главного хребта — Халтыр, — нет ни одной снежной вершины. Несмотря на то, Хангай дает начало многим рекам. На северо-восточном склоне главного хребта берет начало р. Селенга, под названием Эдера, — величайшая река Монголии. В соседстве с ее вершинами, на противоположном склоне хребта, находятся истоки весьма значительной р. Дзапхына, называемого в верховьях Буянту. С Богдо-ула течет Богдо-гол — самый многоводный приток Дзапхына. С юго-западного склона Хангая на юг в долину больших замкнутых озер изливаются: Байдарик с правыми притоками Цзакюм и Цаган-голом и левым — речкой Утою; Ологой, называемый в нижней части Нарын-гол; Туин-гол с левым притоком Шаргальчжид; Таца-гол с левым притоком Шаргаин-гол; Горида-гол с левым же притоком Шабарту-гол, по слиянию с которым называется Аргуин-гол, и, наконец, Онгииин-гол, получающий начало в юго-восточной оконечности главного хребта. С северо-восточного склона того же хребта в Селенгу текут: Тэрхей-гол с своим нижним продолжением Сумэйн-голом, принимающим справа Будон-гичигин-гол и Чолунэй-гол, далее Ханын-гол и Орхон со своими левыми притоками Чжирматаем и Тамиром.

Больших озер, кроме Тэрхей-цаган-нора, в горной стране Хангая нет, но малые нередки. Из этих последних мы встретили одно в долине Хойту-Тамира, несколько незначительных в долинах рек Будон-гичигин-гола и Тэллин-гола и два в долине Тэрхей-гола. Кроме того, по распространенным сведениям реки Хойту-Тамир, Байдарик, Цзак и Ологой, получающие начало в главном хребте, образуют в своих верховьях небольшие озера, а в горной стране к югу от этого хребта встречаются местами небольшие замкнутые озера, частью пресные, частью соленые, питающиеся водами родников, ручьев или маленьких речек. На пути по той стране мы видели малые озера: соленое Гашунь-нор и пресные Ульдзуйту-нор и Гун-нор. К северу от нашего пути, поблизости главного хребта, как говорили монголы, их больше.

Горы Хангая слагаются преимущественно из гранита, сиенита и фельзитового порфира, причем две первые породы развиты преимущественно

в западной половине его, а фельзитовый порфир преобладает в восточной. Из осадочных пород можно указать только на глинистый сланец в южной части по берегам р. Нарын-гола. Но и в северной половине системы между Орхоном и Улясутаем сохранились признаки прежнего обширного там распространения глинистых сланцев, разрушенных и смытых атмосферными деятелями. Эти свидетельства заключаются в присутствии на высоких кристаллических массивах сланцевых плиток и крошек, а также в окрашении их местами в темносиний цвет, очевидно, хлоритом распавшихся сланцев. Кроме того, обозревая наносы горных щелей и долин, мы в числе прочих сборных камней, погребенных в этих наносах, находили сланцевые обломки: плитки, крошки, гольши и гальки. Наконец, во многих *обо*, т. е. в грудях камней, воздвигаемых на высших местах перевалов и имеющих у монголов религиозное значение, мы точно так же усматривали эти обломки, хотя сланей названной осадочной породы по северную сторону главного хребта не встречали нигде.

Все эти признаки, несомненно, убеждают в прежнем широком распространении глинистых сланцев в северной половине системы, прорванных кристаллическими породами, сиенитом и гранитом, а потом окончательно смытых атмосферными деятелями, исключая участка по правому берегу р. Нарын-гола, где сохранились еще до сего времени пласты этой осадочной породы. Таким образом, кристаллические массивы Хангая, по крайней мере северной части, сравнительно с осадочными породами, — образования позднейшего.

В посещенных нами местностях северной половины Хангая можно указать, в частности, как это было сделано для южной, месторождения следующих пород: в хребте Уха-чолунэй — самом высоком из северо-восточных отрогов главного кряжа — развит фельзитовый порфир с обнажениями на гребне мелкозернистого гранита. В хребте Тэллинцаган повсеместно около дороги распространен фельзитовый же порфир. В отроге главного же хребта Гичигин склоны из фельзитового порфира, а гребень из сиенита. В главном хребте, на перевале Бомботу, преобладает сиенит, которого роговая обманка близ поверхности перешла в биотит; к подчиненным породам относятся на северо-восточном склоне гранитит, на юго-западном порфиристый гранит, а в центральной части обыкновенный известняк. В горах Хангая между г. Улясутаем и верховьями р. Кунгуя повсюду преобладает гранит и лишь изредка встречаются обнажения фельзитового туфа.

Главный хребет Хангая, исключая наиболее высокой части, принадлежащей к альпийской области, и его северо-восточные отроги покрыты местами лиственницей. Других хвойных пород мы не встречали, но Антропов видел в горах к северу и северо-западу от озера Тэрхеинцаган-нор небольшие кедровые леса. Хангайские леса редки, лишены густых зарослей кустарников и не отличаются большими размерами. Сплошных лесов, тянувшихся на несколько десятков верст, как, например, в Алтае, на верхней Бухтарме и Чуе, в Хангае нет. Самые обширные из виденных нами в этой горной стране лесов имели от 25 до 30 верст в окружности. Точно так же, как и в Алтае, в описываемой горной стране лес растет только на северных склонах гор, а южные их покатоности безлесны. На этих последних лишь кое-где встречаются малорослые кущи и одинокие, чахлые деревца лиственницы. Обширные леса распределены преимущественно по широким и глубоким лощинам, обращенным к северу в виде амфитеатров. Небольшие лиственные лески из тополя и тала мы видели

только на нижнем Тамире, верхнем Хойту-Тамире и в долине верхнего Богдо-гола.

В лесах Хангая водятся маралы, косули и кабаны, но медведей в них нет. Из мелких млекопитающих в этих лесах живут бурундуки и темные белки. На скалистых, малодоступных горах, преимущественно вблизи главного хребта, пасутся горные бараны и козлы, но в ограниченном количестве, а в долинах и предгорьях — цзэрены, которых тоже мало. Зато сурков в этой горной стране множество. Зайцев (*Lepus tolai*) мы в Хангае не видели вовсе. Из птиц в хангайских лесах встречали кукушку и пестрого дятла. В высоких областях главного хребта живут улары (*Megaloperdix*). Каменных же куропаток (*Sasabius chukar*), весьма обыкновенных в Северо-западной Монголии, в Хангае мы нигде не видели. Плавающих и голенастых птиц на реках водится множество⁽¹²⁰⁾.

Травянистая растительность Хангая не отличается разнообразием. Правда, в ту раннюю пору, когда мы проходили по этой горной стране, было еще мало растений в цвету, но и по количеству собранных видов цветковых можно судить об однообразии флоры Хангая. Сравнительно с роскошной растительностью нашего Алтая хангайская флора представляется бедной как по количеству видов, так и пышности самих растений. Но среди прочих маловодных и пустынных стран Монголии Хангай со своими лесами и обильно орошенными долинами может бесспорно считаться обширным оазисом этой вообще бедной по своей природе земли. Поэтому и население в Хангае плотнее, чем в остальных местах: на пути по этой горной стране монгольские улусы встречались чаще, чем в других местностях Монголии. Климат Хангая, благодаря весьма высокому положению этой страны над уровнем моря, очень суровый: весна начинается не ранее первых чисел мая, реки освобождаются от льда между 1 и 10 числами этого месяца; к тому же времени прибывают и перелетные птицы, но случается, что воды вторично покрываются на некоторое время льдом, и тогда масса плавающих и болотных птиц погибает от холода и голода. Во второй половине сентября по ночам уже бывают порядочные морозы, а в начале октября реки и озера покрываются льдом. Хангайские монголы жаловались на глубокие снега в их стране, присовокупляя, что в прежнее время, на памяти стариков, зима в Хангае была мягче и малоснежнее, тогда как ныне редкий год проходит, чтобы у них не было падежа скота, в особенности баранов, от бескормицы⁽¹²¹⁾.

Считаю не лишним сделать некоторые замечания о климате Монголии вообще. Полных метеорологических наблюдений наша экспедиция не делала, так как при постоянной перемене географической широты, долготы и абсолютной высоты мест, эти наблюдения, по моему мнению, не могли дать удовлетворительных результатов даже для поверхностных выводов о распределении атмосферного давления и в особенности теплоты в посещенной нами стране. Поэтому мы ограничились только наблюдениями ветров и направления облаков, пополняя эти наблюдения расспросными сведениями от местных жителей. Такие же наблюдения делались мною в 1876 г. в Джунгарии и Зайсанском крае в течение семи месяцев (с 1 марта по 1 сентября).

По нашим личным наблюдениям, пополненным расспросными сведениями, в Джунгарии весной и летом преобладают западные и юго-западные ветры, осенью и в начале зимы дуют преимущественно северо-западные, а зимой северные, северо-восточные, реже восточные и еще реже южные ветры. Облака весной и летом приходят с юго-запада и запада, а осенью с запада и северо-запада; зимой с северо-запада и реже с севера. С осталь-

ных стран света облака во все времена года приходят очень редко. Нам самим только однажды случилось наблюдать облака, шедшие с востока.

В Монголии на пути из г. Кобдо в г. Гуй-хуа-чен в сентябре были большей частью тихие и ясные дни, а в октябре и ноябре дули преимущественно западные ветры, редко северо-восточные и северные, и еще реже юго-восточные и южные. Январь и февраль мы провели в г. Калгане, расположенном в глубоком ущелье, в котором наблюдения над ветрами невозможны без флюгера, выставленного на одной из окрестных горных вершин. Март мы употребили на переезд из Калгана в Ургу. Погода в этом месяце стояла большей частью тихая, изредка только дули слабые западные ветры, но в конце марта несколько дней сряду дул северо-восточный ветер. В апреле, во время пребывания в Урге, дули преимущественно северо-восточные ветры, реже северные и восточные. На обратном пути из Урги чрез Улясутай к границе Западной Сибири с 1 мая по 20 июля мы наблюдали преимущественно западные и северо-западные ветры, реже северные и очень редко с прочих стран. В Центральной Монголии, по свидетельству жителей, в декабре, январе, феврале и в марте преобладают северо-восточные ветры, после них северные и восточные, а прочие редки. В апреле, мае, июне и июле дуют преимущественно западные и северо-западные ветры. В августе и сентябре дни бывают большей частью тихие и ясные. Эти два месяца считаются лучшим временем в Монголии. В течение их только изредка дуют слабые западные и северо-западные ветры. Облака в Монголии, как и в Джунгарии, приходят преимущественно с запада и северо-запада, даже в юго-восточную часть этой страны. Производя во время путешествия астрономические наблюдения для географического определения мест, я следил за облаками не только днем, но очень часто и ночью, выжидая удобное время для наблюдений, и почти всегда замечал движение их с юго-запада, запада или северо-запада. Только в Урге и раза два в Хангае пришлось видеть облака, направлявшиеся с севера и северо-востока. Показания монголов о направлении в их стране облаков подтверждают то же самое.

В заключение позволю себе указать на одно обстоятельство, которое, за неимением в тех странах метеорологических наблюдений, может дать некоторое представление о направлении влажных ветров в них, именно на неодинаковую степень выветривания граней у однородных гольцов, венчающих высокие и открытые со всех сторон горные вершины. Наблюдения таких гольцов в Джунгарии и в Западной Монголии показывают, что западные и северо-западные грани их, сравнительно с прочими, наиболее подвержены разрушению. Россыпи, отторженцы и вообще продукты выветривания у подножий этих граней обильнее, чем у остальных; то же самое можно сказать о трещинах и выемках на самих гранях. Это явление невозможно, мне кажется, объяснить ничем иным, кроме течения в те страны наиболее влажного воздуха с запада и северо-запада и относительной сухостью прочих ветров. При этом нужно, однако, заметить, что после западных и северо-западных граней гольцов наиболее подвержены разрушению южные, но отнюдь не от присутствия влажных полуденных ветров, которых там нет, а от попеременного действия на них то весьма значительной солнечной теплоты, то сильного холода. Действительно, в теплопрозрачной атмосфере тех стран южные грани гольцов должны в безоблачные летние дни сильно нагреваться солнечными лучами, а по ночам, вследствие свободного лучеиспускания, — претерпевать холод, что, само собой разумеется, должно способствовать их выветриванию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ОТ УЛЯСУТАЯ ДО ГРАНИЦЫ

Г. Улясутай. — Путь из него по западным отрогам Хангая. — Вступление в степь в верховьях реки Кунгуй и следование вниз по этой реке. — Песчаное пространство к северу от нее и степной край Урдур-унигытэ к югу. — Озеро Айрик-нор. — Процесс вымирания живущих в нем рыб. — Озеро Киргиз-нор и окрестная страна. — Признаки осыхания этой страны. — Переправа через нижний Дзапхын и следование по пустынной местности. — Начало горной страны Алтая близ источников Шинусу. — Наш путь по ней мимо озер: Хара-нор, Шацгай-нор и Ачит-нор. — Переход через пограничный хребет Сайлюгэм и прибытие в Кош-Агач.

Город Улясутай расположен в глубокой и довольно широкой горной долине, ограниченной с востока и запада длинными отрогами Хангая. На северных склонах этих гор рассеяны кое-где небольшие роции лиственницы. Среди долины стремится быстрый Богдо-гол, разбивающийся часто на рукава и принимающий справа речку Чжагистэй, на правом берегу которой, немного выше устья, и раскинут самый город. В нем не более ста домов. Дворы обнесены тыном, улицы узки и грязны. Вообще Улясутай имеет печальный вид. Жителей в нем в то время было около 1 000 человек. Главную массу их составляют торгующие китайцы, потом китайские ремесленники. Последние занимаются преимущественно приготовлением деревянных частей — юрт для монголов, деревянной посуды и таганов для них же. Железо на таганы покупается частью у китайцев, частью у русских купцов, торгующих в этом городе. Торговля в Улясутае весьма незначительна. Китайские купцы имеют в этом городе, однако, изрядные склады товаров, большая часть которых развозится их приказчиками по кочевьям. Кирпичный чай и бумажные ткани составляют первостепенные статьи сбыта. Товар привозится преимущественно из Гуйхуачена, а отчасти из Калгана и Урги.

Наши бийские купцы, торгующие в Улясутае, поселились на одном обширном дворе, на котором находятся и лавочки их. В 1879 г. всех русских лавочек в Улясутае было 9. Торговля собственно в городе и у русских купцов очень незначительна. Поэтому главные торговцы наши в Улясутае отправляют, подобно китайцам, по временам товар с приказчиками по хошунам.

В двух верстах к северу от города находится крепость, в которой живет цзянь-цзюнь, два его помощника (хэбей-амбани), чиновники и помещается гарнизон, состоявший в 1879 г. из 500 солдат, а в версте к югу — небольшая колония китайских земледельцев. Она имеет около десятка домиков, разбросанных среди прекрасно возделанных пашен. На пашни проведены из речки оросительные каналы, а земля тщательно удобряется нечистотами, привозимыми колонистами из города. Несмотря на весьма значительную высоту Улясутая¹, ячмень, овес и овощи рождаются удовлетворительно, а пшеница плохо. Для продовольствия городских жителей большая часть муки, а также рис и просо привозятся из Гуй-хуа-чена. С 1878 г., т. е. со времени прекращения дунганского восстания в Джунгарии, в Кобдо и Улясутай стали привозить хлеб из Хами, Баркуля и Гучена. Он с того времени значительно подешевел в Западной Монголии. Из Гуй-хуа-чена, кроме хлеба, в Улясутай привозят еще зимой, преимущественно к новому году: яйца, свинину, поросят и другие съестные припасы, которых невозможно достать на месте.

В долине Богдо-гола, под городом, рассеяно много юрт и жалких, дырявых шалашей из войлока, принадлежащих бедным монголам. Эти последние питаются поденной работой в городе, подачками за различные услуги китайцам и вообще ведут жалкую жизнь. Часть монголов находится постоянно в услужении у китайцев. Немногие из них занимаются и ремеслами, преимущественно в качестве рабочих у китайских ремесленников.

После пятидневного отдыха в Улясутае, мы 15 июня направились из этого города к границе. Дорога верст пять идет вниз по долине Богдо-гола, потом поворачивает в горы и пересекает по перевалу Олин-даба невысокий отрог. Затем она спускается в сухую, каменистую долину речки Иро — правого притока Богдо-гола. На окрестных горах разбросаны небольшие лески лиственницы, которых мы потом уже не встречали до верхней Чуи. Переночевав на речке Иро, мы на следующий день перешли по перевалу Ошик-даба другой хребет, с которого спустились в широкую, открытую с юго-востока долину. По ней направляется в эту сторону сухое русло временного потока, по берегам которого паслись цзэрены. Из этой долины мы опять поднялись на хребет Цаган-чолу, ночевали на восточном склоне перевала через него — Сагдын-даба — и утром спустились в долину ручья Джулин-булук, текущую с севера на юг. Тут 17 июня видели огромную толщу обледенелого снега, оставшуюся, должно быть, от целого снежного холма — продукта зимних метелей. От таяния этой снежной массы образовалась немного ниже ее обширная и довольно глубокая лужа, которую мы издали приняли за постоянное озеро.

Пройдя верст восемь вниз по ручью Джулин-булук, иссякающему далее в сухой долине, мы повернули на запад в горы и по перевалу Цакин-дырылдже пересекли последнюю ветвь Хангая — Дулан-хара, с которой спустились в долину к родникам Хобэин. Все эти невысокие хребты, пересеченные нами на пути из Улясутая, суть слабые ветви Хангая, простирающиеся почти с севера на юг. Преобладающая их порода — серый гранит. Перевалы через эти ветви незначительны.

От ключей Хобэин дорога направляется по широкой междугорной долине, ограниченной с севера последним отрогом Хангая, а с юга и юго-за-

¹ Абсолютная высота Улясутая, по определению Эляйсса, 5 736 футов, по моему — 5 810 футов.

пада — невысокими насажденными горами, весьма слабо с ним связанными. В плоских углублениях долины растет весьма порядочный кипец, но за отсутствием поблизости источников и колодцев она в летнее время необитаема. Мы прошли по ней около 20 верст, потом пересекли незначительную южную ветвь отрога Хангая, ограничивающую долину с севера. Эта ветвь, называемая Ер-хаирхан, сочленяется на юге от дороги с невысокими насажденными горами, лежащими от нее к западу, на севере отделена от них открытой долиной. Перейдя эту долину и холмы к западу от нее, мы спустились к колодцу Ярен-худук. Тут, в 80 верстах от Улясутая по нашему пути, оканчивается обширная горная страна Хангая. К западу от названного колодца местность отличается совершенно степным характером. Она покрыта насажденными хребтами, сочленяющимися весьма слабо, низкими увалами, в восточной части с последними отпрысками Хангая. В геогностическом смысле эти горы не имеют ничего общего с Хангаем.

От Ярен-худука к западу страна значительно понижается. Раньше, проходя по весьма высоким местностям, мы не испытывали почти вовсе жаров, а тут они стали для нас очень чувствительны: приходилось вставать с рассветом, чтобы к 10 часам утра окончить дневной переход верст двадцать — двадцать пять не более.

Дорога от колодца направляется по широкой степной долине, ограниченной на юге весьма плоской грядой, посредством которой система насажденных степных гор сочленяется с последними отрогами Хангая, а на севере речкой Кунгуем. Пройдя около 25 верст по степи, мы вышли на эту речку и остановились на ее левом берегу дnevать.

Речка Кунгуй получает начало верстах в двадцати пяти к северо-востоку от Ярен-худука и образуется из многих родников, бьющих из песка. В верховьях она известна под названием Нарын-гола, а в средней и нижней части называется Кунгуем. Речка имеет от 10 до 15 сажен ширины и часто разбивается на рукава. Она очень мелка, и только в немногих местах, у возвышенных берегов, глубина ее достигает 3—4 футов. Температура воды около 3 часов пополудни достигла почти 20° по Реомюру, так что купанье в ней нисколько не освежает. Дно, состоящее из мелкого песка и ила, местами очень топка. В верхней части речки часто встречались очень маленькие прибрежные озерки, или, правильнее, глубокие ямы, сообщающиеся с рекой узкими протоками. В этих ямах и омутах самой речки мы ловили маленьких ускучей и гальянов, а также находили раковины живущих в них озерников (*Limnaeus stagnalis*). Плавающих и голенастых птиц, исключая улитов, чаек и чеграв, было немного. Появлялись изредка и степные курочки, прилетавшие на речку пить.

К северу от Кунгуя тянется широкая и длинная полоса зыбучих песков, сопровождающая течение этой речки на прострaнстве около 100 верст и имеющая от 25 до 30 верст ширины. Полоса представляет плоскую гряду, постепенно понижающуюся к западу. Гребень ее подымается приблизительно на 700 футов над уровнем речки. Эта гряда состоит из песчаных барханов, покрытых редкими кустиками, должно быть, караганы. На гребне и склонах торчат местами голые скалы, повидимому, красного гранита, выдающиеся из этого песчаного моря в виде высоких островов и называемые монголами шиер⁽¹²³⁾. Сообщение через пески затруднительно, в особенности летом, но зимой и осенью монголы, несмотря на их безводье, часто перегоняют через них стада. В верхней части Кунгуя пески переходят отчасти и на левый берег речки, образуя на нем кое-где сугробы.

На севере от песчаной полосы, в тридцати с небольшим верстах от Кунгуя, находится большое соленое озеро Хара-нор, имеющее около 35 верст в окружности. В него впадает с восточной стороны речка Мухур-Кунгуй, получающая начало тоже из песков, верстах в восемнадцати к северу от истоков Кунгуя⁽¹²⁴⁾. Монголы говорили, что с гор Ихы-бэрхэ (отрог Хангая), отделяющих истоки этих речек, стекают в соседние пески ручьи, струящиеся в них скрытно, и потом выходят на поверхность, образуя ключи, дающие начало обеим речкам. По северную сторону озера Хара-нор тянется длинный северо-западный отрог Хангая, называемый в этом месте Араланту, а далее к западу Хан-хухэй. С Кунгуя видны были только вершины этого отрога, простирающегося, по словам монголов, непрерывно от высоких гор Хангая с востока на запад.

В долине Кунгуя во время нашего пребывания стояло много монголов. Эта долина за отсутствием в стране высоких гор служит в летнее время наиболее удобной местностью для стойбищ. По берегам речки тянутся хорошие луга, но трава в то время была значительно потравлена пасшимся на них повсюду скотом.

К югу от Кунгуя, в расстоянии около 20 верст, тянется с востока на запад, почти параллельно речке, весьма длинный, но невысокий степной кряж Урдур-унигытэ. На востоке этот кряж слабо сочленен с последним отрогом Хангая, а на север, к речке, высылает несколько низких отрогов, между которыми залегают весьма широкие и открытые к Кунгую долины с песчано-каменистой почвой, поросшей во многих местах караганой. В этих долинах, поблизости речки, встречаются и солончаки, покрытые злаком дерису, а на самих берегах весьма хорошие луговые пространства.

На второй день пути по долине Кунгуя мы ночевали на урочище Нуга, представляющем обширный мокрый луг, обильно орошенный многими ключами, образующими малые озерки. На этом урочище мы, между прочим, видели несколько берез, которых не встречали на всем пути от Урги. С урочища Бага-булум, отстоящего в одной станции от Нуги, дорога пролегает по равнинной местности. Короткие и низкие отроги степного кряжа Урдур-унигытэ, простирающегося к югу от Кунгуя, уже не достигают в этой местности берегов речки. Каменно-песчаная степь покрыта почти повсюду караганой. На этой степи вздымается в виде колоссального конуса гранитная скала Улан-хаирхан. Против нее, на правом берегу Кунгуя, на южной окраине песков возвышается такая же скала Сабун-хаирхан, к северо-западу от последней—Шьер-хаирхан, а к северу от урочища Нуга из песков подымается целый кряж, тянущийся с востока на запад верст на десять. Песчаная гряда, из которой они вздымаются, имеет волнообразную поверхность, и ее можно было бы уподобить морю, застывшему во время волнения, если бы она была совершенно плоская. Эта гряда представляет много любопытного для геолога и тщательное изучение ее, вероятно, пролило бы некоторый свет на теорию образования больших песчаных пространств.

На меридиане урочища Цацеин-булук оканчиваются зыбучие пески, тянущиеся по правому берегу Кунгуя. Песчаная полоса, впрочем, не имеет резкой границы на западе, а переходит постепенно в каменно-песчаную степь, покрытую караганой и чингилом. С этого урочища отделяется на северо-запад дорога в ставку дурбетского вана⁽¹²⁵⁾—Уланком, что на речке Харкора—притоке оз. Убса. Около дороги, в 25 верстах от Кунгуя, находится небольшое, но весьма глубокое пресное озеро Гун-

нор, лежащее в котловине. Оно питается ключами, и рыбы в нем монголы не замечали.

К западу от урочища Цаган-булум речка Кунгуй вступает в теснину с крутыми, высокими берегами и течет в ней около 25 верст. В этой теснине рос когда-то березовый лес, от которого остались кое-где пни. Да и не одна эта теснина, но вообще вся долина нижнего Кунгуя была прежде покрыта таким лесом, на что, кроме пней, указывают самые названия некоторых ее урочищ. Лес, как говорили монголы, был истреблен пожарами и с тех пор перестал расти⁽¹²⁶⁾.

Близ западной оконечности помянутой теснины дорога оставляет Кунгуй, поворачивающий к северо-западу, и направляется степью к р. Дзапхыну, но мы решили продолжать путь по Кунгую до его устья. Нам хотелось проверить показания монголов, кочевавших на берегах Кунгуя, о том, что эта речка впадает не в р. Дзапхын, как значится на большой китайской карте Монголии, а в оз. Айрик-нор, в которое, по их же показаниям, изливается и Дзапхын. Это озеро не нанесено на китайскую карту, а р. Дзапхын показана на ней изливающейся в оз. Киргиз-нор. Желая лично удостовериться в существовании оз. Айрик, мы свернули с дороги и направились по правому берегу Кунгуя на северо-запад. Поднявшись на увал, увидели на севере цель холмов Цзун-сэрил, служащую предгорьем синевшемуся вдаль высокому хребту Хан-хухэй, а на юго-западе тянулась пологая гряда, которой оканчивается между низовьями Дзапхына и Кунгуя степной кряж Урдур-унигытэ, с отдельными в конце высотами. На ночлег мы спустились к речке на урочище Шара-модутэй-нурмак, на котором заметно было много березовых пней. Утром с увала открылась перед нами вдаль сероватая поверхность оз. Айрик. Подойдя к нему, мы были поистине поражены присутствием великого множества водяных и болотных птиц на этом озере: пеликаны, цапли, утки, лебеди, гуси, чайки, авдотки и многие другие птицы буквально покрывали берега, заливы и всю прибрежную полосу воды в несколько десятков сажен ширины. Мы остановились на устье Кунгуя и пробыли на озере почти двое суток. На наше счастье, в оба дня дул свежий ветер с северо-востока, препятствовавший комарам, которых в это время там была тьма, тревожить нас и наших животных.

Оз. Айрик имеет около 17 верст длины и 8 ширины, а в окружности простирается до 45 верст. Южный берег его низменный и большей частью топкий, северный немного повыше, но тоже плоский. Кроме Кунгуя озеро принимает в себя р. Дзапхын, устье которой находится в 3 верстах к западу от первого⁽¹²⁷⁾. Обе эти реки приносят в Айрик-нор массу мельчайших нерастворимых частиц, окрашивающих его воды в светлоржавчинный цвет. Глубина озера от южного берега возрастает крайне медленно: в расстоянии 100 сажен от береговой черты она не более 2—3 футов, да и посредине, судя по рельефу окрестностей, должна быть очень незначительна. Дно Айрик-нора до того топко, что по нему не только неудобно, но и опасно ходить. Тростники на берегу заметны только близ устья Дзапхына, против которого находятся отмели, а быть может, и низменные островки, покрытые ими; в остальных местах южный берег преимущественно открытый.

Вода в озере пресная, но мутная и не совсем приятная на вкус. В нем живет два вида рыб: гальяны (*Nemachilus*) и ускучи (*Leuciscus*). Последние достигают весьма больших размеров. На устье Кунгуя мы нашли голову ускуча, выброшенного волнами и съеденного орлами. Она принад-

лежала рыбе, имевшей, вероятно, не менее пуда веса. Монголы, которым мы ее показывали, уверяли, что им случалось видеть в озере более крупные экземпляры, не уступающие по весу жеребенку⁽¹²⁸⁾. Моллюсков в Айрик-норе мы не нашли.

Плавающих и болотных птиц на этом озере было несметное множество. По утрам и вечерам стаи и одиночные птицы непрерывно в течение двух, трех часов пронеслись вдоль берега. На Айрик-норе живет много орланов, питающихся его рыбами. Во время бури волны выбрасывают на берега ускучей, и орланы, как только ветер начнет крепчать и на поверхности озера поднимутся большие волны, собираются в стаи и летают вдоль берегов, высматривая добычу. Завидев выброшенную рыбу, стая испускает крики и усаживается на пирушку. Голодные монгольские собаки соседних улусов точно так же во время волнения на озере спешат к нему со всех сторон, бегают вдоль берега, ища выброшенных волнами рыб, и иногда вступают в ожесточенную драку с орланами из-за добычи.

Замечательно, что выброшенные на берег рыбы большей частью свежие, не подвергнувшиеся разложению. Поэтому следует полагать, что волнение этого мелкого озера, имеющего топкое иловатое дно, касается самого дна, поднимает сильную муть, от которой рыбы, застигнутые в мелких местах, теряют сознание и, повинуясь волнам, появляются в бесчувственном состоянии на берегах, где, конечно, и умирают вскоре. Во время нашего пребывания на Айрик-норе, 28 июня после полудня, северо-восточный ветер развел сильное волнение; волны яростно ударились о берега и цвет поверхности озера изменился, перейдя из светлоржавчинного в темноржавчинный или коричневый, по всей вероятности от сильной мути, поднятой волнением. На другой день утром, при тихой погоде, цвет поверхности воды казался несравненно светлее, чем накануне, во время бури.

Оз. Айрик в северной части соединяется протоком с весьма большим соленым озером Киргиз-нор. Это последнее простирается до 100 верст в окружности. Берега его плоски и пустынно. На них местами растет высокий тростник. Проток, соединяющий озера, имеет около 5 верст длины, течет очень тихо и так глубок, что его, по словам монголов, нигде нельзя переехать вброд. Рыбы в Киргиз-норе нет, но в протоке, соединяющем его с Айрик-нором, живет множество крупных ускучей. Монголы рассказывали нам, что большие ускучи, играя в этом канале, высываются иногда из воды и пугают коней у проезжающих по берегам всадников. Несмотря на соленость воды, в Киргиз-норе должна быть все-таки животная жизнь, так как на нем, по уверению монголов, водятся плавающие и голенастые птицы. Оба озера отделены весьма плоской грядой, на которой к западу от прорезающего ее протока подымается отдельная высота. По случаю появления множества оводов и комаров на вторые сутки пребывания на Айрик-норе нам самим не удалось посетить Киргиз-нор, и мы должны были ограничиться описанием его монголами, стоявшими поблизости Айрик-нора.

К северу от Киргиз-нора тянется в восточно-западном направлении весьма высокий хребет Хан-хухэй, опускающийся круглым склоном к равнине соединенных озер. Этот кряж представляет, как было замечено, непосредственное продолжение Хангая и оканчивается невысоким хребтом Тохтугэнь-нуру на правом берегу речки Харкира.

Страна к востоку и западу от озера Киргиз-нор представляет совершенную пустыню, богатую солончаками. К западу от этого озера лежит

небольшое соленое озерко Бага-нор, а в пустыне к востоку от Киргиз-нора водятся джигетаи (*Equus hemionus*). Незадолго до нашего прибытия на Айрик-нор стоявшие в окрестностях его монголы охотились на них в той пустыне и убили несколько штук. Охотники рассказывали, что в сильные жары около полудня табуны джигетаев стоят на месте и подпускают к себе гораздо ближе, чем в прохладное время. Но для такой охоты нужны очень хорошие, выносливые кони, так как приходится долго ездить по безводным местам и притом в жару. Подъехав к табуну, монголы стреляют джигетаев из своих фитильных ружей с сошками.

Джигетаи ныне редко встречаются в Монголии: мы на всем пути не видели ни одного экземпляра, но достоверно известно, что они живут в большом количестве в Северо-Восточной Монголии, отчасти в долине больших озер между Хангаем и Южным Алтаем и в окрестностях Киргиз-нора⁽¹²⁹⁾.

С оз. Айрик мы направились к юго-западу, на прежнюю дорогу. Первые 5 верст шли по солонцеватой равнине, покрытой местами зарослями дэрису, а потом вступили в песчаные барханы. Тут в песке и на поверхности лежало множество раковин озерника (*Limnaeus stagnalis*). Пески находятся на высоте по крайней мере 200 футов над теперешним уровнем Айрик-нора. Следовательно, прежде вся окрестная соединенным озерам страна была, без сомнения, покрыта водой и представляла огромное пресное водохранилище, сливавшееся, вероятно, с оз. Хара-усу и затоплявшее даже всю долину Дзерге, в которой найдены были те же раковины. Присутствие множества солончаков во всех значительных углублениях страны также служит тому свидетельством⁽¹³⁰⁾.

Среди песчаных барханов мы встретили весьма значительную впадину с солонцеватой почвой и несколькими малыми озерками, поросшими тростником. Перейдя ее поперек, снова вступили в барханы, покрытые низкорослым саксаулом. Песчаная площадь имеет эллиптическую форму и простирается с лишком на 30 верст в окружности, но самые барханы невысоки. Из барханов мы поднялись на пологую гряду с отдельной высотой, представляющую северо-западную оконечность хребта Урдур-унигытэ, а с нее спустились на р. Дзапхын, текущую в широкой солонцеватой долине.

В этом месте Дзапхын разбивается на два очень длинные рукава, образующие обширный остров. Ширина восточного рукава около 20 сажен, а западного — до 15. Глубина реки вообще незначительна, но при крутых берегах встречаются омуты в 6—7 футов. Песчано-иловатое дно Дзапхына очень топко, и потому переправа через реку даже на верблюдах, имеющих, как известно, большие ступни, затруднительна, а в половодье опасна. В самом низу реки, близ устья, дно еще топче и переправа в том месте через Дзапхын возможна только с опытным, из местных монголов, проводником. В одном из омутов реки мы закидывали неводок и поймали несколько штук ускучей того же самого вида, что и в Айрик-норе. Харюсов в нижнем Дзапхыне не попалось, да и не должно быть, потому что эти рыбы живут только в весьма быстрых и каменистых горных речках. В средней же части Дзапхына, ниже монастыря Нарбаньчи, отличающейся почти горным характером, их водится много.

Нижний Дзапхын на протяжении от урочища Аргаланты до устья служит западной границей аймака Цзасакту-хана. Улясутайская дорога по пересечении этой реки направляется до самой государственной границы по земле дурбетов, юго-восточная часть которой, примыкающая

к низовьям Дзапхына и соединенным озерам, представляет солонцеватую пустыню с явственными признаками покрывавшего ее водного пространства. От монголов, стоявших на Дзапхыне, мы получили подтверждение прежних сведений о сообщении озера Хара-усу с этой рекой. Из Хара-усу выходит глубокий проток Чонх-харих, впадающий в оз. Хара-нор, которое принимает в себя с юга другой проток из оз. Дурганора и выпускает, в свою очередь, из себя проток Тахтэ-тэмен в р. Дзапхын. Устье этого последнего находится на расстоянии одного дня пути от переправы через Дзапхын на Улясутайской дороге, или приблизительно верстах в семидесяти пяти выше устья Дзапхына. Проток приносит большую массу воды в реку, которая в нижнем течении несравненно многоводнее, чем в среднем, в окрестностях монастыря Нарбаньчи, так как кроме протока принимает еще с правой стороны многоводную речку Улясутай.

Переправа через восточный рукав Дзапхына сопряжена была с хлопотами: лошади вязли, да и некоторые из верблюдов тоже проваливались. Кое-как выбрались мы на большой остров, образуемый рукавами реки, и остановились на ночлег. Утром пришлось переправляться через другой рукав; этот последний уже и глубже, но не топок. Долина Дзапхына имеет более 5 верст ширины, местами прорезана старицами и покрыта малыми озерками. В ней встречаются обширные луга и заросли дэрсу, на которых стояло много монголов. Из долины мы поднялись на увал и, пройдя верст 5 по сухому, каменистому плоскогорью, спустились в обширную котловину, центральная часть которой занята соленым озером Цээрэн-нор, имеющим около 8 верст в окружности. Южный берег его покрыт высоким тростником, и на нем находится несколько малых озер с солоноватой водой; на этих озерках было множество водяных и болотных птиц, в особенности шилоклювок. Близ юго-западной оконечности озера есть родники, на которых останавливаются проходящие караваны. Мы по случаю сильного жара тоже остановились на этих родниках часа на четыре. Стаи степных курочек, томимые жаждой, очень часто прилетали на родники пить, несмотря на наше присутствие. По берегам Цээрэн-нора растет много солончаковых растений, — осенью ботаник тут мог бы обогатить свой гербарий солянками. В этом озере осаждается соль; на западном берегу лежат пласты чистой самосадочной соли, которой мы взяли с собой около пуда.

Местность к западу и, в особенности, к северо-западу от Цээрэн-нора представляет пустынную, слегка волнообразную равнину. Ночевать пришлось среди безводной станции в 46 верст. Утром мы шли по волнистой местности, на которой пересекали весьма длинное русло временного потока. По сторонам и впереди видны были повсюду горы. На север от дороги тянулась плоская гряда, а на юг кряж Анхалэ — крайние отроги Алтая, в который мы в тот же день вступили, достигнув низких и пустынных гор Аргаланту, пересекаемых дорогой. Вдали на северо-западе белели снежные вершины гор Харкира. Эти вершины мы увидели в первый раз с низовьев Кунгуя и приняли их сначала за облака, но потом уже признали в них снежные горы. На юге тоже вдали виден был массив Хобо — западной части хребта Цзун-хайрхан — соседней оз. Хара-усу.

С гор Аргаланту спустились в глубокую и обширную котловину и остановились на родниках Шину-усу на дневку. Котловина в южной части сообщается с обширной равниной, прилегающей к северному подножью кряжа Анхалэ, и в ней там и сям разбросаны были малые улусы дурбетов. Этот народ, отличающийся кроме языка и внутреннего быта

еще несколько и наружностью от халхасцев, казался нам не столь общительным, как монголы Халхи. Последние, бывало, как только мы остановимся, стекались со всех сторон в наш лагерь. Дурбеты же держались иначе: редкий из них заходил к нам, да и сведения о своей стране они сообщали не так охотно, как халхасцы.

Из котловины дорога вступает в невысокие горы и следует по ним около 10 верст, потом выходит на обширную междугорную долину с большим солоноватым озером Хара-усу. Долина со всех сторон обставлена горами и только в юго-восточной части соединяется узким горлом с соседней равниной, прилежащей к подошве хребта Анхалэ. Окраинные горы ее суть юго-восточные отроги снежных альп Харкира. Один из них под названиями Холбо и Шилюстын огибает оз. Хара-усу с севера и, отделив на юг две ветви, образующие помянутую котловину Шину-усу, тянется потом пологой грядой на восток и оканчивается в пустынной равнине, верстах в тридцати к северо-западу от Цээрэн-нора. Другой очень широкий отрог отделяется от тех же альп на юг, потом поворачивает на юго-восток, замыкая долину оз. Хара-усу с полуденной стороны, и оканчивается высотами Куку-ингир на левом берегу нижней Кобдо.

Озеро Хара-усу имеет около 35 верст в окружности и питается водами весьма значительной речки Намир, впадающей в него с запада⁽¹³¹⁾. В восточной части в озеро вдаются две весьма длинные косы, расположенные одна против другой, между которыми остается лишь неширокий пролив, соединяющий меньшую часть озера с большей, а к северо-западной части его подходят горы, образующие скалистые береговые утесы. На южном берегу в начале косы возвышается небольшая каменная сопка. Остальные берега плоски, и глубина озера должна быть значительна только в северо-западной части, у скалистых высоких берегов. Вода в озере солоноватая, рыб и моллюсков в нем мы не видели, но плавающих и болотных птиц было довольно много, в особенности турпанов (*Casarca rutila*).

Миновав озеро, мы остановились близ устья впадающей в него речки Намир на ночлег. Речка имеет около 10 сажен ширины и была в то время очень глубока и быстра. Вода в ней отличалась странным буро-желтым цветом от размываемой на пути глины, которой она и припахивала. Издали, с возвышенного места, речка казалась темнокелтой лентой, изгибавшейся по зеленому полю обширных сплошных лугов. Несколько раз мы закидывали в нее свой маленький неводок, но не вытащили ни одной рыбки. Впрочем, трудно допустить, чтобы рыбы могли жить в столь мутной воде, похожей на какую-то болтушку. Намир получает начало в снежных горах Харкира и течет сначала на юг-восток-юг, потом круто, почти под прямым углом, поворачивает на восток-север-восток и впадает в западную часть оз. Хара-усу. Вся длина течения этой реки не должна превышать 60 верст. В нижних частях долина Намира большей частью болотиста, а в средней и верхней частях речки она представляет обширное, сплошное болото. В этом болоте находится множество родников, из которых составляются то ручейки, струящиеся непосредственно в речку, то небольшие озерки, образуемые источниками и сообщающиеся также с Намиром протоками. Поэтому неудивительно, что речка при такой незначительной длине собирает в себя порядочную массу воды, получая ее в избытке из множества соседних источников.

От ночлежного пункта близ устья Намира мы прошли верст двенадцать вверх по этой речке до ее крутого изгиба, потом оставили ее вправо и направились по холмам к северо-западу. На пути, у подножья холмов,

встретили небольшое озерко, сообщающееся с речкой протоком, далее в долине между холмами — другое, выпускающее также в Намир ручей. С холмов в ближайшей части долины этой речки видны были тоже небольшие озерки, рассеянные кое-где по болотистой местности. Пройдя около трех верст по холмам из глинистого сланца, мы вышли к ручью Носан-булук, текущему из разрушенных гранитовых масс в Намир, и остановились на ночлег. С этого ручья дорога вступает в горы, пересекая в этом месте южный отрог альп Харкира, поворачивающий потом к юго-востоку и окаймляющий долину оз. Хара-усу с юга. На юг, к берегам протекающей в соседстве р. Кобдо, этот отрог отделяет высокие ветви.

В упомянутом отроге находится глубокая междугорная котловина, занятая оз. Шацгай¹. Оно имеет около 10 верст в окружности и питается водами ручья Котюль-булук, текущего в него с севера из гор Харкира. Вода в оз. Шацгай до такой степени солоната, что в нем не только нет рыбы, но и вообще никакой животной жизни не должно существовать, на что, между прочим, указывает и отсутствие на нем водяных птиц. Исключая нескольких пар турпанов, мы не видели на нем вовсе этих (водяных) птиц. Глубина озера, в особенности в западной части, должна быть весьма значительна: там дно от берега падает так круто, что в расстоянии трех или четырех сажен от береговой черты его уже совсем не видно и глазу наблюдателя представляется мрачная пучина. К западу от Шацгай-нора мы пересекли такой же невысокий и каменистый перевал, как и к востоку, подходя к нему, а потом спустились на весьма каменистое плато, почти сплошь усеянное сборным булыжником и галькой — продуктами разрушения окрестных северных гор. Эти обломки лежат местами правильными, почти параллельными рядами, тянующимися с севера на юг, от гор до р. Кобдо. Еще спускаясь с перевала от оз. Шацгай, мы увидели на юго-востоке широкую зеленую ленту лиственного леса, покрывающего берега р. Кобдо и придающего издали, в особенности с высоты, живописный вид ее долине. На севере, верстах в тридцати, искрились снежные вершины гор Харкира, а на юге, верстах в семьдесят, виден был белок Алтан-цицик. Так называют дурбеты снежные горы Гурбан-цасагу, виденные нами в 1878 г. на пути от р. Кобдо к городу того же имени, близ урочища Алтан-чечей.

Пересекши на каменистой равнине три ручья, текущие с севера в р. Кобдо, мы вышли на речку Шивыртай на ночлег. Она получает начало в горах Харкира и впадает в р. Кобдо слева. По берегам речки растет тополь, тал, тальник и другие кустарники. Речка часто делится на рукава и течет очень быстро по каменистому ложу. В ней мы ловили много крупных хариусов. Стоянка на этой речке, несмотря на прекрасную воду и отличный подножный корм, в то время была несносна по причине множества оводов, комаров и мошки. Поэтому на другой день ранним утром мы поспешили оставить Шивыртай. Дорога шла сначала по каменистой равнине, потом пересекла пологую грядку и снова вышла на равнину, ниспадающую на юг, к долине р. Кобдо, крутым и высоким обрывом. Затем мы вступили в пологие холмы из глинистого сланца со многими глубокими и узкими лощинами, направляющимися к р. Кобдо. Среди этих холмов вздымаются кое-где высокие массивы из фельзитового порфира, проникающие через глинистый сланец, развитый повсеместно у их подножий. Тут к северу от дороги возвышается большая гора из названной

¹ Название Шацгай-нор (т. е. сорочье озеро) это озеро получило от множества сорок, водящихся в окрестных горах, в которых мы действительно часто встречали их.

породы — Улан-лонхо; близ самой дороги на левом берегу р. Кобдо поднимаются также массивные высоты из той же породы¹. Обогнув эти последние с севера, мы спустились к протоку из оз. Ачит в р. Кобдо и остановились на нем днeвать.

Проток, соединяющий оз. Ачит с р. Кобдо и называемый Усун-холой (водяное горло), имеет около 5 верст длины, от 20 до 30 сажен ширины и довольно быстрое течение. Он стремится с севера на юг в узкой долине, ограниченной невысокими берегами, и имеет довольно значительную глубину, а при устье даже очень большую. Вода в нем пресная, но от присутствия тростника, покрывающего повсюду его берега, не совсем приятного вкуса. В протоке живет очень много ускучей, но других пород нет.

Р. Кобдо при устье протока имеет около 60 сажен ширины и течет очень быстро. По берегам ее на всем виденном нами пространстве растет тополь, тал и различные кустарники. В этих зарослях поблизости протока живут фазаны (*Phasianus torquatus*). Река описывает в этом месте весьма значительную луку к северу. Зимой на берегах Кобдо располагаются многие улусы, но в летнее время она по причине множества комаров, оводов и мошек остается в средней и нижней частях необитаемой. В течение более полутора суток, проведенных нами на устье протока, эти насекомые до такой степени искушали наших лошадей, что у них сильно вздулись груди, а на теле, в особенности на спине, образовалось множество небольших ран. Две бывшие с нами собаки тоже не находили места от оводов и комаров: терзаемые этими несносными насекомыми, они по временам начинали бегать от них и потом бросались в воду. Нелегко было и людям в это время, но желание определить географическое положение устья протока удержало нас тут почти на двое суток. К несчастью, в оба вечера небо было облачно, и мы напрасно промучили себя и животных в этом злполучном месте.

К югу от устья протока, верстах в шестидесяти, возвышается снежная группа Гурбан-цасату, или Алтан-цицик по-дурбетски. Она заключается в весьма высоком горном хребте, тянущемся на север-восток-север. Мы пересекали этот хребет по перевалу Хонур-улен в 1878 г. на пути в г. Кобдо. В нем, верстах в тридцати и сорока к юго-западу-югу от группы Алтан-цицик, видны были вершины, покрытые снежными пятнами.

С устья протока мы направились вверх по нему к Ачит-нору и, пройдя верст пять, достигли малого озера, из которого он вытекает. Это озеро имеет около 5 верст в окружности, покрыто по берегам тростником и сообщается с Ачит-нором проливом. Перешеек между соединенными озерами представляет низменную землю, поросшую тоже тростником. Вскоре перед нами открылась обширная синеватая поверхность Ачит-нора, по западному берегу которого пролегает дорога.

Ачит-нор простирается в длину с северо-запада на юго-восток 20 с лишком верст. Наибольшая ширина озера в средней части — около 16 верст. В этом месте находятся две губы, лежащие одна против другой. Островов на озере нет, но скалистые массы встречаются на юго-западном и северо-восточном берегах. Глубина от юго-западного берега возрастает довольно быстро, а при крутых скалистых мысах, имеющих, впрочем, береговые откосы, дно падает круто. Вообще глубина этого озера должна быть весьма значительна (¹³²).

¹ В этой местности обнажаются также в невысоких скалах кварцит и филлит.

Вода в Ачит-норе пресная, но из рыб в нем живут только одни ускучи, достигающие, судя по найденным на берегу остаткам, таких же больших размеров, как и в Айрик-норе, и принадлежащие тому же самому виду. Моллюсков же мы не находили в этом озере. На Ачит-норе живут также орланы, а плавающие и болотные птицы держатся преимущественно в северо-западной и юго-восточной частях озера, около тростников.

Ачит-нор принимает в себя в северной части три речки: Беконь-бере, называемую в нижних частях Беко-морин-гол, Уласты, или Ендерты, и Цаган-норэй-холой. Речка Беконь-бере — самая многоводная, вытекает из горного озера Кендыкты-куль, отстоящего верстах в ста к северо-западу от Ачит-нора. Речка Ендерты получает начало в соседних горах Ямат к северо-востоку от озера, а речка Цаган-норэй-холой, под названием Куку-кутель, вытекает из отрогов пограничного хребта Сайлюгэма и, образовав на пути несколько малых озер, прорезает горный хребет и изливается в северо-западную часть Ачит-нора.

Долина речки Беконь-бере, текущей с северо-запада на юго-восток, ограничена с северо-восточной стороны высоким кряжем, отделяющимся от пограничного хребта Сайлюгэма в окрестностях горного озера Джувлу-куль. От этого же узла отходит на восток и хребет Танну-ола. Означенный кряж тянется с северо-запада на юго-восток под названиями Цаган-шиботу и Ямат с вершинами, имеющими снежные пятна; далее к юго-востоку высота его возрастает, и он получает название Харкира, достигая снежной линии. Эти снежные горы отделяют на юго-восток невысокие ветви, простирающиеся до меридиана Цзэрен-нора и нижней части р. Кобдо. С юго-западной стороны долина Беконь-бере окаймлена тоже отрогом пограничного хребта Сайлюгэма, отходящим от высокого узла с снежными пятнами, Кара-магнай, и тянущимся также с северо-запада на юго-восток до берегов р. Кобдо. Названная долина отличается степным характером, на ней кое-где вздымаются невысокие сопки, а близ устья речки Беконь-бере она переходит в болотистую землю, покрытую высоким тростником и прорезаемую низовьями этой речки и Цаган-норэй-холой. Тут в летнее время бывает множество комаров и оводов, так что в июне и июле эта местность необитаема.

По выходе на Ачит-нор мы следовали близ юго-западного берега его, по волнообразной местности, покрытой низкими обнаженными грядами из фельзитового порфира. Они представляют отроги соседних юго-западных гор и упираются в озеро, образуя скалистые береговые утесы. Между грядами простираются довольно глубокие, но узкие и извилистые лощины. Вечером мы вышли на речку Цаган-норэй-холой и ночевали на ней верстах в трех выше устья. На наше счастье ночью была прохладная и комары не тревожили нас.

На следующий день мы с большим трудом перебрались через топкую и каменистую лощину, орошаемую ручьями, текущими с правой стороны в речку Цаган-норэй-холой; потом вышли на каменистую равнину и направились по ней вверх по этой речке. На равнине, поблизости речки, встречались местами явственные следы прежних пашен, именно прямые орские каналы, а в одном месте встретились и нынешние пашенки дурбетов, орошаемые арыками. Около них стоит маленький глиняный домик, в котором летом живут дурбеты-пахари.

Верстах в тридцати выше своего устья речка Цаган-норэй-холой протекает ущельем около 20 верст, покрытым в восточной части небольшим леском гала с тальником. Ущелье очень глубоко и ограничено с обеих сторон

весьма крутыми горными склонами. В иных местах эти склоны так сближаются, что кроме них да неширокой полосы глубокого безоблачного неба не видно было ничего. Ущелье и орошающая его речка Цаган-норэй-холой пересекают поперек высокий отрог помянутого горного узла Кара-магнай, простирающийся на юг до р. Кобдо. К западу от этого отрога лежит высокое волнистое плоскогорье, на котором мы встретили озеро Цаган-нор, около 4 верст в окружности, выпускающее речку Цаган-норэй-холой. В двух верстах к западу от этого озера находится другое, носящее такое же название и соединенное с первым протоком, в который с левой стороны, с севера, впадает маленькая речка. Второе озеро имеет около 8 верст в окружности и содержит, подобно первому, пресную воду, но рыбы ни в том, ни в другом, равно как и в речке Цаган-норэй-холой, мы не замечали. С восточной стороны в озеро вдаются две острые и длинные косы, оканчивающиеся скалистыми сопками, живописно отражающимися в спокойной, зеркальной его поверхности. С запада в это озеро изливается маленькая речка Куку-кутель, образующая на пути ряд весьма незначительных озерок.

Страна, орошаемая речкой Куку-кутель и ее притоками, представляет высокое плоскогорье, покрытое юго-восточными отраслями пограничного хребта Сайлюгэма и замкнутое на востоке мощным отрогом этого хребта, направляющимся, как выше замечено, от узла Кара-магнай к югу до берегов р. Кобдо. Судя по весьма значительной быстроте течения речки Цаган-норэй-холой, в особенности в ущелье, описываемое плоскогорье должно быть высоко приподнято над уровнем Ачит-нора. Между покрывающими его горными отрогами лежат долины то совершенно сухие, то орошенные ручейками, нередко иссякающими в песчано-каменистой почве. Древесной растительности в этой стране вовсе нет, да и травянистая весьма однообразна.

От озера мы шли по долине речки Куку-кутель. В эту неширокую долину с севера и юга сходится много побочных долин, большей частью сухих. Окрестные горы невысоки и покрыты довольно скудной растительностью. Речка Куку-кутель то скрывается в песчано-каменистой почве долины, то снова появляется на поверхности и образует несколько малых озерок. Она получает начало верстах в пятнадцати к югу от государственной границы и несет свою незначительную дань Ачит-нору, отдающему избыток воды р. Кобдо, впадающей в оз. Хара-усу, а это последнее, как известно, сообщается с р. Дзапхыном и, следовательно, с соединенными озерами Айрык и Киргиз-нор. Таким образом, в Северо-Западной Монголии существует непрерывная гидрографическая сеть, посредством которой воды с высочайших гор Алтая достигают пустынного водоема Киргиз-нора, отлагая в нем растворенные на пути соли.

Перевалив из долины речки Куку-кутель через невысокий отрог, мы спустились в котловину небольшого озера Хак, на котором в то время стоял один из бийских торговцев, продававший кое-что туземцам-дурбетам. Это озеро лежит близ южного подножья пограничного хребта Сайлюгэма. К северу от озера в Сайлюгэме находится перевал, называемый Хак, или Топту-дабага. Подобно перевалу Улан-даба, лежащему верстах в девяносто западнее, проход Хак тоже плоский и, по моему определению, на 390 футов ниже первого. Приближаясь к пограничному краю со стороны Монголии, путешественник замечает значительное изменение во флоре страны: у южного подножья и, в особенности, на южном отлогом склоне хребта он, по мере движения к северу, будет постоянно встре-

чать все новые и новые виды растений и, достигнув гребня хребта, очутится в растительной области, резко отличающейся по богатству видов от соседней части Монголии, имеющей весьма однообразную растительность.

Поднявшись без затруднения по отлогому склону на гребень пограничного хребта Сайлюгэма, мы становились у пограничного знака и прежде всего с радостным чувством приветствовали родную землю, так давно покинутую. Потом, установив барометр, я определил высоту перевала, оказавшуюся в 8 220 футах над уровнем моря. Окончив наблюдение, мы обернулись назад и простились мысленно с Монголией, быть может навсегда. Спуск с пограничного хребта на север, подобно подъему со стороны Монголии, отлогий; растительность, по мере приближения к северу, становится все более и более разнообразной. С хребта мы сошли на высокое плоскогорье, известное под названием Чуйской степи. Хотя сравнительно с другими местностями Внутреннего Алтая оно и считается мало плодородным, но нам после бедных, монотонных монгольских степей и неприветных горных стран Монголии оно казалось привлекательным.

Перейдя на этот раз пограничный хребет Сайлюгэм в другом месте, именно на 90 верст восточнее, мы имели снова случай убедиться в том, что он действительно служит резкой физической границей двух весьма различных по своей флоре областей: Внутреннего Алтая и соседнего северо-западного угла Монголии, далеко уступающего первому, несмотря на свой разнообразный рельеф, как по богатству флоры, так и по разнообразию животной жизни. Причина такой разницы, как это было замечено ранее, заключается в недостатке влаги в Северо-Западной Монголии, поглощаемой высокими горами Внутреннего и Южного Алтая (133).

Пройдя по Чуйской степи около 45 верст, мы достигли урочища Кош-агач на верхней Чуе, где находится несколько домиков с товарными складами, принадлежащих торгующим в Монголии бийским купцам, и построена маленькая деревянная церковь. В Кош-агаче производится перегрузка товаров, доставляемых из Бийска в Монголию, и ведется небольшая торговля с окрестными жителями — теленгутами (134). Тут мы окончили наше годичное странствование по Китайской империи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МЕСТ В ДЖУНГАРИИ в 1876 году

Произведенные во время экспедиции астрономические наблюдения состояли в определении географического положения мест на пути следования и истинных азимутов при изыскании магнитного склонения. Для производства этих наблюдений имелись следующие инструменты:

1. Малый универсальный инструмент работы известных оптико-механиков Пистора и Мартинса в Берлине № 1009. Точность нониусов на обоих кругах инструмента 30". Увеличение трубы 12,6. Цена одного деления уровня 8,6".

2. Два карманных хронометра *Brokbanks* и полухронометр *Dololme*. Все часы шли постоянно по среднему времени и сравнивались ежедневно в 22 *h* перед заводом, а также всякий раз перед наблюдением для определения времени и после него. Самые же наблюдения производились всегда с хронометром *Brokbanks*. В пути часы возились в твердой кожаной сумке с белым войлочным чехлом, который для поддержания внутри сумки, по возможности, постоянной температуры ежедневно утром и вечером смачивался водой. Это предохранительное средство весьма много содействовало сохранению постоянства в температуре хронометров, что и подтвердилось их относительными ходами. Перед экспедицией все трое часов были испытаны непосредственными наблюдениями для определения их абсолютных суточных ходов в течение почти целого месяца. Эти ходы оказались весьма хорошими, в особенности у хронометра *Brokbanks*, но в пути заметны были в них некоторые колебания, неизбежные при качке и резких изменениях температуры воздуха в тех местах.

3. Большая земная труба, увеличивающая около ста раз, служила для наблюдения покрытий неподвижных звезд луною.

Определение времени

Время определялось по способу, предложенному адъютант-астрономом Цингером¹ из наблюдения соответствующих высот различных звезд. Для этого в трубе было натянуто 6 горизонтальных нитей и две сближенные вертикальные. Наблюдения производились над звездами, мало различающимися по своим склонениям и притом с такими прямыми восхождениями, чтобы обе наблюдаемые звезды находились на одной высоте в моменты, по возможности, близкие к прохождению их чрез первый вертикал в противоположных частях неба.

Перед каждым наблюдением уровень тщательно поверялся, а потом азимутальный лимб инструмента был приводим в строжайшее горизонтальное положение. Время для начала наблюдений избиралось с таким расчетом, чтобы по наблюдении восточной

¹ См. об определении времени по соответствующим высотам различных звезд. Н. Цингера. Приложение к XXV т. Записок Академии наук. С.-Петербург, 1874 г.

звезды тотчас же можно было наблюдать прохождения западной, для чего подвижная часть инструмента осторожно поворачивалась до вступления в трубу западной звезды, которая, как и восточная, пропускалась своим видимым движением через все шесть горизонтальных нитей. При этом было принято за неперемнное правило пропускать всегда обе звезды в середине между двумя сближенными вертикальными нитями для того, чтобы они постоянно встречали горизонтальные нити в одних и тех же точках.

Приведение r вычисл. по строгой формуле: $\sin(r+m) = \frac{\text{tg}^2 \cdot \text{tg} \varphi}{\sin t} \cos m, \dots$ по определении вспомогательной величины m из выражения $\text{tg } m = \text{tg } \varepsilon \cdot \text{tg } \delta \cdot \text{ctg } t$. Самая же поправка u выведена из формулы $u = \frac{a'+a''}{2} - \left(\frac{T'+T''}{2} + r \right)$, в которой для кульминации фиктивной звезды $\frac{T'+T''}{2} + r$ взято среднее из замеченных по хронометру мгновений прохождения, поправленных предварительно соответствующими величинами приведения.

Так как при определении времени по этому способу результаты отдельных наблюдений могут согласоваться даже в том случае, если обе звезды были наблюдаемы, по какой-нибудь случайной причине, не на одной высоте, то на состоянии инструмента во время наблюдений было обращено особенное внимание. Независимо от инструмента наблюдений уровня, записывались еще перед прохождением каждой звезды и после него показания одного из верньеров на вертикальном круге. Сверх того, для удостоверения в совершенной надежности наблюдений все поправки часов поверены, именно: вычислены зенитные расстояния обеих наблюдаемых звезд, соответствующие средним моментам их прохождения по показаниям хронометра, поправленным поправкою, выведенной из того наблюдения. Эти вычисления сделаны по следующей известной формуле: $\cos z = \sin \varphi \cdot \sin \delta + \cos \varphi \cdot \cos \delta \cdot \cos t$, в которой, положив $\sin \delta = m \cdot \cos x$ и $\cos \delta \cdot \cos t = m \sin x$, получаютя весьма удобные для вычисления z выражения:

$$\text{tg } x = \text{ctg } \delta \cdot \cos t,$$

$$m = \frac{\sin \delta}{\cos x}$$

$$\text{и } \cos z = m \cdot \sin(\varphi + x).$$

В случае весьма близких величин для z , полученных из последней формулы, в состоянии инструмента в промежутке между наблюдениями, очевидно, не последовало чувствительных перемен.

Определение широт

Широты определены из наблюдения зенитных расстояний полярной звезды вообще и околомеридиональных зенитных расстояний одной из южных звезд. На каждую звезду было делаемо два наведения с кругом Ost и два с кругом West, причем на южную звезду два наведения при одном каком-либо положении круга до вступления ее в меридиан и два при другом уже положении его после кульминации.

Редукция вычислена по следующим строгим формулам:

$$\sin \frac{1}{2}(z - \zeta) = \frac{\cos \varphi \cdot \cos \delta}{\sin \frac{1}{2}(z + \zeta)} \cdot \sin^2 \frac{t}{2}$$

$$\text{и } \sin \frac{1}{2}(\zeta' - z) = \frac{\cos \varphi \cdot \cos \delta}{\sin \frac{1}{2}(z + \zeta')} \cdot \sin \frac{t}{2}.$$

Из них первая служила для вычисления приведения к верхней, а последняя (для Полярной звезды) к нижней кульминации, если часовой угол, считаеый от северной части меридиана, не достигал еще 6^h . Для определения приближенного φ наблюдалось всякий раз наименьшее зенитное расстояние южной звезды, которое, будучи поправлено местом зенита на вертикальном круге, определенным предварительно из наблю-

дений отдаленного земного предмета, и рефракцией, давало достаточно точное для первого приближения φ из выражения $\varphi = \zeta + \delta$, а также ζ и ζ' из выражений $\zeta = \varphi - \delta$, $\zeta = (\delta + \varphi)$ и $\zeta' = 180^\circ - (\delta + \varphi)$. По вычислении φ с этими первыми приближениями и получении более точной широты произведены перевычисления со вторыми приближениями и результаты их приняты за окончательные величины для φ .

Рефракция вычислена по способу Бесселя и поправлена, где следовало, показаниями уровня на вертикальном круге инструмента.

Определение долгот

Из числа шести пунктов, географическое положение которых определено во время экспедиции, только один (средний на р. Урунгу) имеет абсолютную (от Гринвичского меридиана) долготу, полученную из наблюдения в этом пункте покрытия звезды η *Tauri* луною, случившегося 9 сентября н. ст. 1876 г. Долготы же всех остальных пунктов определены перевозкою хронометров в следующем порядке. В г. Булун-Тохое, положение которого по широте и долготе определено Мирошниченко еще в 1873 г., было сделано накануне отъезда отсюда далее, на восток, наблюдение для определения времени; потом, спустя 4 дня, определена на пути на берегу р. Урунгу поправка часов и широта одного пункта, а после 7-дневного рейса снова поправка часов и широта еще одного пункта на той же реке далее к востоку, где на обратном пути было наблюденно покрытие η *Tauri* луною.

Таким образом, долгота крайнего западного пункта на р. Урунгу выведена с средними суточными ходами во время 7-дневного рейса от г. Булун-Тохоя до среднего пункта на р. Урунгу, получившего абсолютную долготу. По отъезде из этого пункта определены поправки часов и широты еще двух пунктов на пути до г. Гучена, а именно: на р. Урунгу близ подножия Ю. Алтая и у родника Чюйже, не доезжая 150 верст до г. Гучена. По прибытии в г. Гучен определена в тот же вечер поправка часов, и в течение 35-дневного пребывания в этом городе было сделано несколько наблюдений для определения времени и определена дважды его широта. Накануне отъезда из Гучена в обратный путь, по той же дороге, определена там снова поправка часов. Затем на обратном пути во всех пунктах, где уже были сделаны наблюдения, определялись поправки часов до средней точки на р. Урунгу включительно, в которой 9 сентября н. ст. было наблюденно покрытие η *Tauri* луною. Кроме того, на обратном пути определена вновь широта родника Гашунь и поправка часов в этом пункте, находящемся почти на половине расстояния между г. Гученом и родником Чюйже.

Так как поправки часов были определяемы дважды, в передний и в обратный путь, в каждом пункте (исключая родник Гашунь), начиная от среднего пункта на р. Урунгу, то суточные ходы хронометров за время удвоенного рейса между смежными пунктами получатся через последовательное вычитание их упреждений (оба хронометра шли постоянно вперед) между одновременными наблюдениями для определения поправки и деление полученных разностей на число дней удвоенного рейса от одного соседнего пункта до другого. С этими суточными ходами и выведены по двум хронометрам¹ долготы: восточного пункта на р. Урунгу, родника Чюйже и г. Гучена, а на обратном пути определена 5-дневным рейсом от г. Гучена до родника Чюйже долгота родника Гашунь, отнесенная к Чюйже. По малому числу хронометров веса их не приняты вовсе в расчет при выводе долгот.

Примечания. Все наблюдения производились на массивном деревянном столбе, который нарочно для этой цели возился и был глубоко врыт в землю. На определенных пунктах поставлены знаки, состоящие из конусообразных земляных насыпей, обделанных дерном и усаженных древесными корнями. Видимые места звезд и прочие для вычисления данные взяты из *Nautical almanac 1876 g.* Все вычисления сделаны и проверены самим наблюдателем, а вычисление долготы из покрытия η *Tauri* луною, кроме того, было обязательно поверено геодезистом Мирошниченко. Для показания хода вычислений одна поправка часов (в г. Булун-Тохое 7/19 июня) и одна широта (Западный пункт на р. Урунгу 11/23 июня) вычислены подробно, а для остальных наблюдений приведены только данные из журнала и окончательные результаты в такой форме, чтобы можно было видеть согласие результатов отдельных наблюдений, а также и проверить все выводы. Наблюдения записывались топографом Скопным.

¹ Полухронометр Dolobte дал долготы, не согласные с хронометрическими, средним числом разногласие это простиралось до $9.^\circ 4$, а так как и относительные ходы его были по временам далеко не удовлетворительны, то выведенные по нем долготы исключены вовсе.

Список определенных пунктов

	Северной широты	Дол. от Пулк.
1) Западный пункт на р. Урунгу	46° 38' 34"	57° 34' 7"
2) Средний пункт на р. Урунгу	46° 23' 29"	58° 26' 7"
3) Восточный пункт на той же реке . .	46° 12' 27"	59° 38' 33"
4) Родник Чюйже в горах Намейчу в Гоби	44° 59' 38"	60° 9' 57"
5) Родник Гашунь в 3 верстах к северу от китайского пикета Гашунь	44° 31' 5"	59° 39' 22"
6) г. Гучен (место наблюдения на пра- вом берегу речки Хаба, при пересече- нии ее большой Баркульскою дорогою)	44° 2' 17"	59° 18' 37"

**АСТРОНОМИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МЕСТ В МОНГОЛИИ И В КИТАЕ
в 1878—1879 гг.**

Для производства этих наблюдений имелись следующие инструменты:

1. Малый универсальный инструмент Пистора и Мартинса. Точность нониусов на обоих кругах его 30", но удобно оценивались и 15". Труба увеличивала с лишком в 13 раз. Цена одного деления уровня 1', но как линейная его величина была равна 2,3 линии, то десятые доли, т. е. 6", отсчитывались очень точно. В фокусе трубы было натянуто 6 горизонтальных нитей и две сближенные вертикальные.

2. Три карманных хронометра: Брокбенкса, Вирена и Дента. Первый из них оказался ненадежным и притом неоднократно останавливался в пути.

3. Барометр Паррота с термометрами.

4. Земная труба на штативе, употреблявшаяся для наблюдения покрытий звезд луной.

Время определялось по соответственным высотам различных звезд, мало различающихся своими склонениями, причем звезды пропускались видимым движением через все 6 горизонтальных нитей. Наклонность отсчитывалась для каждой нити. Для удостоверения же в неизменяемости положения трубы во время наблюдения замечались показания одного из нониусов перед началом наблюдения и по окончании его. Уровень, не отличавшийся, как выше замечено, чувствительностью, поверялся тщательно перед каждым наблюдением.

Широты определены из наблюдения зенитных расстояний Полярной и южной звезд, мало различающихся по высоте, причем южная звезда наблюдалась близ меридиана¹. На каждую звезду было сделано по четыре наведения: два с К. Л. и два с К. П. Наклонность записывалась для всякого наведения. Уровень поверялся не только перед началом, но и в середине наблюдения, когда оно было продолжительно. Показания барометра и термометров отсчитывались до и после наблюдения.

Все сделанные мною наблюдения взял на себя труд вычислить профессор Николаевской Академии Генерального штаба полковник К. В. Шарнгорст, которому я много обязан за этот труд. Из его статьи об этих наблюдениях, помещенной в «Известиях Русск. Геогр. общества», т. XVI, вып. 3 за 1880 г., а также из доставленных им мне вычислений извлечены мною нижеследующие данные, по которым можно судить о достоинстве самих наблюдений.

О точности широт можно сделать заключение по согласию результатов наблюдения северной и южной звезд, сопоставленных в нижеследующей таблице:

¹ Только для двух пунктов наблюдения южной звезды, по причине грубых ошибок в отсчете зенитных расстояний, оказались негодными и исключены.

Название мест	Широты		Средние
	по полярной звезде	по южной звезде	
Урочище Қытэин-шара-холусу	47° 17' 42"	—	47° 17' 42"
Урочище Хойту-гол	47° 3' 21"	47° 3' 37"	47° 3' 29"
Кумирня Нарбаньчжи	46° 40' 54"	46° 41' 37"	46° 41' 15"
Урочище Дэлгэр-будук	46° 22' 53"	46° 23' 8"	46° 23' 0"
Озеро Ульдзуйту	46° 10' 36"	46° 11' 24"	46° 11' 0"
Колодец Кошон-чолун-худук	46° 5' 36"	46° 5' 53"	46° 5' 44"
Урочище Хара-нидунэй-шант	45° 55' 30"	45° 55' 49"	45° 55' 40"
Пикет Горнда	45° 48' 10"	45° 48' 9"	45° 48' 10"
Колодец Холт	45° 32' 28"	45° 33' 9"	45° 32' 48"
Урочище Хор-мусу	44° 58' 51"	44° 59' 40"	44° 59' 15"
Урочище Боро-тологой	44° 11' 3"	44° 10' 32"	44° 10' 48"
Колодец Цзала	43° 44' 22"	43° 44' 42"	43° 44' 32"
Колодец Мунку-обонэй-худук	43° 15' 11"	43° 15' 29"	43° 15' 20"
Колодец Ноин-худук	42° 40' 20"	42° 40' 48"	42° 40' 34"
Урочище Цаган-дэрису	42° 5' 3"	—	42° 5' 3"
Г. Куку-хото (Гуй-хуа-чен)	40° 48' 9"	40° 48' 48"	40° 48' 28"
Г. Калган	40° 50' 43"	40° 51' 7"	40° 50' 55"
	40° 50' 43"	—	40° 50' 43"
	40° 50' 47"	—	40° 50' 47"
		сред.	40° 50' 50"
Г. Урга	47° 54' 55"	47° 54' 46"	47° 54' 50"
Ручей Барокчин-гол	47° 49' 35"	47° 50' 12"	47° 49' 53"
Озеро Угэй	47° 47' 2"	47° 47' 45"	47° 47' 23"
Р. Хойту-Тамир	47° 45' 10"	47° 45' 44"	47° 45' 27"
Р. Будон-гичигин-гол	48° 0' 31"	48° 1' 21"	48° 0' 56"
Кумирня Убур-тэллиин-куре	47° 57' 3"	47° 58' 1"	47° 57' 35"
Устье речки Бомботу	47° 31' 22"	47° 33' 9"	47° 32' 15"
Урочище Бага-булум	48° 22' 13"	48° 22' 18"	48° 22' 15"
Устье р. Кунгуя	48° 49' 47"	48° 50' 5"	48° 49' 56"
Родники Шину-усу	48° 50' 51"	48° 51' 54"	48° 51' 22"
Речка Цаган-норэй-холой	49° 34' 45"	49° 35' 22"	49° 35' 3"

Долготы большинства мест определены перевозкой хронометров. Опорными пунктами служили места, в которых наблюдались покрытия звезд луной или появления их. Таких пунктов было восемь. Сверх того, г. Кобдо и урочище Кош-агач близ государственной границы, из которых первый послужил начальным, а второй конечным пунктом моих наблюдений, были определены ранее, именно Кобдо — Рафаиловым в 1876 г., Кош-агач же — Мирошниченко в 1869 г. Долгота Кобдо из наблюдаемого Рафаиловым покрытия γ *Sagris* луной $6^h 6^m 24^s. 0$, а по выступлению той же звезды $6^h 6^m 24^s. 8$. Следовательно, среднюю $6^h 6^m 24^s. 4$ (от Гринвича) нельзя не признать вполне надежной. Долгота Кош-агача ($5^h 54^m 42^s. 7$ от Гринвича) определена Мирошниченко перевозкой хронометров, давших довольно согласные результаты¹.

При вычислении долгот из покрытий и появлений Шарнгорст, при обязательном содействии астронома Б. К. Деллена, ввел поправки в места луны, данные в *Nautical almanac*.

¹ П о т а н и н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. 1, СПб., 1881 г., стр. 352—353. Записки Зап.-Сибирского отдела Русск. Геогр. общ., кн. IV, 1882 г.

Посредством наблюдения звездных покрытий и появлений определены долготы следующих мест:

1878 г. н. ст.				Долгота от Гринвича	
17 октября	озеро Ультзуйту	го	покрытию	Σ Geminorum	6h 33m 7s
5 ноября	Колодец Холт	»	»	λ Piscium	6h 51m 52s
10 »	Урочище Хор-мусу	»	»	17 Tauri	6h 54m 40s
27 »	Колодец Мунку-обонэй	»	»	Oeltzen	7h 7m 5s
1879 г.					
30 января	} г. Калган	»	»	B. A. C. 389	7h 39m 25s
1 февраля		»	»	χ Tauri	7h 39m 20s
3 марта		»	»	Σ Geminorum	7h 39m 27s
среднее					7h 39m 24s
29 апреля	} г. Урга	»	»	O'Cancri	7h 7m 45s
7 мая		по	вскрытию	α Scorpii	7h 8m 0s
среднее					7h 7m 50s
24 мая	Ручей Барокчин	по	покрытию	B. A. C. 2238	6h 56m 54s
3 июня	Р. Хойту-Тамир	»	»	A ² Scorpii	6h 45m 52s

В Урге 7 мая выступление α Scorpii было замечено вскоре после полнолуния, и притом поправка хронометра в этот день, по случаю дурной погоды, не определена. Поэтому полученной из него долготы дан половинный вес против долготы, выведенной из покрытия O'Cancri, наблюдаемого 29 апреля. Что касается долгот остальных пунктов, определенных посредством наблюдения звездных покрытий, то большинство их весьма хорошо согласуется с хронометрическими долготами, выведенными для этих пунктов с ходами за время переезда между ближайшими к ним местами, в которых также наблюдались звездные покрытия.

Перевозкой хронометров определены долготы 21 пункта. Два хронометра Вирена и Дента шли вполне удовлетворительно, а третий, Брокбенкса, оказался, как замечено выше, негодным. Хронометры сравнивались ежедневно в одно и то же время перед заводом и, кроме того, всякий раз перед наблюдением для определения времени и после него. В холодное время, начиная с октября, я возил их на груди под шубой; на месте держал в ящике с грелками, а ночью под подушкой. Относительные ходы благодаря этим предосторожностям получились удовлетворительные. Согласие долгот, определенных перевозкой хронометров, показано в следующей таблице.

Название мест	Долготы от Гринвича		Средние
	по хронометру Вирена	по хронометру Дента	
Урочище Кытэин-шара-холусу	6h 10m 32s.6	6h 10m 34s.5	6h 10m 33s.5
Урочище Хойту-гол	6h 19m 25s.3	6h 19m 1s.6	6h 19m 13s.4
Кумирня Нарбаньчи	6h 26m 45s.4	6h 26m 27s.8	6h 26m 36s.6
Урочище Дэлгэр-булук	6h 30m 47s.1	6h 30m 43s.4	6h 30m 45s.2
Колодец Кошон-чолун-худук	6h 37m 53s.7	6h 37m 56s.0	6h 37m 54s.8
Урочище Хара-нидунэй-шант	6h 43m 28s.8	6h 43m 26s.5	6h 43m 27s.6
Пикет Горида	6h 47m 14s.2	6h 47m 7s.1	6h 47m 10s.6
Урочище Боро-тологой	6h 58m 54s.0	6h 58m 59s.0	6h 58m 56s.5
Колодец Цзала	7h 3m 31s.8	7h 3m 38s.4	7h 3m 35s.1

Название мест	Долготы от Гринвича		Средние
	по хронометру Вирена	по хронометру Дента	
Колодец Ноин-худук	7 ^h 13 ^m 20 ^s .0	7 ^h 13 ^m 17 ^s .5	7 ^h 13 ^m 18 ^s .7
Урочище Цаган-дэрсису	7 ^h 18 ^m 29 ^s .5	7 ^h 18 ^m 39 ^s .4	7 ^h 18 ^m 34 ^s .4
Г. Куку-хото (Гуй-хуа-чен)	7 ^h 26 ^m 37 ^s .0	7 ^h 26 ^m 37 ^s .8	7 ^h 26 ^m 37 ^s .4
Озеро Угэй	6 ^h 51 ^m 3 ^s .9	6 ^h 51 ^m 3 ^s .2	6 ^h 51 ^m 3 ^s .5
Р. Будон-гичигин	6 ^h 39 ^m 37 ^s .2	6 ^h 39 ^m 42 ^s .2	6 ^h 39 ^m 39 ^s .7
Кумирня Убур-тэллин-куре	6 ^h 34 ^m 10 ^s .4	6 ^h 34 ^m 23 ^s .3	6 ^h 34 ^m 16 ^s .8
Устье речки Бомботу	6 ^h 31 ^m 27 ^s .0	6 ^h 31 ^m 43 ^s .7	6 ^h 31 ^m 35 ^s .3
Г. Улясутай	6 ^h 27 ^m 25 ^s .4	6 ^h 27 ^m 45 ^s .5	6 ^h 27 ^m 35 ^s .4
Урочище Бага-булум	6 ^h 19 ^m 13 ^s .3	6 ^h 19 ^m 23 ^s .1	6 ^h 19 ^m 18 ^s .2
Устье р. Кунгуй	6 ^h 13 ^m 50 ^s .2	6 ^h 14 ^m 2 ^s .4	6 ^h 13 ^m 56 ^s .3
Родники Шину-усу	6 ^h 9 ^m 33 ^s .2	6 ^h 9 ^m 41 ^s .4	6 ^h 9 ^m 37 ^s .3
Речка Цаган-порэй-холой	6 ^h 0 ^m 31 ^s .7	6 ^h 0 ^m 37 ^s .4	6 ^h 0 ^m 34 ^s .5

В заключение помещаю список определенных пунктов с их широтами и долготами в окончательной форме.

Название мест	Широта	Долгота от Пулковы	Примечания
Урочище Кытэин-шара-холусу	47° 17'.7	62° 18'.7	Близ северо-восточной оконечности солончака Цаган-нор
Урочище Хойту-гол	47° 3'.5	64° 28'.7	
Кумирня Нарбаньчи	46° 41'.2	66° 19'.5	Западный берег
Урочище Дэлгэр	46° 23'.0	67° 21'.6	
Озеро Ульдзуйту	46° 11'.0	67° 57'.0	
Колодец Кошон-чолун-худук	46° 5'.7	69° 9'.0	
Урочище Хара-нидунэй-шант	45° 55'.7	70° 32'.2	Дом католической миссии Предместье Ямбошань, д. Вейчин Русское консульство При пересечении с дорогой На северо-восточном берегу, у гролива, соединяющего малое озерко с большим
Пикет Гориды	45° 48'.2	71° 28'.0	
Колодец Холт	45° 32'.8	72° 38'.3	
Урочище Хор-мусу	44° 59'.2	73° 20'.5	
Урочище Боро-тологой	44° 10'.8	74° 24'.4	
Колодец Цзала	43° 44'.5	75° 34'.1	
Колодец Мунку-обонэй-худук	43° 15'.3	76° 26'.5	
Колодец Ноин-худук	42° 40'.6	78° 0'.0	
Урочище Цаган-дэрсису	42° 5'.0	72° 18'.9	
Г. Куку-хото (Гуй-хуа-чен)	40° 48'.5	81° 19'.7	
Г. Калган	40° 50'.8	84° 31'.2	
Г. Урга	47° 54'.8	76° 37'.7	
Ручей Барокчин-гол	47° 49'.9	73° 53'.7	
Озеро Угэй	47° 47'.4	72° 26'.2	
Р. Хойту-Тамир	47° 45'.5	71° 8'.2	На левом берегу, в 1 версте ниже кумирни Гун-ламан-куре
Р. Будон-гичигин	48° 0'.9	69° 35'.2	
Кумирня Убур-тэллин-куре (на р. Тэрхей)	47° 57'.6	68° 14'.5	
Устье речки Бомботу (приток Буянгу)	47° 32'.2	67° 34'.1	

Название мест	Широта	Долгота от Пулкова	Примечания
Г. Улясутай	—	66° 34'.1	Двор русских купцов. Широта Улясутая, по определению Рафаилова, 47° 44'.4
Урочище Бага-булум (на р. Кунгуе)	48° 22'.2	64° 29'.9	
Устье р. Кунгуя	48° 49'.9	63° 9'.4	
Родники Шину-усу	48° 51'.4	62° 4'.6	
Речка Цаган-норэй-холой . .	49° 35'.0	59° 49'.0	При выходе из ущелья

ПРИЛОЖЕНИЕ II

МАГНИТНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В ДЖУНГАРИИ в 1876 г.

Магнитные наблюдения заключались в определении в четырех пунктах, а именно: в Зайсанском посту, в г. Булун-Тохое, в восточном астрономическом пункте на р. Уруну и в г. Гучене магнитного наклона и склонения, для чего имелись следующие инструменты:

1. Инclinатор с зеркальным лимбом, разделенным на градусы, и азимутальным кругом с точностью нониусов в 5', двумя магнитами, лупою и круглым уровнем для приведения азимутального круга в горизонтальное положение.

2. Астролябия с трубою, горизонтальный лимб которой был разделен на 30°, а нониусы показывали 1'. Магнитная стрелка астролябической буссоли была приспособлена к переворачиванию тою и другою стороною внутри и, следовательно, к исключению погрешности, происходящей от несовпадения магнитной оси с геометрической осью стрелки.

3. Малый универсальный инструмент Пистора и Мартинса с точностью нониусов на обоих кругах в 30'', служивший вместе с тем и для астрономических наблюдений.

4. Два карманных хронометра и один полухронометр, шедшие по среднему времени.

Определение магнитного наклона

Магнитное наклонение во всех пунктах определено двояким образом: в плоскости магнитного меридиана непосредственно и в двух произвольных, но взаимно перпендикулярных плоскостях, частные наклонения в которых приведены к меридиану аналитически.

При изыскании наклона в плоскости магнитного меридиана положение ее определялось таким образом: по приведении азимутального круга inclinатора в горизонтальное положение верхняя, подвижная, часть инструмента поворачивалась до тех пор, пока концы стрелки не укажут 90°, и записывались показания обоих нониусов на горизонтальном круге; потом подвижная часть поворачивалась на пол-окружности, до вторичного совмещения концов стрелки с 90°, и снова записывались показания тех же нониусов. Полусумма этих отсчетов, увеличенная 90°, давала, очевидно, положение плоскости магнитного меридиана. Самые наблюдения как в меридиане, так и в двух взаимно перпендикулярных плоскостях производились таким образом, чтобы исключить погрешности: 1) от эксцентриситета стрелки, 2) от негоризонтальности диаметра вертикального круга inclinатора, обозначенного 0° и 0°, 3) от несовпадения магнитной оси с осью фигуры стрелки и, наконец, 4) от несовпадения центра тяжести стрелки с точкою привеса.

Для избежания первой погрешности показания отсчитывались всегда по обоим концам стрелки. Вторая и третья погрешности исключались разом посредством повторения одного и того же ряда наблюдений при различном положении вертикального круга и стрелки, причем круг оборачивался на 180° по азимуту, а стрелка перемещалась внешнею стороною внутрь. В самом деле, пусть, например, при К. П. горизонтальный диаметр 0° 0' составляет с истинным горизонтом угол θ , а магнитная ось с геометрическою — угол β . Тогда истинное наклонение выразится: $i = a \pm (\beta + \theta)$, где a — полученный отсчет.

Переместив подвижную часть инструмента на 180° по азимуту и обернув стрелку внешнею стороною внутрь, получим новый отсчет α' и $i = \alpha' \mp (\beta + \theta)$. Из соединения этих двух выражений получается $i = \frac{\alpha + \alpha'}{2}$, совершенно свободное от обеих погрешностей.

Ошибка от несовпадения центра тяжести стрелки с точкою привеса устранена перемагничиванием по окончании полного ряда наблюдений, после которого повторялся точно такой же ряд их, только при ином положении полюсов.

При одном и том же положении круга и стрелки показания ее записывались три раза, для чего стрелка из спокойного состояния была выводима поднятием и опусканием системы, поддерживавшей концы горизонтальной оси ее вращения, и из всех трех показаний взято среднее.

Приведение частных магнитных наклонений в двух взаимно перпендикулярных плоскостях к плоскости магнитного меридиана вычислено по формуле:

$\frac{1}{\text{tg}^2 i} = \frac{1}{\text{tg}^2 i'} + \frac{1}{\text{tg}^2 i''}$, в которой i — наклонение в меридиане, а i' и i'' — соответствующие наклонения в двух взаимно перпендикулярных плоскостях. Из этой формулы, где $2 \log \text{tg} i = 2 \log \text{tg} i' + 2 \log \text{tg} i'' - \log (\text{tg}^2 i' + \text{tg}^2 i'')$, наклонение в меридиане i получается легко по вычислении последнего члена с помощью лаусовых логарифмов сумм.

Определение магнитного склонения

Определение магнитного склонения состояло из двух действий: изыскания магнитного азимута направления на отдаленный предмет и определения астрономического азимута того же направления универсальным инструментом по Полярной звезде в моменты, по возможности, близкие к ее наибольшей элонгации.

Магнитные азимуты измерялись астролябией в таком порядке: по приведении лимба в горизонтальное положение алидада и соединенная с ней астролябическая бусоль поворачивались сначала грубым, а потом микрометрическим движением до точного совмещения северного конца стрелки с 0° деления ободка коробки и записывались показания обоих верньеров на горизонтальном лимбе. Затем для исключения эксцентриситета стрелки южный ее конец совмещался с противоположным 0° деления ободка и снова записывались показания тех же верньеров. Потом уже труба наводилась на предмет. После шести подобных наблюдений (разделяемых перемещением 0° деления лимба для избежания повторений погрешностей в его делениях) труба переводилась через зенит, а стрелка переворачивалась внешнею стороною внутрь и повторялся такой же ряд наблюдений при новом положении вертикального круга и стрелки.

Для определения астрономического азимута того же направления делаемы были четыре попеременные наведения на Полярную звезду и фонарь, приставленный к вежу; из них два с кругом П и два с кругом Л, причем записывались показания обоих нониусов на азимутальном круге и уровня, а при наведении на звезду замечались еще и мгновения по хронометру, поправка которого была известна из предварительного наблюдения для определения времени.

Астрономические азимуты вычислены по следующим формулам:

$$\text{tg} \frac{1}{2}(A + Z) = \frac{\cos \frac{1}{2}(\varphi - \delta)}{\sin \frac{1}{2}(\varphi + \delta)} \cdot \text{ctg} \frac{t}{2},$$

$$\text{tg} \frac{1}{2}(A - Z) = \frac{\sin \frac{1}{2}(\varphi - \delta)}{\cos \frac{1}{2}(\varphi + \delta)} \cdot \text{ctg} \frac{t}{2},$$

где A — азимут Полярной звезды, а Z — сферический угол, образуемый вертикалом и кругом склонения, проведенными через это светило. Так как угловое расстояние Полярной звезды от предмета известно из показаний горизонтального лимба, то, придав к нему с приличным знаком азимут звезды, получим астрономический азимут направления на предмет. Разность же между этим последним и магнитным азимутом того же направления даст, очевидно, искомое склонение.

Список пунктов, в которых определены магнитные координаты

	Северной широты	Восточная от Пулковской долготы	Наклонение	Восточное склонение
Зайсанский пост	47° 28' 10"	54° 31' 13"	64° 27'	7° 21' 49"
Г. Булун-Тохой	47° 5' 13"	57° 2' 36"	64° 18'	7° 4' 49"
Восточный астрономический пункт на р. Урунгу	46° 12' 27"	59° 38' 33"	63° 41'	6° 5' 4"
Г. Гучен	44° 2' 17"	59° 18' 37"	60° 29'	5° 4' 31"

ПРИЛОЖЕНИЕ III

БАРОМЕТРИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫСОТ В ДЖУНГАРИИ В 1876 г.

Высоты определены по соответствующим наблюдениям барометров: постоянного (Фортэня), оставшегося все время в Зайсанском посту, и переносного (Паррота), по которому делались наблюдения в разных местах северо-западного Китая. Оба барометра до экспедиции и по окончании ее были тщательно сравнены многими одновременными наблюдениями, равно как и находившиеся при них термометры, а барометр Паррота, кроме того, был еще сравнен до экспедиции и после с барометром Омской метеорологической станции ¹, имевшим поправку из Главной физической обсерватории и получившим ее вновь в том же году в октябре от директора Пекинской метеорологической и магнитной обсерватории Фритше, сравнивавшего этот барометр с привезенным им с собой из Петербурга, тщательно выверенным барометром. Термометры, употреблявшиеся для измерения температуры наружного воздуха, были сравнены точно таким же образом. Ничтожная разность между поправками до экспедиции и после, открытая у барометра Паррота по сравнению его с барометром Омской станции и простиравшаяся всего до 0,1 миллиметра, показала, что этот барометр сохранился в пути весьма хорошо, а потому и поправку, данную через его посредство барометру Фортэня в Зайсанском посту, нельзя не признать вполне надежной.

В Зайсанском посту наблюдения производил местный врач Пандер, который, кроме своих обычных наблюдений для метеорологических целей, принял также на себя труд записывать показания барометра и термометров во все тихие и ясные дни в 7, 8 и 9 часов пополудни. В такие же дни и одновременно с ним (принимая во внимание приближенную разность долгот) производились мною те же наблюдения в разных местах северо-западного Китая. Для того чтобы судить о точности результатов, высоты некоторых пунктов, где позволяла погода, были определены два раза — в передний и обратный путь.

Так как влажность воздуха, за неимением инструментов, не наблюдалась вовсе, то для вычисления высот нельзя воспользоваться новейшими гипсометрическими формулами, заключающими в себе этот элемент, а потому все высоты вычислены по старой известной формуле Лапласа:

$$Z' = \frac{18373 \left(1 + \frac{t_0 + t}{400}\right)}{1 - 0,002588 \cos 2\varphi} \left(1 + \frac{z}{r}\right) \left[\log \frac{H_0}{H} + 2 \log \left(1 + \frac{z}{r}\right)\right], \text{ приведенной к виду:}$$

$$\log Z = \log C + \log R, \text{ где } \log C = \log \cdot \log \frac{H_0}{H} + \log P \mp \log Q.$$

Логарифмы величин P , Q , а потом и R , по аргументам: сумме температур наружного воздуха, полусумме географических широт станций и $\log C$, взяты из таблиц Гюйо, приложенных в «Физической географии» покойного академика Ленца, С.-П., 1865 г.

¹ Эти тщательные сравнения были сделаны наблюдателем Омской метеорологической станции И. Ф. Соколовым, которому я многим обязан за его труды.

стр. 323 и 324. Высоты же барометров приведены к температуре 0° по таблицам для вычисления метеорологических наблюдений, приложенным к «Инструкции для метеорологических станций» директора Главной физической обсерватории акад. Вильда.

Для вычисления абсолютной высоты Зайсанского поста, к которому отнесены все высоты, определенные во время экспедиции, взяты ежедневные наблюдения в этом пункте Пандера с 1 мая 1876 г. по 1 января 1877 г. и наблюдения за тот же период времени из «Летописей Главной физической обсерватории за 1876 г. в г. Астрахани, высота которой (—21,5 метра) известна в точности. По исправлении наблюдений Пандера надлежащими поправками и приведении высот барометра к температуре 0° выведены средние месячные давления и температуры воздуха для Зайсанского поста. Наблюдения же Астраханской метеорологической станции, как уже совершенно обработанные, оставлены без всяких изменений и только проверены были средние месячные выводы, в которых, однако, не найдено ни малейших ошибок. Таким образом, для вычисления абсолютной высоты Зайсанского поста получились следующие данные:

Месяц (нов. стиля)	Нижняя станция г. Астрахань H_0 в англ. пол. t_0 по R	Верхняя станция Зайсанский пост H в англ. пол. t по R
1876 г. Май	603,80+13,6	554,13+15,4
Июнь	600,90+20,0	550,62+20,2
Июль	599,30+20,5	550,36+19,4
Август	601,90+19,1	553,12+17,8
Сентябрь	603,10+16,3	556,30+13,2
Октябрь	606,10+7,0	558,87+0,6
Ноябрь	606,30+1,5	559,15—5,9
Декабрь	604,00—3,7	560,39—8,8

По этим данным получается средняя (из 8 месячных) разность высот Зайсанского поста и г. Астрахани 2 279 футов с вероятной ошибкой ± 49 футов. Но как высота барометрической чашечки в г. Астрахани = —21,5 метра = —70 футов, то абсолютная высота Зайсанского поста будет = 2 209. Эта высота поразительно согласуется с определенной Мирошниченко в 1873 г. высотой этого пункта 2 200 футов, выведенную тоже из нескольких месячных наблюдений.

Что касается до степени точности высот, определенных по соответственным наблюдениям во время экспедиции, то о ней можно судить по согласию результатов, полученных для одних и тех же пунктов из разновременных в этих пунктах наблюдений. Так, абсолютная высота среднего астрономического пункта на левом берегу р. Урунгу из наблюдений 15 июня выходит 2 394 фута, а наблюдения 25 августа дают 2 422 фута. Высота родника Чюйже по дороге от Урунгу к г. Гучену по наблюдениям 28 июня — 3 630 футов и 12 августа — 3 656. Высота г. Гучена: из наблюдений 10 июля — 2 375 футов, 15 июля — 2 453 фута, 20 июля — 2 380 футов, 25 июля — 2 405 и 30 июля — 2 400. Сверх того, из числа определенных в северо-западном Китае по высоте пунктов два пункта были определены Мирошниченко еще в 1873 г., а именно: высота поверхности оз. Улюнгура и высота г. Булун-Тохоя, по соответственным же наблюдениям с постоянным барометром, оставшимся тоже в Зайсанском посту. По определению Мирошниченко, поверхность оз. Улюнгура лежит на высоте 1 680 футов, а по моему определению, высота этой поверхности 1 740 футов, но, если из последнего числа вычесть 9 футов, разность в определениях абсолютной высоты Зайсанского поста, то разность будет 51 фут. По его же определению, абсолютная высота г. Булун-Тохоя 1 735 футов, а мои наблюдения дают 1 769 футов, а за вычетом 9 футов разногласие получится только в 25 футов¹.

БАРОМЕТРИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫСОТ В МОНГОЛИИ И В КИТАЕ в 1878—1879 гг.

Помещенные в нижеследующем списке высоты мест определены барометром Паррота, который перед отъездом в Монголию был сравнен с барометром Туретинни, только что привезенным из Главной физической обсерватории Штеллингом, ревизовавшим

¹ Рукопись Мирошниченко, хранящаяся в Топографическом отделе штаба Западносибирского военного округа.

Список высот

Название мест	Число наблюдений	Абсолютные высоты в русских футах по соответственным наблюдениям станций				Средние
		Семипалатинской	Барнаульской	Иркутской	Пекинской	
1	2	3	4	5	6	7
Алтайская станица	5	3 130	3 040	—	—	3 080
Урьинский поселок	2	3 340	3 360	—	—	3 350
Перевал Укок	1	7 930	7 920	—	—	7 920
Перевал Улан-даба	1	8 590	8 640	—	—	8 610
Урочище Алтан-чечей	1	7 580	7 560	—	—	7 570
Г. Кобдо	5	4 350	4 460	—	—	4 400
Урочище Кытэин-шара-холусу	2	3 470	3 400	—	—	3 430
Урочище Хойту-гол	2	5 350	5 280	—	—	5 310
Кумирня Нарбаньчжи	3	5 210	5 110	—	—	5 160
Урочище Дэлгэр	2	—	—	6 330	6 200	6 260
Озеро Ульдеуйту	2	—	—	6 150	5 980	6 060
Речка Цаган-гол	1	5 780	—	5 990	6 070	5 950
Колодец Кошон-чолун	2	—	—	5 850	5 930	5 890
Урочище Хара-видунэй-шант	2	5 880	5 850	6 020	5 490	5 810
Пикет Горида	2	—	—	5 710	5 810	5 760
Колодец Холт	2	4 490	4 370	4 450	4 490	4 450
Урочище Хор-мусу	3	—	—	3 950	3 900	3 920
Колодец Боро-тологой	2	—	—	4 580	4 490	4 530
Колодец Цзала	2	—	—	5 500	5 310	5 400
Колодец Мунку-обонэй-худук	2	—	—	—	4 080	4 080
Колодец Ноин-худук	2	—	—	—	3 330	3 330
Урочище Цаган-дэрису	2	—	—	—	3 970	3 970
Кумирня Батхалын	1	—	—	—	4 810	4 810
Г. Куку-хото (Гуй-хуа-чен)	2	—	—	—	3 240	3 240
Г. Калган	13	—	—	—	2 670	2 670
Урочище Аргалы (к западу от Урги)	1	—	—	3 750	3 750	3 750
Ручей Барокчин	2	—	—	3 050	2 790	2 920
Озеро Угэй	2	4 000	3 840	4 220	4 210	4 070
Р. Хойту-Тамир	2	—	—	4 890	4 980	4 930
Перевал Цзун-модунэй-даба	1	—	—	7 130	7 170	7 150
Р. Будон-гичигин	2	—	—	6 790	6 870	6 830
Кумирня Тэллиин-куре	2	—	—	7 470	7 270	7 370
Перевал Бомботу	1	—	—	9 610	9 480	9 540
Устье речки Бомботу	2	—	—	7 490	7 540	7 510
Перевал Халгырэй	1	—	—	9 000	9 140	9 070
Г. Улясугай	1	5 740	5 760	5 840	5 890	5 810
Урочище Гурбан-шабаганца (на р. Кунгуге)	1	—	4 820	5 170	5 130	5 070
Урочище Бага-булум (на р. Кунгуге)	2	—	4 380	4 590	—	4 480
Поверхность озера Айрик	2	—	3 480	3 490	—	3 480
Родники Шину-усу	2	—	4 550	4 600	—	4 570
Поверхность озера Ачит	2	4 600	4 660	—	—	4 630
Речка Цаган-норэй-холой (при выходе из ущелья)	1	5 310	5 260	—	—	5 280
Перевал Хак (через хребет Сайлюгэм)	1	8 240	8 210	—	—	8 220
Урочище Кош-агач	7	5 550	5 600	—	—	5 570

Омскую метеорологическую станцию. Во время путешествия, в апреле 1879 г., я вторично сравнивал свой барометр с барометром Паррота же Ургинской метеорологической станции. Поправка этого последнего была определена директором Пекинской метеорологической и магнитной обсерватории Фритше, который на возвратном пути из Петербурга в 1877 г. сравнивал его с привезенным из Главной физической обсерватории барометром.

Термометр Цельсия, употреблявшийся для измерения температуры воздуха, а равно и термометр Реомюра при барометре были сравнены перед отъездом с термометрами Омской метеорологической станции, имевшими поправки из Главной физической обсерватории.

Высоты мест, лежащих западнее меридиана г. Улясутая, я вычислил по соответственным наблюдениям Семипалатинской и Барнаульской метеорологических станций¹, а высоты Центральной Монголии, между меридианами Урги и Улясутая, по наблюдениям Иркутской и Пекинской станций. Наконец, немногие высоты Юго-Восточно-Монголии и Внутреннего Китая вычислены только по пекинским наблюдениям. Сверх того, для контроля и достижения большей точности высоты некоторых мест Центральной Монголии, почти равноудаленных от всех поименованных станций, я вычислил по соответственным наблюдениям над каждой из них, или по крайней мере над тремя, и взял средние из полученных величин.

Относительные высоты Семипалатинска и Барнаула над Омском и Томском вычислены из пятилетних соответственных метеорологических наблюдений в этих городах. Абсолютные же высоты Омска и Томска определены, как известно, инструментальной нивелировкой экспедиции Мошкова. По этим данным, абсолютная высота Семипалатинска получилась 591 фут, а Барнаула 463 фута.

Абсолютная высота Иркутской станции определена той же нивелировкой, а высота Пекинской станции вычислена из метеорологических наблюдений академиком Вильдом и ее директором Фритше. Я принял высоту Фритше, полученную им из соответственных наблюдений в Пекине и Тяньцзине².

Вычисления сделаны по формуле и таблицам профессора Менделеева³.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЗООГЕОГРАФИИ ДЖУНГАРИИ (1²⁵)

Настоящий очерк касается распространения в посещенных нами местностях тех животных видов, которые были добыты во время экспедиции и благодаря обязательному участию ученых консерваторов нашей Академии наук В. Ф. Руссова и И. С. Полякова, а также преподавателя естественной истории в Сибирской военной гимназии И. Я. Слоцова получили вполне надежные определения. Кроме того, некоторые из этих видов были определены членами Бременской ученой экспедиции, известными зоологами Бремем и Финш, во время совместного с нами пребывания в Зайсанском посту в мае 1876 г.

Класс I. Млекопитающие (*Mammalia*)

Отряд I. Хищные (*Carnivora*)

Барсук (*Meles taxus*. Pall.)

Живет в большом количестве в песчано-глинистых буграх долины р. Урунгу, в среднем и нижнем течении, где в половине июня один из наших казаков убил палкой двух молодых, вышедших из норы среди белого дня.

Ласка обыкновенная (*Mustela vulgaris* Briss.)

В Зайсанском крае держится преимущественно около киргизских пашен и зимовок.

Каменный хорек (*Mustela alpina*. Gebl.)

Этот редкий зверенок встречается в небольшом количестве в скалистых горах

¹ Исключая четырех пунктов, высоты которых вычислены по иркутским и барнаульским наблюдениям, так как в Семипалатинске с 1 по 20 июля 1879 г. наблюдения не производились.

² Летопись Главной физической обсерватории 1877 г., стр. XX и XX I; 1878 г., стр. XIV. Записки Русск. Геогр. общ., 1875 г., т. V, стр. 217—218.

³ Д. Менделеев. О барометрическом нивелировании и о применении для него высотомера. СПб., 1876 г.

Тарбагатайской системы и даже, по словам киргизов, поблизости Зайсанского поста, в скалах гор Кишкинэ-тау.

К о р с а к (*Canis corsac* Lin.)

В первый раз мы встретили его на северном берегу оз. Бага-нора, а потом неоднократно видели в долине р. Урунгу, в увалах и буграх которой встречаются местами норы этих животных.

Л и с и ц а - ч е р н о д у ш к а (*Vulpes hypomelus* Wag.)

Весьма обыкновенная в степях Зайсанского края и живет, как говорят, в горах Уркашар, куда за нею отправляются в зимнее время на охоту наши пограничные киргизы.

С т е п н а я к о ш к а (*Felis manul* Pall.)

Держится в степях, преимущественно поблизости скалистых высот, в которых избирает себе логовище. Убить этого зверя очень трудно, потому что он необыкновенно хитер и строг.

Отряд II. Грызуны (*Glires*)

Б у р у н д у к о б ы к н о в е н н ы й (*Tamias striatus* Illig.)

Водится в лесных областях южного Алтая в верховьях р. Урунгу, но живет ли в Сауре — нам неизвестно. Впрочем, и в Южном Алтае нам самим не приходилось видеть его, а только шкурку, добытую от тамошних торговцев.

П р и м е ч а н и е. Кроме перечисленных здесь хищных, в лесной зоне Саура водится темнобурый медведь, которого нам не удалось добыть, но мы видели медвежат оттуда с белой полоскою вокруг шеи.

З а я ц - б е л я к (*Lepus variabilis* Pall.)

Этого зайца мы встречали неоднократно ранней весной у северных подножий Тарбагатайской горной системы, но летом не видели его ни разу на равнинах. Не мигрирует ли он на это время в высокие горные области? В Джунгарии мы точно так же не встречали беляка нигде: там живет другой вид, должно быть *Lepus tolai*, водящийся и в Зайсанском крае, но в Академии наук по одному только доставленному мною экземпляру (да и то весьма посредственному и притом без черепа) этого последнего вида не решились признать в нем утвердительно монгольского зайца.

П е с ч а н к а (*Rhombomys opimus* Lichts)

Живет в песчаных буграх долины р. Урунгу, преимущественно в нижних частях, и обитает также, по всей вероятности, в песках Гурбун-Тунгут к северу от г. Гучена, в которых встречается множество норок и следов, принадлежащих, повидимому, этим грызунам.

С у с л и к м у г о д ж а р с к и й (*Spermophilus mugodjaricus* Lichts)

Встречается в огромном количестве на многих возвышенных равнинах Джунгарии, как, например, на равнине Кобу и пустынных плоскогорьях левого берега р. Урунгу, в местах совершенно безводных.

Т у ш к а н ч и к б о л ь ш о й (*Dipus jaculus* Pall.)

Большого тушканчика мы встретили только в долине р. Урунгу, а более не случилось его видеть нигде.

Отряд III. Толстокожие (*Bellva*)

К а б а н (*Sus scrofa aper* Lin.)

В камышах южного прибрежья оз. Зайсана эти животные водятся в огромном количестве и составляют предмет зимней охоты кокпектинских казаков, приезжающих сюда в начале зимы с большими стадами собак, приученных к кабаньей охоте. Кабанов стреляют из ружей или просто колют длинными рогатинами с лошади в то время, когда зверь окружен со всех сторон собаками, готовыми броситься на него при первом его движении на охотника. В высоких и густых камышах Булун-тохойской впадины и долины р. Урунгу кабаны также живут в изумительном множестве и местные жители там. вовсе за ними не охотятся.

Отряд IV. Однокопытные (*Soliduqula*)

Д ж и г е т а й (*Equus hemionus* Pal.)

В Зайсанском крае живет близ северо-восточных берегов оз. Зайсана. В Джунгарии же мы встречали джигетаев только на пустынных плоскогорьях обоих берегов р. Урунгу, где они паслись стадами от 20 до 50 особей.

Здесьний джигетай масти соловой с темноватой полосой по хребту, но без поперечной полосы; цвет подбрюшной шерсти не серебристый, как у кулана киргизской степи

Западной Сибири, а белесоватый; грива небольшая, черная, слегка волнистая; лоб выпуклый, уши — средние между ослиными и лошадиными, хвост также полусолиный — полулошадиный, оканчивающийся черной метелкой, доходящей почти до колен; грудь узкая и копыта плоские.

Весьма сомнительно, чтобы джигетай, пасущиеся на пустынных плоскогорьях по берегам р. Урунгу, откочевывали на зиму далеко на юг: хребет Тянь-шань, как нам кажется, должен служить непреодолимой преградой для таких странствований, а обойти его с востока по безводным пустыням едва ли они могут. Вероятнее всего, что на зиму эти однокопытные мигрируют в пески Гурбун-Тунгут, где, по уверению торгоутов, в это время они встречаются большими стадами.

Отряд V. Жвачные (*Ruminantia*)

Марал (*Cervus elaphus sibiricus* Pall.)

В Джунгарии живет в лесах Саура и Южного Алтая и, по всей вероятности, в Тянь-шане, хотя во время однодневного там пребывания нам и не удалось видеть его. Зимой, по словам туземцев, маралы соединяются в стада до 20 и более особей, предводительствуемых старым, опытным самцом. Охота за ними в это время затруднительна, да и не так прибыльна, как весной, когда у них нарастают молодые рога, сбываемые, как известно, очень выгодно китайцам.

Косуля, по-киргизски куран (*Cervus pygargus* Pall.)

Водится в тех же местностях, где и марал, т. е. в лесах Саура и Южного Алтая, но спускается ли она с гор на соседние степи, по крайней мере зимой, мы этого не можем сказать утвердительно.

Сайга, сайгак (*Antilope saiga* Pall.)

Встречается не только в степях Зайсанского края и Джунгарии, но и во многих пустынных местностях, как, например, в Гоби, в песках Гурбун-Тунгут и на пустынных плоскогорьях берегов р. Урунгу. Близ северного подножия Тянь-шаня, верстах в 20 южнее г. Гучена, мы встретили 16 июля по крайней мере штук 500 этих антилоп, пасшихся попарно и стадами на каменистой равнине близ зарослей чны.

Горный козел, по-киргизски тау-тэкэ (*Capra pallasii* Schinz.)

В Тарбагатайской горной стране, сколько нам известно, живет только в хребтах Семис-тау и Уркашар. Тау-тэкэ — настоящий горный житель; в степь он не сходит даже зимой, а живет постоянно в горах. Ловкость и проворство горного козла, с которыми он взбирается на крутизны или перебегает по карнизам, достойны удивления.

Каменный баран, по-киргизски архар (*Ovis argali* Pall.)

Местопребыванием каменных баранов в Тарбагатайской горной стране служат преимущественно высокие плоскогорья и возвышенные междугорные котловины хребтов Семис-тау и Уркашар. Кроме *Ovis argali*, добытого отсюда спутником доктора Брема, Финш, который и признал в нем, как мне достоверно известно из его писем, этот самый вид, — мною были привезены отсюда же шкуры двух самок с рогами и черепами, оказавшиеся при исследовании в нашей Академии наук *Ovis karelini* Sev. Следовательно, есть основания полагать, что в Тарбагатайской горной системе существуют два вида каменных баранов *Ovis argali* Pall. et *O. karelini* Sev.

Класс II. Птицы (*Aves*)

Отряд I. Хищные (*Repaces*)

Орлан белохвостый (*Haliaëtus albicilla* Bris.)

Этого орлана мы видели только на оз. Улюнгуре, где он усердно охотился за рыбами. Но, по словам киргизов, живет также на оз. Зайсане.

Milvus govinda Leyk.

В Джунгарии мы часто встречали этого коршуна, в особенности около гг. Булун-Тохоя и Гучена. Во время наших стоянок близ этих городов названные коршуны нередко прилетали к нашему лагерю насыщаться бараньими внутренностями, выбрасываемыми, обыкновенно, поблизости.

Лунь полевой (*Circus cianeus* Keys et Blas.)

В степях Зайсанского края и Джунгарии держится преимущественно около пашен кочевников, а также часто попадался нам в окрестностях Булун-Тохоя и Гучена на засеянных полях.

Лунь болотный (*Circus rufus* Ch. Bonap.)

Живет во множестве на южных берегах оз. Улюнгура и на малых озерах Булунтохойской впадины, поросших камышом, а также на камышовых озерах долины р. Урунгу.

Сокол-пустельга (*Falco tinnunculus* Lin.)

Часто встречали его в лесах на р. Урунгу, в местности Бей-дао-цао, верстах в 20 к северо-востоку от Гучена и в окрестностях этого города, где нами были добыты два экземпляра для коллекции.

Отряд II. Воробьиные (*Passerinae*)*Emberiza cioides* Brand

Единственный экземпляр был найден в ущелье горной речки Киндерлыка, верстах в 20 выше поселка того же имени, в начале мая.

Синица большая (*Parus major* Lin.)

В конце апреля и в начале мая часто встречались по берегам степных рек в окрестностях Зайсанского поста, поросших кустарником. В июне на р. Урунгу также видели несколько штук.

Синица-князек (*Parus cyaneus* Pall.)

В начале мая попадалась нам изредка в лесистых ущельях Тарбагатайской системы по берегам горных рек и ручьев.

Синица-ремез (*Parus pendulinus* Pall.)

Эту синицу мы видели только на берегах р. Урунгу, где найдено было много ее гнезд.

Свиристель-хохлашка (*Bombycilla garulla* Lin.)

В начале мая замечено было несколько штук в верховьях речки Киндерлыка в кустах, а 20 того же месяца убиты два экземпляра в можжевеловых горной группы, окаймляющей Чиликтинское плоскогорье с востока.

Pratincola rubicola Lin.

Встречали неоднократно эту птицу в кустах высокой области Сайкана в первых числах мая.

Саксаульная сойка (*Podoces hendersoni* Hume)

Найдена была в небольшом количестве в долине р. Урунгу и на южной окраине пустыни Гурбун-Тунгут в кустах саксаула.

Сорока европейская (*Pica caudata* Lin.)

В летнее время в Джунгарии держится, как нам кажется, преимущественно в горных лесах, а к осени появляется и в степных равнинах. На р. Урунгу в июне встречалась очень редко, но в конце августа их было уже много.

Ворона обыкновенная (*Corvus cornix* Lin.)

Летом тоже пребывает, кажется, преимущественно в горах, а зимой близ аулов кочевников. Только в одном месте, в нижних частях р. Урунгу, мы видели в июне множество этих птиц, вылавливавших из луж, оставшихся после разлива, маленьких рыбок.

Ворона черная (*Corvus orientalis* Eversm.)

В конце июня несколько недельных было найдено на передовой цепи Южного Алтая — Кутус, а в начале августа черные вороны посещали изредка наш лагерь близ г. Гучена.

Галка (*Corvus monedula* Lin.)

Держится большей частью около городов, но в нижних частях р. Урунгу очень много было в июне и в лесах.

Оляпка белобрюхая (*Cinclus leucogaster* Eversm.)

В мае встречалась изредка в ущельях Тарбагатайской системы по берегам ручьев и рек, поросших лесом или кустарниками.

Motacilla personata Guld.

Эта трясогузка весьма обыкновенна на берегах горных рек Тарбагатайской системы, на которых часто можно видеть ее на камнях.

Дрозд чернозобый (*Turdus atrigularis* Natt.)

Только однажды видели этих дроздов в тополевых рощах близ поселка Киндерлыковского во время весеннего пролета.

Скворец обыкновенный (*Sturnus vulgaris* Lin.)

Встречали неоднократно в апреле близ Зайсанского поста, а после не приходилось видеть нигде.

Sturnus unicolor Tem.

В начале июня мы видели в окрестностях Булун-Тохоя, на р. Урунгу, огромные стада этих скворцов, от 100 до 300 штук.

Жаворонок белогорлый [*Alauda (Otocoris) albigula* Brandt]

Живет в степях и на плоскогорьях в Зайсанском крае и Джунгарии и держится преимущественно около кустов.

Жаворонок черный (*Melanocorypha tatarica* Pall.)

Встречался часто как в Зайсанском крае, так и в Джунгарии и не только в степях, но иногда и в пустынных местностях.

Зимородок бенгальский (*Alcedo bengalensis* Gmel.)

На р. Урунгу этот вид попадает довольно часто в береговых норах, откуда добыты были два экземпляра, пойманные в силки.

Lanius sphenocercus Lab.

Этого сорокопута мы встречали неоднократно весной в можжевельниках высоких областей Саура.

Отряд III. Лазящие (*Scansores*)

Дятел белоспинный (*Picus leuconotus* Bechst.)

Живет во многих лесистых ущельях Тарбагатайской горной страны, а также встречается часто в лесах на р. Урунгу.

Отряд IV. Голубиные (*Columbae*)

Голубь обыкновенный (*Columba livia* Briss.)

Распространен по всей Джунгарии и держится как на равнинах, так и в горах, но преимущественно в окрестностях пашен кочевников, а также поблизости городов.

Горлица (*Columba turtur* Lin.)

Живет в лесах на р. Урунгу и около городов, в особенности в окрестностях г. Гучена, где их было множество. В одном из ущелий Тянь-шаня мы встретили огромное количество этих птиц, поминутно перелетавших с дерева на дерево.

Отряд V. Куринные (*Galinae*)

Улар (*Megaloperdix himalayanus* Gray.)

Огромная куропатка, величиной почти с молодую индейку, водится в высоких областях Тарбагатайской горной страны. Летом держится преимущественно около вечных снегов, редко спускаясь ниже 7 тысяч футов. Зимой же появляется и в более низких местах. Улар очень быстро бежит и искусно прячется. От охотника, спугнувшего его в низких местах, почти никогда не взлетает снизу вверх, а спасается бегством и только, преследуемый сверху, близ горных вершин, слетает вниз. Мясо улара очень вкусно и считается у киргизов лакомством.

Куропатка серая (*Perdix cinerea* Briss.)

Серых куропаток мы встречали только в двух местах: на возвышенном лугу в окрестностях Булун-Тохоа в начале июня и 17 июля в одном из ущелий Тянь-шаня нашли самку с молодыми, которых было штук около 16.

Куропатка каменная, по-киргизски кикилик (*Perdix chukar* Gray.)

Эти куропатки весьма обыкновенны в Тарбагатайской горной системе. Живут в скалистых горах, преимущественно около ущелий, где обнаженные породы с осыпями подходят по своей окраске к цвету их оперения. Зимой кикилики нередко спускаются на равнины к пашням, на которых киргизы ловят их в силки целыми сотнями.

Копытчатый рябок, по-киргизски булдрюк (*Syrhaptis paradoxus* Pall.)

Водится в большом количестве не только в степях, но и в пустынях, где изредка встречается вода, а также на обширных плоскогорьях Тарбагатайской горной страны. В долине р. Урунгу копытчатые рябки легали в конце августа стадами штук до 200.

Рябка песчаная (*Pterocles arenarius* Pall.)

На равнине Кобу мы часто видели этих птиц около источников, куда они прилетали пить, и встретили также на роднике Гашунь близ песчаной пустыни Гурбун-Тунгут.

Перепелка (*Coturnix dactylisonans* Meyer)

Встречается в степях Зайсанского края и Джунгарии, где их в особенности много видели на полях и лугах окрестностей г. Гучена.

Тетерев черный, полевик-кочасч (*Tetrao tetrix* Lin.)

Живет в лесной зоне Саура, где вовсе нет березы. Поэтому можно было бы думать, что на зиму тетерева мигрируют отсюда в долину р. Черного Иртыша, в которой есть березовые рощи. Отчасти, быть может, это и справедливо, но зайсанские охотники, стрелявшие тетеревей зимой, уверяли, что на зиму эти птицы спускаются в топольные и осиново-рошечные некоторых больших ущелий, как, например, ущелье речки Киндер-лыка, где их в это время и стреляют с подъезда.

Отряд VI. Голенастые (*Gralatores*)Дрофа, дудака (*Otis tarda* Lin.)

На Чилкинском плоскогорье большие дрофы водятся во множестве, встречаются также и на других высоких плоскогорьях Тарбагатайской горной системы и в степях Зайсанского края, но далеко не в таком большом количестве.

Дрофа-виляй, по-киргизски джек (*Otis macqueni* Gray.)

Этих маленьких дроф мы встречали только однажды в начале сентября в числе 5 штук верстах в 15 к востоку от урочища Май-Гапчагай на каменистом плоскогорье.

Дрофа-стрепет (*Otis tetrax* Lin.)

Встречается в большом количестве в степях Зайсанского края и Джунгарии, водится также и на плоскогорьях Тарбагатайской системы, но не в высоких областях.

Charadrius xanthocheilus Pall.

В последних числах мая мы нашли несколько штук этих ржанок в оазисах высокой равнины Кобу. Но оставались ли они тут на летнем пребывании или по другой какой причине — неизвестно.

Squaterola helvetica Briss.

Во время весеннего пролета найдено было несколько экземпляров на урочище Кос-агач, верстах в 6 от Зайсанского поста.

Пигалица-чибис (*Vanellus cristatus* Meyer.)

Гнездится на многих болотах и озерах в Зайсанском крае и Джунгарии, в особенности в Булун-тохойской впадине.

Пигалица-кептушка, по-киргизски торгок (*Vanellus gregarius* Pall.)

Остается в степях Зайсанского края и Джунгарии в небольшом количестве на летнем пребывании. Впрочем, в окрестностях г. Булун-Тохой в июне их было найдено довольно.

Турухтан, петушок (*Machetes pugnax* Lin.)

Остается на летнем пребывании в Зайсанском крае и Джунгарии. В конце апреля на урочище Кос-агач, близ Зайсанского поста, турухтаны летали стайками штук до 30.

Улит большой (*Totanus glottis* Lin.)

Несколько одиночных экземпляров найдено было на р. Урунгу в июне, но в августе их было уже много. По всей вероятности, улит большой остается здесь для гнездования в ограниченном количестве.

Улит обыкновенный (*Totanus calidris* Lin.)

Остается, должно быть, в значительном числе в этих местах на летнем пребывании, так как встречался повсеместно в июне и августе.

Улит-травник (*Totanus ochropus* Lin.)

Этого улита мы также встречали в июне и августе во многих местах, в особенности на р. Урунгу и в Булун-тохойской впадине. Поэтому нет сомнения, что он остается здесь на лето.

Береговик серый, лонзик белобрюхий (*Actitis hypoleucis* Lin.)

Водится по берегам почти всех горных речек и поселяется преимущественно в тех местах, где на них растут кустарники.

Цапля белая (*Ardea alba* Lin.)

Единственный экземпляр был добыт в конце июля на речке Хаба, верстах в 5 ниже г. Гучена, а больше эту птицу мы не видели нигде.

Курочка болотная (*Ortigometra porzana* Lin.)

Живет на многих болотах и по низменным берегам озер, в особенности на р. Урунгу и в Булун-тохойской впадине.

Лысуха черная (*Fulica atra* Lin.)

В камышах южного и восточного берега оз. Улюнгура эти лысухи живут в изумительном множестве, равно как и на других малых камышовых озерах Булун-тохойской впадины и долины р. Урунгу.

Отряд VII. Плавающие (*Naŕatores*)Лебедь-кликун (*Cygnus musicus* Bechst.)

На весеннем пролете был добыт один экземпляр, другой — на оз. Улюнгура в конце мая. Вероятно, этот лебедь остается в небольшом количестве на Улюнгура для гнездования.

Серый гусь, гуменник (*Anser cinereus* Meyer.)

Распространен по всей Джунгарии, в особенности много на оз. Улюнгура и на малых озерах долины р. Урунгу. На обратном пути, в первых числах сентября, мы

встречали в окрестностях Булун-Тохоя стада серых гусей штук до 300, ежедневно по утрам и по вечерам посещавшие городские пашни.

Г у с ь-с у х о н о с (*Anser cygnoides* Pall.)

Гнездится, как говорят, на оз. Зайсане, но мы добыли только один экземпляр в апреле на пашнях близ Зайсанского поста.

Т у р п а н (*Casarca rutila* Pall.)

В летнее время мы встречали его преимущественно в горах, на ручьях и сазах, а весной и осенью большею частью на равнинах, на сазах же и солончаках. Осенью турпаны соединяются в большие стада и бывают в это время очень осторожны. Гнездятся они, как нам кажется, предпочтительно в скалистых горах, поблизости которых есть сазы или солончаки с маленькими камышовыми озерами.

У т к а к р я к о в а я (*Anas boschas* Lin.)

В огромном количестве гнездится на оз. Улюнгуре, в Булун-тохойской впадине и на р. Урунгу.

У т к а п о л у к р я к о в а я (*Anas strepera* Lin.)

Эту утку мы встречали преимущественно на р. Урунгу и отчасти на малых озерах Булун-тохойской впадины.

У т к а ч и р о к (*Anas querquedula* Lin.)

Держится большей частью на малых степных речках и озерах, поросших по берегам камышом.

У т к а-с в и ш, или с в я з ь (*Anas penelope* Lin.)

Едва ли остается на летнем пребывании в Джунгарии. По крайней мере нам не случилось видеть ее там легом. Но весной, в начале апреля, пролетных на речках в Зайсанском крае было много.

У т к а-с о к с у н (*Anas clypeata* Lin.)

Гнездится в большом числе на оз. Улюнгуре и в Булун-тохойской впадине на малых озерах, но на р. Урунгу не попадалась.

Б а к л а н б о л ь ш о й (*Phalacrocorax carbo* Lin.)

Настоящим летним жилищем его в Джунгарии служит оз. Улюнгур, где этих бакланов множество, но и в долине р. Урунгу на прибрежных озерах они гнездятся также в большом числе. На речке Хаба, верстах в 5 ниже г. Гучена, мы тоже встречали их нередко в конце июля.

Н ы р о к б е л о г л а з ь и (*Fuligula leucophthalmos* Bechst.)

Найден был в начале июня в небольшом числе на одном небольшом озере около г. Булун-Тохоя, а в сентябре убит был другой экземпляр на оз. Улюнгуре.

Ч а й к а о б ы к н о в е н н а я (*Larus ridibundus* Lin.)

Живет в огромном количестве на оз. Улюнгуре, немало этих птиц мы видели в начале июня в нижних частях р. Урунгу близ г. Булун-Тохоя, но в средних и верхних частях этой реки мы решительно не встречали ни одного вида из рода *Larus*.

К р а ч к а с в е т л о к р ы л а я, ч е г р а в а б е л о п е р а я (*Sterna leucoptera* Temm.)

Эту птицу мы видели только на р. Урунгу близ Булун-Тохоя в начале июня, где и был в то время добыт единственный экземпляр для коллекции.

СПИСОК ПТИЦ, СОБРАННЫХ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МОНГОЛИИ И КИТАЮ в 1878—1879 гг.

При обязательном содействии доктора зоологии Н. А. Северцева и профессора С.-Петербургского университета М. Н. Богданова, определивших собранных мною во время путешествия птиц, я составил список этих птиц с указанием географического распространения тех из них, которые встречались неоднократно в различных местностях. Что же касается видов, попадавшихся редко или только в одном месте, то я должен был ограничиться лишь указанием мест нахождения их.

Отряд I. Хищные (*Accipitres*)

Aquila fulva Lin. В течение путешествия добыт был только один экземпляр этого редкого орла на урочище Цаган-дэрсису, в Юго-Восточной Монголии, в 220 верстах к северо-западу от г. Куку-хото. Более мы не встречали его нигде.

П у с т ь е л ь г а. *Falco tinnunculus* Lin. убит тоже один экземпляр во Внутреннем Алтае, на уроч. Чиндагагуй в августе.

Haliaetus leucoryphus Pall. Эти орланы живут на больших озерах Центральной и Западной Монголии, как-то: Угэй, Тэрхеин-цаган и Айрик. Первые два необыкновенно рыбы, и орланы находят на них вдоволь пищи. На реках же, обильных рыбой, нам не приходилось встречать орланов.

Коршун черноухий. *Milvus melanotis* Temm. et. Schlg. Летом встречается повсеместно, не исключая и горных стран. По остановке каравана тотчас же прилетают к лагерю, в особенности если завидят мясо. Поедают и выброшенную рыбу.

Сарыч. *Buteo hemilasius* Temm. С урочища Алтан-чечей в С.-З. Монголии добыт один экземпляр.

Сирин мохноногий. *Athene plumipes* Swinh. С урочища Чиндагатуй в Алтае в половине августа.

Отряд II. Воробьиные (*Passeres*)

Стриж башенный. *Cypselus apus* Lin. На речке Кунгуе в З. Монголии встречались часто, а более нигде.

Удод, или пустошка. *Upupa epops* Lin. В первый раз видели в Монголии в конце сентября в южных отрогах Хангая. В мае очень часто встречались на пространстве между г. Ургою и р. Орхоном.

Пеночка. *Phyllopneuste tristis* Blyth. Из долины речки Богдын-гола близ г. Улясутая в начале июня.

Горихвостка. *Ruticilla erythronota* Evers. Из окрестностей Урыльского поселка в Алтае в начале августа.

Чеккан-пустынник. *Saxicola deserti* Rüpp. Из долины речки Кунгуа в июне.

Чеккан-соловей. *Saxicola isabellina* Rüpp. Из долины р. Тамира в половине мая.

Чеккан-попутчик. *Saxicola oenanthe* Lin. Из той же местности, как и предыдущий вид.

Трясогузка желтоголовая. *Budytes citreola* Pall. Встречалась часто на р. Бухтарме в августе.

Budytes campestris Pall. Из долины р. Кунгуа в июне.

Motacilla bukhnensis Sykes. Из долины р. Тамира в мае.

Дрозд чернозобый. *Turdus fuscatus* Br. С р. Тамира в мае.

Turdus mystacinus Gul. Найден в конце сентября на р. Дзапхыне во время снежной метели, вероятно из запоздалых.

Turdus hodgsoni Lafr. С уроч. Чиндагатуй в Алтае в августе.

Саксаульная сойка. *Podoces hendersoni* Hume. Мы добыли всего один экземпляр в южных отрогах Хангая, близ уроч. Харанидунэй-шант, в конце сентября и нигде более не встречали.

Ворона черная, *Corvus orientalis* Evers. В начале сентября встречалась к ю.-в. от оз. Хара-усу, в долине Дзерге, а потом ранней весной в Гоби на пути из Калгана в Ургу.

Клушица. *Fregilus graculus* Lin. Зимуют во множестве в окрестностях городов Урги, Улясутая и Кобдо, прилетая днем в эти города стаями. Летом же держатся в горных местностях. Встречались изредка в марте и в Гоби.

Кедровка. *Nucifraga caryocatactes* Lin. Видели только в одном месте, в Алтае, на западном склоне перевала Укок (близ верхней границы древесной растительности), в низкорослых кедрах, где они летали большими стаями в августе.

Пегая галка. *Colaeus dauricus* Pall. В марте встречалась изредка в Гоби, а в апреле неоднократно видели в г. Урге.

Чечетка. *Acanthis linaria* Lin. С р. Бухтармы, близ Урыльского поселка.

Стренатка чернолицая. *Euspiza aureola* Pall. В половине ноября мы нашли этих птиц в Гоби, в пустынных горах Ихы-Шанхай, а в других местах не попадались.

Emberiza pusilla Pall. С р. Бухтармы близ Урыльского поселка в августе.

Жаворонок полевой. *Alauda arvensis* Lin. Из долины р. Тамира в мае.

Жаворонок монгольский. *Melanocorypha mongolica* Pall. Встречается повсеместно в Монголии, не исключая даже невысоких горных местностей. Зимой любимым их местопребыванием служат плоские котловины, покрытые зарослями злака дэрсу (*Lasiagrostis*). В это время года они летают большими стаями.

Otocoris brandtii Dress. Из долины р. Тамира в мае.

Petrocincla saxatilis Lin. Из долины р. Кунгуя в июне.
Зимородок бенгальский. *Alcedo bengalensis* Gmel. С р. Бухтармы близ Урьльского поселка. На монгольских же реках не приходилось замечать.

Отряд III. Лазящие (*Scansores*)

К у к у ш к а. *Cuculus canorus* Lin. Живет в горных лесах Хангая.

Отряд IV. Голубиные (*Columbae*)

Г о р н ы й г о л у б ь. *Columba rupestris* Pall. В западной Монголии нередко встречается в горных местностях. Гнездится в высоких, трудно доступных скалах. В особенности видели много около горного озера Шацгай-нор и в ущелье речки Цаган-норэй-холой (прит. оз. Ачит).

Отряд V. Куриные (*Gallinae*)

С т е п н а я к у р и ц а. *Syrhaptus paradoxus* Pall. Водится во всей Монголии, исключая высоких, горных стран. Держится преимущественно около солончаков, в которых есть пресная вода. При отсутствии в солончаках пресных озер, источников или речек, довольствуется колодезной водой, остающейся от скота в корытах или лужицах у колодцев. Осенью соединяется в большие стаи, из которых разбивается по наступлению всны.

К у р о п а т к а б о р о д а т а я. *Perdix barbata* Verr. Эти куропатки водятся во множестве в С.-З. Монголии по речкам, в долинах которых растет лиственный лес и кустарники, как, например, на р. Кобдо и ее притоке речке Хату, на которой их встречалось очень много. Мы нашли этих куропаток и на среднем течении р. Дзапхына осенью.

К у р о п а т к а к а м е н н а я. *Cacabis chukar* Gray. Встречались в большом количестве в горах на пространстве от р. Кобдо до города того же названия, но в Генгейских горах и в Хангае не приходилось видеть их.

Отряд VI. Голенастые (*Grallae*)

Д р а ф а - д у д а к. *Otis tarda* Lin. В мае встречали изредка в широких степных долинах на пространстве между г. Ургою и р. Орхоном, а в конце октября видели несколько штук на пустынной равнине Голыб-Гоби в Юго-Восточной Монголии.

Д р а ф а - в и л я й. *Otis macqueni* Gray. Эту драфу мы в первый раз заметили на среднем Дзапхыне в конце сентября, потом видели еще однажды в степной долине нижнего Тамира. Вообще она редка в Монголии.

П и г о л и ц а, ч и б и с. *Vanellus cristatus* Meyer et Wolf. Весьма обыкновенна в болотистых местах около рек и озер, в особенности между г. Ургою и р. Орхоном.

Б е р е г о в и к с е р ы й. *Actitis hypoleucis* Lin. С р. Бухтармы близ Урьльского поселка в Алтае.

З у е к м а л ы й. *Aegialites minor* M. A. W. Встречался нередко на рр. Тамире и Кунгуе, на последней в большем количестве.

Aegialites placidus. Найден был только на р. Кунгуе в июне.

Ж у р а в л ь с е р ы й. *Grus cinerea* Bechst. Встречали только в Западной Монголии, а в Центральной не попадался, несмотря на посещение многих местностей, привольных для голенастых вообще. Это обстоятельство достойно замечания.

Ж у р а в л ь м а л ы й. *Grus virgo* Lin. Этот журавль встречался в весьма большом количестве на пути от г. Урги до р. Орхона, но в Западной Монголии мы не находили его. По возвращении же в Алтай видели несколько штук на высоком Чуйском плоскогорье, что к ю.-в. от уроч. Кош-агач.

В е р е т е н н и к. *Limosa melanuroides* Guld. Встречался на р. Толе, ее притоке Хадасын в Центральной Монголии и на озере Айрик в С.-З. Монголии.

Micropalama taczanowskyi Verr. В тех же самых местностях, где и предыдущий вид.

У л и т - т р а в н и к. *Totanus ochropus* Lin. Водится повсеместно на мокрых лугах по ручьям, рекам и озерам. Наиболее встречали на р. Кунгуе.

У л и т б о л о т н ы й. *Totanus glareola* Lin. Попадался нередко на рр. Толе, Орхоне и Тамире.

Улит обыкновенный. *Totanus calidris* Lin. На рр. Толе, Хадасыне, Орхоне, Тамире и Кунгуе водится в большом количестве.

Шилоклювка. *Recurvirostra avocetta* Lin. Найдена была только в одном месте, на соленом озере Цзэрен-нор в С.-З. Монголии. На южном берегу этого озера есть источник и несколько малых озерок с солоноватой водой, на которых было много названных птиц.

Песочник Темминка. *Tringa temminski* Leisl. С высокого плоскогорья, усеянного малыми озерами, между перевалом Укок и уроч. Калгуты, в Алтае в августе.

Libipes hyperboreus. Из той же местности, в которой, по всей вероятности, гнездится, так как был найден там еще в половине августа.

Бекас. *Scolopax gallinago* Lin. (var. *burka* Lath.). С р. Толы из окрестностей Урги, где появился в конце апреля. В других болотистых местностях встречался изредка.

Scolopax hyemalis Eversm. В конце августа найден был на речке Буянту, ниже г. Кобдо.

Eudromias veredus. Из долины Тамира в мае.

Eudromias morinellus. Из той же долины, добыт только один экземпляр, а потому и неизвестно, остается ли там на летнем пребывании или пролетом.

Streptilas collaris Lin. В той же местности и один экземпляр.

Лысуха черная. *Fulica atra* Lin. Водится на многих озерах, поросших около берегов камышом. В особенности много на оз. Харá-усу, что близ г. Кобдо.

Отряд VII. Плавающие (*Natatores*)

Гусь серый. *Anser cinereus* Meyer. Водится в весьма большом количестве на озерах З. Монголии, в особенности на Хара-усу, но в Центральной Монголии мы нигде не встречали его, несмотря на то, что там на реках и значительных озерах остается на летнем пребывании множество гусей двух иных пород.

Гусь-сухонос. *Anser cygnoides* Pall. Встречается повсеместно как в Западной, так и в Центральной Монголии, в особенности на озере Харá-усу и на рр. Толе, Орхоне и Тамире.

Гусь-индийский. *Anser indicus* Lath. Этого гуся мы находили исключительно в Центральной Монголии, на рр. Тамире и Тэрхей-гол, а в Западной Монголии не встречался вовсе.

Лебедь-кликун. *Cygnus musicus* Bechst. Видели на озере Барокчин-цаган-нор, на речке Хадасын и р. Тамире в мае и находили яйца, из чего следует заключить, что остается в тех местностях для гнездования.

Утка-пеганка (отайка). *Vulpanser tadorna* Lin. На рр. Толе, ее притоке Хадасын, на оз. Угэй, на Орхоне и Тамире живут в большом количестве, в особенности на р. Толе.

Турпан. *Casarca rutila* Pall. Встречается повсеместно. В летнее время держатся более в горных, солонцеватых долинах, а осенью на равнинах около солончаков, поблизости которых есть озера или речки.

Утка-свист. *Mareca penelope* Lin. Добыт только один экземпляр с р. Ойгора (прит. р. Кобдо) в конце августа.

Утка-шилохвост. *Dafila acuta* Lin. С уроч. Кытэин-шарахолусу, что к ю.-в. от озера Харá-усу, где найдена была в начале сентября.

Утка-чирок. *Querquedula cirica* Lin. Водится во множестве на рр. Толе, Орхоне, а также на многих озерах и речках Центральной и Западной Монголии.

Rhynchaspis clypeata Lin. Встречали только на оз. Ачит, в С.-З. Монголии в июле.

Nettion crecca Lin. Находили в большом количестве на р. Толе, встречалась также нередко и на прочих реках Центральной Монголии, а также на оз. Айрик в С.-З. Монголии.

Branta rufina Pall. В конце августа найдена на речке Буянту, ниже г. Кобдо, а в конце сентября попало несколько штук на оз. Ульдзуйту, в южных отрогах Хангая.

Нырок красноголовый. *Aythya ferina* Lin. С озера Харá-усу в С.-З. Монголии в начале сентября.

Крахаль большой. *Mergus merganser* Lin. Нашли только в одном месте, на р. Будон-гичигин, в Хангае, в конце мая.

Мартышка речная. *Larus ridibundus* Lin. Весьма обыкновенна на рр. Толе, Орхоне, Кунгуде и других обильных рыбой, но на горных речках, в которых живут только хариусы, не встречается.

Larus cachinans Pall. В первый раз нашли на озере в долине р. Ойгора, потом замечали на оз. Айрик, но в Центральной Монголии не попадалась.

Sterna longipennis Mus. Berl. Водится на рр. Толе, Орхоне и Кунгуде, а также на оз. Айрик.

Sterna fluviatilis Lin. На тех же реках, где и предыдущий вид; видели также во множестве на озере Угэй.

Hydrochelidon fissipes Lin. Нашли только на р. Кунгуде и оз. Айрик в июне, в других местах не удалось наблюдать.

Pelecanus onocrotalus Lin. Гнездится на озерах С.-З. Монголии Харá-усу и Айрик в большом количестве; на других же обширных озерах Монголии не приходилось видеть¹.

¹ Представленные мною в музей Императорской Академии наук млекопитающие, рыбы и пресмыкающиеся остались пока еще необработанными и описания их будут, по всей вероятности, в непродолжительном времени помещены в бюллетенях Академии.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ РЕДАКТОРА

1. Дунгане — оседлый народ, живущий в Западном Китае (в Синьцзяне), а также в СССР, в Казахстане и Киргизской ССР. В Синьцзяне дунгане составляют около 4% населения.

Дунгане говорят на китайском языке, но исповедуют ислам. Дунгане принадлежат к северо-китайскому расовому типу, осложненному некоторыми примесями.

По своему быту дунгане не отличаются от китайцев; их жилые постройки и домашняя утварь такие же, как и у китайцев; сохранили они также китайские способы возделывания некоторых сельскохозяйственных культур.

Дунгане неоднократно восставали против ига китайских и маньчжурских феодалов.

Крупнейшее восстание дунган относится к 1862—1877 гг.; оно охватило ряд провинций Китая: Шэньси, Ганьсу, Джунгарию и Кашгарию и объединило под лозунгами «газавата» — священной войны против неверных — не только многие тысячи дунган, но и другие некитайские народности, в особенности уйгур. Однако религиозные лозунги были лишь внешним оформлением восстания. Главнейшей же целью борьбы повстанцев являлось освобождение из-под гнета китайско-маньчжурских завоевателей и от ярма феодальной эксплуатации.

В восстании принимали участие различные классовые группировки некитайского населения Джунгарии и Кашгарии.

Вооруженное восстание завершилось образованием независимого государства, состоявшего из трех самостоятельных ханств. Крупнейшее из них в Кашгарии — Джеты-шаар (Семиградие) — было организовано таджиком Якуб-беком.

Однако государство, образованное в результате восстания, долго продержаться не могло. В 1878 году восстание было подавлено, Джунгария и Кашгария были преобразованы в провинцию Синьцзян.

Несмотря на то, что это освободительное движение в то время и в тех условиях в Синьцзяне не могло привести и не привело к окончательной победе трудящихся масс, его роль в формировании сознания населения и в политической истории борьбы с китайским феодализмом очень велика.

До самого недавнего времени дунганское восстание оставалось одним из наименее изученных событий новейшей истории Китая. Буржуазные историки дореволюционной России не сумели дать правильный научный анализ этого восстания, определить его движущие силы и главные цели. М. В. Певцов, оставаясь на уровне идеологии своего класса, не понимал прогрессивных сторон дунганского восстания и осуждал повстанцев.

Учитывая все это, советский читатель должен критически воспринимать те части труда Певцова, в которых путешественник касается дунганского восстания.

2. Здесь М. В. Певцов повторяет ошибку многих современных ему исследователей, описывая будто бы существующий горный узел, состоящий «... из многих сплоченных между собой масс, ... представляющий в целом весьма высокое вспушивание, ... от которого отходят к юго-востоку ... горные хребты Семистау и Уркашар...». На карте, приложенной к первому изданию, Певцов изобразил этот горный «узел». С севера к нему примыкает Саур, на западе тянется Тарбагатай, на западе-юго-западе — Уркашар и на юго-юго-востоке Семистау. Совершенно не изображен на этой карте хребет Коджур, в действительности располагающийся между Уркашаром и Тарбагатаем.

В. А. Обручев, производивший в 1905 году исследование в этом районе, указал на ошибочность представлений Певцова и ряда других путешественников в описании мнимого горного «узла». В III томе «Пограничной Джунгарии» В. А. Обручев пишет, что характер возвышенностей и их абсолютные высоты доказывают «что о настоящем горном узле, т. е. о слиянии нескольких горных хребтов в общую массу, здесь не может быть и речи. Восточный Тарбагатай, который картографы и географы тянут от этого «узла» на запад, в действительности... суживается, понижается и оканчивается не доходя до узла, а отделяясь от него широкой долиной Хотон-ащи и Бай-мурзинским проходом, достигающим в самом узком месте около километра в ширину. Саур, при-мыкающий будто бы к узлу с востока, в действительности... тянется высокой стеной с востока на запад мимо узла, обрываясь к нему круто. Каджур также круто понижается к самому узлу, а Уркашар связан с ним узким и сравнительно низким гребнем Эмельчик-кизенья. Семистай (у Певцова — Семис-тау) также не отходит непосредственно от узла, а связан с ним участком плато между левым притоком верхнего Дяма и верховьями рч. Тогылыл, простирающимися почти под прямым углом к общему направлению этого хребта. И Саур, и Каджур, и ближайшие части Уркашара и Семистая выше самого узла, первый на 700—800 м, а остальные на 150—200 м. Между тем, настоящий горный узел должен быть выше и во всяком случае не ниже сходящихся в нем хребтов.

В действительности этот ложный горный узел представляет в орографическом отношении суженную северную часть комплекса Уркашар — Семистай и состоит, подобно остальным частям этого комплекса, из уступов различной высоты, тесно спаянных друг с другом». (В. А. Обручев. Пограничная Джунгария. Л., 1939, стр. 159—160).

Такова краткая орографическая характеристика этого горного района, данная В. А. Обручевым. Здесь следует также отметить, что вообще для возвышенностей, расположенных в северных районах Джунгарии между долиной Иртыша и восточным окончанием хребта Джунгарский Ала-тау, характерны не типичные горные хребты, а простые и сложные плато. Такие столовые высоты, одиночные или соединенные в комплексы в виде ступеней различной высоты, образуют в совокупности одно целое. (Цит. соч., стр. 90).

3. Упомянутая Певцовым нагорная равнина на современных картах называется долиной Мукуртай. Г. Н. Потанин, посетивший эту долину в том же году, что и Певцов, называл ее урочищем Мукур и дал ей следующее описание: «Урочищем Мукур называется обширное травянистое пространство, по которому проходит местами прерывающаяся полоска камыша и тала; иногда внутри этой полосы появляется вода; трава по преимуществу состоит из солодки (или лакричника *Glycyrrhiza* — растение, широко распространенное в некоторых районах Монголии, Казахстане и Сибири. — Я. М.), которая здесь достигает значительного роста и образует сплошные заросли. К ней примешиваются сферофиза солончаковая, некоторые сосюрен, а из кустарных форм на песчаных буграх, которые здесь перемежаются с солонцами, растут джунгыл (тамариск) и чингиль» (Г. Н. Потанин. «Путешествия по Монголии». Географгиз, 1948, стр. 25).

Далее, на восток, ближе к озеру Улунгур травянистый покров редет, появляются солонцы, поросшие солянковыми, а еще восточнее, примыкая непосредственно к урезу Улунгура, располагается настоящая пустыня, представляющая собой дно древнего озера, занимавшего некогда значительно большую площадь, чем ныне.

По середине долины Мукуртай проходит русло одноименной речки. Летом речка Мукуртай пересыхает, а весной доносит свои воды до маленького озера с горько-соленой водой, отделенного от Улунгура лишь узким перешейком.

4. Более точные и обстоятельные сведения о Чиликтинской долине приводятся у В. А. Обручева в «Пограничной Джунгарии». Он сообщает, что северная половина долины представляет совершенно ровную степь, полого склоняющуюся к югу, скудно поросшую мелкой польною и кипцом и имеющую твердую песчано-глинистую почву с щебнем. Южная половина долины представляет степь уже менее ровную; от подножия Тарбагатая в нее далеко выбегают широкие и плоские увалы, поросшие более или менее хорошей травой. В широких долинах между увалами текут небольшие и вскоре исчезающие ручейки, трава здесь гуще и выше, местами растут кустарники. Постепенно к северу увалы понижаются и исчезают и в нескольких километрах от подножия Тарбагатая начинается ровная степь. Растительность ее лучше, чем в северной половине Чиликтинской равнины. Западная часть этой южной половины выше и суше восточной.

В средней части долины Чиликты на востоке располагается русло речки Чаган-обо, вода в которой исчезает ниже пикета Чаган-обо; на западе протекают реки Канды-су.

Правильность предположения Певцова о том, что под толщами аллювия Чиликтинской равнины скрываются озерные осадки, подтвердилось позднейшими исследова-

ниями ряда русских ученых, в том числе и В. А. Обручева. Под толщами молодых (четвертичных) отложений, принесенных речками и временными потоками, у подножия Манрака были обнаружены более древние (третичные) отложения, которые благодаря своему составу дают основание думать, что Чиликтинская равнина некогда была заполнена водой и представляла собой озеро.

Это предположение было сделано Певцовым в первые же дни его первого путешествия. Тогда за спиной исследователя не было еще никакого опыта экспедиционных наблюдений. Это был период формирования Певцова — полевого исследователя. Тем более замечательными представляются его наблюдения и смелые научные выводы, сделанные в этом путешествии. Примечательным для последнего является также и то, что в Джунгарском путешествии М. В. Певцов уделял значительное внимание, а в своем отчете и соответствующее значительное место, геологическим наблюдениям. Начав подготовку к предстоящим исследованиям малоизвестных стран еще в годы учения, будущий путешественник уделял много внимания помимо главных занятий астрономией, изучению сбора ботанических и зоологических коллекций; геологией же М. В. Певцов, насколько это нам сейчас известно, занимался сравнительно меньше. Тем не менее, как мы уже говорили, в этом (Джунгарском) путешествии М. В. Певцов много времени посвящал исследованию горных пород, которыми сложены горы северной Джунгарии. И хотя в результатах этих исследований имеются неточности и даже ошибки, тем не менее они в свое время давали наибольшее количество научного материала.

5. Ламаизм — позднейшая форма северного буддизма, возникшая в Тибете в XIV в. (буддизм проник на север в VII в.). В конце XVI в. ламаизм распространился в Монголии. Название религии происходит от слова лама (по-тибетски — высочайший) — буддийский монах. Во главе ламаистской монашеской иерархии стоят лица, которых ламаисты считают «перевоплощенцами» божественных существ и святых, Будды и его воплощений — бодисатв. Из них главные перевоплощенные, резиденция которых в Тибете, — далай-лама и панчен. За ними идут хутухты, правящие церквями отдельных стран. В Тибете ламы с далай-ламой во главе правят страной. Место пребывания далай-ламы — Лхаса.

Как и всякая религия, ламаизм поддерживался и закреплялся в интересах реакционных классов общества. Ликвидация эксплуататорских классов буржуазного общества в Монгольской Народной Республике и успешное движение ее по некапиталистическому пути развития к социализму уничтожили в значительной степени уже материальную основу религиозных верований. Революционные преобразования в новом демократическом Китае также идут по пути ликвидации религиозной формы идеологии народных масс страны.

Коммунистическое воспитание трудящихся народов Центральной Азии, активное их участие в победоносном прогрессивном движении по пути к социализму и овладение научной теорией марксизма-ленинизма — необходимые условия для окончательного преодоления религиозных пережитков и суеверий.

6. По этому кратчайшему пути в Гучен прошел Н. М. Пржевальский в конце своей второй экспедиции в Центральную Азию в 1877 году (см. «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», Географиз, 1947).

7. Торгоуты относятся к западным монголам, населяющим Алтайскую горную страну и сопредельные с ней земли. Их язык и обычаи несколько отличаются от языка и обычаев наиболее многочисленной группы монгольского народа — халха.

8. Впервые дикие верблюды были добыты Н. М. Пржевальским во время его второго центральноазиатского путешествия в котловине озера Лоб-нор (окраина Кумтага и нижний Тарим). В отчете о третьем путешествии Н. М. Пржевальский сообщил ряд новых данных о диком верблюде. Этому животному путешественник посвятил и особую статью («Природа и охота», т. I, 1878).

Вот как Н. М. Пржевальский описывает дикого верблюда, обитающего на равнинах Цайдама (Китай, провинция Цинхай): «Дикие верблюды, — пишет Пржевальский, — живут небольшими обществами от 5 до 10, редко до 20 экземпляров; в больших стада никогда не соединяются. По своей наружности они мало отличаются от домашних верблюдов; только у диких туловище тоньше и морда острей; кроме того, у них шерсть имеет серый цвет.

Монголы Западного Цайдама охотятся за дикими верблюдами и бьют их для еды, преимущественно поздней осенью, когда эти животные бывают очень жирны... Последние, вероятно, не особенно осторожны, если их можно бить из светильных ружей. Монголы говорили нам, что дикий верблюд отлично обоняет и видит вдаль, но на близком расстоянии зрение его гораздо хуже» (Н. М. Пржевальский. «Монголия и страна тангуты», Географиз, 1946, стр. 246—247).

Интересные сведения удалось собрать о некоторых повадках дикого верблюда Г. Е. Грумм-Гржимайло, который пишет: «Раненый верблюд редко уходит; самое же выгодное попасть ему в ногу; тогда он не трогается с места и только кричит. Нападают на человека одни самки, защищающие своих верблюжат; о возможности же приручения этих животных дгнцы (жители населенного пункта Дга в горах Чоль-таг на юге Джунгарии. — Я. М.) сообщить ничего не могли, так как на их памяти подобных случаев не было» (Г. Е. Грумм-Гржимайло. «Описание путешествия в Западный Китай», Географгиз, 1948, стр. 285).

Работы М. В. Певцова, П. К. Козлова и других русских, а затем и советских ученых позволили уточнить распространение диких верблюдов в Центральной Азии.

Дикий верблюд отличается от домашнего более низкими горбами, более слабо развитыми пучками удлиненных волос на вершине горбов, шее, подбородке, внешней поверхности бедер, проксимальных частях предплечья и конца хвоста. Уши у дикой формы более короткие. Мозоли на передних ногах отсутствуют. Окраска их, всегда песчано-коричнево-красноватая, менее подвержена такой изменчивости, как у домашних. Общая высота черепа у диких относительно меньше; лицевая часть черепа длиннее; ширина черепа меньше. Венечный, сочленовный и угловой отростки нижней челюсти относительно ниже. Изменчивость домашних верблюдов, по сравнению с дикими, по всем признакам, значительно большая (А. Г. Банников. Зоологический журнал, т. 24, № 3, 1945, *Я. И. Хавесон, Доклады АН СССР, т. 60, № 6, 1948).

9. Н. М. Пржевальский, описывая диких верблюдов, обитающих в районе Цай-дама, отмечает в противоположность Певцову, что бывают случаи, когда домашние верблюды уходят с дикими, навсегда покидая своих хозяев. «В феврале, — пишет Пржевальский, — в период течки, самцы делаются чрезвычайно смелы и иногда прибегают к караванам, которые следуют из Цайдама в город Аньси-Чжоу. Случается, что караванные верблюды уходят тогда вместе с дикими и уже больше не возвращаются» (Н. М. Пржевальский. «Монголия и страна тангутов», Географгиз, 1946, стр. 247).

Вопрос, который ставит Певцов «не правильнее ли будет диких верблюдов считать одичавшими домашними», поднимался еще раньше Пржевальским, который склонен все же был считать, как большинство других путешественников и ученых, что дикие верблюды исходно дикие, хотя к ним и примешались одичавшие домашние.

10. Монголы халха, или халхасцы, относятся к северной группе монгольских народов и составляют ныне около 70% всего населения Монгольской Народной Республики. В Джунгарии халха почти не обитают.

Замечание М. В. Певцова о том, что монгольское наречие торгоутов мало чем отличается от языка «уряйхайцев, вероятно их соплеменников», северно: уряйхайцы (сойоты, туба) относятся к северо-восточной тюркской языковой группе. Подробнее об уряйхайцах см. в комм. 29.

11. Озеро Улюнгур — одно из пяти крупнейших озер Северо-западного Китая (Лоб-нор, Баграч-куль, Эби-нур, Улюнгур и Телли-нур).

Расположенное на путях из Казахстанских степей в Монголию и Китай, богатое рыбой и птицей, Улюнгур издавна привлекало внимание путешественников. Первые известные нам упоминания о нем относятся к середине XIII века. В географической литературе позднейшего времени мы находим многочисленные описания этого озера, большинство из которых отличается, к сожалению, чрезвычайной краткостью. Тем не менее, в ряде сочинений крупнейших наших путешественников приводятся сведения, дополняющие описания Певцова и дающие возможность составить более полную географическую характеристику Улюнгура. (Г. Е. Грумм-Гржимайло. «Западная Монголия и Урянхайский край», СПб., 1914, стр. 298—299. Н. М. Пржевальский. «Из Зайсана через Хами в Тибет», Географгиз, 1948, стр. 27—28. Г. Н. Потанин. «Путешествия по Монголии», Географгиз, 1948, стр. 26—28. В. Сапожников. «По Алтаю», Географгиз, 1949, стр. 354—357. Ю. А. Сосновский. «Отчет о «Булунтохойской экспедиции» в записках РГО по общей географии, т. V, СПб., 1875, стр. 573—575.) Так, например, Г. Е. Грумм-Гржимайло выводит среднюю цифру показателя высоты уреза Улюнгура над уровнем моря из результатов барометрических измерений Певцова и показателей, полученных некоторыми другими путешественниками:

Потанин и Рафаилов (топограф)	—1 530 футов
Пржевальский	—1 586 »
Сапожников	—1 739 »
Певцов	—1 740 »

Средняя —1 649 футов

Разница между этой цифрой и даваемой на современных картах (446 метров, т. е. 1 472 фута) равняется 53,1 метрам, или 177 футам.

В 1882 г. М. В. Певцову вновь пришлось заняться измерением высоты уровня Улунгура. В результате тщательных повторных измерений он получил цифру, равную 1 650 футам. В отчете об этих работах, который был опубликован в «Известиях Русского Географического общества», т. 25, Певцов, помимо прочего, указывает и результаты нивелировки перешейка между озером Улунгур и Черным Иртышом. Эта работа по поручению Певцова была проведена топографом Богдановым в 1883 г. и показала, что поверхность озера на 27,5 футов ниже уровня реки и что поэтому не может быть подземного стока из озера в реку, который предполагал Ю. А. Сосновский. Последующие исследования подтвердили правильность этого вывода.

Интересные сведения, дополняющие описание Певцова, мы находим у В. В. Сапожникова. Последний посетил Улунгур в 1908 г. и наблюдал там любопытное явление, которое он сам описывает в следующих словах: «Проезжая по тесному берегу вдоль самой воды, я обратил внимание, что она окрашена в яркозеленый цвет. Зачерпнув воды в стакан, я получил тоже совершенно зеленую воду; исследовав ее потом под микроскопом, я убедился, что вода густо наполнена колониями синезеленой водоросли, близкой к *Nostoc*'у или *Aphanocapsa*.

Колонии маленькие и не образуют свойственных первому [*Nostoc*'у] пузырей. Эта окраска тянулась полосами в середине озера, насколько мог рассмотреть глаз, и заняла вдоль берега не меньше 10 верст. Одним словом, при обилии воды часа два нигде было напиться». (В. В. Сапожников. «По Алтаю», Географгиз, 1949, стр. 355).

Это было одно из первых наблюдений и описаний планктона озер Центральной Азии.

Следует напомнить, что впервые в Центральной Азии сбор планктона производился в экспедиции П. К. Козлова в 1899 году.

Там же Сапожников перечисляет и птиц, которых он видел на Улунгуре. Среди них, кроме названных Певцовым, упоминаются журавли и бакланы.

У Сосновского мы находим яркое дополнение характеристики озера и картины его берегов: «Озеро Улунгур чрезвычайно бурно, особенно при господствующих здесь весьма суровых юго-западных ветрах. Постоянный прибой воды изрыл восточный берег ярами, провалами и ямами, над которыми торчат самых причудливых форм уцелевшие остатки материка, в виде столбов, конусообразных сопок, пирамидальных террас и проч....» (Отчет о Булунтохойской экспедиции, стр. 575).

Некоторые сведения о животном мире окрестностей озера сообщает Г. Н. Потанин. Он пишет, что, по словам местных жителей, там водятся: кабан, выдра, волк, лисица, корсак (вид лисицы), кошка сляусын (манул). Там же Потанин приводит весьма интересную легенду. В ней говорится, что зимой, когда Улунгур замерзает, на нем бывает слышен крик водяной коровы («су-сиир», как ее называют местные жители), которая выходит на лед, когда людей нет; «видеть ее пока, — замечает Потанин, — никому не удавалось. Повод к такой легенде подает, может быть, шум, сопровождающий образование трещин во льду». (Г. Н. Потанин. «Путешествие по Монголии», Географгиз, 1948, стр. 26).

Ни один из путешественников, ни до, ни после Потанина, не упоминает более об этой легенде. Однако, в связи с ней, интересно вспомнить, что в озере Куку-нор до сих пор сохранились ластоногие — реликты третичного моря Тетис. Весьма вероятно, что и в Улунгуре до самого последнего времени могли обитать эти животные и подать повод к созданию легенды, приводимой Потаниным.

12. В. В. Сапожников в своем известном труде «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо» (в книге «По Алтаю», Географгиз, 1949, стр. 354) пишет: «Самый берег (Улунгура).—Я. М.) окаймлен двумя валами: первый близ воды, а второй — более высокий — саженьх в двадцати от нее». Это, повидимому, береговые валы — несомненные признаки некогда более высокого уровня озера. В. В. Сапожников впервые описал в своем отчете о путешествии береговые валы озера; однако никто до сих пор не обратил внимания на это, еще одно свидетельство былых размеров Улунгура.

13. Такого китайского названия никто из путешественников, кроме Певцова, не указывает. Сосновский пишет, что не китайское местное население называет и реку Урунгу и город Булун-тохой «одним и тем же именем «Бурлутогой» (река Бурлутогой, город Бурлутогой), а китайцы, избегающие звука р и заменяющие его звуком ли, называют то и другое Булун-тохой». (Отчет о Булунтохойской экспедиции, стр. 576—577).

Г. Н. Потанин называет этот город — Булунь-тохой; Г. Е. Грумм-Гржимайло Булунтохойскую котловину называет Бурун-тогой, указывая, что это название, под которым оно известно у киргизов, «вполне оправдано теми упорными,

в особенности весной, и часто очень сильными ветрами, которые дуют здесь преимущественно по двум румбам с юго-востока и северо-востока. Благодаря этим ветрам озеро пользуется репутацией очень бурного» (Г. Е. Грумм-Гржимайло. «Западная Монголия и Урянхайский край», стр. 299).

На всех современных картах принято единое название для этого города — Булунтохой.

Нам представляется, что это монгольское название города — Булунтохой — является неоспоримым доказательством того, что некогда река Урунгу направляла свои воды в озеро Бага-нор, а не Улюнгур, куда впадает она сейчас (об этом подробнее см. в комментарии 15). В самом деле, если мы проследим нижнее течение Урунгу в случае впадения ее в Бага-нор, то увидим, что долина реки образует излучину, поворачивая к югу, к озеру. Город Булунтохой расположен как раз в точке поворота реки к югу. В переводе с монгольского оба составных слова этого названия — «булун» и «тохой» значат — колено (реки), лука (реки). Такое название могло быть дано жителями населенному пункту, который располагался на излучине реки. Сейчас Урунгу в нижнем участке течет прямо к северо-западу, впадая в Улюнгур, и такой излучины не образует.

15. На вопрос, куда впадает река Урунгу — в Улюнгур или в Бага-нор, от первых исследователей тех мест и до самого последнего времени географическая литература давала самые противоречивые ответы.

Современная Певцову китайская география утверждала что Урунгу вливается не в Улюнгур, а в меньшее озеро — в Бага-нор. Посетивший Булунтохойскую впадину в феврале 1875 года Ю. А. Сосновский утверждал противоположное: «Река Урунгу, проходя мимо озера Бага-нор, вливается в Улюнгур верстах в 12 от упомянутого соединения между обоими озерами». (Отчет о Булунтохойской экспедиции. Записки Русского Географического общества, т. I, 1875, стр. 574). Однако там же у Сосновского мы находим весьма любопытное указание: «Крайний, южный рукав дельты Урунгу, наполненный несколько и теперь водою, имеет направление к стороне озера Бага-нор, так что весьма возможно допустить, что именно этот рукав был прежде главным руслом реки» (цит. соч., стр. 575).

В том же году, что и Певцов, район озера Улюнгур обследовал Г. Н. Потанин. Вот что мы находим по интересующему нас вопросу в его описаниях: «Селение Булунтохой лежит между канавой, по которой течет вода из Урунгу, и стеной, которою обрывается терраса в промежутке между устьем Урунгу и Бага-нором...

Канавы, как уверяют местные жители, первоначально была обыкновенных незначительных размеров, но со временем сама разработала искусственное свое русло и превратилась в значительную речку, в которую даже заходит рыба (Г. Н. Потанин. «Путешествия по Монголии», стр. 28—29).

На карте, приложенной к выпуску III «Очерков Северо-Западной Монголии» Потанина и составленной им в 1883 году по последним сведениям, р. Урунгу изображается впадающей в озеро Улюнгур и отделенной поднятием от озера Бага-нор. То же самое мы находим и на карте, снятой известным топографом Рафаиловым в 1876—1877 годах и приложенной к этому же труду Г. Н. Потанина.

В конце марта 1879 года теми же местами прошел в свое третье центрально-азиатское путешествие Н. М. Пржевальский. Он определенно указывает, что р. Урунгу является притоком Улюнгура: «С востока оно (Улюнгур. — Я. М.) принимает довольно большую реку Урунгу; стока же вовсе не имеет».

В. В. Сапожников, наблюдения которого относятся к июню 1908 года, также, даже не упоминая озера Бага-нор, сообщает, что река Урунгу питает своими водами озеро Улюнгур.

Г. Е. Грумм-Гржимайло в первом томе своего труда «Западная Монголия и Урянхайский край», вышедшего в 1914 году, пишет, что р. Урунгу впадает в озеро Улюнгур «несколькими рукавами, отделяя в то же время протоку в сторону озера Бага-нор; последняя, впрочем, ныне настолько обмелела, что вода в ней показывается, да и то только в вершине при самом высоком стоянии вод в Урунгу» (Грумм-Гржимайло, цит. соч., стр. 298).

Наконец, современный нам ученый, известный советский исследователь Монголии Э. М. Мурзаев в своей книге «Монгольская Народная Республика» (Географгиз, 1948) сообщает следующие сведения: «Бассейн озера Улюнгур. С южных склонов Монгольского Алтая только одна река в пределах Монголии приносит свои воды до озера (исключая верховья Джелты, упомянутой выше). Это река Булугун, впадающая в озеро Улюнгур в Синьдзяне, под названием Урунгу» (цит. соч., стр. 190).

В комментариях ко второму изданию труда Н. М. Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет» (Географгиз, 1948) Э. М. Мурзаев дает дополнительные сведения.

сообщая, что озеро Бага-нор (Бага-нур) «получает воду по мелководной дельтовой протоке р. Урунгу, последняя почти целиком стекает в Улюнгур» (цит. соч., стр. 365).

Таким образом, все исследователи, посетившие лично Булунтохойскую впадину, указывают, что Урунгу впадает в озеро Улюнгур. Это же мнение разделяют и составители карты Китая в масштабе 1 : 5 000 000, вышедшей в свет в 1949 году.

Утверждение о том, что Урунгу впадает в Бага-нор, мы находим только в китайских географических источниках второй половины прошлого века и на листе L — 45 карты масштаба 1 : 1 000 000, выпущенной ГУГК в 1941 году.

Наконец, мнение о том, что Урунгу свой сток в неравных количествах делит между Улюнгуром и Бага-нором, высказывают исследователи, лично не посещавшие тех мест и располагавшие лишь литературными материалами.

16. По современным данным, абсолютная высота Булунтохойской впадины принимается равной 480 м. Неверно также и замечание М. В. Певцова об общем уклоне впадины к югу. Уровень озера Бага-нор превышает уровень озера Улюнгур на 2 м. Высота уреза воды Улюнгура над уровнем моря — 446 м, Бага-нора — 448 м.

Что касается направления течения арыков, на которые указывает Певцов как на признаки общего уклона впадины, то оно обусловлено, наверное, местными уклонами: к югу — южнее и западнее Булунтохой и уклоном к северо-западу и северу — севернее Булунтохой.

17. М. В. Певцов на глаз, без инструментальных измерений, определял расстояние между Улюнгуром и Бага-нором. Новейшие измерения определяют это расстояние равным 7—8 км.

Ошибочно также утверждение М. В. Певцова о том, что Бага-нор не имеет с озером Улюнгуром никакого сообщения. Между озерами существует протока, обычно сухая и заполняющаяся водой во время высоких паводков на р. Урунгу (см. комм., 15).

18. Мнение о том, что Улюнгур, Бага-нор и другие более мелкие озера Булунтохойской впадины представляли некогда единое пресное водохранилище, высказывалось некоторыми исследователями и до М. В. Певцова. В частности, Сосновский в отчете о Булунтохойской экспедиции писал: «Едва выходящая ложбина протока между обоими озерами, имеющая довольно значительную ширину у Бага-нора, служит очевидным признаком, что проток сей составлял неразрывное звено соединения. Наконец, голый, бесплодный берег вплоть до гор Салбурты и болотистая низина Мукуртай должны считаться такими же признаками общего явления, на основании коего легко допустить, что весь сейчас упомянутый район вместе с теперешним водоемом, озерами Улюнгур и Бага-нор, составляя за 600 с лишком лет море Ки-дзы-ли-ба-дзы, о котором упоминает спутник Булагу-хана...» Далее Сосновский высказывает отличное от Певцова и более правильное мнение об источниках питания этого огромного пресноводного бассейна: «... а тогда как неизбежное явление, следует признать, что названный водоем принадлежал через посредство Иртыша к океаническому бассейну и только впоследствии, подобно Далаю с р. Конрулен (Керулен. — Я. М.), замкнулся в особый континентальный...»

Такой взгляд на древнюю гидрографическую связь Булунтохойской впадины с Иртышом разделяют и современные ученые. Э. М. Мурзаев пишет по этому поводу: «Единственным объяснением пресноводности озера может быть предположение, что Улюнгур сравнительно недавно изолировался от системы Иртыша, к ней он некогда, конечно, принадлежал. На это указывает очень близкое соседство северного залива озера с долиной реки, от которой оно отделено только невысоким увалом. Таким образом, и р. Урунгу принадлежала к бассейну Иртыша и только в недалеком геологическом прошлом обособилась». (Н. М. Пржевальский. «Из Зайсана через Хами в Тибет», комментарии, стр. 365—366).

19. О том, что местным жителям совершенно неизвестно выдуманное Риттером название Эктаг-Алтай, пишут и другие путешественники (Матусовский, Сосновский и др.). Название «Южный Алтай», которым пользуется М. В. Певцов, было принято в его время на картах и в географической литературе. Ныне установилось для той части Алтая, о которой пишет Певцов, название «Монгольский Алтай». Монголы, населяющие его, называют свою горную страну Алгаин-нуру.

У В. В. Сапожникова мы находим очень четкое описание орографической схемы главнейших алтайских хребтов: от высокого горного узла Табын-богдо-ола, как от некоторого центра, отходят в разные стороны три основных хребта.

На запад протянулся Южный Алтай — между истоками Алахи и Бухтармы с севера и долиной Монгольского Канаса и верховьями Кабы — с юга. В западной половине Южный Алтай разветвляется на три хребта: Нарымский, Курчумский и Азу, которые направляются к правому берегу Иртыша.

На северо-восток от узла отходит ныне высокий, малоснежный хребет Сайлюгем. Изгибающейся линией он тянется по водоразделу Аргут, Чуи, Башкауса и Чульшмана с запада и левых притоков р. Кобдо: Суока и Боку-Мерина с востока. Далее на север он смыкается с хребтом Чапчал, переходящим в Саяны.

Третья, самая могучая ветвь, отходит от узла Табын-богдо-ола на юг; это — Монгольский Алтай... Образует водораздел между верхними бассейнами Иртыша и Урунгу с запада и Кобдо и Буянту с востока, хребет постепенно загибается на юго-восток, и, принимая почти восточное направление, далеко вдается в пустынные нагорья Центральной Азии, где и расходится невысокими гривами (В. В. Саложников. «По Алтаю», Географгиз, 1949, стр. 438).

20. Н. М. Пржевальский, посетивший р. Урунгу в 1879 году, также отмечает бедность этой реки видами рыб. Однако, кроме перечисленных М. В. Певцовым, ему удалось добыть особенно многочисленных там ельцов (*Leuciscus* sp.) и линей (*Tipca tipca*). Для рыболовов бедность видами компенсировалась в Урунгу необычайным богатством особей. Вот что пишет в связи с этим Н. М. Пржевальский: «Рыболовство, которым мы тотчас же занялись по приходе на Урунгу и продолжали практиковать во все время следования по этой реке, давало результаты баснословные. Небольшой сетью, всего в 5 сажень длины, мы нередко вытаскивали из реки за одну тоню 5—6 пудов головлей, все как один около фута длиною. В меньшем количестве попадались и другие рыбы из числа пяти поименованных видов, водящихся в Урунгу (елец, карась, пескарь, окунь, головль. — Я. М.)» («Из Зайсана через Хами в Тибет», Географгиз, 1948, стр. 31—32).

21. Общность условий образования ледников (глетчеров, от немецкого *Gletscher* — ледник) и временных речек, о которых упоминает М. В. Певцов, весьма ограниченная. Ледники образуются в результате скопления твердых атмосферных осадков выше линии вечного снега. Меняющиеся температуры и давления превращают скопления снега в фирн и лед. Подобные ледяные массы, сползающие ниже снеговой линии, и носят общее название ледников, или глетчеров. Временные же речки, описанные М. В. Певцовым, обязаны своим происхождением весеннему таянию снежных масс, скопившихся зимой в обширных котловинах плоскогорья, высоты которого нигде не переходят границы вечного снега.

22. В урунгуйских тугаях — древесных зарослях, сопровождающих долину Урунгу, многочисленны различные кустарники. К тому, что перечисляет М. В. Певцов, следует прибавить: джиду (*Elaeagnus angustifolia orientalis*), изредка встречающуюся деревом; черную смородину (*Rubus nigrum*). По окраинам тугаев, на более солонцеватой и песчаной почве встречаются: джигил (шингиль — *Halimodendron halodendron*), саксаул (*Haloxylon ammodendron*), тамарикс (*Tamarix* sp.) и обширные площади чья блестящего (дырсун — *Lasiagrostis splendens*).

23. Кулан, или джигитай, — примитивная пустынно-степная лошадь, по некоторым признакам сближающаяся с ослами (удлиненные уши, короткие волосы хвоста и т. д.), почему кулана и называют иногда «полуослом». Кулан широко распространен в Северном Китае, особенно в Джунгарии и в Юго-западной Монголии; в СССР обитает в Бадхызе (южная Туркмения). Охота на кулана повсеместно запрещена. Кулан представляет не только большой теоретический интерес, но и интересен как материал для выведения новых пород домашних животных.

24. Фауна долины р. Урунгу очень интересна, но изучена еще весьма слабо. В верхнем течении Урунгу, в пределах Монгольской Народной Республики, там, где река носит название Булугуна, в ней до сих пор сохранился бобр. В верховьях реки, по островным лесам обитают такие виды, как марал, косуля, кабан, белка, бурундук. В то же время здесь обитают и горные виды: горный баран, сибирский горный козел, сеноставки, улары и др. По долинам рек и сухим депрессиям высоко поднимаются полупустынные виды: слепушонка, хомячок, тушканчики и т. д. Все это видовое разнообразие представляет собой очень пестрый и богатый фаунистический комплекс.

Краткие, но весьма интересные сравнительные характеристики долины Урунгу на различных участках ее течения мы находим у Н. М. Пржевальского: «Хотя, конечно, лесные и кустарные заросли по Урунгу производили отрадное впечатление сравнительно с дикостью и бесплодием окрестной пустыни, но все-таки в этих рощах весенняя жизнь проявлялась далеко не в том обилии и прелести, в каких мы привыкли встречать это время в лесах наших стран. Певчих птиц было немного, да и те не могли вдоволь петь при частых и сильных северо-западных ветрах, господствовавших здесь в апреле. Растительная жизнь развивалась также туго, несмотря на перепадавшие сильные жары. Вообще всюду заметно было, что только благодаря влаге, приносимой рекою, на узком пространстве ее берегов приютились

небогатая органическая жизнь среди мертвого царства окрестной пустыни» («Из Зайсана через Хами в Тибет», Географгиз, 1948, стр. 30).

Однако эта же долина, по сравнению с однообразными и бедными растительностью и животной жизнью берегами озера Улюнгура, несомненно выигрывает, и Н. М. Пржевальский отмечает это в следующих словах: «Придя на Урунгу, мы разбили свой бивуак в прекрасной роще на самом берегу реки. Место это показалось еще приятнее сравнительно с пустынными берегами озера Улюнгур. Там всюду было мертво, уныло; здесь же, наоборот, можно было послушать пение птиц и подышать ароматом распускающихся почек высоких тополей; глаз приятно отдыхал на начавшей уже пробиваться травянистой зелени; кое-где можно было встретить и цветущий тольпан (*Tulipa uniflora*), первый цветок, замеченный нами в эту весну. К довершению благодати вода в Урунгу в это время (5 апреля) уже имела $+13^{\circ}$, так что можно было с грехом пополам купаться, тем более что в воздухе полуденное тепло достигало $+16,8^{\circ}$ в тени. Между тем всего восемь дней тому назад нас морозил сильный снежный буран и холод в -16° на восходе солнца. Впрочем, в данном случае быстро увеличению тепла помогло и то обстоятельство, что мы уже миновали высокий снежный Саур и находились в районе скоро согревающейся Чжунгарской пустыни» (цит. соч., стр. 31).

25. Вообще Монгольский (Южный — у Певцова) Алтай отличается чрезвычайной развитостью боковых отрогов и предгорий, иногда имеющих характер как бы самостоятельных мощных поднятий. В той части, о которой упоминает М. В. Певцов, в действительности трех параллельных цепей нет, однако множество значительных хребтов-отрогов, на некоторых своих участках, приблизительно параллельных магистральному хребту, создало, очевидно, у путешественника неверное представление о наличии в северной части Монгольского Алтая параллельных горных цепей.

М. В. Певцов пишет, что он видел «снежную группу, состоявшую из нескольких массивных гор примерно под $48^{\circ}20'$ с. ш. и $58^{\circ}30'$ от Пулкова долготы». Действительно, приблизительно на $8-10'$ восточнее этого места расположена снежная группа Мус-тау. Ее составляют несколько вершин, из которых одна достигает 3934 м, остальные, лежащие к северо-западу, — ниже.

В том же, 1876 году, в котором М. В. Певцов лишь издали наблюдал эти вершины, вблизи них, у озера Даин-гол, побывал Г. Н. Потанин. В 1908 и 1909 годах район озера Даин-гол обследовал В. В. Сапожников. Он открыл несколько ледников на Мус-тау, наибольший из которых (свыше 5 км длины) назвал именем П. А. Рафаилова — топографа экспедиции Г. Н. Потанина.

26. В этом правильном и подтвержденном последующими более детальными исследованиями заключении М. В. Певцова о некогда существовавшей орографической связи Тарбагатай с Монгольским Алтаем ярко проявляется большая наблюдательность путешественника и его талант исследователя. Не следует забывать, что М. В. Певцов был связан в своих научных изысканиях маршрутом, заданным торговому каравану, и наблюдения мог производить только, так сказать, по совместительству с основными обязанностями начальника конвоя. Это обстоятельство лишило его, в частности, возможности посещать местности, наиболее интересные для географических исследований. Только горячая любовь к науке и незаурядные способности дали возможность М. В. Певцову собрать и в этих условиях обширный, разносторонний и чрезвычайно ценный естественно-исторический материал.

27. Река Булугун (Булаган) берет начало в ледниковом озере Хара-нур. В верховьях, в пределах Монгольского Алтая, Булугун — типичная горная река, протекающая частично в ущельях, местами же в живописных, заросших кустарниковой и древесной растительностью долинах. Здесь же, в пределах Монгольского Алтая, Булугун принимает и все свои многочисленные притоки. Из них наиболее крупные: справа — Чжир-галды (Джиргаланты) и Баян (Баян)-гол; слева Зурган, Тургунь-гол, Уласты и Чжирзылын-гол. Уже в районе отрогов в Булугун справа вливается крупнейший приток — р. Чингил (Чингиль), принявший выше в свою очередь многочисленные притоки, из них наиболее крупные: справа — Ильзыт-булак (Чанкан); слева — Берткем и Цаган-гол. После слияния с Чингилом Булугун принимает название Урунгу (или менее распространенное — Булун-тохой, Бурлу-тохой. См. комм. 13) и выходит через область предгорий на Джунгарскую равнину. С этой частью течения Урунгу мы уже познакомились по описанию М. В. Певцова.

28. Обилие плавника на Урунгу во время паводка отмечали и другие путешественники, посетившие эту реку.

В верховьях, в пределах Монгольской Народной Республики, Урунгу имеет падение в среднем 7,6 м на 1 км. Выходя в Синьцзяне на равнину, река течет значительно спокойнее, но и там совершенно непригодна в качестве водного пути. Читатель далее узнает, что М. В. Певцов, возвращаясь из экспедиции, сделал

попытку спуститься по Урунгу на плоту. Попытка эта не удалась и чуть не стоила М. В. Певцову и его спутникам жизни.

29. Урянхайцами, или урянхайцами, во времена Певцова называли тувинцев — народ тюркского происхождения, в основной своей массе живший в Урянхайском крае, ныне Тувинской автономной области. Небольшие группы этого народа, говорящие не на тюркском, а на монгольском языке, жили в Монголии и Северо-Западном Китае, в верховьях рек Кобдо и Урунгу, а также в бассейне Черного Иртыша и в районе предгорий хребта Хан-хухэй.

Урянхай — презрительное название, обозначающее «люди оборванные», «презренные». Это название дано было тувинцам маньчжурской династией китайской империи, которая в течение почти двух веков безжалостно угнетала и эксплуатировала тувинских кочевников.

Самоназвание народа — тува, туба. Оно идет от названия одного из племен его предков — туба и тубалар, обитавшего в долине реки Тубы, притока Енисея.

Историческое событие в жизни тувинского народа произошло в 1944 году, когда, выражая волю трудящихся Тувы, чрезвычайная сессия Малого Хурала (съезда) обратилась к Верховному Совету СССР с просьбой о принятии Тувы в состав Советского Союза.

11 октября 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о принятии Тувинской Народной Республики (образована в 1921 году) в состав Союза Советских Социалистических Республик в правах автономной области.

30. Великой Среднеазиатской пустыней, или пустыней Гоби, называли огромные равнинные пространства, расположенные на юге Монголии и в прилегающих районах Китая. Само слово «гоби» по-монгольски означает безводную и бесплодную равнину. Из этого термина и возник топоним «Гоби». В то время, когда М. В. Певцов совершал свое путешествие, о пустынных пространствах Монголии и Китая в науке имелось немного достоверных сведений. По мере увеличения изученности Гоби изменялась и оценка ее пустынности. Ныне известно, что многие районы Гоби, особенно той ее части, которая находится в пределах Монгольской Народной Республики, не представляют собой типичной «безжизненной пустыни», а имеют характер полупустынь или пустынных степей.

Места, которые пересекал караван М. В. Певцова, относятся к Заалтайской Гоби и являются наиболее пустынными областями Гобийской пустыни (см. комментарии 84).

Здесь же следует отметить, что во времена М. В. Певцова не было еще окончательно установившегося названия для территорий, объединяемых ныне наименованием Центральная Азия. Поэтому и Гоби называлась в то время Среднеазиатской пустыней, а Певцов в своих трудах прилагал к этим территориям названия «Внутренней», «Центральной», а иногда и «Средней» Азии.

31. Сайга — пустынно-степная антилопа, распространенная еще в XVIII в. очень широко: от Карпат на западе до Джунгарии на востоке и доходившая до Барабинской степи и средней Волги на севере. Хищнический промысел на сайгу привел к полному уничтожению этого вида на большей части ареала. В настоящее время в СССР, благодаря принятым мерам, численность сайги быстро восстанавливается. Данные М. В. Певцова о сайге в Джунгарии — первые точные указания о распространении этого вида в указанном районе.

32. Необыкновенная прозрачность атмосферы в южной Джунгарии отмечалась и другими путешественниками. Г. Е. Грумм-Гржимайло, посетивший джунгарское предгорье Тянь-шаня в 1889 году, замечает: «Пыльная атмосфера в Южной Джунгарии, повидимому, явление исключительное». (Описание путешествия в Западный Китай, Географгиз, 1948, стр. 128).

33. Описание «любопытного феномена», сделанное М. В. Певцовым, благодаря его замечательной наблюдательности, послужило впоследствии, уже после смерти путешественника, к открытию в этом месте месторождения каменного угля.

34. Саксаул (Haloxylon) — древесное растение, образующее леса песчаных пустынь. Это самое типичное и замечательное растение пустыни. Саксаул имеет чрезвычайно изогнутый, корявый и растресканный ствол, от которого отходят столь же корявые ветви, заканчивающиеся довольно густой метелкой так называемых ассимилирующих веточек, заменяющих растению листья. Искривленный ствол некоторых видов саксаула достигает 5—8 м высоты.

Древесина саксаула обладает такой плотностью, что тонет в воде, она очень тверда и хрупка. В связи с этим саксаул не пилят при заготовках, а ломают. Саксаул является наилучшим топливом из существующих на земле видов древесной растительности.

Монголы называют саксаул дзак. Для них он является драгоценным растением, так как дает хороший корм верблюдам (зеленые побеги) и превосходный материал для топлива человеку.

У Н. М. Пржевальского мы находим интересное описание этого замечательного растения пустыни: «Древесина описываемого растения чрезвычайно тяжелая и крепкая, но до того хрупкая, что даже большой ствол разлетается на части при ударе обухом топора. Следовательно, на постройку саксаул не годен, да и не найти в нем хотя бы двухаршинного ровного бревна. Зато горит превосходно, даже сырые ветки, которые, как у многих солянковых растений, чрезвычайно обильны соком, вероятно, потому, что очень плотная наружная кожица препятствует даже в сухом климате пустыни испарению вытянутой корнями влаги. Саксаульные дрова, словно каменный уголь, горят очень жарко, и, перегорев, еще надолго сохраняют огонь. Цветет саксаул в мае мелкими, чуть заметными желтыми цветочками; семена также мелкие, плоские и крылатые, серого цвета, густо усаживают ветви и поспевают в сентябре». («Из Зайсана через Хами в Тибет», Географгиз, 1948).

35. Эта часть Джунгарской пустыни и прилегающие районы Монголии замечательны тем, что они являются единственным местом, где водится дикая лошадь Пржевальского (*Equus przewalski*). Первый экземпляр этого редчайшего животного был доставлен в Петербургский музей Академии наук Н. М. Пржевальским в 1873 г. В 1889 г. под Гученом была убита дикая лошадь братом известного путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло — М. Е. Грумм-Гржимайло. Он был первым путешественником-исследователем, которому удалось наблюдать на свободе и убить дикую лошадь Пржевальского.

36. Вряд ли можно согласиться с этим мнением М. В. Певцова. Если бы действительно пески Гурбун-тунгута появились в результате разрушения некогда существовавшей там гранитной гряды, почему же не образовались песчаные накопления несколько севернее, в горах Намейчу, сложенных такими же гранитами?

Более правильное объяснение образования гурбунтунгуских песков мы находим у Г. Е. Грумм-Гржимайло. «Сводя все, что нам известно об орографическом и геологическом строении Внутренней Джунгарии, — пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, — нельзя не прийти к тому заключению, что в третичную эпоху она не представляла одного обширного водного бассейна, а распалась на ряд внутренних морей, соединенных протоками. Западное и в то же время самое обширное из этих морей, остатком коего служит в настоящее время Эби-нор, заканчивалось к востоку двумя узкими заливами, разделенными Гурбунтунгуской грядой. Южный из этих заливов омывал Баркюльское плоскогорье, северный же (Бортень-гоби) нешироким протоком соединялся с Восточным морем, точнее, с заливом последнего, если только обе водные поверхности существовали одновременно, в чем, однако, нельзя не выразить некоторых сомнений ввиду нижеследующих соображений...

Как бы то ни было, но несомненно одно: Гурбунтунгуская гряда узким мысом вдавалась некогда в самую мелкую часть Западно-Джунгарского моря, а потому, очень вероятно, служила и местом отложения дюнных песков. Что именно таково происхождение гурбунтунгуских песков, явствует уже из того обстоятельства, что в составе его принимают участие, кроме кварца и полевого шпата, и другие горные породы, главнейшим же образом: кремний, кремнистый сланец, зеленый филлит, хлоритовый диабаз, плотные песчаники и другие, которые к тому же попадают не только в виде зерен, но зачастую и в форме окатанной гальки» («Описание путешествия в Западный Китай», Географгиз, 1948, стр. 131—132).

37. Ильм, или хайляс (*Ulmus pumila*), — вяз, высокое дерево с толстым стволом, твердой древесиной и раскидистой кроной. Растут ильмы отдельными экземплярами и образуют разреженные рощи без подлеска.

Некоторые экземпляры достигают толщины до 2 м.

38. Шертинг — бумажная ткань, употреблявшаяся на пошивку белья и подкладку.

39. Чий (*Lasiagrostis splendens*), или, как его еще называют монголы, дырисун, широко распространенный в Центральной и Средней Азии злак. Он растет по понижениям и на более или менее влажных пространствах. Чий — пустынный ковыль, обладающий замечательной способностью прочно закреплять подвижные пески. «Человеку, — пишет Н. М. Пржевальский, — забравшемуся в высокий дырисун, ничего не видно, кроме неба да ближайших кустов самого растения; если заросль обширна, то легко заблудиться.

В дырисуне находят для себя приют фазаны, куропатки, перепела, жаворонки, а также зайцы, лисицы, волки и барсуки. Для домашнего скота описываемое растение составляет превосходный корм. Кроме того, из чрезвычайно крепких, почти как проволока, стебельков дырисуна китайцы делают летние шляпы и метелки; киргизы же плетут прочные дыновки, которыми обставляют бока своих войлочных юрт или киби-

ток». («Из Зайсана через Хами в Тибет», Географгиз, 1948, стр. 46). Следует отметить, что животные используют как корм лишь молодые побеги чия.

40. Горный проход через Восточный Тянь-шань из Гучена в Турфан, о котором пишет М. В. Певцов, действительно существует перевалом Юлгун-Терек через хребет Мерцбахера.

41. Высота Богдо-ола, определенная М. В. Певцовым приблизительно равной 15 500 футов (4 728 м), значительно отличается от действительной. Современные карты указывают ее равной 5 600 м.

Интересное описание Богдо-ола дает Г. Е. Грумм-Гржимайло, поднимавшийся на эту гору в 1889 году до высоты 3 683 м над уровнем моря (см. «Описание путешествия в Западный Китай», Географгиз, 1948, стр. 101—115).

42. Ясак (тюрк.) — натуральный налог, которым облагались в Московской Руси и царской России народности Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Ясачными крестьянами называли земледельцев или промышленников, плативших налог натурой (пушиной, скотом и т. п.).

43. Во времена путешествия М. В. Певцова маралы на Алтае хищнически истреблялись. Во второй половине XIX в. на Алтае и в других частях южной Сибири только начинали разводить оленей в огороженных лесных участках — «маралыниках» для получения от оленей пантов, т. е. молодых, не отвердевших еще рогов, идущих на изготовление лекарств.

В СССР марал взят под охрану, и теперь существует ряд крупных государственных и колхозных мараловодческих хозяйств.

44. «Свинка» — деревянная чурка (термин в технике не употреблялся). Здесь Певцов, повидимому, хотел сказать, что балочный пролет моста опирался на деревянные чурки — «свинки», положенные по обоим берегам Бухтармы.

45. Горы Табын-богдо являются высочайшим горным узлом всей системы Алтая — важнейшим его орографическим центром.

Мысль о том, что горная группа Канас и Табын-богдо, связанные промежуточными высотами, представляют горный узел, впервые была высказана М. В. Певцовым.

По современным данным, наибольшая высота Табын-богдо (вершина Хуйтун) достигает 4 653 м (см. Э. М. Мурзаев. Монгольская Народная Республика, Географгиз, 1948, стр. 59).

Большое значение в познании природы Алтая и особенно его современного оледенения имели исследования известного русского ботаника и путешественника В. В. Сапожникова. Им впервые была сделана попытка точно определить высоту Табын-богдо. Его результаты (4 500 м) немногим отличаются от новейших данных. Исследования В. В. Сапожникова показали, что Табын-богдо — крупнейший центр современного оледенения Алтая. В этих горах им был открыт самый большой алтайский ледник (длина 19 км), который он назвал ледником Потанина.

Современные нам представления об оледенении Алтая вообще и в частности узла Табын-богдо создали работы советских ученых, отчеты о которых значительно обогатили географическую и геологическую литературу. Из них наибольший интерес представляет монография М. В. Тронева — «Очерки оледенения Алтая» (Географгиз, 1949), написанная на основании многолетних экспедиционных исследований и обобщения большого количества литературных материалов. Эта работа была удостоена в 1950 году Сталинской премии.

46. Река Кобдо имеет длину 516 км и бассейн, равный 49 667 кв. км. Она действительно является одной из крупнейших рек Монголии, в особенности по площади своего бассейна. Но, помимо Селенги (верхней) и верхнего Енисея, Кобдо превышает по длине и по площади бассейна такие реки, как Керулен (длина 1 264 км, площадь бассейна в пределах МНР 116 455 кв. км), Орхон (длина 1 124 км, площадь бассейна 132 835 кв. км), Дзапхан (длина 808 км; однако воды эта река несет меньше, чем Кобдо), Тола (длина 704 км, площадь бассейна 49 842 кв. км) и Тэс (длина 568 км, площадь бассейна 33 358 кв. км).

47. Река Хашату непосредственно не впадает в р. Кобдо, она является правым притоком Хонгор-улюн-гола (у Певцова Хонур-улен).

48. Это не совсем верно. Мы уже отметили в комментарии 45, что наибольших высот в системе Алтая достигает вершина Хуйтун (4 653 м) в горной группе Табын-богдо. Другие вершины этой группы превышают 4 000 м. Подобной же высоты достигают и некоторые вершины Монгольского Алтая (Мус-тау, Цасгу, Судай и др.), но они не превышают высот группы Табын-богдо.

Сведения, приводимые здесь М. В. Певцовым об истоках Кобдо, неверны и потому, что истоки этой реки находятся как раз в горах Табын-Богдо. Реку питают огромные ледники, сползающие с юго-восточных склонов этого горного массива.

Один из истоков Кобдо — р. Ак-су, или, как ее называл В. В. Сапожников, — Белая Кобдо. Таким названием эта река обязана цвету своей воды. Сносимая в Верхне-Кобдоское озеро белая муть резко выделяется на прозрачной синеве озера.

Второй исток — р. Каратыр, или Черная Кобдо, — в свою очередь образуется из двух речек, которые вливаются в озеро моренного происхождения; из него уже и вытекает река — южный исток Кобдо, называемая Каратыр.

49. Олёт — немногочисленное западно-монгольское племя, населявшее территорию между долинами рек Кобдо и Буянту.

50. По современным данным, высота Гурбан-цасту достигает 4 213 м.

51. Город Кобдо получил свое название от реки Кобдо, на которой он был первоначально построен в 30-х годах XVIII столетия. В 1762 году, в связи с тем, что город разрушился в период войны и подвергся наводнению, он был перенесен на менее полноводную реку Буянту, сохранив свое название (см. А. Позднеев, Монголия и монголы, СПб., 1896, стр. 303—305).

52. Озеро Хара-усу — один из крупнейших водоемов котловины Больших озер.

До Певцова наиболее полное географическое описание некоторых озер этой котловины, в том числе и Хара-усу, было сделано Г. Н. Потаниным, а несколько позже П. К. Козловым и В. А. Обручевым. Особенно подвинулось вперед изучение геологии, геоморфологии и гидрохимии озер котловины за последние десятилетия трудами советских ученых: геологов — И. П. Рачковского, З. А. Лебедевой, М. Ф. Нейбург, геохимика В. А. Смирнова и др.

Представление о физико-географических особенностях и ландшафтах этой своеобразной области Центральной Азии дали результаты работы в течение ряда лет советского исследователя Монголии Э. М. Мурзаева. В своей монографии «Монгольская Народная Республика» Э. М. Мурзаев делит Котловину Больших озер на три подрайона, соответствующие трем гидрографически замкнутым впадинам: Убсинской, Хиргисской и Шаргаинской. Такое наименование впадины получили от названий наиболее низко в них расположенных озер — конечных водоемов гидрографической системы впадины — Убса-нур, Хиргис-нур и Шаргаин-гоби (в прошлом обширное озеро, ныне солончаковое озеро Шаргаин-цаган). Эти три впадины орографически связаны долинообразными понижениями; но каждая из впадин, обладая определенной изолированностью, отличается ландшафтно-географическими особенностями. В северной — Убсинской — господствуют сухие и пустынные степи, в Центральной — Хиргисской — пустынные степи и развита пустынная растительность, в южной — Шаргаинской — преобладают ландшафты пустынь.

Озеро Хара-усу принадлежит центральной, Хиргисской, впадине и располагается выше всех ее озер, с которыми находится в гидрографической связи. Абсолютная высота уровня воды в Хара-усу — 1 153 метра. Площадь озера — 1 760 кв. км, наибольшая длина — 78 км, ширина — 26 км. Глубины Хара-усу до сих пор не измерены. На северо-востоке озера расположен большой скалистый и гористый остров Ак-баши, площадь которого равняется 274 кв. км.

К описанию Певцова следует добавить еще некоторые сведения, приводимые Э. М. Мурзаевым о протоке Чон-хайрих (у Певцова — Чон-харих; на некоторых современных картах — Харайхуин-гол). Чон-хайрих (в переводе с монгольского — волчий прыжок) имеет длину 40 км. Она течет в крутых отвесных берегах, сразу от которых начинаются значительные глубины. Ширина протоки равняется в среднем 30 метрам. Г. Н. Потанин отмечает обрывистость берегов протоки и пишет, что ее русло напоминает коридорообразное ущелье в китайском лёссе.

Обитающая в Чон-хайрихе рыба осман была названа в честь М. В. Певцова *Oreoleuciscus pewzowi*.

Г. Н. Потанин, так же как и М. В. Певцов, отмечает чрезвычайно большое количество пернатых на берегах Хара-усу. Он пишет: «Обильные береговой растительностью берега этой части озера привлекают к себе множество птиц; нигде мы ее в это лето столько не видели, как здесь; западные берега Киргиз-нора и северные Харанора, голые, усыпанные галькой, были совершенно безжизненны; здесь только небольшое пространство берега против нашего стана оставалось незанятым пугливыми птицами. Стоило отойти сажен сто от нашей стоянки, чтобы увидеть необыкновенную картину, т. е. берег, сплошь усеянный птицей. Ангирь группами или сидя на берегу или стоят мирно, посматривая на озеро; попережку с ними в различном расположении духа, то занятые щипаньем, то лежащие в покое, размещаются более многочисленные стаи гусей; на воде — вечное движение — утки и гуси хороводами одни заплывают в камыши, другие выплывают на открытые места или с шумом проносятся над водой и садятся в другом месте. Колища, блистая своим белым оперением, медленно вылаживают среди этого разнокалиберного населения, бродя по мелким местам. К человеку эти птицы показывают весьма мало пугливости; стаи гусей и уток про-

должают свои занятия, несмотря на то, что к ним приближается человек, так что любоваться их жизнью можно вволю; только на близком расстоянии стадо начинает спасаться в воду — сначала тихо, не теряя достоинства, потом бегом; потом, поднявшись на воздух, стадо с криком летит низко над водой, и саженях в 50 от берега птица за птицей садится на поверхность озера. Весь берег был покрыт слоем гуано (помета), и вода у берега представляла густой раствор этого вещества, которым были запачканы и все растения, горец сибирский, буквально, купался в этом теплом растворе». («Путешествия по Монголии». Географгиз, 1948, стр. 245).

53. Заключение Певцова о том, что долина Дзерге была некогда покрыта водами озера Хара-усу, полностью подтвердилось последующими исследователями. Э. М. Мурзаев, обобщая все предшествовавшие работы по изучению Котловины Больших озер и на основании своих личных изысканий и наблюдений пишет: «Поверхность Котловины Больших озер представляет дно некогда обширного водоема — одного или двух-трех водоемов, сообщавшихся между собой и имевших значительно большее зеркало воды, чем современные озера. Озерные отложения, а также отложения горных потоков, вышедших со всех сторон в этот водоем, представлены ныне обильной галькой, щебнем, песками и глинистыми породами» (Монгольская Народная Республика, Географгиз, 1948, стр. 203—204).

54. Дзэрэн — степная антилопа, самый многочисленный вид среди диких копытных Монголии. Дзэрэн особенно широко распространен и многочислен в степях Восточной Монголии; он заходит по долинам рек и широким сухим депрессиям и предгорьям до Монгольского Алтая (и Чуйской степи в пределах СССР). На востоке в зимний период проникает в Восточное Забайкалье. Дзэрэн — важный объект промысловой охоты в Монголии.

55. См. комментарий 24.

56. По новейшим определениям, абсолютная высота Мунку-цасату-богдо равняется 3 761 м; высота Батыр-хаирхана достигает 3 475 м над уровнем моря.

57. Горный массив Хасаку-хаирхан — последнее звено горных отрогов монгольского Алтая. Далее на восток он одним из своих отрогов сливается с горами системы Хангая. Через этот отрог прорывается река Дзабхан (у Певцова — Дзапхын), которая течет здесь в глубокой теснине, носящей название Улан-сайр.

58. «Насажденные кряжи» или «насажденные горы» — термин, широко употреблявшийся в географической литературе о Центральной Азии. Однако он не всегда давал верное представление о геологическом характере и происхождении подобных форм рельефа. У В. А. Обручева мы находим обстоятельное описание типичных для многих пустынных областей Центральной Азии возвышенностей, которые принято было называть «насажденными кряжами». В Центральной Азии, — отмечает В. А. Обручев, — распространены котловины различной формы, иногда сообщаемые между собою неширокими проходами между возвышенностями. От наиболее углубленной части дно таких котловин постепенно повышается к подошве окаймляющих гор. Если впадина имеет значительные размеры, то окружающие ее горы оказываются как бы сидящими на огромных пьедесталах. Над пьедесталами поднимается скалистая, сильно расчлененная часть хребта, изобилующая утесами и ущельями.

Сами пьедесталы имеют мягкие контуры как в поперечном, так и в продольном профиле. Зубчатая ломаная линия, очерчивающая хребет в области пьедестала, принимает характер очень плоской дуги, обращенной выпуклостью вниз и идущей до дна соседней впадины. Относительная высота пьедестала иногда вдвое или даже втрое превышает высоту скалистой части хребта над пьедесталом.

Вот почему, — заключает В. А. Обручев, — большинство путешественников, выдавших пейзажи Центральной Азии, говорят о «насажденных хребтах», что геологически во многих случаях неверно. (См. В. А. Обручев «Природа и жители Центральной Азии и ее юго-восточной окраины». «Землеведение», кн. II, 1896, стр. 34).

59. Река Дзабхан (в истоках называемая Буянту) начинается на южных склонах Хангая. Бассейн Дзабхана занимает значительную площадь — 71 208 кв. км. Несмотря на это, река не отличается многоводностью и в этом отношении значительно уступает реке Кобдо.

Сравнительная бедность водой Дзабхана объясняется тем, что область ее истоков расположена на южных склонах, обращенных к Гобийской пустыне, и поэтому, естественно, менее богата осадками, чем области питания, приуроченные к северным склонам. Кроме этого, Дзабхан теряет также значительное количество воды на испарение и просачивание в рыхлых песчаных породах, по которым пролегал его русло. Эта убыль воды не возмещается, так как в среднем и нижнем течении река не имеет притоков, и только в самом нижнем своем участке, близ устья реки Телин-гола, соединяющей Хара-нор с Дзабханом, последний неожиданно делается многоводным и глубоким.

На это явление, столь необычное для рек, протекающих по пустынным территориям, обратил внимание Г. Н. Потанин. Замечание М. В. Певцова о том, что Цзабхан имеет каменитое дно, неверно. Личные наблюдения Г. Н. Потанина и показания местных жителей утвердили его в мнении, что Цзабхан в среднем и нижнем течении в значительной мере протекает по песчаным и даже илистым грунтам и что высокая фильтрационная способность этих грунтов способствует притоку в Цзабхан поддонных грунтовых вод. Г. Н. Потанин пишет: «...Эта удивительная многоводность, которой не замечается на Дзабхыне ни выше, ни ниже этого места, может быть объяснена таким образом: воды Дзабхына текут преимущественно под почвой; только незначительная часть их течет по дневной поверхности, остальная же расходуется, проникая в подземные песчаные пласты. При устье Татхен-тели долину Дзабхына пересекает горная грядка; здесь подпочвенные воды встречают непроницаемый каменный барьер, вытекают на дневную поверхность и образуют наружную большую реку» («Путешествие по Монголии», Географиз, 1948, стр. 239).

Другой крупнейший русский исследователь Монголии А. Позднеев указывает, что и монголы убеждены в существовании двух течений Цзабхана — поверхностного и подземного. (См. «Монголия и монголы». СПб., 1896, т. I, стр. 349—350).

60. См. комментарий 107.

61. Дюрбеты (дюрбюты, дурбюты, дербеты, у Певцова — дурбёты) — западные монголы, населяющие алтайские и приалтайские земли. В языке дюрбетов, так же как и торгоутов (см. комм. 7), значительное количество слов тюркского происхождения.

62. Основным занятием монголов с самых древнейших времен было животноводство. Все необходимое для жизни им давал скот. Однако чрезвычайная культурная и экономическая отсталость дореволюционной Монголии ставила ее животноводство в полную зависимость от природных и климатических условий страны. Многоснежная зима, гололедица, суровые зимние ветры, вспышки эпизоотий — чумы, сибирской язвы, гордона коз и др. — приводили к массовому падежу скота, гибели от голода тысяч аратских семей. Только после провозглашения в Монголии Народной Республики, в 1924 г., начали создаваться социально-экономические условия, могущие обеспечить внедрение культурных, наиболее эффективных, методов животноводства.

Всемерное увеличение и улучшение поголовья скота — одна из главных задач экономической политики народной революционной партии и правительства Монгольской Народной Республики. Сейчас кочевое хозяйство арата развивается на базе применения современной техники, современных методов ухода за скотом, правильного использования выпасных угодий, широкой сети ветеринарных и зоотехнических пунктов и создания постоянной кормовой базы.

Одним из правительственных мероприятий в борьбе за интенсификацию животноводческого хозяйства, за поднятие благосостояния и культурного уровня аратских масс в Монголии была пропаганда сенокосения и осуществление конкретной материальной помощи аратам в заготовке сена: предоставление сенокосного инвентаря на прокат, отпуск долгосрочного кредита на заготовку кормов, обеспечение индивидуальным сенокосным инвентарем и т. п.

С 1937 г. при помощи Советского Союза в Монголии стала создаваться сеть машинно-сенокосных станций. Эти станции заменяют тяжелый ручной труд арата по заготовке корма для скота машиной. Они окажут влияние и на изменение общественно-экономического строя аратских хозяйств.

Новым этапом в культурно-экономическом развитии Монгольской Народной Республики явится выполнение пятилетнего плана, принятого в конце 1947 г. на XI съезде Монгольской народно-революционной партии. Согласно этому плану развития народного хозяйства Монголии, на 1948—1952 гг. предусматривается дальнейшее развитие роста поголовья скота, увеличение его продуктивности. Для этого сейчас в Монголии осуществляется организация государственных хозяйств и добровольных производственных объединений аратов, еще шире развивается сеть передвижных сенокосных станций. Одновременно следует указать на рост посевных площадей, которые за последнее десятилетие увеличились в 170 раз, земледелие становится существенной отраслью хозяйства Монгольской Народной Республики.

63. Замечание М. В. Певцова о том, что Тянь-шань нигде не сочленяется с Монгольским (у Певцова — Южным) Алтаем, не совсем верно. На юге, приблизительно на 43-й параллели, южные отроги Алтая смыкаются с невысоким восточным окончанием Восточного Тянь-шаня, а далее на юго-восток Монгольский Алтай отдельными возвышенностями уходит за государственную границу в пределы внутренней Монголии, переходя в горы Иньшань.

Кроме этого, североджунгарские хребты — Барлык, Майли и Джаир, составляющие продолжение Джунгарского Ала-тау (система Тянь-шаня), соприкасаются через небольшие горы Коджур, Уркашур и Семис-тай с хребтами Саур и Тарбагатай

(система Алтая). Академик В. А. Обручев в связи с этим отмечает: «В Пограничной Джунгарии, действительно, соприкасаются две системы горных краев — Тянь-шанская и Алтайская, и между ними остается только маленький промежуток, как будто нейтральный, с горами Уркашар — Семис-тай» («Пограничная Джунгария», том III, вып. 1, стр. 89).

64. Байдарик — самая многоводная из рек, стекающих с южного склона Хангая, и одна из крупнейших рек Монголии. Целесообразно пополнить и уточнить описание этой реки, данное М. В. Певцовым.

Река Байдарик обладает одной исключительной особенностью: в нижнем течении она раздваивается и течет двумя руслами. Отощедший от главного русла рукав продолжает вследствие равнинности местности самостоятельную жизнь и вливается в соленое озеро Адагин-цаган, или, как оно еще называется на некоторых картах, — Цаган-нур. Этот рукав беден водой и образует по долине обширные солончаковые понижения; он носит такое же название, как и правый приток Байдарика, пересеченный маршрутом Певцова, — Цаган-гол. Главное русло Байдарика вливается в другое соленое гобийское озеро — Бон-цаган.

Длина Байдарика до озера Бон-цаган — 295 км, до озера Адагин-цаган — 310 км. Э. М. Мурзаев, исследовавший Хангай в 1941 г., отмечает, что в мае Байдарик ниже разветвления имел ширину в одном русле до 25 м и большую скорость течения. Истоки Байдарика до сих пор еще мало исследованы.

Что касается упомянутого М. В. Певцовым озера, в которое впадает Байдарик, то здесь, видимо, он подразумевает не Цаган-нур (Адагин), принимающий левое ответвление реки — Цаган-гол, а какое-то другое озеро. Певцов указывает его размеры; они более значительны, чем размеры Цаган-нура (Адагина). Можно предположить, что М. В. Певцов для сокращения называл озеро Буон-цаган-нур (на современных картах — Бон-цаган-нур), в которое вливается главное русло Байдарика, — Цаган-нором. В то время не было еще известно, что Байдарик образует второе русло, несущее воды в меньшее озеро, находящееся приблизительно в 60 км на востоке и называемое Цаган-нур.

В 1899 г. озеро Бон-цаган посетил П. К. Козлов, который в отчете о своем путешествии приводит следующее его описание. «Озеро Буон-цаган-нор — довольно обширное — до 60 верст в окружности — было обойдено кругом. Общая фигура этого соленого озера, стоявшего открытым в половине октября, напоминает закругленный треугольник, северо-западная и юго-западная стороны которого прихотливо изрезаны. Вода настолько солоная, что ее не пьют даже животные: кроме того, она обильно выделяет сероводород. Низкий берег — солончаки, возвышенные пески, обсыпанные котловину озера со всех сторон; с восточной стороны, кроме того, расположены правильные поперечные гряды, состоящие из конгломератового щебня. В северо-восточный угол озера впадает речка Байдарик, незадолго перед тем принявшая сивра Цаган-гол. Отсюда же на северо-запад, вдали, среди предгорий Хангая, виднелась гора Гурбан-кара-магнай.

На озере ютились много пролетных птиц, — все те же, которые мной были указаны и раньше. С севера и запада, со стороны пустыни, порой приходили хулары и антилопы (*Gazella subgutturosa*), которых манили прибрежные заросли камыша, тамариска и саксаула». (Монголия и Кам, Географиз, 1948, стр. 64).

65. Наблюдения М. В. Певцова в Хангайской долине и сделанные на их основании некоторые выводы представляют выдающийся интерес как для познания природы тех мест, так и для характеристики Певцова-исследователя. Действительно, ограниченный в своих исследованиях во времени и в территориальных сроках и маршрутом каравана, М. В. Певцов сумел уловить острым взглядом натуралиста-исследователя характер ландшафта впадин, расположенных между южными отрогами Хангая и северной цепью Гобийского Алтая. М. В. Певцов правильно называет эту впадину «западным клинообразным рукавом Гобии».

Не менее интересно в этом отношении замечание М. В. Певцова о том, что «горная система Хангая опускается к югу небольшою террасой». Это, по существу, первое упоминание в литературе о так называемом Южно-Хангайском плато. Последующие работы русских, и особенно советских ученых, значительно расширили и углубили наши знания об этом районе. Эти работы подтвердили правильность первых наблюдений М. В. Певцова. Так у Э. М. Мурзаева мы находим следующую характеристику Южно-Хангайского плато: «Хангайский хребет в истоках Байдарика, Туин-гола и Тацаин-гола, достигая больших высот, резко падает сравнительно на небольшом протяжении, после чего образует обширное наклонное плато, весьма постепенно падающее к югу к озерной гобийской котловине. Абсолютные высоты этого плато колеблются примерно от 2 100 до 1 250 м, тогда как горы и гряды, выделяющиеся на нем, достигают 2 700 м на северо-западе и 1 500 м на юге».

«Хангайское плато падает к озерной гобийской впадине высоким резким уступом, очень крутым и четким.

Поверхность плато покрыта каменным материалом, щебнем, местами сильно засыпана песками, впрочем, как будто редко образующими песчаные барханные массивы». («Монгольская Народная Республика», Географгиз, 1948, стр. 226—227).

Очень верно М. В. Певцов подметил и еще одну характерную особенность гобийской впадины, отделяющей Южно-Хангайское плато от Гобийского Алтая, — наличие речек и ручьев, впадающих в ныне замкнутые озера, во множестве расходящиеся по впадине.

Новейшие исследования, в частности исследования Б. Б. Полюнова и В. И. Лисовского, а также и Э. М. Мурзаева, дают основание полагать, что в прошлом вообще в Гоби и, в частности, в ее западной окраине, о которой пишет М. В. Певцов, существовала более мощная, связанная с более крупными системами гидрографическая сеть, распавшаяся затем на отдельные звенья. В котловинах гобийских озер сохранились террасы усыхания и береговые валы — несомненные признаки более высокого в прошлом стояния вод этих озер. (См. Э. Мурзаев. К палеогеографии Северной Гоби. Труды Монгольской Комиссии АН СССР, вып. 38, М., 1949).

Характерность озер для пустынных ландшафтов этой Хангайской долины дала основание М. В. Певцову назвать его «Долиной озер». Это название прочно вошло в географическую литературу.

66. Река Нарын или, как она называется на некоторых современных картах, Буридуин-гол, до сих пор еще мало изучена. Однако имеющиеся сведения говорят о том, что она значительно уступает как по длине, так и по полноводности Байдаруку.

Буридуин-гол берет начало в озере Хуху-буриду-нур, расположенном на Южно-Хангайском плато, и несет свои воды на юг по направлению к озеру Цаган-нор (Адагин-нор), которого не достигает, теряясь в песках и образуя солонцы. Весьма вероятно, что в отдельные богатые осадками годы существует кратковременный сток Буридуин-гола в озеро Цаган-нур.

67. Здесь также следует отметить замечательную наблюдательность М. В. Певцова и особенно характерную для него способность обобщенно улавливать крупные географические особенности местностей. В данном случае М. В. Певцов, руководствуясь беглым маршрутным обзором, весьма точно установил очень слабо выраженную границу собственно Монгольского Алтая и его восточного продолжения — Гобийского Алтая, которая проходит несколько западнее горы Ихэ-богдо, по меридиану хребта Тайашири-Сэрхэ.

В отличие от Монгольского Алтая, представляющего единую непрерывную цепь гор, Гобийский Алтай уже состоит из ряда отдельных хребтов и гор, разделенных на глубокие понижения, подобно цепи, разделенной на отдельные звенья (См. Э. М. Мурзаев. Монгольская Народная Республика, Географгиз, 1948, стр. 171).

Ихэ-богдо (по-монгольски великая святая) — высочайшая вершина Гобийского Алтая. Она превосходит высоту, указанную М. В. Певцовым, и поднимается свыше 4 000 м над уровнем моря.

Упомянутые впервые в географической литературе М. В. Певцовым признаки современного оледенения Ихэ-богдо подтвердились последующими исследованиями. «Резкой и крутой северной стеной высится Ихэ-богдо над глубокой «долиной озер». Такое положение способствовало накоплению снега и образованию ледников в ущельях северного склона» (Э. М. Мурзаев. Заметка о древнем оледенении Монголии. Вопросы географии, сборник 15, 1949 г., стр. 191).

До исследований Западной Монголии советскими учеными, но уже после М. В. Певцова, район Ихэ-богдо посетили Г. Н. Потанин и П. К. Козлов. Первый — во время своего путешествия в 1876 и 1877 гг. и в экспедицию 1883—1886 гг.; второй — в 1899—1901 гг. Они собрали весьма обширные естественно-исторические материалы, значительно дополнившие описание М. В. Певцова. Интересную обзорную географическую характеристику Ихэ-богдо приводит Г. Н. Потанин: «С соседних высот, как с пункта достаточно отдаленного, можно было лучше рассмотреть хребет, проходящий к югу от озера Орок-нор. Хребет Ихэ-богдо имеет гребень, исподволь поднимающийся от перевала Убтен-нуру к западу; под гребнем с северной стороны видны стенообразные обрывы, осыпанные слегка, но не покрытые сплошь снегом; ледяных масс в бинокль не видно. Гребень ровный, как-будто он не что иное, как окраина террасы или горизонтальной площади. На западе гребень круто обрывается профилем, который служит боком вырезки, с западной стороны ограниченной остроконечной горой; на вершине этой последней есть крапины снега. На восточном конце

гребень тоже отделен вырезкой от восточного продолжения хребта. Западнее этой восточной вырезки от гребня отделяется второстепенный хребет, который служит, кажется, боком продольной долины. Против середины гребня все долины поперечные, но в западном конце хребта, как и в восточном, тоже есть одна продольная. На южном склоне Ихэ-богдо я видел только поперечные долины, но с юга гребень казался, в противоположность северной стороне, не отвесным, а закругленным, нижнее же основание хребта на юге круче, чем на севере. Плоской снеговой покрывки, которая была видна на юге, ИХЭ-БОГДО с гор НЭМЭГЭТУ и БАИН-ЦАГАН, с севера не видно». (Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Географгиз, М., 1950 г., стр. 542).

68. Река Туин-гол (на некоторых современных картах Туйин-гол) имеет общее протяжение свыше 240 км. В верхнем течении Туин-гол глубоко врезается в Южно-Хангайское плато и течет в обрывистых и скалистых берегах; однако долина ее весьма широка — от 1 до 4 км. Русло реки, извиваясь по обширной пойме, образует многочисленные старицы и протоки. Лишь в одном месте долина сужается, и Туин-гол течет ущельем на протяжении 30 км.

По выходе в «долину озер» Туин-гол приобретает характер типичной равнинной реки: течет, широко извиваясь, в низких пологих берегах, разбиваясь на многочисленные рукава и протоки; в дельте она образует сильно заболоченный участок, ниже которого тремя протоками вливается в озеро Орок-нур.

В определении сравнительных размеров Орок-нура и озера Цаган-нур (Бонцаган, см. комм. 64) М. В. Певцов не ошибся. Орок-нур действительно имеет меньшие размеры. Его площадь равняется 130 кв. км, наибольшая длина — 28 км, а ширина — 8 км. П. К. Козлов пишет, что когда смотришь на Орок-нур с его, по большей части, возвышенных берегов «...получается впечатление глубокого провала, некогда, вероятно, наполнившегося водою значительно выше; ныне же, по словам монголов, не всегда полностью прикрывается даже его дно. Наибольшая глубина озера приходится у северного берега, хотя значительные омуты, согласно показаниям тех же монголов, имеются во многих местах этого бассейна. Периодически, приблизительно через десятилетний промежуток, речка Туин-гол приносит очень мало воды и озеро мелеет настолько, что по нему свободно бродят лошади и коровы; многочисленная же рыба частью скопляется в омутах, частью погибает в грязи, становясь добычей крылатых хищников» («Монголия и Кам», Географгиз, 1948, стр. 71).

В 1923—1926 гг. П. К. Козлов возглавлял Монголо-Тибетскую экспедицию Русского Географического общества. Два отряда этой экспедиции — П. К. Козлова и его жены, советского орнитолога Е. В. Козловой, посетили озеро Орок-нур. В результате были собраны обширные материалы по морфологии водоема и пернатой фауне, населяющей его воды.

«Дно Орок-нура, илистое у юго-западного берега, становится песчаным и твердым по мере приближения к центру бассейна. Не доходя 200 м до северного берега, появляется галька. По нашему пересечению глубина водоема увеличивалась очень равномерно. В 200 м от юго-западного берега она достигала всего 1 м, в 400 м — 1,5 м, в 600 м — 2 м и, наконец, в 1600 м — 4 м. Дальше на протяжении целого километра промеры давали почти одни и те же цифры — от 4 до 4,5 м и только метрах в 100 от северного берега снова снизились последовательно до 2 и 1 м». (П. К. Козлов. Путешествие в Монголию. Географгиз, 1949, стр. 166).

Новейшие химические исследования воды Орок-нура, проведенные в 1941 г., показали, что вода в нем, даже при высоком стоянии уровня, слабо солоноватая. По определению М. М. Беспаловой, сухой остаток пробы его воды равен 1,3 г на 1 литр воды (см. Э. М. Мурзаев. Монгольская Народная Республика. Географгиз, 1948, стр. 290). Тем не менее соленость воды Орок-нура весьма незначительна для бессточного Центрально-Азиатского бассейна. Многие озера, находящиеся в подобных же условиях, содержат соленую воду.

Берега Орок-нура покрыты зарослями камышей; весной и осенью озеро изобилует плавающими и голенастыми птицами.

69. Об истинной длине Туин-гола см. комментарий 68.

70. Название Цасату-богдо М. В. Певцов дает массиву Бага-богдо (Малый богдо). Этот массив, благодаря своему одинокому высокому куполу с крутыми и труднодоступными склонами, производит, очевидно, более грандиозное впечатление, чем плоское поднятие Ихэ-богдо. В действительности же Бага-богдо достигает 3554 м (на некоторых картах — 3584 м) и приблизительно на 500 м ниже своего западного соседа Ихэ-богдо.

Более эффектной формой отдельно стоящей вершины Бага-богдо, а также и тем, что М. В. Певцов наблюдал ее на сравнительно близком расстоянии, может

объясняться допущенная им ошибка в сравнительном определении высоты двух крупнейших вершин Гобийского Алтая.

71. Гребни наиболее приподнятых кражей — останцовых гор на Южно-Хангайском плато обнажают базальты. Образцы этой горной породы, в частности с реки Туин-гол, собранные Г. Н. Потаниным, исследовал П. Н. Венюков. Он дает их петрографическое описание в статье «Базальты Монголии», опубликованной в Записках СПБ. Минералогического общества, серия вторая, часть 25, стр. 228—295.

72. Н. Элиас в 1872—1873 гг. пересек Монголию с юго-востока на северо-запад. Он двигался от Куку-хото через Монгольскую Гоби и ее западный язык — «долину озер»; Хангайскими горами прошел в Улясутай, откуда отправился на север до города Кобдо и далее в бассейне р. Оби в Сибири. В отчете об этом путешествии содержится краткое описание пути, высоты некоторых точек маршрута над уровнем моря, а также результаты метеорологических наблюдений.

73. В комментариях 64, 65, 68 мы подробно остановились на главнейших озерах Гобийской долины, отделяющей горы Алтайской системы от Хангая. Таких наиболее крупных озер мы упомянули три: Бон-цаган, Цаган-нур (Адагин-цаган) и Орок-нур — все эти озера соленые. О двух озерах — об озере Джиргаланту и озере Цыгеин-нур, кроме М. В. Певцова, никто из путешественников и исследователей Монголии никаких сведений не сообщает; нет этих озер и на современных картах.

Четвертым, самым восточным из крупных водоемов «долины озер», является озеро Улан-нур. О нем мы еще скажем несколько дальше (комментарий 82), в связи с описанием М. В. Певцовым реки Онгин-гол, которая питает это озеро.

74. Мы уже останавливались на двух из четырех крупнейших обособленных горных групп Гобийского Алтая — на Ихэ-богдо и Бага-богдо. Третьей такой группой являются горы Арца-богдо. Хорошее описание этого хребта дает П. К. Козлов.

«Горы Арца-богдо стоят обособленно, имея общее простираение от запада к востоку; восточная окраина характерно закруглена к югу и значительно расширена сравнительно с узкой и прямой западной окраиной. Гребень гор ровный, без выдающихся вершин; профиль строго согласуется с таковым Монгольского Алтая вообще, т. е. северный склон крут и короток, южный, наоборот, — полог и длинен. На южном скате западной окраины поднимается усеченным конусом гора Бугу с воронкообразной вершиной.

Описываемый хребет слагается из различных известняков и известняковистых брекчий, а также и из порфирита; предгорье, кроме того, богато базальтовой лавой, а у подошвы или по прилегающей низковолнистой поверхности, где местами стоят сланцевые отделиности, во множестве залегают небольшие и совсем маленькие затейливо обточенные куски роговика, яшмы, сердолика, агата, опала и их конкреции и натеки; среди самых разнообразных и причудливых камешков, имеющихся в нашей геологической коллекции, два образчика яшмы обделаны в виде наконечников копья, вероятно, человеком каменного века. Холмы, удаленные к северу и северо-востоку, содержат большую часть гобийский песчаник, а между холмами кое-где встречаются плоские, низкие, часто не превышающие уровень общей равнины, обнажения гранитов.

Общий вид этого хребта так же пустынен, как пустынные виды и предыдущих и последующих гор; тем не менее кочевники находят здесь свои стада достаточное количество корма, перекочевывая без особенного труда с одного склона на другой по четырем отмеченным нами перевалам. В горах довольно обыкновенен низкорослый можжевельник, или, как называют его монголы, арца, откуда произошло и само название гор — Арца-богдо («Можжевельниковые горы»). На своем пути в области этих гор мы встречали большие табуны лошадей, пасшихся у предгорий по мягкому, нежному кичцу» («Монголия и Кам», Географгиз, 1948, стр. 75).

Наибольшая вершина хребта Арца-богдо — Ихэ-баян — достигает абсолютной высоты в 2453 метра. Упомянутая П. К. Козловым южная вершина — Бугу (Ихэ-бугу) — поднимается на 2018 метров.

75. В данном случае М. В. Певцов «долиной больших озер» называет депрессию, отделяющую Гобийский Алтай от Хангая, т. е. Гобийскую долину, или «долнцу озер».

76. Мы уже отмечали в комментарии 73, что, помимо М. В. Певцова, сведений об озере Цыгеин-нур никто из путешественников — исследователей тех мест — не дает и даже не упоминает об этом озере.

В значительной части своего течения река Аргуин-гол течет в низких берегах, образуя многочисленные солончаки и постепенно теряясь в обширном солончаковом болоте, на котором имеются отдельные зеркала небольших соленых озер. Наличие пресного озера в низовьях Аргуин-гола маловероятно.

77. Во времена путешествий М. В. Певцова монгольский народ, угнетаемый и эксплуатируемый светскими и духовными феодалами и иностранными империалистами, находился на грани вымирания. Эксплуататорские классы не были заинтересованы в насаждении культуры среди аратских масс. Наоборот, с помощью ламаистской религии они стремились всячески препятствовать какому-либо культурному просвещению народа. В результате в стране при полном отсутствии санитарного надзора и каких-либо медико-санитарных учреждений были широко распространены всевозможные заболевания. За 56 лет, с 1862 по 1918 гг., население Монголии не только не выросло, но уменьшилось на 25 тысяч человек.

Национально-демократическая революция 1921 г. была началом и величайшей культурной революции в Монголии. Широкие аратские массы получили доступ к просвещению. В 1924 г. было организовано Министерство народного просвещения. Сейчас в стране, которая в 1921 г. имела менее 6 тысяч человек грамотных, насчитывается 412 общеобразовательных школ, 14 техникумов, ряд высших учебных заведений, а в 1942 г. в Улан-Баторе был открыт государственный университет.

Огромную помощь в деле культурного преобразования оказал Монголии Советский Союз. Сейчас, благодаря его помощи, Монголия располагает кадрами своей национальной интеллигенции, играющими большую роль в хозяйственном и культурном строительстве страны.

Вместе с ростом материального благосостояния арата и с развитием народного просвещения изменялась и санитарно-бытовая обстановка жизни монгола. Ныне на смену знахарству и «целительным» молитвам лам пришла широко развитая сеть лечебно-санитарных учреждений: больниц, фельдшерских пунктов, консультаций. При серьезной помощи Советского Союза Монгольская Народная Республика за короткий срок создала прочную систему народного здравоохранения, обслуживаемую национальными работниками разных областей медицины.

В современной Монголии из года в год снижается смертность, быстро растет рождаемость, оздоравлиется быт широких аратских масс.

После революции 1921 г. монгольский народ обрел новую судьбу. Перешагнув через общественную формацию, он семимильными шагами движется вперед по некапиталистическому пути развития от феодализма к социализму. То, о чем пишет М. В. Певцов, сейчас уже далекая история Монголии. Это следует учитывать особенно при чтении настоящей главы, посвященной описанию населения Монголии.

79. Охота в Монголии — одна из важных отраслей народного хозяйства. Наибольшее значение имеет промысел на сурка-тарбагана. Сурковый промысел начал развиваться как раз в тот период, когда Монголию посетил М. В. Певцов. Позже, в отдельные годы, количество заготавливаемых шкурок сурков достигало 4 000 000 штук. Важное промысловое значение имеют также лисица, корсак и в северных районах — белка. Из животных наибольшее промысловое значение имеет антилопа-дзэрэн и кабан. Количество забиваемых охотниками дзэрэнов доходило до 100 000 штук в год. В период Отечественной войны советского народа по призыву маршала Чойбалсана охотники Монголии организовали массовую отправку добытых антилоп и кабанов в подарок Красной Армии.

80. Действительно, в дореволюционной Монголии ремесленная специализация не имела сколько-нибудь широкого распространения. Небольшие ремесленные предприятия сосредоточены были в немногих крупнейших населенных пунктах. Они занимались овчинным, столярным, сапожным, седельным, портняжным и другим производством, обслуживающим непосредственно бытовые нужды населения. В 1919 г., например, в Улан-Баторе (в Урге) было 363 таких мелких предприятий, которые представляли собой в значительной степени промышленность Монголии. Однако следует отметить, что в то же время в Монголии существовали дарханы — мастера-умельцы, выделывавшие высокохудожественные предметы из кости, дерева, камня, золота, серебра. Свое ремесло они доводили до степени искусства и пользовались глубоким уважением и почитанием в народе.

После революции 1921 г. в Монголии стало быстро расти разнообразное ремесленное производство, а затем в короткие сроки начала впервые создаваться и своя национальная промышленность. Современная Монголия, благодаря помощи Советского Союза, располагает уже многими крупными промышленными предприятиями, оснащенными современной техникой. Промышленность Монголии работает в основном на переработке продуктов животноводства.

81. Здесь М. В. Певцов противоречит исторической правде и самому себе. На стр. 123 он прямо пишет, что ему пришлось лично наблюдать: «...существуют и постоянные причины незavidного экономического положения монгольского народа. Они заключаются в противозаконных поборах местных властей при всяком удобном случае, разорительных для простого народа, и в недобросовестной эксплуатации

монголов китайскими торговыми компаниями, действующими сообща с местной администрацией». Таковы были истинные причины нищенского существования народа в Монголии.

Несколькими страницами раньше (стр. 121) Певцов замечает, что «Монголы в летнее время довольствуются преимущественно чаем с приправами и молочными продуктами, а мясо едят редко, исключая разве сурочье. Впрочем, и зимой мясная пища преобладает над прочею только разве у богатых, а бедняки при нужде питаются даже падалью». И это в стране, занимавшей первое место в мире по количеству скота на душу населения.

О необычайно тяжелой жизни монгола-арата пишут и другие русские путешественники, посещавшие дореволюционную Монголию. В. Л. Попов, возглавлявший Московскую торговую экспедицию в Монголию в 1910 г., указывает на чрезвычайную бедность эксплуатируемого монгола-скотовода, которого всячески угнетают светские и духовные феодалы: «В политической жизни не только всей страны, но даже в жизни своего хошуна, монголы почти не принимают никакого участия; обязанность простого монгола — вносить свои подати, отбывать личную и денежную повинность, какие на него возлагают его хошунный дзасак (князь) и его советники — чиновники. Права не только князя над монголом своего хошуна, но даже его чиновников никем не регламентированы, кроме обычаев, а эти обычаи очень жестоки. Приходилось быть свидетелем многочисленных случаев жестокой расправы с монголами по приказанию не только князей, но и более мелких чиновников. *Гражданская жизнь монгола* проходит прежде всего в беспрекословном повиновении своему князю и чиновнику, под страхом жестокой расправы, а *духовная жизнь* — в беспрекословном доверии своим духовным руководителям — ламам». («Московская торговая экспедиция в Монголию». М., 1912, стр. 175).

Монгольские удельные княжества, в которых господствовала атмосфера полного произвола со стороны угнетающего князя и его чиновников, совершенного бесправия и страшной нищеты народных масс, были подлинной феодальной тиранией.

82. Долина реки Онгин-гол превышает 430 км. Нижний участок реки до 100 км длинной летом совершенно пересыхает. В озеро Улан, очень мелкое и более похожее на болото, чем на озеро, Онгин доносит воды, как правило, только в паводки. Многочисленные ручьи и речки, стекающие с южного склона хребта Дэлгерхангай-ула, быстро иссякают на равнине, фильтруясь и испаряясь, и Онгин-гола не достигают.

83. Горы Гурбан-сайхан (по-монгольски — три прекрасных) представляют целую систему хребтов, кражей и гор. Наибольшей высоты достигают в хребте Дзунсайхан — 2346 м над уровнем моря. Гурбан-сайхан — последнее к востоку значительное поднятие Гобийского Алтая.

Гобийский Алтай отличается чрезвычайной сложностью своей орографической схемы. В отличие от Монгольского Алтая, который представляет собой единую цепь гор, Гобийский Алтай состоит из множества отдельных хребтов, отдельных гор, разделенных глубокими понижениями. У Э. М. Мурзаева мы находим следующую орографическую характеристику Гобийского Алтая: «В системе гор Гобийского Алтая можно выделить три-четыре четкие горные цепи, где отдельные горы и хребты орографически связаны и являются непосредственным продолжением друг друга. Самая северная цепь сравнительно коротка, так как на высоте она выклинивается, не доходя до долины Туин-гола. Эта северная цепь состоит из отдельных хребтов, иногда значительных, но нигде не достигающих высот в 3000 м. Таковы три поднятия хребта Аргалинту. Восточным продолжением этого хребта являются горы Наринхара, менее 2000 м абсолютной высоты. По существу, эта цепь Гобийского Алтая является его северным предгорьем и связана на западе с предгорными цепями Монгольского Алтая — горами, идущими от котловины Бэгэр.

Главная цепь Гобийского Алтая за котловиной оз. Хутук возвышается горами Баян-цаган (3468 м). Это и есть самое западное звено основной наиболее длинной цепи Гобийского Алтая. На востоке от Баян-цагана идет ряд мощных, но коротких по протяжению гор и хребтов, из которых самые большие три хребта Гурбан-богдо.

Восточным продолжением этой основной цепи Гобийского Алтая является цепь Гурбан-сайхан, состоящая, как показывает название, из «трех прекрасных» хребтов. Общее протяжение этой основной цепи Гобийского Алтая свыше 500 км, считая от котловины Хутук на западе до хребта Дзунсайхан на востоке.

«...Постепенно снижаясь и давая отдельные небольшие, но скалистые и пустынные поднятия, выклинивается вторая и основная цепь Гобийского Алтая среди Гобийского плоскогорья, изобилующего здесь многочисленными скалистыми холмами, извилистыми сайрами, котловинами, грядами. Рельеф мелкосопочника, где основные,

наиболее заметные поднятия все еще ориентированы в том же генеральном направлении с северо-запада на юго-восток, вот по существу все, что остается от мощных поднятий Гобийского Алтая».

«... Первая южная цепь Гобийского Алтая является продолжением гор Гичигинь, восточные которых высится Баян-ундур (2 509 м)».

«Вторая южная цепь Гобийского Алтая представляет ряд хорошо очерченных хребтов, расположенных на одной линии, но разорванных обширными понижениями. Простираение этой южной цепи уже не только с северо-запада (или запада-северо-запада) на юго-восток (или восток-юго-восток), что было характерно для всей системы Монгольского и Гобийского Алтая, но и главным образом строго широтное или почти широтное. Такое положение хребтов говорит больше о принадлежности их не столько к системе Алтая, сколько к системе Восточного, или Китайского Тяньшаня, самые восточные отроги которого подходят из Синьцзяна к границе МНР. Здесь происходит, повидимому, стык Алтайской и Тяньшанской горных систем.

Эта вторая южная цепь на западе начинается горой Алтая, затем продолжается прямо на восток хребтом Нэмэгэту (2 766 м), горой Сэврэй (2 548 м) и далее на восток-юго-восток хребтом Номгон и его восточной оконечностью Дзолэн. На востоке эта цепь состоит из ряда отдельных скалистых кражей с небольшой относительной высотой и оканчивается хребтом Хурху (Хурхэ) высотой 1 760 м». («Монгольская Народная Республика», Географгиз, 1948, стр. 183, 186, 187).

Далее на востоке над гобийскими равнинами изредка поднимаются лишь отдельные и невысокие вершинки, холмы и короткие гряды — далекие отзвуки мощного алтайского поднятия.

84. Территория, о которой М. В. Певцов сообщает сведения, полученные от монголов, была в то время и долго еще оставалась впоследствии наименее изученной частью Гобийской пустыни. Главнейшие торговые пути из Внешней Монголии в северные провинции Китая пролегали восточнее или западнее пустынных земель, расположенных к югу от Монгольского Алтая и носивших ныне наименование Заалтайской Гоби. Меридиональные маршруты известных русских путешественников и исследователей Центральной Азии пересекали лишь окраинные области Заалтайской Гоби. В 1877 г. Г. Н. Потанин пересек ее западную часть, а в экспедицию 1884—1886 гг. (Тангутско-Тибетская экспедиция) — восточную. В. А. Обручев в 1893 г. прошел по юго-восточным районам этой пустыни. Центральную часть Заалтайской Гоби впервые пересек в 1899 г. В. Ф. Ладыгин — помощник П. К. Козлова в его экспедиции 1899—1901 гг. Обстоятельные исследования этой своеобразной области Гобийской пустыни начались лишь после народной революции в Монголии. В 1927, 1935, 1936 и 1937 гг. экспедиции Ученого комитета (учреждение, соответствующее в нашей стране Академии наук) Монгольской Народной Республики охватили Заалтайскую Гоби в пределах республики густой сетью маршрутов. В результате этих работ было составлено орографическое описание обследованных территорий, собраны данные по распределению растительности и распространению млекопитающих.

Огромное значение в новейших исследованиях Заалтайской Гоби имели работы советских ученых, принимавших участие в экспедициях Ученого комитета Монгольской Народной Республики. Так, летом 1943 г. Ученый комитет и Монгольский государственный университет организовали экспедицию в Заалтайскую Гоби. В состав экспедиции входили советские исследователи: зоолог А. Г. Банников, географ Э. М. Мурзаев и ботаник А. А. Юнатов. На основании своих исследований они дали краткий очерк природы Заалтайской Гоби в пределах Монгольской Народной Республики. Эта работа, опубликованная в Известиях Всесоюзного Географического общества (№ 3 за 1945 г.), несмотря на свою краткость, является наиболее полной географической характеристикой описываемого района, имеющейся в литературе.

Статья подтверждает правильность заключения М. В. Певцова о том, что этот «угол» Гоби отличается от ее восточных территорий значительно большей пустынностью. «В последнее время, — пишут авторы статьи, — в нашей ботанической и географической литературе преобладает точка зрения, что Гоби в пределах МНР нельзя считать пустыней, ибо ее ландшафты более отвечают сухим степям и полупустыням. Для большей части Гоби в Монголии эта точка зрения совершенно справедлива, особенно для восточной ее половины. Другие природные условия отличают Заалтайскую Гоби, которая как в биологическом, так и в физико-географическом отношениях (по климату и гидрологии), должна рассматриваться как типичная область центральноазиатских пустынь. Печать большой опустыненности лежит на ландшафтах этой части Гоби. Щебнисто-галечные пустыни, почти лишленные какой-либо растительности, занимают здесь участки в сотни квадратных километров. Щебень да галька, лоснящиеся на солнце пустынным лаком

и покрывающие твердые глинистые или опесчаненно-глинистые поверхности равнин, характерны для такой заалтайской гаммады. Только в малозаметных западинках или овражках можно встретить отдельные сухие кустарнички.

В статье приводится цифра средней высоты Заалтайской Гоби над уровнем моря (1 200—1 400 м), а также характеристики климата, растительности и животного мира этой пустынной территории.

85. Здесь в первом издании приводится следующий список литературы, из которой М. В. Певцов почерпнул данные о высотах Гоби:

1. Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, т. II, стр. 110—115.

2. Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. I, стр. 334—336.

3. Известия Русского Географического общества, вып. I и II, 1879.

4. Записки З.-Сибирского отделения Русского Географического общества, кн. I, 1879 и книга 2, 1880.

5. Записки Русского Географического общества, т. 5, 1875.

6. V. Fuss. Geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen e. c. t. Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Petersburg. Serie VI, т. III, 1835.

7. Ney Elias. Narrative of a Journey through Western Mengolia. The journal of the Royal geographical society. Vol. XLIII, 1873.

8. N. Fritsche. The climate of eastern Asia. Shanghai. 1878.

9. N. Fritsche. Geographische, magnetische und hypsometrische Beobachtungen Repertorium für Meteorologie herausgeg. v. d. Kaiserlichen Academie g. Wissen-schaften. т. IV, № 3, 1874.

10. Humboldt. Asie Centrale. 1843.

86. На предыдущих страницах М. В. Певцов впервые в географической литературе дал общий обзор Гоби в сравнительных характеристиках ее южных и северных районов, где в общем очень правильно подметил некоторые типичные характерные особенности тех и других. Здесь опять следует отметить наблюдательность путешественника, установившего на основании чисто визуальных исследований характерность для гобийских плоских котловин «песчаных сопок». Это барханы — подвижные песчаные образования, вообще мало распространенные в Гоби, на что также указывает Певцов, и приуроченные, как правило, к озерным котловинам. Последнее обстоятельство дает основание предполагать, что пески эти дюнного происхождения.

87. Город Гуй-хуа-чен состоит из двух слившихся городов — Гуйхуа и Суйюань, почему на современных картах обозначается как Гуй-Суй. Сведения о величине и населении города, приводимые М. В. Певцовым со слов Спленгера (Сплингера), сильно преувеличены. По данным Министерства внутренних дел нанкинского правительства на 1934 год, в Гуй-Суй насчитывалось 200 тысяч населения. Естественно, что в 1878 г., т. е. более чем на 50 лет ранее, в нем жителей было значительно меньше. Об этом же пишет Г. Н. Потанин, побывавший в Гуй-Суй в 1883 г. Упомянув цифры, приводимые Певцовым, он замечает:

«Все эти цифры кажутся нам сильно преувеличенными; мне более десяти раз пришлось проехать через весь город с часами в руках, сидя в городской повозочке. Задавшись целью составить план города, я записывал показания часов и на поворотах улиц отмечал направление стрелки компаса; эта работа дала длину города с севера на юг только 2½ версты; при этих размерах, принимая в расчет, что за редкими исключениями город состоит только из одноэтажных зданий, население его едва ли превосходит 40 000». (Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, Географгиз, 1950, стр. 52—53).

Интересной особенностью Гуй-хуа-чена в то время было совершенно отсутствие частной собственности на землю. Все городские земли принадлежали монастырям, которые отдавали их в аренду для застройки. Заинтересованные в получении арендных барышей ламы скупились отводить земельные площади под улицы и переулки. С другой стороны, арендаторы, сознавая временность своего права на землю, строили на своих участках не красивые и непрочные, дешево стоящие постройки. Все это накладывало характерный отпечаток на внешний вид Гуй-хуа-чена, который представлял собой массу узеньких переулков, застроенных почти лачужками. (См. Позднее в А. М. Поездка по Монголии, 1892—1893 гг. в «Известиях» Русского Географического общества, том XXX, вып. II, 1894).

88. Гаолян (*Andropogon Sorghum*) — однолетний злак, один из видов сорго, разводится в Маньчжурии, Монголии и в некоторых провинциях Китая; в СССР — в Средней Азии, Казахстане, на Кавказе, в Крыму, на Украине и в Нижнем Поволжье.

Гаолян отличается скороспелостью; в зависимости от окраски зерна бывает белый и красный. Из его семян вырабатывают масло и спирт. Толстые стебли гаоляна дости-

гают 3 м и даже 5 м высоты; они употребляются как корм для скота, а в безлесных районах служат топливом и строительным материалом.

89. Миссионерские организации сыграли огромную роль в порабощении Китая империалистами. Католические миссионеры проникали в Китай еще в начале XIII в. Царствовавшая в то время монгольская династия, национально чуждая управляемому ею народу, особенно нуждалась в укреплении своего господства. Она охотно поддерживала всякие религии, которые так или иначе всегда хорошо служат делу угнетения трудящихся масс.

В дальнейшем католические миссионеры с переменным успехом пытались все более и более внедряться в духовную жизнь китайского народа для укрепления влияния пославших их европейских государств. Миссионеры широко использовали самые разнообразные способы завоевания, расположения к себе и подчинения своему влиянию китайского народа. Они не только «обращали в христианство», но и строили школы, с кафедр которых читали, по существу, те же проповеди о благе буржуазной европейской цивилизации, что и в церквях.

Неоднократные захватнические войны капиталистических держав против Китая начинались якобы для защиты миссионеров, а кончались захватом отдельных территорий страны. Такого характера было участие Франции в войне 1856 г., захват Германией Циндао в 1897 г. и др.

На протяжении всей истории китайский народ боролся против попыток навязать ему чужую религию, причем эта борьба по существу своему была формой народной борьбы с политическим и экономическим закабалением Китая иностранным капиталом.

Заметно ослабило деятельность миссионеров национально-освободительное движение, начавшееся с новой силой в 1920—1922 гг. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Однако только в результате победы народа в 1949 г. Китай твердо и окончательно встал на путь суверенного национального развития. Только народно-демократическое правительство современного Китая сумело полностью оградить страну от хозяйничанья в ней американских и европейских империалистов, чьими агентами, как правило, являлись миссионеры.

90. Иншань представляет собой весьма значительную горную систему, достигающую на востоке 600—800 м относительной высоты и орографически связывающую Нань-шань с Большим Хинганом. На различных участках система носит и разные названия. Общее название Иншань, относящееся ко всей системе в целом, местным населением не употребляется.

91. Великая китайская стена — замечательный памятник китайского зодчества времен династии Цинь, III в. до н. э. Строилась она в целях защиты страны от нападения кочевых народов и охраны торговых путей на западе. Протянувшись по горам Северо-западного Китая, Великая китайская стена с разветвлениями составляет около 4 000 км. Расстояние между крайними ее точками (Шанхайгуань — Цзяйгуань) по прямой линии равно 1 800 км. На всем протяжении стены, построенной местами в несколько рядов, в ее важнейших стратегических пунктах и на местах пересечения трактов устроены укрепленные проходы: Шанхайгуань, Сифэнкоу, Губэйкоу, Цзяйгуань, Нанькоу и др.

Великая стена давно уже, разумеется, потеряла свое стратегическое значение и ныне в значительной части совершенно разрушилась. Лучше всего она сохранилась в районе города Пекина.

92. Способ отопления жилищ при помощи шариков, о которых пишет М. В. Певцов, очень распространен в Китае. Эти шарики делаются из смеси глины (лёсса) и каменноугольного порошка (штуба). Они горят медленно, без дыма, и дают много тепла.

Лосковый уголь — значит блестящий; от слова — лоск.

93. Широкое распространение курения опиума в Китае связано с проникновением в страну английского капитализма в начале XIX в.

«Английские капиталисты, в первую очередь Ост-Индская компания, монополизировавшая китайский рынок, были недовольны положением дел в англо-китайской торговле на рубеже XVIII—XIX вв. Они не сумели создать условия для своего неограниченного проникновения на китайский рынок. Их товары играли еще второстепенную роль и не могли разрушить домашнюю промышленность — условие, необходимое для увеличения роли английской промышленной продукции на китайском рынке.

Но положение начинает меняться с того времени, когда Ост-Индская компания стала в больших масштабах культивировать производство опиума в Индии и вывозить его в Китай. (В 1773 г. Ост-Индская компания получила в Индии монополию на производство и вывоз опиума). Опиум стал важнейшей и наиболее доходной статьей английской торговли с Китаем. Торговля опиумом приносила Ост-Индской компании огромные барыши. Китайское серебро все более и более широким потоком стало течь

в карманы английских капиталистов. Однако вред торговли опиумом не ограничивается экономическим истощением страны.

Опиум разрушительно действует на здоровье человека. Это прекрасно знали и английские купцы и английское правительство, но торговля опиумом быстро ширится, ибо она была выгодна англичанам в экономическом и политическом отношении. Опиумокурение стало средством морального и физического разложения китайского народа» (Г. В. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. Госполитиздат, 1949, стр. 34—35).

Несмотря на издание правительством Китайской империи ряда законов, запрещавших торговлю опиумом и его курение, английские купцы контрабандой доставляли в Китай опиум. С тех пор и до провозглашения в Китае Народной республики китайский народ не только обкрадывался своими и заморскими порабощенными, но с легкой руки английского империализма и систематически отравлялся опиумом.

94. Обстоятельное и интересное описание лёссовых жилищ, столь распространенных в Северном Китае, мы находим у академика В. А. Обручева: «Уже среди уступов плоскогорья, где толща лёсса достигает местами 20—30 м, появились подземные жилища, составляющие характерную особенность страны лёсса. В обрыве этой мягкой породы выкапывают вглубь галлерею, шириной в 4—5 м, длиной в 8—10 м и вышиной в 3—4 м; лёсс прекрасно держится и в своде, и в стенах без подпорок. Впереди галлерею закрывают стеной из кирпича-сырца или обожженного, сделанного из того же лёсса; в стене — дверь, и, рядом, окно. Внутри, под окном, устраивают кам, который топится снаружи, и жильё готово; в нем летом прохладнее, чем в доме, а зимой теплее, потому что толща лёсса защищает и от прогрева и от охлаждения. Рядом выкапывают вторую галлерею для домашних животных с отдельным выходом или дверью в жилую галлерею. Перед дверью устраивают ровную площадку, на которой складывают навоз, молотят хлеб, выполняют домашние работы, тут же бродят куры, свиньи. Целый ряд таких пещер друг возле друга составляет поселок, а если лёсс опускается крупными ступенями по склону, то на каждой ступени располагаются пещеры, и дворики перед ними находятся над галлереями соседнего вниз яруса.

В таких подземных селениях бывают и постоянные дворы, и позднее, путешествуя, мне приходилось ночевать в лёссовой пещере: тут же, в соседней пещере, помещались и наши животные.

Пещеры служат десятилетиями без ремонта: если свод начинает сдавать и из него вываливаются глыбы, пещеру бросают. Единственный недостаток этих жилищ — при сильных землетрясениях они нередко разрушаются и засыпают своих жильцов» (От Кяхты до Кульджи. М.—Л., 1940, стр. 61, 62).

95. История китайского театра уходит в далекое прошлое. Отдельные элементы театрального представления существовали еще во времена династии Чжоу (1122—256 гг. до н. э.), когда была распространена сложная религиозная пантомима. Историки склонны считать, что значительная часть классической «книги истории» — «Шу-цзы» есть не что иное, как либретто этих пантомим. Но как сценическое оформление пьесы, китайский театр развивается к XIII—XIV вв. и с этого времени существует уже в сложном целом, в состав которого входят пение, музыка и танец.

В Китае театр всегда был наиболее массовой формой искусства. Характерной чертой, которую он сохранял в течение многих веков, вплоть до времени, к которому относится его описание Певцовым, и даже позднее, до самого начала XX в., являлось то, что этот театр развивал свои выразительные средства по линии типизации, создания обобщенного образа. Актер изображал персонаж в заранее данных, закреплённых традицией типических чертах. Причем игра актера ограничивалась строгими рамками ряда традиционных приемов. Многие европейцы, подобно Певцову, не знавшие особенностей классического китайского театра и не понимавшие его, принимали зачастую подлинное актерское мастерство за «излишнее фигурлярство».

Китайский театр, будучи искусством широких народных масс, не мог, разумеется, оставаться нейтральным к общественной действительности. В связи с этим, уже ко времени М. В. Певцова, в Китайском театре начали ощущаться недостатки традиционных изобразительных средств для отображения новой социально-политической обстановки. С этого времени наблюдается постепенный отход от традиционных классических форм и приближение к реалистической драме: появляются занавес и декорация, разговорная речь сменяет пение, исчезает старый условный грим.

Огромное значение для развития реалистического театра в Китае имела русская классическая литература и расцвет подлинно реалистического искусства в России после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1937 г. в Шанхае китайский реалистический театр демонстрировал свои достижения исполнением пьес Гоголя и Чехова, в 1936—1937 гг. играют пьесы заостренной общественно-политической тематики: «Осеннее солнце», «Дом на северо-западе» (к японской интервенции в Маньч-

журии), «Государство тайпинов» (о тайпинском восстании), «Сай цзин хо» (об оккупации Пекина империалистами после «боксерского» восстания), «Дети предателя», «Контрабанда» (имеется в виду японская) и др. (См. сборник «Китай». Институт Востоковедения АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 320—325, 338—341).

Историческая победа китайского народа, приведшая к образованию в 1949 г. Китайской Народной Республики, создала в Китае условия, при которых успешно смогут развиваться культура и искусство, в частности, театр.

96. Е. Ф. Тимковский — русский путешественник, проехавший в 1820—1821 гг. в составе десятой духовной миссии через Монголию в Пекин. В 1824 г. вышел в свет его трехтомный труд «Путешествия в Китай через Монголию». В первом томе Е. Ф. Тимковский приводит обстоятельное описание пути от Кяхты до Пекина и, в частности, той дороги, о которой упоминает М. В. Певцов.

Этот труд Е. Ф. Тимковского был издан на французском и английском языках и широко использован К. Риттером при написании им известного сочинения — «Землеведение Азии».

Среди русских путешественников, посетивших Монголию и Китай в начале XIX столетия, выдающееся место занимает руководитель девятой духовной миссии в Пекине Иакинф (Никита Яковлевич) Бичурин. Являясь одним из крупнейших синологов своего времени, Н. Я. Бичурин, на основании изучения китайских источников и личных наблюдений во время путешествий по Китаю и Монголии в 1806—1821 гг., написал свыше десяти крупных работ об этих странах. Кроме того, Н. Я. Бичурину принадлежит перевод на русский язык ряда китайских географических трудов, среди которых особый интерес представляют: «Описание Тибета» и «История Тибета и Хухунора».

97. Русский астроном Г. Фусс пересек Монголию через Улан-Батор (Ургу) и прошел в Пекин вместе с одиннадцатой духовной миссией в 1830 г. Во время этого путешествия он определил широты и долготы 35 пунктов.

Г. А. Фритше — русский астроном и геодезист, определил ряд астрономических, магнитных и гипсометрических пунктов в Северном Китае и в Монголии. В 1867 г. он организовал в Улан-Баторе (Урге) первую метеорологическую станцию.

Топограф Шимкович сопровождал в 1859 г. Н. П. Игнатьева, пересекшего Монголию и прошедшего от Улан-Батора (Урги) к Калгану по дороге через колодец Сайр-су. Во время этого путешествия Шимкович составил карту пути в масштабе 3 версты в 1 дюйме.

98. Войну 1860 г. иногда называют третьей «опиумной» войной. По существу, военные действия, начатые англо-французами против Китая в августе 1860 г., были продолжением второй «опиумной» войны (1856—1860 гг.).

Эта война была еще одним шагом европейского империализма на пути превращения Китая в полуколонию. Последовавшие за войной неравноправные договоры открывали иностранному капиталу доступ в различные области страны и ее хозяйства.

99. Е. Ковалевский пересек в 1849 г. Монголию от Кяхты через Улан-Батор (Ургу) и проехал в Пекин. В двухтомном отчете об этом путешествии, изданном в 1853 г., Е. Ковалевский сообщает сведения о Монголии и Китае, в значительной части заимствованные из сочинений Е. Ф. Тимковского, Н. Я. Бичурина и некоторых других более ранних путешественников.

Об Эляйясе Н. (Элиасе), см. комментарий 72.

100. Путевые записки многих русских купцов и купеческих приказчиков, торговавших в Монголии, давали в свое время интересные сведения по географии Центральной Азии. Эти записки были собраны Г. Н. Потаниным и опубликованы в специальной книге: «Труды русских торговых людей в Монголии и Китае» (Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по общей географии, том I, вып. I, Иркутск, 1890). Некоторые маршруты русских торговых людей по Монголии, не вошедшие в это издание, были описаны А. А. Баторским в книге «Опыт военно-статистического очерка Монголии», ч. 2, вып. 48, СПб., 1894, а также в другом сочинении Потанина — «Очерки Северо-Западной Монголии», вып. I, СПб., 1881.

Е. Г. Антропов — бийский купец, много путешествовавший по Монголии. Незадолго до своей смерти он передал М. В. Певцову дорожные заметки, сделанные во время следования по прямой дороге из Урги (Улан-Батора) в Куку-хото (Гуй-хуа-чен) в 1879 г., на пути, общим протяжением свыше 800 км. Эти заметки М. В. Певцов в виде приложения поместил в первом издании настоящего труда. Так как они сейчас приобретают и известный исторический интерес и дают некоторое представление об общем характере посещенной Антроповым части Монгольской Гоби, мы сочли целесообразным привести эти заметки.

Для М. В. Певцова, когда он впервые опубликовывал отчет о своем монгольском путешествии, описание пути Антропова имело еще и специальное значение. Оно под-

тверждало заключение Певцова о том, что поверхность Гобийской пустыни в пределах Монголии не представляет совершенной равнины, что в Монгольской Гоби и доныне существует много незначительных соленых озер и, наконец, что в ней явственно заметны признаки прежнего, более обильного орошения.

Первые переходы Антропова от Урги, судя по его маршруту, пролегали, должно быть, не по караванному Калганскому тракту, а по побочному, по так называемой принцессинной дороге. На караванный тракт Антропов вышел у бывшей станции Цзамыйн-усу. Путевые записки начинаются 27 октября.

27-го Октября. Огпнривились из Урги в Куку-хото по прямой дороге. По переезде р. Толы миновали несколько постоянных дворов для проезжих монголов. Вправо осталась гора Хан-ула. Полдневали у ключа на уроч. Эфини-модо, верстах в 25-ти от Урги. Потом пересекли две небольшие гряды и спустились в долину. Из нее поднялись на хребет по перевалу Ихы-даба и с него спускались по отлогому склону. Ночевали в 25-ти верстах от места привала, а всего прошли в первый день 50 верст.

28-го Октября. Спускались по той же долине. По сторонам дороги холмы. Полдневали на уроч. Халты, в 28 верстах от ночлежного места. Дорога направляется сначала по правой окраине долины, потом по середине, где встретили колодезь. Долина поворотила вправо, а мы по теснине поднялись на невысокий перевал, на вершине которого маленькое озерко. С перевала спустились в долину и ночевали в ней на уроч. Балги, пройдя в этот день 58 верст.

29-го Октября. Дорога идет по ложине, по сторонам ее видны холмы, потом пересекает неглубокую долину Асхыту, которая сливается с долиною Бага-умбуи, тянущейся влево от дороги. Из долины поднялись на высоту, миновали скалу и спустились к озеру Зулгэты. От него опять поднялись в холмы и ночевали в них близ обнаженной горы Баин-ула. Всего прошли 50 верст.

30-го Октября. Спускались сначала под гору. Справа, из низкого хребта вышла долина, которую пересекли, в ней колодезь Чапир. Далее шли правым берегом плоской долины. По сторонам видны небольшие холмы. Потом пересекли долину и поднялись немного в холмы, в которых много ложин. Из холмов спустились в широкую долину Цзамыйн-хапцал, вышедшую слева, которую также пересекли и, пройдя по холмам, остановились на ночлег в широкой долине, на уроч. Цзамыйн-улан. Расстояние 50 верст.

31-го Октября. Из долины шли по холмам, в которых влево от дороги озерко Дабасун-нор. От него стали спускаться в широкую долину, вышедшую справа. Далее пересекли сухое русло Бутургин-гол. От него поднимались на пологую высоту и потом шли среди холмов. Расстояние 25 верст.

1-го Ноября. Из холмов спустились в котловину, потом опять в холмы, а из них вышли на открытую степь, затем пересекли каменную гряду Хаир-хан-чолу, протянувшуюся с запада на восток на всем видимом пространстве; далее шли по степи, покрытой мелкосопочником, наконец по волнистой местности. Вправо видны небольшие горки. Расстояние 45 верст.

2-го Ноября. Сначала шли по ровной степи, на которой пересекли несколько ложин, потом спустились в долину с колодцами Табын-улан-худук. В эту долину вышла с правой стороны другая, и обе окончились в соседней степи. Из долины поднялись на высоту и с нее спустились в котловину с колодцем Заермык-худук. Из котловины опять поднялись на высоту и шли между каменистыми сопками, потом по ровной степи Янты, на которой ночевали. Расстояние 55 верст. Влево от ночлежного места видна черная гора Янты.

3-го Ноября. Из степи поднялись в холмы, в которых видели две ильмы, пересекли низкий кряж, спустившись с него по сухому руслу Хонингын-гол. В нем колодезь, а по берегам растут ильмы. Далее опять поднялись на кряж, с которого спустились тоже по сухому руслу Баин-хошу. Полдневали в этом русле у колодца. Тут встретился нам караван в 47 верблюдов с хлебом из Куку-хото. Монголы везли хлеб для собственной потребности. После дневки опять пересекли кряж и ночевали в сухом русле Цзамыйн-хоргусын. По берегам его растут ильмы. Расстояние 48 верст.

4-го Ноября. Сначала шли по ровной степи, на которой видны кое-где мелкие сопки, потом по волнистой местности; по сторонам невысокие холмы, а влево большая гора — Дулан-ула, далее спустились в широкую долину Ердин-ус, где полдневали. В долине растет саксаул и одинокая ильма. Тут опять попались навстречу монголы с хлебом из г. Куку-хото на 37 верблюдах. Далее продолжали путь по долине, потом по степи с каменистыми сопками, на которой ночевали. Влево от ночлежного места ставка Мерген-вана с кумирней, и около нее, в ложине, много ильм. Расстояние 55 верст.

5-го Ноября. От ночлежного места поднялись немного и пересекли каменную гряду Хони-нуру. С перевала спускались по сухому руслу, в котором полдневали. В этом месте стояли приказчики-китайцы бельгийца Спленгера из Куку-хото, скуповавшего у монголов верблюжью шерсть. Потом опять поднялись на каменный хребет, с которого спустились в долину и из нее — снова на хребет по перевалу Олин-хир. На перевале встретились монголы на 45-ти верблюдах с хлебом из Куку-хото. Затем следовало несколько незначительных спусков и подъемов в волнистой местности. Ночевали у сухого русла, близ уроч. Цзамыйн-сучжи, пройдя в этот день 48 верст.

6-го Ноября. Шли сначала по степи с небольшими лощинами, в одной из них колодезь Салогин-худук, потом пересекли низкую песчаную гряду. По сторонам мелкие сопки. Далее пересекли гряду по перевалу Едмык и спустились в ложину, а из нее опять поднялись на гряду. С этой последней спускались по сухому руслу Шабьк, на котором встретили монголов на 18 верблюдах, возвращавшихся с хлебом из Куку-хото. Расстояние 40 верст.

7-го Ноября. Сначала шли по каменной равнине, оставив вправо высокую, черную гору, потом по волнистой местности, откуда спустились в широкую ложину. В ней встретили монголов с хлебом из Куку-хото на 118-ти верблюдах. Из долины поднялись на невысокий кряж по перевалу Усун-хотэль, с которого спустились в широкую ложину Хапцагай и в ней ночевали. Расстояние 53 версты.

8-го Ноября. Спустившись немного, вышли на широкую степь и на ней пересекли почтовую Калганско-Улясутайскую дорогу на станции Зес, в 24-х верстах от ночлежного места. На станции попался караван с хлебом из Куку-хото на 83-х верблюдах. От станции шли по ровной степи. Вправо плоская высота, оканчивающаяся близ дороги, а влево от дороги в 2-х верстах озеро Ихы-нор, принимающее речку Хошотын-гол, текущую с юго-запада. В долине ее — хорошая трава и обширные заросли дэрису. Перейдя через речку, поднялись немного в гору и ночевали в 47-ми верстах от предыдущего ночлежного места.

9-го Ноября. Шли по ровной степи, покрытой местами мелкосопочником. На ней попалось несколько караванов с хлебом из Куку-хото на 107-ми верблюдах. Последние 18 верст шли по волнистой местности, в которой застигла сильная метель. Прошли в этот день 43 версты.

10-го Ноября. Пройдя немного от ночлежного места, вышли на берег речки Улан-хобо, текущей влево от дороги. В ее долину выходит с запада несколько лощин. По сторонам, на степи видны небольшие холмы. Далее пересекли сухое русло, потом поднялись на плоскую высоту и миновали колодезь Улугур-шанца. На востоке видна гора Хаирхан-ула. Пересекли низкую гряду Отхон-нуру и спустились с нее к речке Чахырмык. От речки шли по волнистой местности и ночевали в 47-ми верстах от предыдущей станции.

11-го Ноября. Продолжали идти по волнистой местности и достигли речки Шара-мурен, на которой встретили монголов с хлебом из Куку-хото на 126-ти верблюдах. От речки дорога идет также по волнистой местности, минуя холмы Харатологой, около которых она пересекает дорогу из Улясутая в Куку-хото. Тут опять попались монголы с хлебом на 286-ти верблюдах. К вечеру пришли в город Куку-эргэ, сделав в этот день 45 верст.

12-го Ноября. От Куку-эргэ версты 4 шли по равнине, потом ущельем хребта верст 30. Подъем крутой и спуск вначале тоже. Дорога на главном перевале узкая и каменная, но ездят на телегах. С гор сошли на равнину, где постоянно встречаются деревни. Местность — густо заселенная китайцами. Вечером прибыли в Куку-хото, отстоящий от Куку-эргэ в 45 верстах.

На этом записки Е. Г. Антропова заканчиваются.

101. А. М. Ломоносов — участник торговой экспедиции братьев Бутиных в Восточную Монголию и Пекин. Описание этой экспедиции опубликовано в книге: «Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тяньдзин», Иркутск, 1871.

Капитан Мосин — проводил метеорологические и магнитные наблюдения, в основном в районе Урги (Улан-Батор).

П. А. Рафаилов — топограф, сопровождавший Г. Н. Потанина в ряде его экспедиций по Китаю и Монголии.

Е. В. Падерин — секретарь русского консульства в Урге (Улан-Баторе). В 1873 г. совершил путешествие из Урги на запад в поисках древней монгольской столицы — Каракорума. В 1876 г. Е. В. Падерин опубликовал в «Известиях» Рус-

ского Географического общества (т. 12, вып. I) работу: «Барометрическая нивелировка в Монголии».

102. Здесь опять обращает на себя внимание редкая наблюдательность и зрелость исследовательского мышления М. В. Певцова, благодаря которому он дает правильное заключение о молодости современного рельефа Монгольской Гоби. Академик В. А. Обручев, создавший основы современных научных взглядов на геологическую историю Центральной Азии, пишет: «Рельеф, созданный последними сильными поднятиями конца третичного, начала четвертичного периода, сохранился до настоящего времени благодаря позднейшим более слабым поднятиям. Большая разница в степени расчленения рельефа, существующая между Хангаем, Кентеем, западной частью Монгольского Алтая и цепями Пограничной Джунгарии, обладающими в общем мягким рельефом со значительным сохранением остатков почти равнин, и восточным Тянь-шанем, а также многими мелкими кряжами среди Гоби, имеющими резкие альпийские формы, скорее всего объясняется не только различной высотой последних поднятий, но и тем, что в сравнительно узких ущельях молодая эрозия быстро достигает водоразделов и создает юные и зрелые формы, тогда как в широких клиньях еще сохранились старческие формы прежних циклов. И это сочетание тех и других форм в одной и той же области также свидетельствует о молодости дна эрозии и о недавнем происхождении возвышенностей Центральной Азии». (В. А. Обручев. О некоторых основных вопросах геологии Центральной Азии, т. I, М.—Л., 1945, стр. 142).

Другое заключение, приводимое здесь Певцовым — о том, что осадочные породы, залегающие близ земной поверхности в Монгольской Гоби, морского происхождения, то-есть, что эта территория в недавнее геологическое время была дном моря — неверно. До экспедиции В. А. Обручева в Монголию и Китай в 1892—1894 гг. в географической науке существовало мнение, высказанное немецким геологом Рихтгофеном о том, что внутреннюю пониженную часть Гоби занимают отложения третичного моря Хан-хай, о котором будто бы упоминается и в китайских летописях. Все остальное пространство, по мнению Рихтгофена, представляет собой степные котловины, заполненные лёссом.

В. А. Обручев на основании своих исследований доказал совершенную несостоятельность этих предположений. «Мои наблюдения, — пишет В. А. Обручев, — в Восточной и Центральной Монголии и Бей-шане показали, что в Центральной Азии нет ни морских отложений третичного возраста, ни степных котловин, заполненных лёссом. Находка зуба носорога в одной из котловин Восточной Монголии доказала, что породы, заполняющие подобные котловины Центральной Азии, являются не осадками третичного моря Хан-хай, а отложениями озерными или наземными. Море Хан-хай вообще не существовало, и уже значительно более древние юрские отложения, содержавшие пласты угля, были не морские, а озерные и наземные. Многочисленные котловины Центральной Азии были заполнены не лёссом, а этими озерными и наземными отложениями возраста юры, мела и третичного, или же представляли сглаженные выходы более древних изверженных и осадочных пород. Центральная Азия в общем оказалась очень древней горной страной, давно не покрывавшейся морем, а значительно выровненной процессами выветривания и молодыми озерными и наземными осадками, но не лёссом». (От Кяхты до Кульджи. М.—Л., 1940, стр. 234—235).

В 1946 г. на южных склонах гобийского хребта Нэмэгэту советская палеонтологическая экспедиция обнаружила крупнейшие местонахождения костей ископаемых животных мелового возраста и этим еще раз подтвердила правильность вывода, сделанного В. А. Обручевым еще в 1893 г.

103. В комментарии 102 мы уже отмечали, что Рихтгофен для своего вывода о существовании в третичное время на месте Гобийской впадины морского бассейна использовал данные древней китайской литературы. Однако, как выяснилось впоследствии, Рихтгофеном было неверно переведено смысловое значение названия Хан-хай. В своем труде «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань» (СПб., 1900) В. А. Обручев пишет: «...повышие работы сиологов (главным образом Э. В. Бретшнейдера) выяснили, что название Хан-хай в древние времена обозначало у китайцев высокую северо-западную часть Монголии, а на современных китайских картах относится к пустыне к востоку от Хами; кроме того, иероглиф «хан» этого слова означает вовсе не «сухой», как полагал Рихтгофен (SP IPA, Wg 1,24), переводивший название «Хан-хай» — «сухое» (т. е. высохшее) море; таким образом, остроумный вывод Рихтгофена, что китайцы уже в древности поняли истинное происхождение Внутренне-азиатской впадины, лишается своего основания, и чтобы не поддерживать долее этого недоразумения, я отказываюсь от названия Хан-хай для прерванного внутренне-азиатского моря; так как его характерные отложения распространены глав-

ным образом в наиболее низких и пустынных местностях Центральной Азии, для которых и китайцы и монголы употребляют название «Гоби», то термин «гобийские отложения» кажется мне наиболее подходящим» (Цит. соч., т. I, стр. 62—63).

104. В настоящее время куланов (см. комм. 23) в Восточной Монголии нет. Во времена, описываемые Певцовым, они еще обитали там, проникая из равнин Восточной Монголии в Восточное Забайкалье. Антилопы-дзэрэны и сейчас обычны для Восточной Монголии, осенью и зимой они собираются в многотысячные табуны.

105. «Суниты» и «шииты» — представители двух враждующих между собой религиозных течений в исламе.

107. Ламаизм, чтобы усилить свое влияние в народных массах, создал культ «живых святых». Согласно ламаистскому религиозному учению, душа выдающегося по своей духовной жизни ламы после его смерти переселяется в человека, в то время как греховная душа простого монгола переселяется в животное, птицу или насекомое. По указанию далай-ламы отыскивается тот ребенок, в которого якобы переселилась душа умершего ламы. Этого ребенка, обязательно мальчика, называют «хубилганом» — перерожденцем. Его забирают в монастырь и почитают полномочным представителем бога на земле. Некоторые «хубилганы» после многократных «перерождений» (каждое перерождение повышает святость) получают звание «хутухты». За ургинским хутухтой, о котором пишет М. В. Певцов, считалось уже восемь перерождений.

108. Э. М. Мурзаев приводит значительно меньшие размеры озера Угэй-нор. Наибольшую длину его он указывает равной 7 км, ширину — 4 км. Подобные же размеры дают и другие современны географические источники.

Известный советский ботаник Н. В. Павлов, посетивший Угэй-нор, описывает любопытное явление, которое ему довелось наблюдать в этом озере: «Вечером, близ стоянки, мы наблюдали крайне оригинальное явление — ответственную охоту окуней. Собравшись обширным правильным полукругом, крупные пестрые окуни гнали перед собой молодых зязей. Когда концы полукруга смыкались с берегом, загон расстраивался и окуни бросались на добычу так, что вода положительно кипела от всплеска рыбы». (По Монголии, стр. 169).

Река Нарын-гол, питающая своими водами Угэй-нор и впадающая в него с запада, в верхнем течении именуется Хугшин-гол. Иногда это название относят ко всей реке.

Нарцательное монгольское слово «холой» — горло ныне вошло в географическую литературу как название протока, соединяющего озеро Угэй-нор с рекой Орхон.

«Котловина Угэй-нора», — пишет Н. В. Павлов в уже упомянутой нами книге, — лежит ниже р. Орхон. Весной и в дождливое время вода реки поднимается выше уровня озера. Зимой озеро замерзает, но уровень воды под льдом продолжает колебаться, поэтому лед часто трескается, выпучивается или западает. Происходит это с таким треском, словно стреляют из орудий» (Цит. соч., стр. 169).

В настоящее время рыбные богатства Монгольской Народной Республики используются и существует ряд постоянных промыслов, особенно на таких крупных водоемах, как оз. Буир-нур и оз. Косогол (Хубсугул). Существенную промыслы и на небольших водоемах, в том числе и на описываемом Певцовым озере Угэй-нур. На этом озере добывают главным образом щуку, окуня и зязей.

109. Весьма вероятно, что поводом для легенды о чудовище, будто бы обитающем в озере Угэй-нор, послужили те же причины, что и для соответствующей легенды о чудовище в озере Улюнгур (см. комментарий 11).

110. Горная группа, которую М. В. Певцов называет «высокими альпами», принадлежит хребту Бага-Хэнтэй. Действительно, в этой горной группе хребет Хэнтэй достигает своих наибольших высот — 2 200—2 400 м. Голец Асаральту поднимается до 2 751 м.

Хэнтэй имеет типичную таяжскую фауну. К перечню, приводимому Певцовым, можно добавить таких типичных таяжских животных, как лося, кабаргу, росомуху, соболя, глухаря, рябчика, кедровку и т. д. Вечноснежного покрова Хэнтэй не имеет, но в холодные и дождливые летние сезоны снежные пятна зачастую держатся на наиболее высоких гольцах этой горной группы.

111. Река Орхон — крупнейший приток Селенги в пределах Монголии и одна из крупнейших рек этой страны. Длина Орхона превышает 1 120 км. Начинаясь в высоких горах Хангая — в Субурга-Хайрхане, Орхон собирает воды и с Хэнгейской горной системы. С последней в Орхон текут правые притоки: реки Тола, Хара, Яро и другие, менее значительные. Крупнейшим левым притоком Орхона является река Тамир, начинающаяся двумя истоками (Урду-тамир и Хуйту-тамир) в Хангайском хребте.

У монголов река Орхон была одной из наиболее почитаемых рек. Еще во времена путешествия М. В. Певцова ежегодно около старинного монастыря Эрдени-цзу совершался обряд, во время которого в Орхон опускались деньги.

112. Здесь М. В. Певцов приводит чрезвычайно интересное описание чашеобразных озерных котловин, характерных для некоторых районов Центрального Хангая. Со свойственной ему наблюдательностью Певцов подметил особенности формы озерных ванн и распространенность вокруг них вулканических пород и базальтов.

Однако М. В. Певцов делает неверное предположение о происхождении этих озер и о их сходстве с маарами — воронкообразные или, что реже, цилиндрические углубления, образовавшиеся в результате вулканического взрыва, без излияния магмы. Чашеобразные водоемы в Центральном Хангае образовались в результате подпрудживания лавовыми потоками рек, а не в результате провалов, как то предполагает М. В. Певцов.

113. Озеро Тэрхий-цаган образовалось в результате запрудивания горной долины базальтовыми потоками. Реки Тэрхэин-гол (впадающая) и Сумэин-гол (вытекающая) составляют начало и продолжение подпруженного некогда водного потока.

114. Богдо-ула — высочайшая вершина Хангая. Она поднимается выше, чем это определил М. В. Певцов, и достигает 4031 м над уровнем моря.

Это — единственная в Хангае вершина, несущая вечноснеговой покров и большой ледник. Более распространенное ее название Отхон-тэнгри, что значит по-монгольски «младший сын неба», употребляется и в географической литературе.

115. Для внутренних бассейнов Западной Монголии, озер Убса-нур, Хиргиз-нур, Хара-усу-нур и других характерно присутствие хариусов, которых нет в других провинциях нагорноазийской подобласти. Здесь обитает 3—4 вида османов рода *Oreoleuciscus* и один вид из рода близкого к *Oreoleuciscus*, рода *Aconthorutilus* и, наконец, один вид из рода *Nemachilus*. Фауна рыб этого района весьма своеобразна и существенно отличается от соседних провинций нагорноазийской подобласти. На основании этого, бассейн упомянутых озер выделяется в особую западномонгольскую провинцию (Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, т. III, 1949).

116. Аршанами в Монголии называются минеральные (горячие и холодные) источники. М. В. Певцов в данном случае, очевидно, придал слово «аршан», как имя собственное, источникам в верховьях Богдоин-гола (у Певцова — Богдо-гол).

117. Это не верно. Наибольших высот Хангай достигает в вершине Отхон-тэнгри (см. комм. 115), расположенной на восток от Улясутая.

Тарбагатай — северный отрог Хангая, отходящий от магистрального хребта в узле Дулан-хара. Высоты Тарбагатая достигают в горах Содбун 3238 м, в Дзага-стун-ула — 3161 м.

118. О Южно-Хангайской террасе (плато) см. комментарий 65.

119. У Э. М. Мурзаева мы читаем: «Гребень Хангая лежит в среднем на уровне 3000 м и представляет сохранившийся участок плато, широкий и плоский. На его поверхности часты болота, холмы, выделяющиеся отдельные вершины и даже небольшие озера. Ледники сейчас на Хангае почти нет; вечный снег и небольшой фирновый ледничок лежат только на Отхон-тэнгри, летом снегопад на склонах и вершинах Хангая — явление частое, но снег быстро тает под лучами солнца. Некогда Хангай также был покрыт мощными ледниками. У перевала Эгин-даба видны ледниковые долины и четкие цирки под обрывистой стеной хребта, где когда-то помещалась голова ледника. Следы ледниковой деятельности очень наглядны и часты и в других местах по главному Хангайскому хребту». (Монгольская Народная Республика, Географгиз, 1948, стр. 225).

120. Сведения, приводимые здесь М. В. Певцовым о фауне Хангая, были для того времени наиболее полными и точными. При этом Певцов справедливо отметил отсутствие в Хангае медведя и ряда других таежных животных, но обилие там степных видов. Хангай, фаунистически, относится к горной лесостепи, его фауна весьма богата и разнообразна.

121. В первом издании в этом месте М. В. Певцов приводит результаты систематических измерений температуры воздуха в городе Улясутае, которые проводились Е. Г. Антроповым (см. комментарий 100). В январе 1879 г. Антропов получил от русского астронома и геодезиста Фритше (см. комментарий 97) термометр Реомюра, устроил для него в Улясутае будку на высоте 3,9 м от земли и аккуратно в течение целого года три раза в день — в 8 часов, 14 часов и 20 часов — записывал температуру воздуха. Незадолго до своей смерти Антропов прислал эти наблюдения М. В. Певцову. По измерениям Антропова, средние месячные температуры (по Реомюру) в Улясутае были следующие:

Весна		Лето		Осень		Зима	
Март	— 2,6	Июнь	+ 17,4	Сентябрь	+ 4,2	Декабрь	— 16,5
Апрель	+ 3,8	Июль	+ 15,4	Октябрь	— 3,5	Январь	— 19,4
Май	+ 9,8	Август	+ 12,3	Ноябрь	— 11,3	Февраль	— 11,6
Средние	+ 3,7		+ 15,0		— 3,5		— 15,8

Средняя же годовичная температура = —0,16. Наибольшую температуру +26,5 Антропов наблюдал 24 июня в 2 часа пополудни, а наименьшую — 38,0—12 января в 8 часов вечера. В эти дни средние суточные температуры были: 24 июня +21,1, а 12 января — 32,6.

123. Как отмечает Э. М. Мурзаев, одной из характерных черт рельефа песков озерной котловины, протянувшихся вдоль больших рек, является малая мощность песчаных отложений, под которыми залегают материнские породы или четвертичные непесчаные отложения.

К этому типу рельефа озерной котловины принадлежит и плоская гряда, которая описывается М. В. Певцовым; она носит название песков Боро-хара.

На значительные выходы коренных пород в этой гряде указывает и Г. Е. Грумм-Гржимайло, у которого мы читаем: «В обе стороны от реки (Дзапхана. — Я. М.) долина довольно заметно поднимается, изобилуя на востоке выходами коренных горных пород, которые или образуют здесь мелкосопочник или выступают в виде гряд широтного простирания. Наиболее значительная из этих последних сопровождается с севера реку Кунгуй на протяжении почти 150 верст и, пересекая ее русло ниже урочища Цаган-булук, сливается с хребтом Унигэгу, служащим южной гранью описываемой долины. Гряда эта, имеющая в среднем около 700 фут. относительной высоты, занесена песком до самого гребня, и о существовании ее говорят нам лишь скалы гранита, выступающие из этого песчаного моря, подобно высоким островам, которым туземцы дают название «шиер». (Западная Монголия и Урянхайский край. Т. I, СПб., 1914, стр. 183).

Название «шиер» происходит, видимо, от монгольского шивэ (шибэ), что, в переводе, значит — горы с острыми зубчатыми вершинами; основное значение: изгородь, частокол.

124. Хара-нур (у М. В. Певцова — Хара-нор) — в некотором отношении замечательное озеро. Расположенное в районе с сухим пустынным климатом, где количество выпадающих за год осадков колеблется в пределах 120—150 мм, а испарение при летних температурах, достигающих 30—35° в тени, чрезвычайно большое, — это озеро имеет не соленую, как пишет М. В. Певцов, а совершенно пресную воду.

На эту парадоксальную особенность Хара-нура обратил внимание Э. М. Мурзаев, исследовавший озеро в августе 1944 г. В специальной статье, посвященной результатам этих исследований, он раскрывает загадку Хара-нура.

«Разработанность долин, — пишет Э. М. Мурзаев, — хорошо выраженные речные террасы Западного Хангая и многочисленные доказательства в виде следов большого горного оледенения Хангая и Алтая, высокого стояния вод в озерах и их значительно большей площади и т. д., ясно говорят о том, что в прошлом Западная Монголия обладала гораздо более влажным климатом». (Озеро Хара-нур Хунгуйский. Вопросы географии, сборник 3, Географгиз, 1947, стр. 109).

Далее Э. М. Мурзаев указывает, что озеро Хара-нур — образование геологически молодое. В свое время река Мухур-хунгуй впадала справа в реку Хунгуй, протекая по ныне мертвой долине, лежащей к югу от озера Хара-нур. Восточная часть Хара-нура, по мнению Э. М. Мурзаева, представляет не что иное, как затопленную долину Мухур-хунгуя.

Молодость же Хара-нура, как замкнутого озера, подтверждается его пресноводностью и отсутствием по берегам каких-либо следов более высокого уровня воды в период влажного климата.

Большое количество песков, накопившихся в котловинах Больших озер, запрудило долину древнего Мухур-хунгуя. В результате запруживания древней долины и заполнения ее выше запруды первоначально образовалось небольшое озеро, представляющее ныне восточную мелководную часть Хара-нура. В дальнейшем это озеро нашло выход в районе пролива, ныне соединяющего восточную и западную часть Хара-нура. При углублении этого выхода образовался современный узкий, но глубокий пролив, что, в свою очередь, привело к затоплению одной из межгорных котловин и созданию современного Хара-нура.

Э. М. Мурзаев приводит факт, говорящий в пользу этих соображений. Он сообщает о находке эндемичной монгольской рыбы, свойственной озерам Западной

Монголии, относящимся к бессточным бассейнам Центральной Азии. Эта находка свидетельствует о том, что система Мухур-кунгуя гидрографически была связана с другими водоемами котловины Больших озер.

Причину пресноводности Хара-нура в течение его истории в современных сухих климатических условиях с громадным испарением Э. М. Мурзаев объясняет следующим: «Возможно, что в недалеком прошлом был сток из Хара-нура, на самом его западном конце, где пески снижаются. Об этом можно говорить проблематично, так как здесь западный берег сейчас занесен песками. Но если даже такой момент в палеогеографии Хара-нура и не имел места, то несомненно, что подземный сток был в прошлом и существует в настоящее время». (Цит. соч., стр. 110).

Подтверждением факта существования в настоящее время подземного стока из Хара-нура является то, что река Хунгуй, не принимая в среднем и нижнем течении ни одного притока и протекая по опустыненным ландшафтам, к юго-западу от Хара-нура делается многоводной, а ее долина с севера — заболоченной. Ясно, что здесь выклиниваются воды озера Хара-нур, прошедшие подземный путь в песках.

125. Ван — феодальный титул в дореволюционной Монголии, соответствующий князю.

О дюрбетах (дюрбётах) см. комментариев 61.

126. Г. Е. Грумм-Гржимайло видел в истории березовых роц долины Хунгуя подтверждение теории прогрессивного усыхания климата Центральной Азии в исторический период. Приводя, по Певцову, описание долины Хунгуя (у Грумм-Гржимайло так же, как и у Певцова — Кунгуя), он замечает: «Рассказ этот (о том, что березовый лес сгорел. — Я. М.), конечно, не может относиться ко всей долине Кунгуй, а потому в данном случае мы должны видеть скорее результат общего для всей Средней Азии изменения климата в сторону его большей сухости» (Монголия и Урянхайский край, т. I, стр. 185).

Теория прогрессивного усыхания Центральной Азии в исторический период высказывалась рядом ученых начала XX в. В самое последнее время была опубликована статья В. М. Сеницына «Геотектонический фактор в изменении климата Центральной Азии», которую автор заканчивает следующим заключением:

«Усыхание Центральной Азии развивалось на протяжении всего четвертичного периода и продолжается в настоящее время. Причина его заключается в молодых орогенных движениях, воздвигнувших хребты Куэнь-луня, Гималаев, Цинь-лин-шаня, Люлианя и Большого Хингана, которые явились препятствием для проникновения в Центральную Азию влажных муссонов и вместе с тем послужили преградой, остановившей антициклональные потоки сухого воздуха в их стремлении к югу и направившей эти потоки в Таримскую, Алашанскую и Ордосскую впадины, где возникли пустыни». (Бюллетень Московского общества испытателей природы, новая серия, 1949, отдел геологический, т. XXIV, вып. 5).

Однако большинство советских ученых не склонно разделять эту теорию. Л. С. Берг в своей монографической работе «Климат и жизнь», Географгиз, 1947, утверждает следующее:

«1. Если сравнивать современную эпоху с ледниковой, то мы можем усмотреть почти во всем свете уменьшение материковых вод и атмосферных осадков.

2. Непрерывного усыхания со времени окончания ледниковой эпохи не было: современной эпохе предшествовала эпоха с еще более сухим и более теплым климатом.

3. За историческую эпоху нигде не замечается изменения климата в сторону прогрессивного увеличения средней годовой температуры воздуха или уменьшения атмосферных осадков. Климат (не говоря о колебаниях, имеющих период всего в несколько десятков лет, так называемых брикерновых периодов) остается или постоянным, или даже замечается некоторая тенденция к изменению в сторону большей влажности.

4. Следовательно, ни о непрерывном усыхании Земли со времени окончания ледниковой эпохи, ни о непрерывном усыхании в течение исторического времени не может быть и речи». (Цит. соч., стр. 87).

Подобный же взгляд на изменение климата Центральной Азии высказывает и Э. М. Мурзаев, длительно изучавший центральноазиатскую природу в Монгольской Народной Республике. Он пишет по этому поводу, что есть факты, мимо которых нельзя пройти исследователю и которые говорят о противоположном процессе: «На севере Монголии, в Чойбалсановском, Хэнтэйском и Селенгинском аймаках, где лес находится на южной границе своего распространения, видно хорошее и быстрое возобновление лесов: лиственницы на востоке и сосны. Более того, замечается дружное наступление молодого леса на степь. Это явление особенно ярко бросается в глаза в Норболин-сомоне Хэнтэйского аймака, где господствует лиственница, в Баян-ула-

сомоне Чойбалсановского аймака, где преобладают сосняки. В гобийских пустынных условиях, по наблюдениям последних лет, идет возобновление и подрост разнолистного тополя и пустынного гобийского ильма. В песках Восточной Монголии энергично идут почвообразовательные процессы и пышно развивается растительность...

На примере Монгольской Народной Республики подтверждается точка зрения тех русских и зарубежных авторов, которые возражают против универсальной теории усыхания Средней и Центральной Азии за исторический период» (Монгольская Народная Республика, Географгиз, 1948, стр. 105—106).

127. Выше М. В. Певцов писал, что озеро Айрик не нанесено на китайскую карту и река Дзапхын показана на ней впадающей в озеро Хиргиз-нур (у Певцова — Киргиз-нор). Это еще раз подтверждает тот ныне совершенно установленный факт, что озера Айрик и Хиргиз в самом недавнем прошлом были единым водоемом.

Сейчас эти озера соединяет протока — Холай (по-монгольски — горло). Ширина этого пролива достигает 300 м при длине не более 5 км. Глубина его настолько значительна, как указывает, со слов монголов, Певцов, что протоку нигде нельзя проехать вброд. Холай медленно несет свои воды в крутых, но песчаных берегах. На большой китайской карте Монголии, которой пользовался (в переводе топографа Падерина) и на которую ссылается М. В. Певцов, река Хунгуй показана впадающей в реку Дзапхан, а не в озеро Айрик.

Правильные современные гидрографические отношения этих рек и озера Айрик были впервые установлены М. В. Певцовым.

128. В реке Хунгуй, озерах Хара-нур и Айрик-нур действительно обитают очень крупные рыбы рода *Oreoleuciscus*, но размеры, о которых сообщили Певцову местные жители, преувеличены. В озере Хара-нур хунгуйском добывались экземпляры до 694 мм длиной; на берегу обнаруживались скелеты и более крупных рыб.

129. В настоящее время кулан (см. комм. 23) в районе озера Хиргиз-нур не водится, однако из интересных данных, приводимых Певцовым, следует, что область распространения кулана в прошлом веке была более значительной и кулан проникал на северо-запад страны вплоть до котловины упомянутого озера. (См. А. Г. Б а н н и к о в. Зоологич. журнал, т. 27, № 1, 1948).

130. Правильность этого предположения М. В. Певцова была доказана новейшими исследованиями. См. комментарии 52, 53.

131. Озеро Хара-усу имеет в длину 15 км, в ширину — 6 км. Э. М. Мурзаев указывает, что, судя по следам на берегах, это озеро при уровне, превышавшем современный только на 2 м, сообщалось с озером Улзгей, лежащем в 15 км к югу, и имело через него сток к центру котловины Больших озер (см. Э. М. Мурзаев. Монгольская Народная Республика. Географгиз, 1948, стр. 219).

132. В озере Ачиту обнаружены глубины до 10 м, но в южной его части есть наверное и более значительные.

Ачиту относится к группе проточных алтайских озер, таких, как Кобдские (Верхнее и Нижнее), Толбо, Цаган, Даян, Талнур и т. д. С севера в Ачиту впадает несколько рек (М. В. Певцов перечисляет их ниже); крупнейшие из них Бухэй-мурен-гол (у Певцова — Бекё-морин-гол). При впадении в озеро она образует громадную дельту, заболоченную и заросшую тростником, лугами, древесной и кустарниковой урёмой. Из Ачиту воды северных рек попадают в реку Кобдо через проток Усун-холай, длина которого почти вдвое превышает указанную Певцовым и равняется 12—13 км. Приблизительно в 4 км от Ачиту этот проток образует небольшое озеро с заболоченными и поросшими камышом берегами. Это озеро когда-то представляло собой продолжение Ачиту.

133. М. В. Певцов первым из путешественников обратил внимание на резкую разницу в общем облике ландшафтов и, в частности, в богатстве растительного и животного мира Русского и Монгольского Алтая.

Напомним, что еще на стр. 78, описывая свой путь из России в Монголию, Певцов дал противопоставление этих двух ландшафтов и совершенно верное объяснение причин резкого различия между ними: «Причину такого поразительного контраста во флоре этих смежных растительных областей нужно искать, без сомнения, в недостатке влаги, приносимой в северо-западный угол Монголии. С севера и запада эта страна защищена высокими горами Внутреннего Алтая, пограничного хребта Сайлюгема и Южного Алтая, а потому водяные пары, гонимые в нее почти исключительно западными и северо-западными ветрами, задерживаются упомянутыми горами; в северо-западный же угол Монголии достигает лишь незначительное количество осадков, расходуемых воздушными течениями, большей частью, на пути через высочайшие горные области Алтая. Вследствие того флора этой страны, несмотря на ее значительную абсолютную высоту, разнообразный рельеф и присутствие в ней

местами весьма высоких гор, далеко не отличается таким богатством, как во Внутреннем Алтае.

134. Теленгеты (у Певцова — теленгуты) — ветвь алтая-саянских тюркских народов, живущих в Горноалтайской автономной области по рекам Чулышману, Башкаусу, Чуе и их притокам.

135. Помимо перечня встреченных видов и общих кратких очерков фаун в основном тексте, М. В. Певцов в «Приложениях» к Джунгарскому путешествию поместил особый раздел «Материалы для зоогеографии Чжунгарии». Это приложение — как бы краткая сводка наблюдений путешественника над птицами и млекопитающими Джунгарии. «Список птиц, собранных во время путешествия» дан был в приложениях к монгольскому путешествию 1878—1879 гг. Млекопитающие и другие группы животных не были еще определены и обработаны к моменту первого издания этого последнего труда М. В. Певцова и потому не вошли в «Приложения». Однако в основном тексте монгольского путешествия мы встречаем очень много заметок о фауне и перечни наиболее характерных видов для того или иного района страны.

Значение зоологических сборов и наблюдений М. В. Певцова очень велико. По существу, впервые после опубликования этих работ удалось составить представление о фауне пустынь между Тянь-шанем и Байтак-богдо и фауне своеобразных лесов на южных склонах Монгольского Алтая. Те немногие путешественники, которые посетили эти районы после М. В. Певцова, лишь подтвердили или уточнили некоторые данные. Более того, ряд зоологических материалов Певцова по фауне позвоночных животных названных районов и поныне представляет единственный источник наших знаний. Представление о своеобразной фауне Хангая, особенно его южных районов, и о фауне «Долины Гобийских озер» удалось составить только после работ М. В. Певцова. По существу, Певцов открыл нам фауну этих стран.

Просматривая сейчас «Очерки» М. В. Певцова, особенно ясно видишь, что его характеристики фауны Хангая наиболее точные, по сравнению со всеми другими, даже теми, которые были даны 30—40 лет спустя. Наконец, в этих «Очерках», как и в отчете о Джунгарском путешествии, мы находим материалы, не утратившие своего научного интереса и по сей день. К числу таких относится сообщение о гнездовых пеликанов на Больших Западных озерах, материалы по распространению цветной дрофы и т. д. Большой интерес представляют зоологические материалы М. В. Певцова еще и потому, что они позволяют судить об изменениях в фауне во времени. Это касается, например, заметки Певцова о былом обитании кулана в районе озера Хиргиз-нур и восточной Монголии, заметки о распространении бобра и т. д.

Коллекционные материалы М. В. Певцова не были полностью обработаны до самого последнего времени. Частично сборы Певцова использовали В. Бианки и К. Сатунин в своих специальных работах по фауне Центральной Азии. Позже эти коллекции частично обрабатывались и другими учеными: Н. Бобринским, П. Сушкиным и др.

Таблица перевода русских мер в метрические

Русские меры	Метрические меры
1 верста	1,067 км
1 сажень	2,134 м
1 аршин	0,711 м
1 вершок	4,445 см
1 фут	30,48 см
1 дюйм	25,4 мм
1 пуд	16 кг
1 фунт	409,5 г

ТРУДЫ М. В. ПЕВЦОВА

1. Певцов М. В. Путевые очерки Джунгарии. «Записки Зап.-Сиб. отдела Русск. Географ. общ.», Омск, 1879, кн. 1, стр. 1—140.
2. Певцов М. В. Краткий очерк путешествия по Монголии и внутреннему Китаю в 1878 и 1879 гг. «Известия Русского Географического общества». СПб., 1880, т. 16, вып. 5, отд. 2, стр. 435—457.
3. Певцов М. В. Начальные основания математической и физической географии. СПб., 1881, 105 (2).
4. Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. «Записки Зап.-Сиб. отдела Русск. Географ. общ.». Омск, 1883, кн. 5, стр. IV, стр. 1—354.
5. Певцов М. В. Астрономические наблюдения Г. Лазарева для определения географического положения мест в Алтае, на верхней Бухтарме и его же барометрические определения высот в юго-восточной части Семипалатинской обл. «Записки Зап.-Сиб. отдела Русск. Географ. общ.». Омск, 1884, кн. 6, стр. 1—6.
6. (Певцов М. В.) Наша торговля в Западном Китае. Из отчета подполковника ген. штаба Певцова о путешествии в Монголию и Внутренний Китай в 1873—1879 гг. «Восточное обозрение». СПб., 1884, № 3, стр. 2—4, стр. 7—8.
7. Памятная книжка Степного генерал-губернаторства за 1883 г. Омск, 1885.
8. Певцов М. В. Об определении географической широты по соответственным высотам двух звезд. «Записки русск. географ. общ. по общей географии», СПб., 1887, т. 17, № 5, стр. 1—115.
9. Певцов М. В. Результаты астрономических наблюдений для определения географического положения мест и измерений барометром высот в Северо-западной Чжунгарии. «Известия Русск. Географ. общ.». СПб., 1889, т. 25, вып. 1, стр. 97—104.
10. Певцов М. В. Предварительный отчет о путешествии чрез Кашгарию в Северо-западный Тибет. «Известия Русск. Географ. общ.». СПб., 1891, т. 27, вып. 6, стр. 461—479.
11. (Певцов М. В.) Отзыв бывшего начальника Тибетской экспедиции д. чл. М. В. Певцова о заслугах сотрудников и спутников его по экспедиции. В кн. «Отчет Русск. Географ. общ.» за 1891 г. СПб., 1892.
12. Певцов М. В. Климат Кашгарии (Восточного Туркестана). «Метеорологический вестник». СПб., 1894, т. 4, № 9, стр. 345—348.
13. Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова, ч. 1—3, СПб., Русск. Географ. общ., 1892—1896.
14. Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг. Отчет бывшего начальника Тибетской экспедиции М. В. Певцова, 1895, XIV, 423, с. 40, л. илл., портр., карта.
15. Певцов М. В. Восточный Туркестан. «Военный сборник». СПб., 1895, т. 222, № 4, с. 389—436; т. 223, № 5, с. 216—236; № 6, стр. 437—467.
16. О барометрическом нивелировании, «Записки Русск. Географ. общ.», т. XXIX, вып. 4, СПб., 1893.
17. О барометрическом нивелировании, «Записки Русск. Географ. общ. по общей географии». СПб., 1895, т. 29, № 2, стр. 1—77.

17. Певцов М. В. Прибор для наполнения прямых барометрических трубок ртутью холодным способом. «Метеорологический вестник». СПб., 1895, т. 5, № 12, стр. 429—431.
18. Певцов М. В. Сифонно-резервуарный барометр для метеорологических станций и путешествий. «Метеорологический вестник». СПб., 1895, т. 5, № 12, стр. 421—428.
19. Певцов М. В. Список пунктов Внутренней Азии, высоты которых определены неоднократно посредством барометров различными путешественниками. «Известия Русск. Географ. общ.». СПб., 1895, т. 31, вып. I, стр. 44—56.
20. Певцов М. В. Заметка по вопросу о периодическом изменении высоты полюса. «Известия Русского астрономич. общ.». СПб., 1896, вып. 5, № 5, стр. 222—227.
21. Певцов М. В. Инструкция для определения высот посредством последовательного барометрического нивелирования. Под ред. А. А. Тилло. СПб., 1896, 77 стр.
22. Певцов М. В. Об устранении некоторых неудобств барометра Паррота для путешествий. «Метеорологический вестник». СПб., 1896, т. 6, № 10, стр. 281—284.
23. Певцов М. В. Об определении географической широты по соответственным высотам двух звезд. «Известия Русск. астрономич. общ.». СПб., 1899, вып. 7, № 4—6, стр. 1—125. Прилож. таблица, списки звезд, 2 л. карт — экваториального пояса неба и северной части неба.
То же: «Записки Русск. Географ. общ. по общей географии». СПб., 1899, т. 32, вып. 2, стр. 1—126.
24. Певцов М. В. Сокращенный способ предвычислений покрытий неподвижных звезд луной и солнечных затмений для данных мест. «Известия Русск. астрономич. общ.». СПб., 1901, вып. 8, № 7—9, стр. 106—126.
25. Певцов М. В. Об определении географической долготы из наблюдений луны на равных высотах со звездами близ первого вертикала. «Известия Русск. астрономич. общ.». СПб., 1905, вып. 11, № 2—3, стр. 118—138.
26. Певцов М. В. Об определении параллакса луны из наблюдений ее на равных высотах со звездами близ первого вертикала. «Известия русск. астрономич. общ.». СПб., 1905, вып. 11, № 1, стр. 16—34.
27. Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-лунь. Под ред. со вступ. статьей и комм. Я. А. Марголина. М., Гос. изд-во географ. литературы, 1949, 326 стр. (Второе издание отчетного труда М. В. Певцова о его путешествии 1889—1891 гг.)

СПИСОК НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ

Первый столбец — названия, приводимые М. В. Певцовым; второй столбец — наиболее принятые ныне латинские названия, соответствующие видам, упоминаемым автором; третий столбец — русские названия. Виды, отмеченные во втором столбце словами «так же», в настоящее время указываются под теми же названиями, какие были приняты во времена М. В. Певцова.

Actitis hypoleucos	Tringa hypoleucos	перевозчик
Acanthis linaria	Acanthis flammea	чететка
Aegialites minor	Charadrius dubius	малый зук
Aegialites placidus	Charadrius placidus	уссурийский зук
Alauda albigula	Eremophila alpestris	рогатый жаворонок
Alauda arvensis	так же	полевой жаворонок
Alcedo bengalensis	Alcedo atthis	зимородок
Anas boschas	Anas platyrhynchos	кряква
Anas clypeata	так же	широконоска
Anas penelope	так же	свизь
Anas querquedula	так же	чирок-трескунок
Anas strepera	так же	серая утка
Anodonta anatina	так же	беззубка
Anser cinereus	Anser anser	серый гусь
Anser cygnoides	Cygnopsis cygnoides	гусь-сухонос
Anser indicus	так же	горный гусь
Antilope saiga	Saiga tatarica	сайга
Aquila fulva	Aquila chrysaetus	беркут
Arctomys baibacina	Marmota baibacina	азиатский сурок
Ardea alba	Egretta alba	белая цапля
Athene plumipes	Athene noctua	домовый сыч
Aythya ferina	Nyroca ferina	красноголовый нырок
Bombycilla garulla	Bombycilla garullus	свиристель
Bos grunniens	Poepagus grunniens	як
Branta rufina	Netta rufina	красноносый нырок
Budytes citreola	Motacilla citrsola	желтоголовая трясогузка
Buteo hemilasius	так же	центральноазиатский канюк
Budytes campestris	Motacilla flava	желтая трясогузка
Canis corsac	Vulpes corsac	корсак
Capra sibirica	так же	горный козел
Capra pallasii	Capra sibirica	горный козел
Casarca rutila	Casarca ferruginea	красная утка
Cervus elaphus sibiricus	так же	марал
Cervus pygargus	Capreolus capreolus	косуля
Charadrius xanthocheilus	Charadrius dominicus	бурокрылая ржанка
Cinclus leucogaster	Cinclus cinclus	оляпка
Circus cianeus	так же	полевой лунь

<i>Circus rufus</i>	<i>Circus aeruginosus</i>	камышовый лунь
<i>Colaeus dauricus</i>	<i>Colaeus monedula</i>	галка
<i>Columba livia</i>	так же	сизый голубь
<i>Columba rupestris</i>	так же	каменный голубь
<i>Columba turtur</i>	<i>Streptopelia turtur</i>	горлица
<i>Corvus cornix</i>	<i>Corvus corone</i>	ворона
<i>Corvus orientalis</i>	<i>Corvus corone</i>	ворона
<i>Corvus monedula</i>	<i>Colaeus monedula</i>	галка
<i>Coturnix dactylisonans</i>	<i>Coturnix coturnix</i>	перепел
<i>Cuculus canorus</i>	так же	кукушка
<i>Cygnus musicus</i>	<i>Cygnus cygnus</i>	лебедь-кликун
<i>Cypselus apus</i>	<i>Apus apus</i>	стриж
<i>Dipus jaculus</i>	<i>Allactaga jaculus</i>	большой тушканчик
<i>Dafila acuta</i>	<i>Anas acuta</i>	шилохвость
<i>Emberiza cioides</i>	так же	красноухая овсянка
<i>Emberiza pusilla</i>	так же	овсянка-крошка
<i>Equus hemionus</i>	так же	кулан
<i>Eudramias morinellus</i>	<i>Charadrius morinellus</i>	хрустан
<i>Eudromias veredes</i>	<i>Charadrius vereda</i>	длинноногий зук
<i>Euspiza aureola</i>	<i>Emberiza aureola</i>	дубровник
<i>Grus cinerea</i>	<i>Grus grus</i>	серый журавель
<i>Grus virgo</i>	<i>Anthropoides virgo</i>	журавель-красавка
<i>Falco tinnunculus</i>	так же	пустельга
<i>Felis manul</i>	так же	манул
<i>Fregilegus graculus</i>	<i>Pyrhocorax graculus</i>	альпийская галка
<i>Fulica atra</i>	так же	лысуха
<i>Fuligula leucopthalmos</i>	<i>Nyroca nyroca</i>	белоглазый нырок
<i>Haliaetus albicilla</i>	так же	орлан-белохвост
<i>Haliaetus leucorophus</i>	так же	орлан-долгохвост
<i>Hirundo riparia</i>	<i>Riparia riparia</i>	береговая ласточка
<i>Hydrochelidon fissipes</i>	<i>Hydrochelidon leucoptera</i>	белокрылая крачка
<i>Lanius sphenocercus</i>	так же	клинохвостый сорокопут
<i>Larus cachinans</i>	<i>Larus argentatus</i>	серебристая чайка
<i>Larus ridibundus</i>	так же	обыкновенная чайка
<i>Lepus tolai</i>	так же	заяц-толай
<i>Lepus variabilis</i>	<i>Lepus timidus</i>	заяц-беляк
<i>Leuciscus sp.</i>	так же	
<i>Limnaeus stagnalis</i>	так же	
<i>Limosa melanuroides</i>	<i>Limosa limosa</i>	большой веретенник
<i>Limnaeus ovata</i>	так же	
<i>Lobipes hyperboreus</i>	<i>Phalaropus lobatus</i>	круглоносый плавунчик
<i>Machetes pugnax</i>	<i>Philomachus pugnax</i>	турухтан
<i>Mareca penelope</i>	<i>Anas penelope</i>	свиязь
<i>Megaloperdix himalayanus</i>	<i>Tetraogallus himalayensis</i>	гималайский улар
<i>Melanocorypha mongolica</i>	<i>Melanocorypha mongolica</i>	монгольский жаворонок
<i>Melanocorypha tatarica</i>	<i>Melanocorypha yeltoniensis</i>	черный жаворонок
<i>Meles taxus</i>	<i>Meles meles</i>	барсук
<i>Mergus merganser</i>	так же	большой крохаль
<i>Micropalama taezanowskyi</i>	<i>Macrorhamphus semipalmatus</i>	бекасовидный веретенник
<i>Milvus govinda</i>	<i>Milvus korschun</i>	черный коршун
<i>Milvus melonotis</i>	<i>Milvus korschun</i>	черный коршун
<i>Motacilla bukhunensis</i>	<i>Motacilla alba</i>	белая трясогузка
<i>Motacilla personata</i>	<i>Motacilla alba</i>	белая трясогузка
<i>Mustela alpina</i>	<i>Mustela altaica</i>	солонгой
<i>Mustela vulgaris</i>	<i>Mustela nivalis</i>	ласка
<i>Nemachilus</i>	так же	голец
<i>Netion crecca</i>	<i>Anas crecca</i>	чирик-свистунок
<i>Nucifraga caryocatactes</i>	так же	кедровка
<i>Ortigometra porzana</i>	<i>Porzana porzana</i>	погоньш
<i>Otis macqueni</i>	<i>Chlamydotis undulata</i>	джек
<i>Otis tarda</i>	так же	дрофа
<i>Otis tetrax</i>	так же	стрелет
<i>Otocoris brandtii</i>	<i>Eremophila alpestris</i>	рогатый жаворонок
<i>Ovis argali</i>	<i>Ovis ammon</i>	горный баран
<i>Ovis karelini</i>	<i>Ovis ammon</i>	горный баран

<i>Parus cyanus</i>	так же	белая лазоревка
<i>Parus major</i>	так же	большая синица
<i>Parus pendulinus</i>	<i>Remiz pendulinus</i>	ремиз
<i>Pelecanus onocrotalus</i>	так же	розовый пеликан
<i>Perdix barbata</i>	<i>Perdix daurica</i>	бородатая куропатка
<i>Perdix chukar</i>	<i>Alectoris graeca</i>	кеклик
<i>Perdix cinerea</i>	<i>Perdix perdix</i>	серая куропатка
<i>Petrocincla saxatilis</i>	<i>Monticola saxatilis</i>	каменный дрозд
<i>Phalacrocorax carbo</i>	так же	баклан
<i>Phasianus torquatus</i>	<i>Phasianus colchicus</i>	фазан
<i>Phylloperonastes tristis</i>	<i>Phylloscopus collybitus</i>	пеночка-кузнечик
<i>Pica caudata</i>	<i>Pica pica</i>	сорока
<i>Picus leucotus</i>	<i>Dryobates leucotus</i>	белоспинный дятел
<i>Podoces hendersoni</i>	так же	саксаульная сойка
<i>Pratincola rubicola</i>	<i>Saxicola torquata</i>	черноголовый чекан
<i>Pterocles arenarius</i>	<i>Pterocles orientalis</i>	чернобрюхий рябок
<i>Recurvirostra avocetta</i>	так же	шилоклювка
<i>Rhombomys opimus</i>	так же	большая песчанка
<i>Rhynchaspis clypeata</i>	<i>Anas clypeata</i>	широконоска
<i>Ruficilla erythronota</i>	<i>Ruficilla erythronota</i>	рыжеспинная горихвостка
<i>Querquedula cirica</i>	<i>Anas querquedula</i>	чирок-трескунок
<i>Saxicola deserti</i>	<i>Oenanthe deserti</i>	пустынная каменка
<i>Saxicola isabellina</i>	<i>Oenanthe isabellina</i>	каменка-плясунья
<i>Saxicola oenanthe</i>	<i>Oenanthe oenanthe</i>	каменка
<i>Scolopax gallinago</i>	<i>Capella gallinago</i>	бекас
<i>Scolopax hyemalis</i>	<i>Capella solitaria</i>	горный дупель
<i>Syrhaptus paradoxus</i>	так же	саджа
<i>Spermophilus mugodjaricus</i>	<i>Citellus pygmaeus</i>	серый суслик
<i>Squaterola helvetica</i>	<i>Squaterola squaterola</i>	тулес
<i>Streptopelia collaris</i>	<i>Arenaria interpres</i>	камнешарка
<i>Sterna fluviatilis</i>	<i>Sterna hirundo</i>	речная крачка
<i>Sterna leucoptera</i>	<i>Chlidonias leucoptera</i>	белокрылая крачка
<i>Sterna longipennis</i>	так же	черноклювая крачка
<i>Sturnus unicolor</i>	<i>Sturnus vulgaris</i>	скворец
<i>Sturnus vulgaris</i>	так же	скворец
<i>Sus scrofa</i>	так же	кабан
<i>Tamias striatus</i>	<i>Eutamias sibiricus</i>	бурундук
<i>Tetrao tetrix</i>	<i>Lyrurus tetrix</i>	тетерев
<i>Totanus calidris</i>	<i>Tringa totanus</i>	травник
<i>Totanus glareola</i>	<i>Tringa glareola</i>	фифи
<i>Totanus glottis</i>	<i>Tringa nebularia</i>	большой улит
<i>Tringa temminskii</i>	<i>Calidris temminckii</i>	белохвостый песочник
<i>Totanus ochropus</i>	<i>Tringa ochropus</i>	черныш
<i>Turdus atrigularis</i>	<i>Turdus ruficollis</i>	темнозобый дрозд
<i>Turdus fuscatus</i>	<i>Turdus naumanni</i>	чернозобый дрозд
<i>Turdus hodgsoni</i>	<i>Turdus viscivorus</i>	дрозд-дербяба
<i>Turdus mystacinus</i>	<i>Turdus ruficollis</i>	темнозобый дрозд
<i>Upupa epops</i>	так же	удод
<i>Vanellus cristatus</i>	<i>Vanellus vanellus</i>	чибис
<i>Vanellus gregarius</i>	<i>Chrtusia gregaria</i>	кречетка
<i>Vulpes hypomelus</i>	<i>Vulpes vulpes</i>	лисица
<i>Vulpanser tadorna</i>	<i>Tadorna tadorna</i>	пеганка

СПИСОК НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Первый столбец — названия, приводимые М. В. Певцовым; второй столбец — наиболее принятые ныне латинские названия, соответствующие видам, упоминаемым автором; третий столбец — русские названия. Виды, отмеченные во втором столбце словами «так же», в настоящее время указываются под теми же названиями, какие были приняты во времена М. В. Певцова.

Anemone narcissiflora	так же	анемон, ветреница
Artemisia arenaria	так же	полынь песчаная
Berberis heteropoda	так же	барбарис разноокожковый
Betula nana	так же	береза карликовая
Caragana frutescens	C. erinacea	карагана колючая
Cotoneaster vulgaris	C. integerima	кизильник-шомпольник
Crataegus pinnatifida	C. altaica v. incisa	боярышник алтайский
Haloxylon ammodendron	так же	саксаул зайсанский
Juniperus sp.	так же	можжевельник
Lasiagrostis sp.	так же	чий блестящий, дерисун
Lonicera tatarica	так же	жимолость татарская
Papaver alpinum	P. nudicaule	мак альпийский
Picea schrenkiana	так же	ель тяньшанская
Populus alba	так же	тополь белый
Populus laurifolia	так же	тополь лавролистный
Populus nigra	так же	тополь черный
Populus tremula	так же	осина
Ranunculus hiperboreus	так же	лютик
Ribes nigrum	Rubus nigrum	смородина черная
Ribes rubrum	Rubus rubrum	смородина красная
Rosa leucanta		
Salix itagilis	так же	ива ломкая
Sorbus aucuparia	так же	рябина обыкновенная
Spiraea crenata	так же	таволга
Spiraea hipericifolia	так же	таволга-волжанка
Stipa orientalis	так же	ковыль восточный
Ulmus pumila	так же	ильм (берест) приземистый
Viola biflora	так же	фиалка двухцветная, иван-дамарья

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редактора	3
Путевые очерки Джунгарии	17
Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая.	65
Предисловие	67
Глава первая. От Алтайской станицы до г. Кобдо	
Приготовления к путешествию.—Алтайская станица и ее окрестности.— Выступление. — Долина р. Бухтармы. — Альпийская область ее верховий.— Горные массивы Канас и Табын-Богдо.— Долина речки Ойгора. — Урян- хай.— Контраст во флоре.— Область р. Кобдо.—Геогностические заметки.— Г. Кобдо	69
Глава вторая. От г. Кобдо до монастыря гэгэна Нарбаньчи	
Озеро Хара-усу и долина Дзерге. — Переход через пустыню Кысын- тала.— Хребет Бичигин-нуру. — Каменистая степь. — Прибытие на р. Дзап- хын и следование вверх по ней. — Монастырь Нарбаньчи.	83
Глава третья. От монастыря Нарбаньчи до колодца Холт в пустыне Гоби	
Поворот с р. Дзапхына. — Безводная степь Голоин-тала. — Волнистая страна южных отрогов Хангая и ее реки. — Долина больших озер. — Ю. Ал- тай. — Геогностические заметки. — Пикет Гориды. — Почтовое сообщение в Монголии. — Преддверие пустыни Гоби. — Начало самой пустыни. — Рас- спросы монголов о южной дороге в г. Куку-хото и об окрестной стране.	94
Глава четвертая. Заметки о племенном составе населения Монголии, образе жизни и быте обитателей этой страны, ее политическом устройстве и административном управлении	
Этнографические сведения. — Монгольские народности. — Нравы монго- лов. — Образ жизни. — Жилище. — Обыденная жизнь. — Одежда. — Ското- водство. — Земледелие. — Охота.— Пища. — Домашняя утварь.— Ремесла.— Современное экономическое положение монгольского народа. — Удельные княжества. — Сеймы.— Управление Монголией. — Шабинское ведомство. — Отношение монголов к китайцам	107
Глава пятая. От колодца Холта до г. Куку-хото	
Выход на южную дорогу. — Травянистая степь среди пустыни. — Бес- плодные горы.—Окраинный хребет Харасайран-нуру.— Путь по волнистому	

платогорью. — Южный Алтай и соседние ему страны, по показаниям монголов. — Великая, или Южная, и Северная, или Монгольская, Гоби. — Оставление пустыни. — Культурная полоса Юго-Восточной Монголии. — Городок Куку-эрге. — Переход через окраинный хребет Иншань и прибытие в г. Куку-хото.	126
Глава шестая. Пребывание в Куку-хото и переезд из него в г. Калган	
Торговое и промышленное значение г. Куку-хото, или Гуй-хуа-чена. — Цены на жизненные припасы. — Католическая духовная миссия. — Выступление в Калган. — Гуйхуаченская долина. — Вторичный переход через Иншань. — Следование вдоль по культурной полосе Монголии. — Хребет Иншань. — Спуск с него во Внутренний Китай. — Долина р. Ян-хе. — Плотность населения. — Великая стена. — Древние форты долины р. Ян-хе. — Прибытие в Калган.	142
Глава седьмая. Пребывание в г. Калгане	
Торговля и промышленность этого города. — Чайная операция. — Упадок нашей торговли с Китаем. — Проектируемый сбыт леса из Амурской и Приморской областей в Китай. — Католические и протестантские миссионеры. — Окрестности г. Калгана. — Земледелие, пища и дома северных китайцев. — Встреча нового года. — Театры.	154
Глава восьмая. Переезд из Калгана в Ургу и пребывание в этом последнем городе.	
Возвращение в Монголию. — Юго-восточная полоса ее к северу от Иншаня до пределов Гоби. — Путешествие по этой пустыне. — Характер ее природы. — Признаки прежнего обильного орошения Гоби. — Геологическое строение. — Пригодность этой пустыни для кочевой жизни. — Выход из Гоби. — Страна к северу от нее. — Прибытие в Ургу. — Монгольский и китайский города. — Хутухта. — Благословение народа. — Праздник в честь Майдари. — Земледелие в окрестностях Урги.	168
Глава девятая. От Урги до Улясутая	
Приготовление к обратному пути. — Следование по западной части горной страны Гонтея. — Стоянка на оз. Угэй. — Переправа через р. Орхон и вступление в горную страну Хангая. — Долина р. Тамира и северо-восточные отроги Хангая. — Общий обзор этой горной системы. — Заметки о климате.	181
Глава десятая. От Улясутая до границы	
Г. Улясутай. — Путь из него по западным отрогам Хангая. — Вступление в степь в верховьях речки Кунгуй и следование вниз по этой речке. — Песчаное пространство к северу от нее и степной краж Урдур-унигытэ к югу. — Озеро Айрик-нор. — Процесс вымирания живущих в нем рыб. — Озеро Киргиз-нор и окрестная страна. — Признаки осыхания этой страны. — Переправа через нижний Дзапхын и следование по пустынной местности. — Начало горной страны Алтая близ источников Шину-усу. — Наш путь по ней мимо озер: Хара-нор, Шацгай-нор и Ачит-нор. — Переход через пограничный хребет Сайлюгэм и прибытие в Кош-Агач.	200
Приложения.	
I. Астрономические наблюдения для определения географического положения мест в Джунгарии в 1876 г.	217

Астрономические наблюдения для определения географического положения мест в Монголии и в Китае в 1878—1879 гг.	220
II. Магнитные наблюдения в Джунгарии в 1876 г.	224
III. Барометрическое определение высот в Джунгарии в 1876 г.	226
Барометрическое определение высот в Монголии и в Китае в 1878—1879 гг.	227
IV. Материалы для зоогеографии Джунгарии.	229
Список птиц, собранных во время путешествия по Монголии и Китаю в 1878—1879 гг.	235
Примечания и комментарии редактора	240
Таблица перевода русских мер в метрические	274
Труды М. В. Певцова.	275
Список названий животных.	277
Список названий растений	280

Редактор *Б. В. Юсов*
Редактор карт *Г. Н. Мальчевский*
Худож. редактор *В. В. Осокин*
Технич. редактор *И. Н. Ривина*
Оформление художника *Г. А. Петрова*

Сдано в производство 12/VII—50 г. Т08463.
Подписано к печати 9/XII—50 г. Формат
70 × 108¹/₁₆. Тираж 15 000. Бумажных ли-
стов 9. Печатных листов 24,32. + 0,34 вкл.
Учетно-издательских л. 25. Цена 12 р. 50 к.
Переплет 1 р. 50 к. Заказ № 2603.

3-я типография «Красный пролетарий» Глав-
полиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.